

пётр власов ольга власова **МОСКОВСКАЯ СТЕНА**

МОСКОВСКАЯ СТЕНА

пётр власов ольга власова

пётр власов
ольга власова

пётр власов
ольга власова

МОСКОВСКАЯ СТЕНА

Москва
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Б57

Художественное оформление
А. Дурасова

Все совпадения с реальными людьми,
событиями и обстоятельствами случайны

Власов, Пётр Васильевич.
Б57 **Московская стена / Пётр Власов, Ольга Власова. — Мо-**
сква : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-106021-3

Что будет, если очередной глобальный кризис разрушит привычный нам мир? Перед вами один из вариантов такого будущего. Россия, США и Китай распались на части. В единой Европе к власти пришли ультраправые, которые пытаются сдержать миллионные потоки мигрантов и обеспечить поставки нефти и газа из погрузившейся в хаос России. Это новое Средневековье. Неудивительно, что Москва, ставшая базой для европейской армии, обнесена тридцатиметровой стеной, а подмосковные леса полны партизан. Главный герой, англичанин с русскими корнями, отправляется туда в командировку, но ему предстоит решить куда более сложные задачи, чем ставит перед ним начальство. Удастся ли герою понять и прочувствовать русский образ мысли и заодно разобраться, почему как картонный домик развалился прежний мир?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-04-106021-3

© Власов П., Власова О., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

«Обезьяны видели нас. Могут навести на след. Хотел заговорить с ними. Сказать, чтобы молчали. Не вышло. Забыл слова. Садовник не предупреждал об этом. Решения пока нет. Сначала надо выбраться из Сада. Теперь, из-за обезьян, мы будем хитрее. Дождемся темноты, чтобы идти к реке. До того спрячемся в лабиринте. Там можно укрыться даже от птиц».

Закрыв глаза, он пробует усилием воли отправить себя в лабиринт. Так, как мог перемещаться по Саду еще вчера. Нет, опять ничего. Нужно использовать нижние конечности. Чувствовать тупую боль в мышцах, покрываться вонючей жидкостью. Только далеко за полдень удастся забраться на вершину холма.

Прямо у него под ногами закручивается к горизонту гигантская спираль лабиринта. Он кубарем летит со склона вниз, вкатывается в темное отверстие входа, куда живые зеленые стены едва пропускают солнечные лучи. Отдышавшись, переворачивается на спину. И вдруг тихо смеется, наслаждаясь новым, еще не распробованным ощущением. Сам по себе. Словно камешек на ладони. Можно вертеть и так, и эдак. Разглядывать со всех сторон.

Опять вспомнились обезьяны. Они были первыми, с кем удалось поговорить в Саду.

- Ты похож на нас, но не обезьяна.
- Да, я следующий вид.
- На тебе совсем нет волос! Тебе не холодно?
- Нет. Я могу сам регулировать теплообмен.

— Чем ты еще отличаешься от нас?

Он приходит в себя от озноба. Солнце вот-вот зайдет. Зеленые стены лабиринта превратились в серые, на ощупь холодные и шершавые. Камень. Живое стало неживым. Разве так бывает? Он срывается с места, бежит к выходу, но теперь ход все время сужается. Стены сжимают его, крыльями заломив назад руки. Внутри появляется что-то твердое. Растет, растет — и вот уже почти нечем дышать. Тело быстро каменеет: ни шевельнуться, ни даже опустить веки. Все, что он еще помнит, это обезьяны. Они толкуются вокруг, жизнерадостно тычут в него лапами и орут:

— Если ты не обезьяна, то кто?

— Кто ты такой?

— Кто?

* * *

Журчащий, едва различимый звук настырно просачивается в уши. Заполняет голову, вымывая из нее обезьяньи крики.

— День-ги за-даром, дев-ки-за-так...

Гигантские невидимые руки легко достают тело из каменных тисков и бросают в полумрак вытянутой, похожей на обувную коробку комнаты. Холодный желтый фонарь скудно подсвечивает ее через окно. Он просыпается — весь мокрый, запыхавшийся, словно и правда от кого-то убежал. Тяжесть в груди все еще с ним: плотная, объемная, как литой свинцовый крутяш. Но мозг уже начал сомневаться.

Там были говорящие обезьяны. Разве обезьяны могут разговаривать? Просто сон. Твои студенческие воспоминания. Вспомни — конец девяностых. Оксфорд. В парке ни души, только ты и Ева. Она смеялась: мы с тобой как первые люди в раю. Лабиринт? В лабиринте вы целовались. Был такой — совсем крохотный, почти игрушечный. Подстриженные шарами и кубиками кусты туи. Река? Колледж Леди Маргарет Холл, его владения как раз упираются в речушку Червелл.

Сеанс терапии почти завершен. Осталось немного. На самом деле вспомнить, кто же он такой.

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

В тридцать лет он уже страшно устал от самого себя. Приевшаяся, набившая оскомину жизнь, где на ближайшие полвека не предвидится ни одного неожиданного поворота. Унылый аллюр внутри проклятого треугольника — дом, офис, паб. От этой юдоли, решил он, не спастись серьгой в ухе или татуировкой на полспины. Нужен побег. Скорость и постоянное движение. Чтобы жизнь, с которой соприкасаешься, не успевала разлагаться до состояния плохо пахнущей рутины. Так появилась адская работа в инвестбанке: девять месяцев из двенадцати в разъездах за границей. Новые города, люди, женщины, еда. Как серфингист волну, он жадно ловил этот встречный поток. Скользил по нему, не погружаясь, только пробуя на вкус. Почти разные жизни, которые как одежду каждый день примеряешь на себя. И да — эта разноцветная, шумная воронка засосала с головой. Так что однажды, проснувшись поутру, он долго не мог сообразить, в каком именно из своих миров вынырнул на поверхность. Сладкое, мало с чем сравнимое состояние. Свобода не быть и свобода стать кем угодно. Полное самообнуление — и тут же, на подносе, любое бытие на выбор. Может, он арабский шейх с гаражом, полным лакированных тачек, и гаремом, где его ждет не дождется дюжина томных красоток? Голливудский актер, под дверью которого толпятся озверевшие от восторга поклонники? Член правительства? Белокостный аристократ? Пригладевшись к бледно-зеленым обоям в комнате, уловив за окном обрывки итальянской речи, наконец, сообразил: отель, Флоренция, международный инвестиционный конгресс. В памяти всплыло имя, за ним прошлое. Но пережитый в то утро опыт оказался сродни наркотическому трипу. Позже он научился сам вызывать это состояние, испытывая приступы яркого, особенного счастья. Только вот однажды утром захотелось вспомнить себя, настоящего — и не получилось. Словно охлопываешь карманы в поисках ключей, которые должны там быть — а в ответ ничего, тишина.

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

Господи, это же его сотовый.

Мысль рывком приподнимает тело, рука наотмашь отбрасывает в сторону одеяло. Взгляд, еще без всякого смысла, скользит вдоль кровати. Рядом лежит на животе голая спящая женщина. Мэри, рассеянно вспоминает он, ее зовут Мэри. Свет уличного фонаря растекся и застыл золотистой пленкой на красивых овальных ягодицах. Они словно из металла, невероятно холодные и твердые на вид. Статуя? Неужели он спит со статуей?

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

Раз, другой телефон ящерицей ускользает от рыскающих по ковру пальцев. Завладев им, он отвечает не сразу. Хлопая другой ладонью по столу, на ощупь выхватывает из полутьмы пластиковое удостоверение. Окунает его в поток желтого уличного света. *Джон Голдстон*. Вот кому принадлежит это тело.

— Голдстон слушает.

— Крепко спишь, дружище. Наконец-то отоварил карточки на коньяк?

Голос еврокомиссара Кнелла такой, как обычно: отточенно-ехидный, обрезать можно. Но сегодня есть что-то еще, тяжелое, даже тревожное. Со сна не разобрать. Чертыхнувшись, Голдстон вслепую приземлился на кресло, неудобно подогнув под себя ногу.

— Который час, герр комиссар?

— Без пяти пять. Я не разбудил... Мэри? Или она уже в отставке? Неделя-то хоть прошла?

Втянув носом прохладный воздух, Голдстон страдальчески вздохнул.

— В Берлине некого любить, герр комиссар, если вы опять о своем.

— Значит, у тебя одной причиной больше, чтобы уехать отсюда.

До него, наконец, дошло: Кнелл никогда не звонил раньше восьми.

— Что, конец света?

— Почти угадал.

Кнелл подержал неприятную паузу, причмокнул, будто врач перед тем, как озвучить безнадежный диагноз.

— Москва. Надо слетать туда на несколько дней... Согласен, не самый популярный курорт зимой. Вряд ли Мэри составит тебе компанию. Поищешь варианты на месте.

Голдстон вскочил с кресла и тут же припал на затекшую, ватную ногу. Вот оно, все-таки настигло. Захотелось, как в детстве, забиться с головой под одеяло. Спрятаться от всех на свете.

— Джон?

— Я могу отказаться?

— Нет.

— Если честно, забыл весь свой русский.

— Отправлю под трибунал — сразу вспомнишь. Жду тебя на Вильгельмштрассе ровно в шесть. Все... *серьезно*.

Когда Кнелл говорит *серьезно*, лучше не спорить. Иначе от вековой спячки, упаси Господи, проснется тотем его предков. Голдстон откуда-то в точности знает: это бурый, с огромной круглой головой и щелями-глазками медведь-шатун, весь покрытый колтунами грязной, спутанной шерсти. Придет, навалится горой-тушей, всадит ржавые клыки прямо в шею... Он обреченно поплелся в душ, запустил там по-издевательски теплую из-за мер по экономии тепла струйку воды. Сполоснувшись, стремительно запрыгнул в приготовленный с вечера мундир. Уже на бегу заглянул в спальню. Мэри, забытая им без одеяла, тоже проснулась. Сидела голая, обняв колени, на кровати и, как кошка, неотрывно смотрела в сторону двери. Кажется, он должен восхититься этим ухоженным, манекенистым телом.

— Срочно вызвали в министерство. Но тебе, напротив, повезло. Кровать теперь целиком твоя. И холодильник тоже. Я как раз получил паек.

Он говорит как обычно. Низким, монотонным голосом, небрежно выговаривая слова. Но ему чертовски неловко и хочется поскорее уйти. Внутри ни капли благодарности. Лишь бледные угрызения совести, что эта женщина рискует из-за него простудиться. И так всегда на следующее утро. «Женщин надо стараться

любить, даже если у тебя их будет очень много». Отец как в воду глядел. Любовь. Тепло. Где же взять столько тепла, если почти не топят?

— Тебе было хорошо вчера?

Он молча кивнул. Поцеловал мягкую, мертвецки холодную щеку. Содрогнулся внутри, припомнив металлические ягодицы. Только в машине, когда кое-как пригрелся на сиденье, мысли вернулись к ночному кошмару. Внезапно дошло:

«Стена не сожрала меня до конца. Впервые за два года сон прервался».

* * *

Самолет сел в московском аэропорту «Шереметьево», терминал А, точно по расписанию, в 9.15 утра. Недолгий перелет из Кракова показался Голдстону репетицией путешествия в ад. Их малютку «фоккер» болтало, швыряло и подкидывало, как байдарку во время сплава. Прибором, измеряющим эту чудовищную качку, был заполненный наполовину пластиковый стакан, вода в котором гуляла волнами туда-обратно. Но где-то над Минском и сам стакан сиганул в ужасе со столика, оставив на полу неопрятную мокрую кляксу. За иллюминатором сливового цвета тучи враждебно пихали крохотный самолетик пухлыми боками и зыркали на него зловещими вспышками багровых молний. Да, и посадка а-ля рус на десерт. О ее прелестях Голдстона предупредили еще перед взлетом. Любезно намекнули: лучше держать наготове гигиенический пакет. Снижение ощущалось скорее как свободное падение обессилевшего от схватки с враждебными небесами «фоккера». Тело, запаниковав, начало рваться обратно, на прежнюю высоту и заодно выворачиваться наизнанку, чтобы избавиться от лишнего балласта. Пытка, спокойно сообщил по громкой связи садист-пилот, продлится шесть-семь минут. Голдстон закрыл глаза, напряг мышцы живота и попробовал найти в происходящем нечто позитивное.

Наконец-то окажусь на исторической родине. Жаль, дед не дотянул до великого момента. Сколько ему было бы сейчас?

Шестьдесят восемь и тридцать — почти сотня. Господи, неужели и правда тридцать лет прошло? А как на прошлой неделе все было, дорогой Юрий Дмитрич. Наши «русские чаепития» по пятницам, пять-шесть больших чашек чая за вечер, с медом и жесткими как камни баранками из «русского магазина» в Лондоне, который держали какие-то литовцы. Много чаю с тех пор выпито внуком Джоном — но разве сравнится он с тем чаем из детства?

Дед Юрий Дмитрич, как торжественно, по имени-отчеству, величали его дома, был худ, жилист и носил в любую погоду прикрывавшую лысину кепку, в зависимости от времени года теплую шерстяную или легкую бейсболку. Часто не снимал ее даже дома. Повиновался в том только супруге Наталье Александровне, со вздохом открывая взору сияющую макушку и бережно вешая драгоценный головной убор на крючок у входа. Страстная любовь к чаю внешне роднила Юрия Дмитрича с британцами, но являлась при том исконно русской ее разновидностью. Ведь чай он пил не такой, как любят англичане — красноватый, терпкий, который надо непременно разбавить молоком. Нет, душистый от крепости, с пенкой при заваривании. Утверждал, что пьет не удовольствия ради, а «чтобы приманивать мысли». И правда, часто во время чаепития, сидя нога на ногу и прихлебывая из чашки, дед будто отключался от бытия вокруг, проникая взглядом в иное, невидимое пространство и даже, возможно, блуждая по нему. Сделав последний глоток, долго сидел так какое-то время, философски выкатывая шарики из хлебного мякиша. Позже шарики эти загадочным образом перебирались в карманы пиджаков и курток Юрия Дмитрича, где со временем превращались в каменную россыпь.

Но с внуком Джоном дед, как раз напротив, любил под чай поговорить. По-русски и почти всегда о России, где Юрий Дмитрич провел детство и юность. Уже гораздо позже Джон понял — рассказы там и здесь срастались с сюжетами из русской литературы, до которой дед был большой любитель несмотря на свои пять классов деревенской школы и ускоренные курсы в танковом училище. Знал он наизусть сказки и море стихов Пушкина и близко к тексту прозу, а еще всего Гоголя — кроме «Мертвых душ», ко-

торые не жаловал. Потому-то в воображении маленького Джона Россия выглядела вовсе не так, какой показывали ее по телевизору — серой, скучной и притом опасной. Да, наверное страшная, но все равно сказочная страна, где дед поздней осенью, по дороге в деревенскую школу, мог нос к носу столкнуться с настоящим волком. Населенная сильными и суровыми людьми, почти героями из древнегреческих мифов. «Мы тут с тобой по чашечке, без напряга чаек потягиваем — а вот купцы в старой России брали на пару двадцатилитровый самовар. Вешали себе на шею полотенце, чтобы пот вытирать — и вперед», — рассказывал внуку Юрий Дмитрич. Джону не верилось, что кто-то способен вдвоем осилить двадцать литров кипятка. Дед подмигивал Джону, поучал — не разобрать в шутку или всерьез: «Мы, русские, еще и не такое можем. Да что там — все можем! У нас такой размах — широкий. Ни у кого больше в мире такого нет. Только вот на родине у себя, дураки, все страдаем и жизнь устроить для себя не можем, чтоб хорошо было». То, что Джон русский в лучшем случае наполовину, ничего не меняло: «Раз со мной интересно — значит, русский. Что-то важное у нас внутри друг к другу притягивается». То есть, интересовался внук, и я смогу когда-то полсамовара выпить? Юрий Дмитрич от души смеялся и обещал: и полсамовара будут, и много чего еще необычного...

Самолет тряхнуло безжалостно на воздушном ухабе. Голдстоуну на мгновение показалось, что его длинное, худое тело, подобно вытянутой фарфоровой вазе вот-вот разобьется вдребезги. Он опять подумал о хорошем: если садиться по-человечески, шансы развалиться на куски выше. Русские партизаны, вот странность, не отличаются гостеприимством. Встречают гостей из Европы вовсе не хлебом-солью, как предписывает местная традиция, а ракетами «земля-воздух», легко сбивающими цели на трехкилометровой высоте. Военная контрразведка исписала, наверное, не одну тонну бумаги версиями о том, откуда появились ракеты у кочующих по лесам партизан (в самом деле, не под елками же они их находят вместо грибов?). Но эта кропотливая, заслуживающая всяческого уважения работа, увы, не в состоянии предотвратить регулярные, красочные фейерверки в районе аэропорта. И хотя десятки мобильных патрулей до одурения игра-

ют с диверсантами в кошки-мышки, им нечасто удается заполучить желанный трофей — бородатого мужика, одетого в шапку-ушанку и вонючий бараний полушубок. Если верить карикатурам в «Санди таймс», типичный русский партизан выглядит именно так. Вспомнилось даже имя персонажа из комикса, популярного пару лет назад — Иван Калашников. Главным оружием злодея был вовсе не одноименный автомат, что логично предположить, а ужасный, непереносимый смрад немытого тела. С криками «Партизаны используют химическое оружие! Нечестно!» европейцы дружно разбегались по кустам.

Сейчас, когда потери на востоке растут по экспоненте, газетам не до комиксов. Тон сильно поменялся — наивное, высшей пробы изумление. Как же так — упрямо, с упорством дикарей не признавать очевидные факты! Наверное, надо походячивее объяснить партизанам, что России уже нет, она закончилась даже де-юре. Есть *Сибирская республика*, но это, согласитесь, совсем другое название, да и география тоже другая. Обвинять внешние силы в такой метаморфозе способен только последний идиот, а партизаны, как мы уже поняли, не идиоты. Интервенция европейских государств началась по причине гуманитарной катастрофы и, напротив, спасла сотни тысяч жизней. Никаких рациональных причин — даже одной-единственной — для продолжения войны не существует. Слышали? Не существует! Но партизаны, о ужас, почему-то все равно стреляют в нас, да еще все чаще и все точнее. Почему? Зачем? Накануне вечером, сидя в номере краковской офицерской гостиницы и перешелчивая в тоске телеканалы, Голдстон наткнулся на ток-шоу, где трое умников долго ходили вокруг да около, пытаясь объяснить — почему и зачем.

С минуту на стене-экране в полной тишине мелькали траурные кадры с сожженными на шоссе в заснеженном лесу трейлерами и военными грузовиками. Выдержав трагичную паузу, сухопарый, с залысынами ведущий вперился в миллионы зрителей немигающим взглядом и отчеканил почти на одном дыхании:

— Перед вами армейский конвой, разграбленный на днях партизанами неподалеку от Москвы. Убиты двадцать пять солдат

из отряда сопровождения. Всего же только за январь и февраль потери в зоне оккупации составили почти тысячу человек. Да, тысячу! Это жестокая и кровопролитная война. И, по мнению многих, мы ведем ее непонятно с кем и непонятно за что.

Студия совсем растворилась в темноте, и Голдстону долго показывали в разных ракурсах лишь мертвый, обездвиженный конвой. Россыпи гильз под ногами. Вмерзшее в снег неряшливое лиловое пятно, похоже кровь. На кузове грузовика мелькнула сделанная белой краской из баллончика по-русски надпись: «Смерть фашистам». Насладившись картинами разрушения, камера вернулась к хозяину студии.

— Есть два важных вопроса, которые приходят в голову каждый раз, когда мы слышим о новых жертвах этой войны. Первый — кто эти люди и почему они сражаются с нами? Второй — понимаем ли мы, какая судьба ожидает в перспективе огромную территорию от прежней российской границы до Уральских гор? Это я и хотел бы обсудить сегодня в нашем ток-шоу.

Трое гостей-экспертов за столом — имен Голдстон не запомнил, только национальности, немец, британец и поляк — тут же начали ожесточенно переглядываться друг с другом, совсем как школьники на уроке, когда учитель просит кого-то выйти к доске. Первым сдался немец.

— Да, несомненно, это весьма важные вопросы! И они означают начало нового этапа нашей гуманитарной миссии на Востоке. Три года назад мы столкнулись с экстремальной ситуацией: надо было предоставить защиту от бандитов гражданскому населению, а также обеспечить стабильность газовых поставок. Теперь, когда данные цели достигнуты, логично задуматься о следующих шагах.

Ведущий театрально отмахнулся от реплики — ему, похоже, нужна была драма.

— Общими словами не оправдать ежедневные потери в десятки человек... Не забывайте — нашу передачу смотрят близкие погибших солдат! Они хотят знать правду! Дайте им больше фактов! Кто те люди, что до сих пор воюют против нас? Сколько их? Чего они хотят? Почему не признают соглашений, подписанных Сибирской республикой? Кто мне ответит?

Больше всего фактов, похоже, знал англичанин. То, о чем он рассказывал, Голдстон, конечно же, слышал и читал прежде. Однако все вместе это звучало занимательно, особенно накануне полета в Москву.

— Второй восточной армии противостоят в районе бывшей московской агломерации не менее пятидесяти тысяч партизан. Цифра кажется внушительной, однако, как правило, речь идет о небольших подразделениях численностью до ста человек, вооруженных только стрелковым оружием. Вопреки упорным слухам о «сибирских спецназовцах», в этих отрядах состоят в основном местные жители, которые не смогли эвакуироваться.

Ведущий издевательски улыбнулся.

— Хотите сказать, на этот конвой напали бабушки? Откуда местные берут оружие?

— Вокруг Москвы еще с советских времен располагалось несметное число военных частей и складов с оружием. Многие были разграблены.

— То есть Сибирская республика не помогает партизанам?

— Не думаю, что им оказывается масштабная централизованная помощь. Наша разведка наверняка быстро раскрыла бы такие схемы. Скорее речь об отдельных добровольцах или частных организациях, которые собирают пожертвования и закупают амуницию для партизан. Но, как вы знаете, они работают нелегально и сибирское правительство всячески им противодействует.

— Итак, ваш вывод?

— Когда говорят «пятьдесят тысяч партизан», то эта цифра, бесспорно, впечатляет. Но давайте вспомним о другом явлении — небывалом расцвете бандитизма на территории бывшей России. Тысячи банд, в которых может состоять до миллиона человек. Миллиона! Партизаны, по большому счету, одна из разновидностей бандитских отрядов, которые живут налетами и грабежами. Отличие лишь в том, что для привлечения новых сторонников они используют патриотическую риторику. Уверяю вас, не надо приписывать им никаких сверхзадач...

Тут в разговор ворвался поляк — до того в знак несогласия он долго и упорно тряс седой шевелюрой до плеч:

— Обыкновенные бандиты? Ка-те-го-ри-чес-ки не согласен! Вы недооцениваете иррациональную составляющую в русских! Мы, поляки, гораздо лучше знаем эту нацию, крайне опасную как раз из-за своих оторванных от реальности маний... Русские одержимы идеей собственной богоизбранности и мессианства! Сознание русского, если можно так выразиться, русоцентрично! При том имеет четко выраженное историческое измерение. Это растянутая на века, возможно тысячелетия, особая миссия.

Театрально выкатив глаза, ведущий ток-шоу просипел:

— Боюсь, после такой порции непонятных терминов наши зрители вот-вот переключатся на футбол!

— Я лишь объясняю, почему русские не смиряются с утратой своего государства. Тот факт, что основные боевые действия ведутся вокруг Москвы, логично укладывается в их мировоззрение. Они воспринимают этот город как священный центр своей исторической империи. Вернув его, можно восстановить и саму империю... Какие у Сибирской республики причины помогать партизанам? Тут, мне кажется, все прозрачно. Чтобы добиться пересмотра условий экспорта газа и нефти, которые, согласусь, крайне для них невыгодны. Помогает ли правительство в Сибири партизанам на самом деле? Ответьте мне только на один вопрос: откуда еще у них могло появиться ракетное вооружение? Нашли на заброшенном военном складе? Очень сомнительно... Напомню — в войнах с Наполеоном и Гитлером партизанское движение запускалось в России сверху... От Москвы до Ухты, где начинается зона ответственности сибирских властей, менее двух тысяч километров. Наши войска контролируют на севере только узкую полосу вдоль экспортного газопровода. Да, есть разведка, есть контроль со спутников, пусть их и осталось критически мало... Но, думаю, все это не очень эффективно, если речь идет о перемещении одного-двух грузовиков с ракетами.

Ведущий воткнулся в поляка своим немигающим взглядом.

— Считаете, русские действуют по заложенной в них генетикой программе? Не является ли это, в таком случае, определенным преимуществом?

Поляк опять возбужденно затряс головой:

— Напротив! Их государственность рухнула как раз из-за противоречий между архаическим сознанием и реалиями современного мира.

Англичанин с готовностью поддержал коллегу новой порцией аналитики:

— Россия не выдержала давления, которое оказывала на нее избыточность пространства. Чтобы его удерживать, не хватило человеческих, интеллектуальных, финансовых ресурсов. Я бы назвал это катастрофической нехваткой эффективности. Ставка на постоянную внешнюю экспансию в ущерб внутреннему развитию завела страну в тупик...

Тут любитель общих фраз немец, о существовании которого Голдстон успел подзабыть, неожиданно вступил с обоими в спор:

— Не рано ли делать подобные выводы? В истории России не раз происходил распад единого государства. Но русские находили в себе силы, чтобы восстановить его...

Поляк, кажется, даже слегка подпрыгнул на стуле от негодования.

— Россия утратила все атрибуты государственности! Сибирская республика, как специально записано в мирном договоре, не является ее правопреемницей! Это вновь образованное государство, оно не имеет никакого отношения к землям от Украины до Урала... Они должны быть вовлечены нами в экономический оборот. Мы постепенно очистим их от бандитов и создадим условия для переселения туда избыточной рабочей силы.

Здесь Голдстона отвлекли минут на десять — позвонил Кнелл с последней порцией наставлений перед вылетом в Москву. Когда он вернулся к телевизору, успел поймать лишь заключительный аккорд.

— ...надо признать, что принятое три года назад решение о постройке Стены вокруг Москвы оказалось совершенно правильным. В условиях партизанской войны это спасло не одну тысячу жизней наших солдат, — развивал какую-то свою мысль англичанин. — Думаю, первым этапом освоения освободившихся территорий могло бы стать строительство аналогичных кре-

постей, пусть и меньшего масштаба, в наиболее важных с экономической точки зрения регионах. Напоминает Средневековье? Да, мир снова стал очень большим и крайне опасным. Стены — его незаменимый элемент, может быть, даже главный символ...

Как можно вести войну и не знать ответа на вопрос, кто и почему в тебя стреляет? «Посадить их на самолет до Москвы. Если долетят живыми, отправить без охраны в подмосковные леса. Пусть проведут подробное социологическое исследование среди партизан». Представив экспертов, сидящих вместо футуристической студии у костра на заснеженной лесной поляне, в компании дикого вида бородатых мужиков, Голдстон беззвучно смеется, вырываясь за пределы болевого поля, и в этот момент шасси «фоккера» с грохотом встречается с землей. Он медленно проводит ладонью по лбу и вискам, неприятно сочащимся липким потом. Отчего-то кажется, что рука теперь должна пахнуть кровью, словно его только что во второй раз вытолкнули из уютной материнской утробы в жестокий и враждебный внешний мир.

* * *

Едва самолет замер на месте, Голдстон извлек из потертого, толстой кожи портфеля телефон спутниковой спецсвязи. Набрал заметно дрожащими пальцами короткое сообщение. Скорее даже не служебная обязанность, а порыв, радостный и искренний. Жив! Он жив! Через секунду в канцелярии Кнелла будут знать — несмотря на козни партизан и зловедность погоды посланник еврокомиссара добрался-таки до Москвы. Разминая еще вибрирующие колени, он расплылся в самодовольной улыбке. Главное испытание позади, и даже гигиенический пакет не пригодился. Осталось твердым, уверенным шагом покинуть эту камеру пыток. У выхода его ждал пилот-немец в синей форме — сухой, загорелый, подтянутый. Настоящий гитлеровский ас из детских книжек про войну. Наклонив по-птичьи вбок голову в фуражке, с откровенной издевкой разглядывал потрепанного пассажира.

— Надеюсь, герр штабс-капитан, вам понравился наш полет... Крепче держитесь за поручень! Трап может быть скользким!

Ответить не довелось. Голдстон по-детски захлебнулся, когда из распахнувшейся дверцы в лицо щедро плеснуло ледяным ветром. Толстая, с подкладкой шинель тут же безоговорочно капитулировала перед московской погодой. Он беспомощно передернул плечами, чувствуя, как юркий ручеек холода змейкой пробирается за шиворот. Вспомнилась присказка от деда: «Марток — надевай, парень, семь порток!». Да, весной здесь и не пахло. Вообще ничем не пахло. Трап, обледеневший и грязный, вел вниз к присыпанному снегом, парализующему своим мертвым, мороженым видом асфальту. Оторвавшись от железных ступеней, глаза жадно заскользили по кругу, но долго, целую вечность, не могли ни за что зацепиться. Казалось, плотные облака, через которые они только что упорно продирались к земле, опустились вместе с ними и развоплотили этот мир до самого горизонта, почти неразличимого среди разнообразных оттенков серого, черного и коричневого. Небо, поле, лес неподалеку — все сливалось в нечто бесформенное, одноцветное, не поддающееся определению и систематизации. Ничто не доминировало, не бросалось в глаза. Творение словно остановилось здесь на полпути, так и не постигнув до конца высший замысел.

Спускаясь по трапу, Голдстон в самом деле неуклюже поскользнулся на обледеневшей ступеньке. Устоять помог сыгравший роль противовеса увесистый, кило на три, кирпич «Войны и мира» в портфеле. Кнелл лично запихнул его туда перед расставанием. Сказал вслед за тем, доверительно придержав за плечо:

— Знаешь, почему Гитлер проиграл войну русским? Потому что первое правило на войне — надо знать своего врага. Пытаться влезть в его шкуру и смотреть на мир его глазами. Он же просто считал русских не стоящими внимания дикарями. Безликой массой, которой манипулирует кучка евреев. Вот Рузвельт — тот был поумнее. Сразу после Перл-Харбора приказал срочно написать книгу о японцах, которую должны были прочитать все офи-

церы до единого¹... У тебя конкретное задание в Москве, все так. Но старайся смотреть на вещи шире. Мне нужно твое мнение.

— Мнение? О чем, герр комиссар?

— О том, что делать дальше. Если честно, мы залезли в непролазные дебри, Джон. Из них не выбраться, если не ответить на десяток-другой очень странных вопросов. Например, непостижимая живучесть русских. Со временем их сопротивление только усиливается. Почему? Можно ли этому что-то противопоставить? Не обречены ли мы здесь на вечный проигрыш? Когда на совещаниях у канцлера начинают говорить «подождите чуть-чуть и русским надоест воевать», я вспоминаю, как мой дед, разведчик в дивизии СС «Рейх», осенью сорок первого года рассматривал в бинокль башни Кремля и писал домой письма о скором окончании войны. Как работала его немецкая логика? Если прошел от границы до Москвы тысячу километров, оставшиеся пятнадцать до Кремля — это сущий пустяк! Так вот, до конца жизни он пытался докопаться, где Гудериан² допустил ошибку. И не мог найти, понимаешь? Не было никакой ошибки. Русские просто сделали то, чего не смог бы сделать никто другой.

Голдстон понял, наконец, куда клонит Кнелл.

— Мои гены молчаливы как рыбы, герр комиссар. Они не отвечают на ваши вопросы, даже если поджаривать их на сковороде.

Кнелл шутку не принял. Был серьезен словно на похоронах.

— Я верю в кровь, Джон. Это страшная сила. Да еще язык в придачу. Ты способен воспринимать ту реальность напрямую, а не через отражения как я. «Войну и мир» давно читал? Невероятно актуально! Иностранное вторжение, занятая Наполеоном Москва, неуловимые партизаны... Перечитай, наверняка пригодится.

В самом деле, уже пригодилось.

У трапа Голдстона ждал бронированный «Мерседес» с зелено-белыми военными номерами, модель с большими колесами,

¹ Книга Рут Бенедикт «Меч и хризантема», посвященная особенностям японской культуры.

² Гудериан Гейнц, генерал-полковник, в 1941 году командующий 2-й танковой группой, наступавшей на Москву.

которую выпускали специально для России. А еще кособокая восковая фигура в серой шинели. Хотя нет — облачко пара, вырвавшееся изо рта, изобличало тут наличие жизни. Приземистый, полноватый, похожий на комедийного мафиози смуглый лейтенант лет пятидесяти. Итальянец или француз откуда-то с самого юга. В остекленевших черных глазах читалась мольба отправить домой тем же самолетом, на котором только что прилетело начальство.

— Да здравствует Европа!

— Вольно!

Судя по акценту, все-таки Италия. Голдстон, сам того не желая, почувствовал себя высшим существом. Синьор лейтенант смотрелся жалко даже на фоне начинающейся русской весны. А ведь в феврале, говорят, здесь держались тридцатиградусные морозы.

— Добро пожаловать в Москву, герр штабс-капитан. Меня зовут Марчелло... Обер-лейтенант Марчелло Липпи... Садитесь, пожалуйста, в машину.

Их «мерседес», сопровождаемый парой БТР, без всяких формальностей миновал стальные ворота аэропорта. Наряд солдат-неваляшек, плотно запакованных в шлемы и пуленепробиваемые жилеты, вяло отдал честь кортежу очередной шишки из Берлина. Голдстон с детским любопытством рассматривал мутные пейзажи за окном. Через фильтр тонированных стекол прежний бесформенный мир казался более рельефным и контрастным. Запах парфюма, обильно источаемый сидевшим впереди Марчелло, придавал ему какую-то особенную тяжесть. Некоторое время попутчики провели в полном молчании. Отогревшись, лейтенант подал голос.

— Впервые в Москве, так? На вертолете, конечно, было бы быстрее. Десять минут — и на месте! Но теперь, когда у партизан появились ракеты, лучше не рисковать. Правда, шоссе тоже время от времени обстреливают. Ставят минометы на автомобили, едут вдоль трассы и палят на ходу. В общем, наглеют на глазах...

Да, не поспоришь. Голдстон вспомнил видео «для служебного пользования», которое просматривал на днях в Берлине. Взорванная партизанами в городке Торжок газокompрессорная станция, одна из двадцати перекачивающих газ по магистральной трубе

в Европу. Кадры что надо, Голливуд бы позавидовал. Обгоревшие руины кирпичных зданий вперемешку с грудями развороченного, оплавленного металла. Понятное дело, в новостях все прошло как «успешно отбитое дерзкое нападение партизан с минимальными потерями». Но потери, сорок человек техперсонала и охраны, пропавших без вести в адском пожаре, далеко не самое чувствительное в этой истории. Вместе со станцией серьезно пострадал и сам газопровод. Поставки газа сократились в разы, на полное восстановление уйдет до двух недель. Хорошая новость в том, что диверсия подарила им с Кнеллом благовидный предлог для поездки в Москву. Полгода назад Министерство вооружений, где трудится Голдстон, завершило титаническую работу, превратив газовую трубу в неприступную крепость: бетонные заграждения, видеокамеры, инфракрасные датчики движения, системы автоматического ведения огня. И вот в Торжке датчики почему-то не сработали. То есть вообще. Партизаны подобрались к ограждению, подорвали его, а потом, словно в тире, расстреляли из гранатометов компрессорную станцию.

— Есть версии, почему отказала сигнализация в Торжке?

Итальянец то ли не расслышал вопроса, то ли ему нечего было ответить. Они проехали под каким-то мостом, и на фоне массивной, похожей на ногу доисторического монстра бетонной опоры стекло сделало мгновенный снимок Голдстона. Бледное, как у призрака, с острым подбородком лицо. Слегка оттопыренные, любопытные уши. Глубоко посаженные глаза настороженно выглядывают из-под светлых, едва заметных бровей. Неужели он и есть это смазанное, едва собранное вместе отражение? Судя по оставшемуся с довоенных времен указателю, свернули на Ленинградское шоссе. По обе стороны от дороги замелькали скрепленные бетонным забором пулеметные вышки-башни, единственное украшение безжизненного снежного поля. Все остальное в радиусе ста метров сровняли с землей, оставив едва угадывавшиеся под осевшим снегом остовы зданий и пни спиленных деревьев. Впрочем, партизан это не останавливало. Голдстон насчитал целых три обгоревших остова БТР, скинутых на обочину. Судя по виду, вполне еще свежих. Стало неприятно, словно очутился в морге, в окружении мертвых, бесполезных тел. Под горлом с готовно-

стью натянулась леска дурного предчувствия. Что-то там на нее клюнуло, партизанская засада, а может подрыв на mine. Запах одеколона стал жестче, резче, начал кислотой разъедать мозг.

«Надо о чем-нибудь заговорить. Немедленно».

— Почему партизаны продолжают сопротивление? Ведь не осталось даже страны, за которую можно воевать?

Марчелло вздрогнул. Повернулся к нему вполоборота, показав почти прямоугольный профиль.

— Здесь все по-другому. Черт знает, за что они там воюют. Фанатики. Нам их никогда не понять.

Голдстон услышал в его словах вызов для себя. Никогда не понять? Мужиков в вонючих полушубках?

— Вы не пробовали поговорить с кем-то из них?

Итальянец дико посмотрел на Голдстона. Похоже, сильно испугался, представив это вживую.

— Вы задаете странные вопросы, герр штабс-капитан. Честно говоря, даже не знаю, что ответить...

Тут же продолжил с наигранным оживлением, очевидно желая перескочить на другую тему:

— Уже подъезжаем к окраине города. Еще пять минут, и вы увидите нашу знаменитую Стену! Знаете, в ней есть что-то такое... Не могу назваться добрым католиком, но каждый раз, когда на нее смотрю, хочется перекреститься... Честное слово!

Голдстон вздрогнул. Видишь, вездесущая Стена забралась в голову даже к простаку Марчелло. По-своему, но забралась.

Три года назад, едва канцлер озвучил план окольцевать центр Москвы тридцатиметровой высотой стеной, газеты и тележик вцепились в эту тему мертвой хваткой. Голдстону не раз приходило на ум: строительству, при всей технической масштабности проекта, отводится из дня в день непропорционально много прайм-тайма и первых полос. Торжественное прибытие первого конвоя с техникой, выкапывание рва одновременно десятками экскаваторов, «закладка первого камня». Бесконечные прямые включения, закольцованные репортажи, многолюдные ток-шоу. Инициатива какого-нибудь ретивого чиновника из Министерства информации, решил он. Поднимают патриотический дух сидящего на продуктовых карточках населения. Но хорошая знакомая на

«Евроњьюс», дальняя предшественница Мэри, искренне озадачила. Никаких рекомендаций сверху, только рейтинги. Стена сама, без всякой накачки, превратилась в медийный фетиш.

Голдстон сразу вспомнил об этой коллективной мании где-то полгода спустя, когда ему по ночам начали сниться стены. Они были разные — комнатные, уличные, крепостные, беленные известью, оклеенные веселенькими обоями или брутально-кирпичные. Но все равно, каждое сновидение непременно завершалось кошмаром, где стена тем или иным изуверским способом убивала его. Душила, погребала заживо, давила до состояния фарша. Так, скорее в медицинских целях, он начал изучать историю великих стен человечества, чтобы в конце концов прийти к поразительному выводу. Вал Адриана¹ в северной Англии, Великая Китайская или Берлинская стена — каждый из этих грандиозных проектов оказался детищем коллективных страхов, причем скорее бессознательных, а не внушенных конкретным врагом. Император Адриан, выражая общие опасения за будущее дряхлеющей империи, в буквальном смысле пытался скрепить ее по периметру оборонительными сооружениями. Китайцы построили стену длиною в тысячи километров для того, чтобы укрыться за ней от соблазна Степи, запретить самим себе возвращаться к «варварской» кочевой жизни. Берлинская стена зримо разделяла бесчисленные взаимные страхи капиталистического Запада и социалистического Востока. Стена в Москве, чьи колоссальные размеры сложно было объяснить текущими военными задачами, также выглядела порождением скорее подсознания. Мало-помалу в голове у Голдстона нарисовалось что-то вроде смыслового отражения, объясняющего смысл этого сооружения. Бетонное основание, фундамент нового мира. Зацепка для миллионов, ввапших в скрытое или явное отчаяние после краха того порядка вещей, который, казалось, должен был изменяться только к лучшему.

Несчетное число раз Голдстон видел Стену в теленовостях, но здесь, вживую, она наверняка должна *открыться* ему иначе. Открыться — да, именно так. Как жертва нападения, решившаяся

¹ Вал Адриана — оборонительная стена длиною более 100 км, построенная римлянами в Англии.

встретиться лицом к лицу с насильником, чтобы излечиться от мании преследования, он надеется, что личная встреча принесет исцеление от ночных кошмаров. Но под этой болезненной надеждой запрятано еще более странное желание. Докопаться до первопричины того, что с ним случилось. В его снах есть своя извращенная прелесть. Они как будто совсем не завязаны на ту жизнь, которой он живет здесь. Когда Голдстон повторяет заученно: «все сновидения коренятся в нашем опыте», то обманывает себя. Нет, его кошмары не так просты. Откуда они приходят, из какой реальности? Вот почему ему не терпится увидеть Стену. Он почти со священным ужасом представляет, как, вырастая из обычной городской застройки, Стена прорисуеться в мутной морозной дымке на горизонте, похожая на мираж, на контур заколдованного, вечно блуждающего циклопического города-призрака. Она явилась сюда из шизофренических вселенных Босха, из легенд о древнем Вавилоне, по крепостной стене которого могли проехать в ряд сразу несколько колесниц. Тридцать метров вверх, десять под землей, восемь в толщину. Несколько еще более высоких и мощных квадратных башен...

— Смотрите, герр штабс-капитан!

Он с усилием отрывается от своего миража. Кажется, еще секунда-другая, и на ум придет что-то важное.

— Извините, задумался.

— Смотрите, смотрите!

Лейтенант остервенело тычет пальцем в ошетилившиеся у обочины колючие сооружения, сваренные из кусков ржавого железа.

— Знаете, что это? Противотанковые заграждения времен Второй мировой войны! Русские оставили их как памятник. Личия, до которой смогли продвинуться к Москве немцы...

Голдстон представляет себе деда еврокомиссара Кнелла: тот стоит на обочине, самодовольно разглядывая в мощный бинокль башни Кремля. На нем тоже серая шинель, а еще приплюснутая железная каска и почему-то мотоциклетные очки. Он с ног до головы забрызган грязью, от него за версту несет потом, но в голове уже победно гремит Вагнер, ведь осталось каких-то жалких пятнадцать километров до окончания войны... Тут мир вокруг ослепляет бело-желтая вспышка, и словно огромная морская

волна со всего размаха бьет автомобиль по лобовому стеклу. Звук взрыва Голдстон слышит как сквозь толщу воды, все летит кувыркром и он, вот парадокс, чувствует не страх или отчаяние, но расслабленное умиротворение. Стрельба пулемета напоминает успокаивающий ночной стук дождевых капель по железной крыше. Последняя мысль, уже совсем безразличная: *«Наконец-то»*.

* * *

Пятеро в засаленных белых маскхалатах и разномастных шапках-ушанках мало походили на партизанскую засаду. Скорее на охотников, стерегущих кабана или оленя у лесной заимки. Кто сидя, кто лежа на присыпанном снегом полу азартно следили через пустые оконные проемы торгового центра за конвоем на шоссе, неотвратно приближающимся к воображаемой линии, соединявшей дорогу и наблюдателей. До отгороженной бетонным забором трассы было с километр, а то и больше, и оттуда не долетало ни звука. Миниатюрные, как с витрины игрушечного магазина, машинки — два БТР и легковушка — катились по снежному полю в торжественной тишине, нарушаемой изредка лишь завыванием сквозняка, поднимавшего в воздух ленивые хороводы из бумажных обрывков, пакетов и прочего мусора.

Один из партизан, скорчившись до предела, наблюдал за шоссе через окуляр защитного цвета ракетной установки, напоминавшей телескоп-рефлектор средних размеров. Красные, ошпаренные холодом пальцы с виду бесцельно крутили туда-обратно колесико под окуляром. Закрепленная на треноге ракета в футляре едва заметно перемещалась вслед за конвоем.

— Гады, километров под семьдесят едут. Стоит попробовать?

Стрелок на секунду оторвался от оптики, покосился на того, кто задал вопрос — худощавого, смуглого мужичонку с горбатым еврейским носом, видимо жожака группы. Тот сидел, оперевшись на одно колено, и в ребристый армейский бинокль тоже пристально разглядывал дорогу. Из всего отряда у него одного голову покрывала не меховая шапка, а затертый кожаный треух с косо завязанными на голове ушами.

— Сейчас подъем начнется. БТР ее притормозит.

Мужичонка, опустив к шее бинокль, согласно кивнул, как бы разрешая попытку. Выражением какой-то лихорадочной радости на лице напоминал он сейчас заядлого ипподромщика, что угадал со ставкой и вот-вот сорвет солидный куш.

— Ворон! — шепотом окликнул его закутанный в белый маскхалат парнишка лет тринадцати-четырнадцати, чьи серые, еще по-детски удивленные глаза то и дело перебегали с дороги на сидевшего рядом стрелка.

Тот, кого называли Вороном, не отозвался.

— Ворон! — не унялся парнишка. — Зачем легковушку-то? Давай БТР!

Командир цокнул недовольно, отмахнулся матерным словом. Потом все-таки снизошел до ответа.

— Отвяжись, Колька. Достал уже.

Тем временем машинки на шоссе в самом деле замедлились на подъеме.

— Готов, — прохрипел стрелок, вдавливая палец левой руки в изогнутый как ятаган спусковой крючок.

— Уши! — зашипел Ворон, и партизаны в ответ не только дружно прихлопнули ладонями плотно прикрытые шапками уши, но и смешно приоткрыли рты.

Гулко бабахнуло, полыхнуло пламенем. Кольке, что неудачно сел слишком близко к ракете, перебило дыхание выхлопом. Он замотал в ужасе своей приплюснутой, слегка вдавленной в плечи головой, придававшей ему немного забитый вид, и, в конце концов, дернулся в сторону, задев по дороге ногу стрелка, все еще наводившего через прицел летящую к цели ракету. Прицел тоже дрогнул, и ракета, вильнув в сторону от легковушки, в последний момент поразила передний БТР. Броневик исчез в кучерявом облаке взрыва, а легковушка испуганно шарахнулась в сторону, секундой позднее тоже растворившись в черном, жирном чаду. Только сейчас до бетонной коробки докатился глухой, рокочущий звук.

— Идиот! Убить тебя мало!

Вскочив резво на ноги, командир размахнулся, насколько позволяло зимнее обмундирование, и наотмашь ударил парнишке кулаком в защищенное толстой шапкой правое ухо. Охваченный ужасом Колька тут же сварился, став в районе щек по-младенчески

пунцово-красным. Он едва почувствовал через шапку командирскую оплеуху. А вот чувство стыда за то, что подвел товарищей, теперь жгло, терзало почище любой физической боли. На шоссе тем временем начал подавать признаки жизни второй БТР, застывший после взрыва на месте. Двинул малым ходом назад, потом, опомнившись, принялся перепахивать из пулемета безразличные сугробы. Ворон упал ничком на пол, все вжалось в снег. Ближняя к месту происшествия дозорная башня тоже встрепенулась, начала крупным калибром работать по окрестностям. Но, похоже, опять вслепую. Пуск ракеты никто не засек. Надо было уходить.

— Мы эту шишку из Берлина еще поймаем. Никто от нас не уйдет, — злобно прохрипел командир, пятерней сдирая с лица снег. Видимо, никак не мог смириться с промахом.

— Чего загораем-то? — нервно отозвался стрелок. — Валить надо. Скоро вертолет прилетит.

Ворон опять выругался, дал команду уходить. Партизаны по одному, на полусогнутых, зашпешили вглубь гигантского торгового зала, к лестнице. У Кольки от взбешенного командирского голоса внутри будто гранату подорвали. Вот-вот — и до губ доберется предательский, солоноватый вкус. Тут его глаза, подмоченные слезами раскаяния, уперлись в лежавшую неподалеку трубу «Иглы»¹, завернутую в пахнущие смазкой тряпки.

— Ворон, я хочу остаться. Подождать вертолет.

Боец, что должен был прикрывать отход, тут же наострил уши, глянул с надеждой на Ворона. Был это мужик крайне неопрятного вида с мясистым, испытанным лицом, на котором горой рос громадный, похоже сломанный и оттого удивительно кривой нос.

Командир обернулся. Сморщив некрасиво лицо, заорал на Кольку:

— В машину! Быстро! Супергерой, мать твою... Уже раз выстрелил сегодня... Горбун, как ракету выпустишь, уходи к Юровской улице. До одиннадцати будут ждать тебя у школы. Понял?

Кривоносый бугай глянул на наручные часы с мутным стеклом, которые показывали почти десять. То ли обреченно выдохнул, то ли промычал согласно:

¹ «Игла» — название переносного зенитного ракетного комплекса.

— Пооонял...

Колька, позабыв на время о вселенской скорби внутри, задумался: Ворон не разрешил остаться в засаде из жалости или осторожничает? Ведь не зря о нем говорят: никогда не рискует своими бойцами. Теми, кто знает, где бункер. Горбун, если поймает, гостей к ним не приведет. Чужой он, из мытищинского отряда. У Ворона — как это... *авторитет*, потому часть людей для каждой вылазки охотно дают ему другие командиры.

— Колька! Заснул что ли?

Встрепенувшись, Колька суетливо пополз на корточках через снежный зал. Ветер вслед ему тут же принялся энергично забрасывать мусором борозду на снегу, как будто состоял с партизанами в негласном сговоре. Кривоносый же снова тяжело вздохнул и аккуратно отогнул концы промасленной мешковины. Примерившись обветренными ладонями, приподнял осторожно похожую на старинный мушкет с раструбом «Иглу». Оба пулемета на дороге вдруг дуэтом замолчали. Но тишина была недолгой. Вскоре ее мало-помалу начал заполнять другой нарастающий звук. Стрекот подлетающих со стороны города вертолетов.

* * *

Командир партизанского отряда с позывным Ворон на самом деле относился к Кольке не хуже, чем когда-то родной отец. Можно сказать, три года назад подарил парню вторую жизнь. Подобрал его, полуживого, отставшего от родителей в суматохе массового исхода жителей из Москвы. Кольке, не евшему почти два дня, было уже все равно, куда и зачем его ведут. Лишь бы покормили. На его счастье, одетый в вылинявшую защитную форму бородач с безумными глазами оказался вовсе не извращенцем или торговцем людьми. Более того, встреча та обернулась для Кольки настоящей удачей. Когда начались в стране хаос и кавардак, ни Колькин отец, ни мать, ни один родственник или знакомый не понимали, что же надо делать. А вот Ворон понимал. Уже в отряде командир с гордостью давал почитать бойцам вырезки своих статей десятилетней давности, где он подробно и обстоятельно, будто какой-нибудь Нострадамус современности,

предсказывал все грядущие напасти — переворот, военный путч, оккупацию. Более того, не терял зря времени, *готовился*. Даже верховодил одно время движением «выживальщиков». Это те, кто лазал по вонючим болотам, стрелял в тирах и учился разжигать костер бутылочным стеклом, пока нормальные люди не жилились на турецких пляжах. Как раз под такие игры Ворон купил в глухом Подмоскovie полустгнивший деревенский дом, выкопал под ним здоровенный подвал, забил его под завязку консервами, теплой одеждой, лекарствами. Здесь же на свой страх и риск схоронил десяток привезенных с войны на Украине «калашниковых» с запасом патронов. Когда *началось*, оставалось только набрать людей.

Их целью было не просто выжить. У Ворона, пусть многие и считали его чокнутым, имелись конкретные планы на будущее. Даже, скорее, один грандиозный, фантастический план — собрать заново рассеянный и обезволенный русский народ. Он, Ворон, откуда-то знал, что для того надо сделать. Миллионам людей, как вода схлынувшим из европейской России во все стороны света, нужна общая идея, что их захватит и внутренне преобразит, внушал командир бойцам. А уже вслед за тем народ сам, словно шарики ртути, без труда слипнется в единый комок.

— Страны — они как люди. У каждой нации ей одной присущие черты, — вещал Ворон, устраивая в подвале, при свете стеариновых свечей, «уроки политической грамоты». — Немцы точны во всем, словно роботы. Французы верят, что выиграли все до единого сражения, в которых участвовали. Англичане считают остальные нации, кроме них самих, произошедшими от обезьян. А вот наш, русский человек, знаменит тем, что всегда ждет до последнего. Спит на печи тридцать три года, пока жареный петух — целая стая жареных петухов не начнет клевать в задницу. Чтобы, когда затрубят адовы трубы, вскочить на ноги и бежать спасать мир...

Дальше, за загадочными «адовыми трубами», шли исторические примеры. Смутное время после смерти Ивана Грозного. Отданная на сожжение Наполеону Москва. Вырождение царской семьи, безвольно передавшей вожки русской тройки в лапы блудливого монаха Гришки Распутина. Почти проигранная Гитлеру

война. Рухнувший от постоянной нехватки всего, чего можно, Советский Союз. Говорил Ворон не так, как обычно, а цветисто, по-старомодному. Как сказку рассказывал. Может быть, в самом деле считал партизан в смысле «политической грамоты» детьми-несмышленишками.

— Дело не в том вовсе, что русский человек по природе своей ленив и расслаблен, как нас западники убеждали, — внушал он бойцам. — Просто русские по отдельности словно и не существуют вовсе. Так, слоняемся без особого смысла... Толк от нас есть только как от народа. Когда соберемся вместе, в один хор, и грянем так, что небеса содрогнутся! Потому-то русским нужна общая, одна на всех идея в голове, что объединит и задаст цель. Вот тогда-то мы преображаемся! Успехов у нас те правители добивались, что не давали народу расслабляться, а ставили ему четкую задачу. Да, Петра I и Сталина вспоминают по-разному. Но первый сделал Россию европейской державой, а второй — мировой!

После Сталина, как понимал Колька ход мысли командира, с каждым годом становилось только хуже. Большая война с немцами, которую тот выиграл, на полвека сделала Россию великой и все ее шибко боялись. Но потом, из-за впавших в маразм правителей-старцев, в стране стало нечего есть и носить из одежды, потому она сама собой, по общему согласию, была упразднена и развалилась на куски. Дальше начиналась уже та часть русской истории, которую Кольке посчастливилось застать лично.

— Если же русского отпустить на самоопределение, то он тут же, прямо у тебя на глазах, начнет шерстью обрастать, — говорил Ворон и сам от своих слов, кажется, тоже зверел. Взгляд его становился пьяным, тяжелым. Лицо то и дело перекашивалось, словно собирался он кого-то укусить. — Когда коммунизм рухнул, мы, конечно, еще побарахтались, цепляясь за нефть и газ. Но было ясно уже — все гнилое насквозь, рванина, тлен, ткни пальцем — тут же развалится! А все почему? Потому что не было никакой цели! Народ бросили на обочине — подыхать от водки и безделья, сами же припали к корыту и жрали, не думая больше ни о чем!

Колька хорошо запомнил, как ткнули пальцем и развалилось. Переворот. Жизнь вдруг взяла да и крутанулась с ног на голову. Сегодня вроде как обычно — люди снуют туда-сюда по делам,

собачек в парке выгуливают, покупают телепрограмму в киоске на углу — а завтра за окном уже стреляют. Ну да, до того были трудности с продуктами в магазинах. Не всегда удавалось купить колбасу и сыр, цены росли едва ли не каждую неделю. Начались демонстрации, почти каждый день в центре Москвы собирались толпы народа и требовали чего-то. Чего — непонятно. Как рассказывали по телевизору, в мире везде было несладко — безработица, войны, лихорадка какая-то заразная в Африке. Отец привел Кольку на такой митинг рядом с Кремлем уже после того, как он стал постоянным, с палаточным городком, полевой кухней и сценой для концертов и выступлений. Когда на сцену залез высоченный мужик с суровым лицом героя боевика и, как певец, жадно схватил обеими руками стойку микрофона, толпа радостно загудела. Колька догадался, что это предводитель.

— Мы не уйдем отсюда, пока они не отдадут власть народу! — выкрикнул предводитель отчего-то слегка писклявым голосом. — Там, за этой стеной, сидят люди, укравшие у нас миллиарды! Они должны предстать перед судом! Они пугают нас хаосом — но хаос это то, из чего рождается новое! Читайте мифы Древней Греции!

Завершив под овации речь, киногерой спустился по лесенке со сцены, жал всем руки, красиво улыбался неестественно-белыми, как из рекламы жвачки, зубами и раздавал автографы. Прошло еще с месяц — и он, потрясая кулаком перед десятками телекамер журналистов, повел обитателей палаточного лагеря на штурм красных зубчатых стен. Было это, кажется, сразу после того, как доллар подешевел за день в два раза, и Колькина мать радостная бегала туда-обратно в обменный пункт покупать американские деньги. Кремль сдался на удивление легко, без крови и пострадавших, словно устал от вечно галдящей у себя под боком толпы и хотел, чтобы все поскорее закончилось. Победители для начала собрали временное правительство и решили написать новую конституцию. Как объяснил Кольке отец, сборник законов, по которым все вокруг должны жить. Но, видно, конституция писалась не очень, так как жизнь становилась только тяжелее. Продукты теперь были по карточкам, Москва опустела, многие разъехались по дачам. После девяти вечера на улицу уже не выйти: могли ограбить или даже пырнуть ножом. Из каких

неведомо щелей повылезали банды мародеров, что без разбору грабили и жгли магазины. Колька все надеялся: вот-вот явится двухметровый, белозубый дядька и наведет порядок. Но шли недели, месяцы, а он все не приходил. Видно, не одному Кольке надоело ждать. Однажды утром, воняя дизельным нимбом, на столичные улицы выкатились танки какой-то подмосковной дивизии. Так Колька узнал слово «путч», на его вкус ужасно звучащее и описывающее скорее проблемы с пищеварением. Ну а потом вообще начался сущий ад: война, эвакуация, бандитские налеты...

Ворон, напротив, очень был доволен тем, что все догнило до самого основания и вот так, с треском, рухнуло.

— Теперь можно строить с нуля! С самого фундамента! — говорил он и многозначительно поглядывал на Кольку, будто ожидая в ответ такого же непростого взгляда. Затем начинал перечислять, как же будет выглядеть эта стройка.

Пункт первый, самый насущный — изгнать интервентов. Пункт второй — устроить публичный суд над теми, кто низвел страну до такого позорного состояния. В виновники Ворон записывал как прежнюю власть, так и белозубого предводителя, которого загадочно именовал «пятая колонна». Пункт третий звучал для Кольки туманно: «довести до конца Октябрьскую революцию, установить подлинное народовластие». Четвертый и все дальнейшие пункты числом, кажется, двенадцать Колька вообще не помнил. Возможно потому, что самому Кольке вполне хватило бы исполнения одного первого пункта, вслед за чем он собирался немедленно отбыть в Крым, на родину отца, куда три года назад, как хотелось верить, благополучно добрались родители с младшей сестренкой. Застать всех врасплох, возникнув однажды на пороге — вытянувшимся сантиметров на тридцать, раздавшимся в плечах, в военной форме, с парой орденов, которыми Ворон обещал наградить после победы. Сказать — между прочим, словно расстались неделю назад:

— Ну что, не ждали? Забыли уже меня наверное?

Потом начнутся охи, ахи, слезы-сопли, рассказы о боевых подвигах и, конечно же, застолье. Все выйдут в цветущий сад — а Колька верил, что победа опять непременно случится весной —

и на столе под белоснежными от цветов деревьями будут стоять они, пироги с яблоками, мясом и черникой. Мать пекла их обычно по воскресеньям. С самого утра замешивала тесто и ставила под письменный стол в белой эмалированной кастрюле. Колька знал: тесто должно *подойти*. Доползти до самого верха. Видимо, чтобы получилось пирогов побольше. Он тайком лазил под стол, стаскивал с кастрюли марлю и увлеченно тыкал пальцем в пухнувший, казавшийся живым, упругий шар. Сколько ни объясняли ему, что происходит в кастрюле с научной точки зрения, саморастание теста так и осталось для Кольки тайной, созвучной с самой тайной жизни. Потому, когда тесто раскатывали и резали, он в раннем детстве отворачивался, жмурил глаза. Жалел его, как кошку или птичку. Когда же мать укладывала стройные ряды белесых заготовок на противень и обмазывала их яичным желтком, Колька убегал в самую дальнюю комнату их просторной квартиры, всегда пустую гостиную с кожаной мебелью и гравюрами на стенах. Забирался с ногами на высокомерный, холоднокровный диван и терпеливо ждал, перелистывая толстенный анатомический атлас. Когда запах пирогов пробирался, наконец, в гостиную, это означало что-то вроде приглашения. Можно бежать на кухню, снимать первую пробу. Здесь, в отряде, Кольке часто снился этот расплзающийся по дому запах. Теплый, наполняющий истомой, сытостью и ощущением того, что *все хорошо*.

* * *

За все то время, что были они знакомы, Колька крайне редко видел Ворона довольным. Разве что после очередной дерзкой боевой операции, когда все удавалось провернуть эффектно и без потерь. В такие моменты Ворон походил чем-то на блин — горячий, только что подрумяненный на раскаленной сковородке да еще смазанный щедро сверху сливочным маслом. Так вот, последние недели блинное выражение удивительным образом почти не сходило с лица командира. Колька на этот счет искренне недоумевал. Обычно Ворон был сух, замкнут, придиричив даже к мелочам. Сейчас же, после позорного Колькиного провала, даже не настоял на продолжении моральной экзекуции. Напротив, по

возвращении в бункер неожиданно вручил плитку побелевшего от времени шоколада.

— На, отпразднуй, Головастик. Тринадцатый с начала года БТР как-никак. Чертова дюжина.

Пока Колька, пытаясь не растратить ни единой крошки, тупо, по-коровьи пережевывал засохшую, с привкусом пластмассы шоколадку, голова сосредоточенно размышляла над причинами великодушия Ворона. Отматывала назад серые, одинаковые дни, пытаясь вычислить, когда и почему с командиром случилась чудесная перемена. Колька долго перебирал, рассматривал так и эдак воспоминания, пока, наконец, его не осенило.

Конечно же, Диггер!

Нарисовался этот тип на горизонте пару месяцев назад. Новички вообще-то были редкостью, но его будто сама судьба подбросила. Ворон тогда замутил с другим отрядом дерзкую операцию — налет на конвой с топливом на Киевском шоссе. Когда уходили под обстрелом, к ним прибился чужой мужичонка-партизан. Неприметный такой, росточка метр с кепкой, возраст — лет за сорок, если судить по седым подпалинам в блестящих, словно вымазанных салом иссиня-черных патлах. Только глазенки — острые, непоседливые, любопытные, шныряют туда-сюда словно у хорька. Уже оставшись в отряде, чужак рассказал, что до войны работал парикмахером — история, Кольку жутко насмешившая. Парикмахер — и в партизаны! На том сюрпризы не закончились. Во время первого же разговора с командиром парикмахер провозгласил себя убежденным анархистом. Верил он, другими словами, в то, что люди могут прожить своим умом, без всякого государства или правительства. Ворон, пусть и считался «государственником», против бойца-анархиста возражать не стал. Сказал: «Лучше человек с противоположными убеждениями, чем вообще без них». В отряде парикмахер вел себя скромно и тихо. До тех пор, пока однажды вечером после стакана самогона — полного, с краями — не влез в спор о том, как лучше выкурить из Москвы интервентов:

— Стена говорите? Высокая? Не перелезть? Даже по пожарной лестнице? Ой, ой, ой... А если мозги включить? Заржавели? Так, за подсказку плесни еще сто грамм... Теперь скажу. Под Москвой, чтоб вы знали, выкопана хренова туча тоннелей. Можно

с окраин хоть до Кремля дойти. Было время, я от Сокольников дополз по коллекторам до самого «Метрополя». Вонь потом неделю с себя отмывал...

Ворон нередко подслушивал вечерами треп партизан — хотел быть в курсе, как он это называл, «настроенный масс». Потому Колька вовсе не удивился, когда командир возник вдруг из полутьмы подземелья и шагнул к электрической печке, вокруг которой бойцы, сидя на пустых ящиках, вдыхали по-наркомански жирный запах кипящей в ведре лосятины. Обшарив взглядом новичка, ухмыльнулся. Обронил небрежно странное слово:

— Значит, ты у нас *диггер*? Пойдем, поешь у меня. Расскажешь про былые подвиги.

Так у новичка-парикмахера и появилось прозвище. Диггер. Кольке потом объяснили: диггерами называли отморозков, что в поисках острых ощущений, рискуя жизнью, шатались по подземным коммуникациям и нередко там гибли. Командир же с того самого дня начал обхаживать хорьковидного парикмахера. Теперь они проводили вместе едва ли не каждый вечер, уединяясь в комнате Ворона в бункере. Колька из ревности между делом даже заподозрил командира в противоестественной любви. Но, к его большой радости, все объяснилось иначе. Однажды вечером, проходя мимо командирской каморки, он обнаружил дверь туда слегка приоткрытой. Не сумев побороть нахлынувшего искушения, встал неподалеку, прислушиваясь. Ворон и парикмахер вполголоса, но горячо обсуждали тоннели метро и, похоже, рисовали какую-то карту.

«Диггер, похоже он», — сделал Колька окончательный вывод и энергично задвигал челюстями. Домучив шоколадку, торжественно извлек из рюкзака драгоценный трофей, подушечку мятной жвачки. Ничего не поделаешь, гены. Отец — стоматолог. Чуть ли не с пеленок помешан Колька на здоровых зубах. Среди партизан, понятное дело, ухищрения по борьбе с кариесом не находили должного понимания. Какой тут кариес, если не уверен, будешь ли жив через неделю? Но Колька не поддавался, во всем проявлял упрямство, а тут вообще стоял как скала. В конце концов, и покойник лучше смотрится со здоровыми зубами, разве нет? Пожевав мятную субстанцию ровно три минуты, аккуратно достал изо рта то, во что превратилась белоснежная подушечка

с гладкими боками. Вздыхнув с сожалением, тщательно завернул бесформенный комок в кусочек военной карты и улегся на железную койку, выдавив спиной из сетки надрывной, недовольный скрип. Обычно вслед за тем он тут же проваливался в бесчувственный, хотя и тяжелый из-за закупоренного пространства сон. Но сегодня отчего-то не спалось. Мятный привкус во рту растравил воображение, извлекая из памяти яркие, сгоняющие сонливость образы. Кольке пригрезился районный супермаркет через дорогу от дома. Вот он заходит внутрь через бесшумно раздвигающиеся двери. Видит у кассы россыпи жвачки всевозможных форм и расцветок, как разложенные по сундучкам драгоценные камни в пещере Али-бабы. Подходи, загребай горстью, набивай карманы! Тогда немыслимое это изобилие оставляло его равнодушным, а сейчас он безмерно рад пережевывать по три раза одну-единственную подушечку. Почему? Может, жвачки — или чего-то там еще — не должно быть сильно больше, чем человека? Иначе не почувствовать толком, не порадоваться? Может, вообще жизнь нормальная накрылась от того, что вещей стало слишком много? Люди не жили, а вещи выбирали — каждый день, каждую минуту. Получше, повыгоднее. Жизнь текла себе и текла, а они стояли в сторонке, спиной к ней. Как на новогодней распродаже копались в куче шмоток, ничего больше не замечая. Колька и сам не знал в точности, что хочет обозначить словом «жизнь», но при том осознавал: она существует сама по себе, и люди вовсе не творцы ее и главные действующие лица. Нет, скорее пассажиры, что могут войти в поезд или выйти из него на станции. Поезд этот ведут не они, а машинист, которому, по большому счету, до пассажиров дела мало, а нужно перегнать в целости и сохранности состав из пункта А в пункт Б... Сделав этот парадоксальный вывод, Колька немедленно ощутил чудовищную, превышающую последнюю меру его сил усталость и тут же заснул без задних ног.

* * *

Голдстон пришел в себя от того, что ему словно шилом кольнули точно в затылок. Резкий запах лекарства. Голове было горячо, остальное тело мерзло, как в холодильнике. Он лежал на мяг-

ком то ли пледе, то ли одеяле. Вонь резиновой гари жгла горло, заставляя дышать мелкими рыбьими глотками. Все вспомнилось сразу, как в лицо плеснули ледяной водой.

— Партизаны... Взрыв...

Из темной туманности, клубившейся в голове и мало-помалу снова подчинявшей сознание, ему ответил голос. Он потом не раз пытался в точности вспомнить его. Размышлял, кто же с ним говорил — да и говорил ли вообще.

— Вы в полной безопасности. Считайте, что родились заново.

Соскальзывая обратно в темноту, Голдстон при том сознавал, что поднимается в воздух. Он — или его душа. Как-то сразу поверилось, что она в самом деле у него есть. Он в ужасе замер, обратив свое длинное тело в антенну и стараясь уловить идущие изнутри сигналы. Сигналы явно шли, причем не затухая. Жив. Точно жив. Разве что голова не в порядке. Вот-вот сама готова взорваться. Только когда ему вкололи что-то в плечо и протерли лицо, адская боль начала отпускать.

Обезболивающее вытолкнуло тело в соседнее измерение, погрузило в многослойную смесь реальности и сна. Голдстон ясно воспринимал все, что видел вокруг, однако ему тут же казалось, что он вовсе не лежит на носилках, а свободно плавает в некоей коконоподобной емкости, заполненной маслянистой, выталкивающей его пробкой наверх жидкостью. Жидкость вязко колебалась в зависимости от крена вертолета. В момент посадки нос задрался вверх, и Голдстон очень испугался, что она выплеснется наружу и разольется по всему салону. Когда носилки вытащили из вертолета, краем глаза он заметил еще одни. Прямоугольный профиль. Глаза закрыты. Вспомнилось имя: Марчелло. Бедняга, так и не успел уехать отсюда. Россия вообще жестока к итальянцам. Под Сталинградом их перебили сорок тысяч. Зачем они были там? Все равно никакого толка... А вот итальянская паста — это здорово. Лучшую пасту в Оксфорде в годы его юности делали в забегаловке «Бар Джо» в Саммертауне. Еще там подавали отличные бараньи ребрышки...

От мысли о жареной баранине затошнило. Покачиваясь, в поле обзора всплыли верхние этажи лилового здания с похожими на бойницы квадратными окнами. Здание нависало над ним,

беспощадно вдавливая в землю своей непереносимой тяжестью. От испуга он опять закрыл глаза. По ушам ударил металлический звук, как будто рядом волокли лист железа по асфальту. Механический голос прогрохотал по-русски: «Этаж номер шесть».

— Что с ним?

Говорила невидимая молодая девушка, наверное медсестра. Как показалось, совсем сухо, без малейшего сочувствия.

— Внешних повреждений нет. Но взрыв был сильный. Машины выбросило с дороги.

— Взрыв? Где?

— На шоссе из аэропорта. Немного не доехали до Стены.

Смысл слов, преодолевая вязкое сопротивление маслянистой жидкости, доходил с существенной задержкой. Только когда разговор иссяк, Голдстона осенило: он в ловушке, за стеной, окружающей город по периметру. Это открытие сначала вызвало шок, следом приступ суетливой паники. Немедленно бежать! Сначала отсюда, потом из города! Собравшись с силами, он попробовал выбраться из ванной, в которой плавал. В последний момент его подхватил за китель взявшийся из ниоткуда человек в голубоватой одежде. Голдстон уже успел увидеть прямо перед собой кофейно-коричневый, блестящий от яркого освещения пол.

— Куда, куда?!

— Имя... имя, — бормотал Голдстон, не в силах больше подняться над носилками. — Надо вспомнить имя... Кто я такой?

— Откуда я знаю... — беззлобно отмахнулся санитар. — Мне просто сказали отнести вас на шестой этаж.

Носилки занесли в морозно-белый кабинет, где все тело тут же свело от мелкой, наждачной дрожи. Масляная жидкость начала быстро покрываться морозной коркой. Стало жутко — что, если он окажется замурованным на дне емкости под толстым слоем льда?

— Лед, надо ломать лед! — лепетал Голдстон, когда в кабинет вошли еще люди.

Словно догадавшись, что его беспокоит, двое из них приблизились к Голдстону и протянули к нему руки в желтоватых латексных перчатках. Сознание, сосредоточившись на этих руках, странным образом тут же приблизило их, выделив из всего, что

было вокруг. Четыре гигантские руки существовали сами по себе, словно инопланетная, чужая форма жизни. Они легко прошли через лед и тот треснул. Голдстон, вынырнув на мгновение из своего полусна-полуяви, догадался, что его раздевают. Вдруг стало стыдно. Он пробовал сопротивляться, бормотал: «Не надо, я сам». Эти потуги отняли последние силы, и, не удержавшись на границе между сном и явью, он начал быстро соскальзывать куда-то в темные глубины.

* * *

— Еще один.

— Когда же они, наконец, закончатся?

— Сам знаешь когда... Эй, пора уже прийти в себя!

Кто-то от души дубасит его по щекам. Даже не ладонью, а, скорее, почти сжатой в кулак пятерней. Глаза открываются нехотя — похоже, его не ждет ничего хорошего. В самом деле, он очутился в престранном месте. Похоже на полутемный просторный гараж. Лежит на чем-то, напоминающем каменный стол. Спина, руки, ноги — все одеревенело от дикого холода. Он пробует двинуть ногой — но та, как мертвая, даже не шевелится.

— Не гони, не гони... Минут десять надо просто полежать... Этот пришел в себя, пойдем к следующему.

Первой мало-помалу отходит голова. Он поворачивает ее сначала направо. Там, похоже, такой же «стол» — на самом деле здоровенная скамья на фигурных звериных лапах. На ней распласталась голая, заплывшая жиром женщина. Рыжий бородатый детина, одетый в подобие короткой туники из серых тряпок, трясет ее за плечи. Серое, изъеденное оспинами лицо бородача одновременно выражает и отвращение, и злорадование:

— Пора просыпаться! С недобрым утром!

Слева — еще один стол, с неподвижным мужским телом. Нескладный, чудовищно худой парень в такой же, как и рыжий, мешковатой тунике дергает тело за руку, приговаривая неуверенно, почти с испугом:

— Просыпайся! Вставай!

— Когда ты наконец научишься? — рыжий, кажется, недоволен. — Иди-ка, отведи лучше вот этого. Через минуту он сможет ходить.

И показывает на Голдстона.

Послушно кивнув, худой исчезает на время из поля зрения и снова появляется уже с каким-то бесформенным тюком, который бережно прижимает к груди.

— Одевайся! — говорит он все так же боязливо и бросает сверху на Голдстона комок колючей мешковины. Теперь Голдстон понимает — на нем тоже совсем ничего нет.

— Куда его отвести?

— Сейчас, дай глянуть...

Рыжий оставляет толстуху, что по-прежнему не подает никаких признаков жизни, и удаляется в невидимую глубь комнаты.

— На пятой улице позавчера забрали жильца, — наконец подает он голос. — Номер сорок девять. Веди его туда. Только не болтай лишнего!

Когда рыжий возвращается, в руках у него черная лохматая плетка с металлическими проблесками. Встав спиной к Голдстону, он упруго размахивается, потом раздается короткий свист и хлесткий удар мертвой кожи по живой. Женщина тихо стонет.

— Ну наконец-то, — радуется рыжий. — Вставай, у меня сегодня еще около сотни гостей...

Тощий тем временем пытается привлечь к себе внимание ошалевшего от увиденного Голдстона.

— Пойдем, надо спешить...

Когда Голдстон встает на ноги, взгляду открывается прежде невидимая часть помещения с серыми, но не бетонными стенами и крохотными, размером с книгу оконцами, через которые льется такой же сероватый мутный свет. Вдоль стен навалено что-то бесформенное. Свет проходит через оконца тоже с той стороны, видно еле-еле, потому только у выхода Голдстона озаряет — это человеческие тела, десятки голых неподвижных тел. Ужас, выжидающий из-за липкий пот, настигает его уже за дверью.

— Кто, кто эти люди? — бормочет он, тыкая пальцем себе за спину.

— Они ждут своей очереди, — отвечает тощий. — Скоро тоже проснутся.

Голдстону сводит внутренности от отвращения. Неужели совсем недавно он лежал, как расчлененная мясная туша, в этой куче? Хочется залезть в душ, отмыться, отдраить себя от следов чужой человеческой плоти. Но с душем в этом странном месте наверняка проблемы. Оно выглядит как масштабная декорация к съемкам фильма о далекой древности. Его ведут по мощенной неровными желтоватыми камнями кривой улочке, вдоль одноэтажных, кособоких глиняных домов с плоскими крышами и крохотными окнами-бойницами. Небо чистое, без единого облачка, но странно тусклое и тоже с желтым оттенком. Время от времени порывистый, горячий ветер пригоршнями бросает в лицо едкую кислотную пыль — такую противную, что каждый раз приходится покорно упирать взгляд себе в ноги. Не говоря друг другу ни слова, они медленно тащатся вверх по улочке, пока не сворачивают на что-то, напоминающее площадь. Голдстон тут же замирает в изумлении: площадь плотно забита людьми. Все точно в таких же, как и у него, нарядах из мешковины. Большинство молча стоят на месте, другие негромко беседуют друг с другом.

— На площадях жильцам раздают хлеб. Два раза в день — сразу после рассвета и перед закатом.

Тощий ведет его через толпу, пару раз здоровается с встречаемыми. Люди выглядят вроде бы совсем обычно, но многие заметно нервничают, вздрагивают, когда замечают новичка. Вдруг кто-то восклицает:

— Это же Иблут! Да? Так тебя зовут?

Голдстон недоуменно вскидывает взгляд. Лысый толстяк впери в него светлые, почти бесцветные глаза.

— Нет, нет... Это не мое имя...

— Но если не Иблут, то кто?

— Может быть Даннум?

— Хадум?

— Кишум?

Вокруг сжимается кольцо из людей. Каждый пытается назвать его по-своему. Голова начинает будто вращаться вокруг своей оси, толпа колыхается, плывет, сливается в одно серое пятно.

— Как же тебя зовут? — спрашивает наконец его спутник. — Скажи им!

Он морщится, шарит внутри головы — нет, ничего. Хадум, Кишум, Иблут.

— Не знаю. Не помню.

Толпа неожиданно отзывается радостным гулом и быстро расходится.

Когда они достигают другого конца площади, Голдстон, наконец, оглядывается по сторонам. Место это находится на возвышении. От площади во все стороны уходят кривые уродливые улочки с одинаковыми кособокими домишками. По линии горизонта город опоясывает уходящая в небо, невероятно ровная, как подрезанная сверху, горная гряда. Или не гряда?

— Что это? — спрашивает он у тощего.

— Стена, — отвечает тот нехотя. — Она защищает нас.

— Защищает? От кого?

— Говорят, от какой-то живой тьмы. Наверняка знают только жрецы. Но лучше не расспрашивай меня об этом.

— Почему же?

Тощий молчит, отвернув голову в сторону. Кажется, едва удерживается от того, чтобы не зажать себе рот рукой.

— Зачем нужны жрецы?

— А ты не расскажешь, что я проговорился?

— Нет, не бойся.

— Они отдадут нас Стене. Каждый день приходят к жильцам и забирают кого-то с собой.

— Отдают?

— Оставляют внутри. Закладывают камнями и оставляют. Стене нужны наши силы, чтобы выстоять.

Потом провал в памяти. В себя он приходит, лежа на жесткой кровати в крохотной полутемной комнатушке. В голове одна-единственная мысль: вот-вот за ним должны прийти. И правда — раздается настойчивый стук в дверь. Звук все сильнее, объемнее — кажется, еще немного, и взорвутся барабанные перепонки. Не в силах выносить грохот, он бросается на дверь, распахивает ее — и слепнет от потока холодного белого света.

Глаза открылись с усилием, словно на каждое веко, как покойнику, положили сверху по старинной тяжелой монете. Взгляд сразу уперся в круглый белый циферблат часов на стене. Они показывали одиннадцать. Вечера? Утра? Больничная комнатка с наглухо задраенным окном и кондиционером. Приглушенный свет вделанных в потолок мини-ламп. Голдстон лежал в кровати под простыней, и на нем, кажется, ничего не было, кроме белья. Он попробовал шевельнуть рукой, ногой. Откинув простыню, внимательно осмотрел худое и какое-то слишком белое тело. Справа на груди зеленел здоровый синяк. Когда решил приподняться, появилось ощущение, что в голове плещется вода. Встал, по-индийски завернувшись в простыню, прошелся босиком туда-обратно по кафельному полу. Голова подкруживалась, слегка шатало, глаза воспринимались как две болевые точки — но не более того. Ярко, во множестве деталей, вспомнился пыльный кособокий город. Господи, что это было? Сам до такого не додумаешься — морг наоборот... Точно не сон, скорее похоже на галлюцинацию. В колледже, помнится, по дурости сжевал таблетку какой-то веселящей дряни, эффект был похожий. А разбудил его, скорее всего, стук в дверь. Кто-то приходил и ушел не дождавшись ответа. Через полчаса, когда Голдстон, сидя на кровати, все еще тупо размышлял, что предпринять, в дверь опять постучали. Едва в палату вступил полноватый, с добродушным лицом врач в голубом одеянии, Голдстон заметно подался назад, будто увидел привидение. Гость был ярко-рыжий, с короткой, округлой огненно-рыжей бородой, обрамлявшей его лицо, как лучики света диск солнца на детских рисунках.

Увидев пациента сидящим на кровати, прямо с порога деловито обронил:

- А, наконец вы пришли в себя! Как самочувствие?
- Голдстон наморщил лоб, пытаясь задавить головную боль.
- Кажется, жив. Но вам, наверное, виднее?
- Врач в упор не заметил шутку. Взял молча стул, сел напротив.
- Что-нибудь болит?
- Голова. То есть сейчас она болит, а прежде раскалывалась.
- Вы понимаете, где находитесь и какое сегодня число?

— Подозреваю, что в какой-то московской клинике. Я прилетел пятого марта, в четверг. У меня здесь много дел, потому надеюсь, что сегодня максимум шестое.

Врач кивнул, словно услышав правильный пароль.

— Да, вы в госпитале для командного состава. Сегодня шестое марта, пятница... Свет не беспокоит?

Голдстон попробовал улыбнуться:

— Когда вспоминаю, что выжил, то не очень.

— Видите ли... Из-за контузии обычно сильно повышается раздражительность.

— Каков диагноз целиком?

— Помимо контузии только пара гематом. Ну и отходняк после сильного обезболивающего.

Голдстон наострил уши.

— Очень сильное? Как наркотик?

— Да. А что?

— У меня было что-то похожее на галлюцинации. Я, кажется, видел вас — но... очень странно.

Врач с готовностью закивал головой, словно как раз это и собирался обсудить.

— Придется понаблюдать вас здесь недельку-другую.

— Понаблюдать?

Слово прозвучало неприятно, будто речь шла о подопытном животном.

— Да. Видите ли... — на лбу у врача сошлась скорбная вертикальная складка. — Мы сделали энцефалограмму мозга, и она выглядит... довольно необычно. Есть подозрение, что участки коры пострадали от декомпрессии. Галлюцинации могут быть следствием. Знаете, в бесспамятстве вы вели себя крайне нестабильно. Все время хотели убежать из города...

Голдстон быстро отвел взгляд. Спросил, прикрывая панику глупым смешком:

— Что, есть правила, как вести себя в бесспамятстве?

Складка снова разделила лоб врача. Вот-вот скажет свое снисходительное «видите ли».

— Видите ли...

— Можно без «видите ли»?!

Рыжебородый покосился на дверь. Кажется, уже обдумывал пути отступления. Голдстон, испугавшись, что сейчас его окончательно запишут в психи, торопливо встал:

— Сами говорили — у меня раздражительность от контузии.

Врач кивнул головой. Извинения принимаются.

— Штабс-капитан, я просто не имею права выпустить отсюда человека с подозрением на психические отклонения. У нас тут очень специфическая обстановка. Даже нормальные люди легко сходят с рельсов... Хотите открою небольшую служебную тайну? Никогда не слышали про синдром Стены?

Голдстон сглотнул сухим дерюжким горлом.

— Нет. В чем симптомы?

— Навязчивое желание вырваться за Стену. Куда угодно, хоть к партизанам. Стена, которая вроде бы защищает, воспринимается как угроза. Только зафиксированных случаев почти тысяча за два года. Каждый сотый из проходивших здесь службу. Треть заболевших сошли с ума. Согласитесь, рискованно выпускать вас в город, не разобравшись до конца.

Голдстон завис на пару секунд, потом неуверенно спросил:

— И что же говорит наука?

— Да все банально. Разновидность клаустрофобии. Один мой коллега даже занялся исследованием средневековых летописей. Хотел проверить, не случалось ли подобного, когда люди долгое время — месяцы, а то и годы — жили в осажденной крепости. Подробно, к примеру, исследовал осаду католиками протестантской Ла-Рошели в начале семнадцатого столетия...

Рассказ о невероятных страданиях гугенотов, которые от голода ели собак, кошек и друг друга, дал время сосредоточиться. Голдстон понял, каким был идиотом. Когда врач наконец закончил, он выложил козырь, все это время лежавший у него под рукой:

— Давайте начистоту. Совсем не против того, чтобы понаблюдаться. Если честно, не был в отпуске уже три года. Но *видите ли*, я здесь, увы, не сам по себе, а с конфиденциальным поручением еврокомиссара по делам вооружений. Любую задержку нам придется объяснять начальству в Берлине. Вы готовы к такому повороту?

Упоминание Кнелла, в самом деле, чудесным образом развернуло ход словесного поединка. Врач, глядя в потолок, довольно фальшиво изобразил сцену раскаяния.

— Поймите правильно, никто не говорит, что вы псих. Кризис очень переформатировал наше мироощущение. Вся жизнь теперь — постоянная, ни на минуту не прекращающаяся осада. Включишь телевизор — там война, мигранты, эпидемии. Неудивительно, что хочется куда-то сбежать... Давайте поступим так — вы просто побеседуете с нашим психиатром. А потом можете отправляться на все четыре стороны. Как вам такой план?

Голдстон попробовал нащупать глазами на лице собеседника возможный подвох. Нет, кажется ничего подозрительного.

— Договорились.

— Вот и славно. Кстати, где вы собирались остановиться? Куда вас отвезти?

— Канцелярия оберста Свенссона посоветовала мне гостиницу при штабе в Кремле.

Рыжебородый уважительно поцокал языком.

— Обычных смертных вроде меня к Кремлю и близко не подпускают. До войны хоть можно было на экскурсию сходить. Приехать туристом.

Когда врач ушел, Голдстон без сил растянулся на кровати, пытаясь успокоить пульсирующие толчки внутри головы. Вот оно что. Триста человек сошли с ума. Только здесь, в Москве. А ведь есть такие, как он. Внешне благополучные, скрывающие свои фобии. Есть те, кто делал рейтинги бесчисленным телерепортажам о строительстве Стены. За всем этим должны скрываться какие-то очень могущественные силы. Схожие с законами физики, объективные и вездесущие, способные воздействовать на поведение одновременно миллионов людей.

* * *

Тверская улица сразу, в лоб, напомнила слепок с лондонской Риджент-стрит¹. Тот же знакомый, вытянутый изгиб — словно вмятина от громадного бумеранга. Но главные цвета, серый и коричневый, были не английскими. Принадлежали тому самому,

¹ Риджент-стрит — одна из главных улиц Лондона.

так и не сотворенному до конца миру, который открылся вчера Голдстону с трапа самолета. Серо-коричневая гамма, как маскировочная сетка, укрывала массивные ампирные здания, делая их зыбкими и нечеткими, почти потусторонними. Но едва Тверская оборвалась и автомобиль выкатился на дальние подступы к Красной площади, серое, действительно, безоговорочно уступило красному.

— Знаете, что Кремль сначала был белым? Перекрасить его приказал Сталин после войны.

Голдстон вздрогнул. Неужели водитель читает мысли? Потом подумал — ничего сверхъестественного. Цвет определяет что-то очень важное для этого монохромного мира. Только вот что именно?

Автомобиль ехал со скоростью пешехода. Угловая кремлевская башня медленно росла, надвигалась, закрыв в конце концов весь обзор. Пораженный, Голдстон не мог оторвать взгляда, чувствуя себя крошечным, почти не существующим, и, вместе с тем, находя в том сильное удовольствие. Какое-то воспоминание легко, по касательной кольнуло мозг. Тут же отскочило, растворившись в темноте. Когда машина притормозила у железного ограждения, Голдстон торопливо опустил стекло и высунулся наружу. Было уже довольно темно. Светящиеся алые звезды двух кремлевских башен плавали на недостижимой высоте в морозном, колком, как газировка, воздухе. Он сам, напротив, обретался где-то на дне глубокого, тесного ущелья, пролежавшего между стеной Кремля и громоздким неосвещенным зданием слева. После этой черной дыры Красная площадь показалась безмерно просторной и невыносимо светлой из-за бесчисленных лучей софитов, пронзавших тут и там молочную полутьму серебристыми отточенными иглами. Лишь мавзолей, похожий на плотно сбитый шоколадный торт, придавил ненадолго своей гранитной тяжестью, проплыв торжественно справа за окном. Голдстон подумал: странно, этот языческий зиккурат на удивление ловко вписался в общий рисунок площади. Те, кто поставил его здесь, сознательно или нет принимали историю, обустроившую площадь задолго до них, хотели стать ее частью. А потом впереди, за лобовым стеклом, будто взорвался цветной салют. Веселый, бесшабашный, почти

карнавальный собор на другом конце площади. И Голдстон наконец припомнил то, что не удалось с первого раза вытянуть из закоулков памяти.

Лет в шесть дед Юрий Дмитриевич подарил ему на Рождество елочную игрушку — собор Василия Блаженного. Она была небольшой, с дедов кулак. Но все пять или шесть разноцветных башенок с куполами-луковками, все крестики и окошечки, даже узорные точки на куполах были отлиты очень искусно, потому игрушка смотрелась точной копией собора в миниатюре. Это невероятное сходство отчего-то впечатлило воображение маленького Джона. Он представлял, как становится совсем крошечным, меньше гулливеровских лилипутов, и забирается внутрь. А там — бессчетное число лестниц, переходов и секретных дверей, которые могут вести куда угодно, даже на другие планеты. Неудивительно, что в своих снах он часто бродил внутри собора, тыкаясь раз за разом в эти двери и пытаясь их открыть. Двери поддавались с трудом, как будто кто-то держал их с другой стороны. Джон мучился, толкался и просыпался на последнем усилии, так и не прорвавшись в иные миры... Детские воспоминания на минуту снова превратили Голдстона в ребенка. Он разглядывал Кремль, а видел перед собой заколдованный замок. Бесстрашному рыцарю Джону Белобрысому суждено провести здесь несколько ночей. Вступить в схватку с ужасными монстрами и неведомыми тварями. Освободить из заточения местную красавицу и, в конце концов, увезти с собой в Берлин сундук с бесценными сокровищами.

Офицер службы безопасности, встретивший его у Спасских ворот, оказался издевательски длинным и худым типом. Один в один его знакомый из города за циклопической стеной. Когда миновали арку ворот, очутившись внутри Кремля, Голдстона снова качнуло куда-то на серые, покрытые едкой пылью улицы. Он с силой сжал кулаки, пытаясь зацепиться за реальность. Как ни странно, это помогло. Улавив формальности, лейтенант нерешительно поинтересовался:

— По утвержденному ранее графику у вас в шесть встреча с оберстом Свенссоном. Но после всего, что произошло, он готов перенести ее на другой день...

«Откажись, немедленно откажись!» — горячо воззвало к Голдстону только-только воскресшее тело, но холодная логика тут же остудила этот позыв — в образе контуженого героя будет проще заполучить у Свенссона то, что ему нужно.

— Я... Я в полном порядке. Готов встретиться с герром оберстом сразу после того, как приму душ и переоденусь.

Даже сам процесс произнесения фразы заставил Голдстона сделать серьезное усилие, чтобы подавить дрожь в ногах. Офицер с сомнением покосился на него, словно уловил это дрожание, но ничего не ответил. Идти, к счастью, оказалось совсем недалеко. Прямо за Спасскими воротами они уперлись в угол скучного четырехэтажного здания с колоннами, покрашенного в грязно-желтый цвет. Свернув направо, прошлись вдоль Кремлевской стены и очутились перед неприметным крыльцом с полированной деревянной дверью.

— Всего-то? — пробормотал Голдстон с вялой улыбкой, неуверенно пытаясь уклониться в сторону от накатившей дурноты, вежливо пропустить ее вперед. — А я-то думал, что буду спать в мавзолее рядом с Лениным. Как он, кстати, поживает?

Лейтенант сначала зашелся в приступе надрывного, почти чахоточного кашля, потом уже засмеялся.

— С Лениным все в порядке, герр капитан. Раз в три месяца его отмачивают в специальной ванне, и выглядит он, поверьте, гораздо лучше, чем те, кого привозят в армейский морг из-за Стены.

Голдстон представил ванну с зеленоватой жидкостью. Сморщенное тело стопятидесятилетнего старца с небольшой, острой бородкой. С языка сорвалось:

— Плетью его не бьете?

— Простите?

— Так, неудачная шутка...

Но тут лейтенант потянул на себя входную дверь, и его худое, обтянутое кожей лицо ушло в тень. Так, что на секунду привиделось — то не лицо вовсе, а белый, с чернеющими глазницами череп. Голдстон перехватил судорожно дверь рукой, оперся на нее, снова пытаясь удержаться, не соскользнуть непонятно куда.

За дверью им открылся почти коридор во времени. Внутренность здания с колоннами могла выглядеть точно так же и сорок, и шестьдесят лет назад. Все по-советски невзрачно и аскетично. Светло-коричневые деревянные панели, лампы дневного света, пара прямоугольных зеркал, отражающих гардероб с рогатой шеренгой вешалок. Лейтенант, похоже, решил, что гость разочарован.

— Незадолго до войны в корпусе затеяли ремонт, но довести до конца не успели. У нас была другая забота — переделать часть офисов в апартаменты. Раньше в Кремле почти никто не жил. Если честно, вообще никак не могу взять в толк, зачем штаб разместили именно здесь. Две трети зданий в Москве стоят пустыми.

Голдстон вспомнил — Кнелл однажды разговаривал с ним об этом. Почему Кремль, почему Москва. Тоже считал, что Европа повела себя крайне иррационально. Это была символизация победы — правда, во многом над самими собой. Европейцы, говорил Кнелл, с начала семнадцатого столетия не могли избавиться от сложного комплекса чувств по отношению к русским. Смеси страха и тайного восхищения перед нацией, которая не жалеет себя и потому способна на все. Нацией, чье поведение невозможно предсказать и контролировать. Мысль, ставшая со временем паранойей, от которой Европа мечтала излечиться веками. В качестве подтверждения его босс цитировал, среди прочего, пассаж из написанного будущим канцлером манифеста Партии спасения Европы:

«Целых четыреста лет восточная оконечность Европы, изобилующая природными и человеческими ресурсами, а также взрывоопасными идеями, нависала над западной как смертоносная гигантская глыба, готовая в любой момент сорваться с места и уничтожить все на своем пути. Наша задача состоит в том, чтобы исключить любые формы зависимости от России — экономические, военные, политические, культурные. Нельзя жить в постоянном страхе быть раздавленным в тот момент, когда русский медведь решит почесать свой зад у себя в берлоге».

Отведенная Голдстону комната на четвертом этаже смотрелась по нынешним военно-кризисным временам роскошно: мебель из красного дерева, узкая, но красивая кровать с высокой спинкой, настольная лампа, накрытая изумрудным абажуром, книжный шкаф. Вытянутое прямоугольное окно открывало вид на мощеную площадь и созвездье древних белокаменных церквей, чьи золоченые купола походили на выводок грибов с крепкими круглыми шляпками. Снова вспомнилась волшебная дедова игрушка из детства. Все выглядит так, что он открыл, наконец, одну из тех секретных дверей... Разложив дрожащими руками вещи в шкафу, Голдстон поковылял в душ. Режим всеобщей экономики в Кремле очевидно не соблюдался. Струя, лившаяся из душевой воронки, была по-настоящему горячей, почти кипятком. Была наотмашь с тонизирующим, оживляющим мышцы напором. Вода чудесным образом вымывала из тела тяжелые элементы, освобождала от подавленности и беспокойства. Вскоре Голдстон с удивлением понял, что полностью расслабился. Что ему давно не было так спокойно, как сейчас.

* * *

Полковник Свенссон, глава военной контрразведки, обитал в просторном двухкамерном кабинете в том же самом здании. По непонятной причине, возможно просто из-за отсутствия времени у нового владельца, кабинет полностью сохранил довоенный антураж. Над его ландшафтом вызывающе доминировала громадная, метра четыре в поперечнике, русскоязычная карта уже не существующей России. Карта казалась такой безразмерной, что подавляла даже высоченного хозяина кабинета. Тот, правда, вообще выглядел значительно скромнее своих естественных размеров. Возможно потому, что черный мундир своей контрастностью почти лишал его головы, которая в силу бесцветности и невыразительности лица походила на заполненный водой небольшой прозрачный аквариум. Нужно было изрядно напрячься, чтобы различить на ней какие-то детали. Зачесанные назад белесые редкие волосы, светло-водянистые глаза неопределенного цвета, почти незаметные брови, бескровные губы. Свенссон словно был

рожден для того, чтобы мимикрировать, сливаться с окружающей средой. Напористая манера вести разговор, перескакивая с одной смысловой точки на другую, на первый взгляд составляла диссонанс с безликой внешностью. Но, скорее всего, то был еще один элемент маскировки. Укрывшись за стеной из фальшивых эмоций, Свенссон тем временем хладнокровно изучал собеседника.

— Поздравляю с боевым крещением! Уже отправил в Берлин предложение представить вас к награде... Ах уж эти партизаны! Когда же, наконец, мы получим от вас оружие, что позволит охотиться на них, не вылезая за Стену? Бах, бах, стрелять как в тире, попивая холодное пиво... Кстати, кофе? А, может быть, водки? России уже нет, а русская водка осталась, ха-ха-ха! Ее делают поляки, представляете? Какое унижение... Кофе? Сейчас принесут!

Впрочем, гостеприимная улыбка оказалась столь малоприметной, что ее пришлось долго разыскивать на лице. Рукопожатие — вялым и неискренним. Голдстону тут откровенно были не рады. Очень скоро выяснилось почему. Попросив секретаршу сделать кофе, Свенссон помолчал немного, а потом сообщил с тяжелым, деланным вздохом:

— Увы, но придется разочаровать вас, штабс-капитан. Вы зря рисковали жизнью. Сбоя системы в Торжке на самом деле не было. Систему просто-напросто отключили. Это засекреченная информация, но сейчас я уже могу ею поделиться.

Голдстон искренне удивился. Такого поворота для своей формальной миссии он не предвидел.

— Отключили? Как это могло произойти?

— Неделей раньше недалеко от Торжка на одной из шести ниток газопровода случилась авария. Коррозия металла, шов разошелся, точно не знаю. Начался пожар. Автоматика вырубил подачу газа на участке в тридцать километров, включая Торжок. Заодно была обесточена вся ваша антипартизанская электроника.

— А резервный автономный кабель? Даже два резервных кабеля, если не ошибаюсь?

Свенссон осклабился:

— Не ошибаетесь. Но их не подключили. Решили, что за неделю ничего не случится, так как утечка информации к пар-

тизанам невозможна. А от лосей думали сами как-нибудь отбиться.

Голдстон в изумлении потряс головой.

— Но почему?

Полковник развел руками:

— Я бы мог выразиться поэтически — что мы заразились здесь русской ленью. Но, увы, все гораздо прозаичнее. Подключение резервного кабеля означает нештатную ситуацию. Нештатная ситуация означает то, что о ней узнают в Берлине. А это, сами понимаете, что означает. Здесь и так в последнее время возникает много нештатных ситуаций... Тем более, повторюсь, это была обычная техническая авария. Ничего, связанного с боевыми действиями.

Они помолчали. Через какое-то время стал отчетливо слышен щелкающий звук, с которым перемещалась секундная стрелка на круглых, еще, кажется, советских часах над картой. Перед тем, как сдвинуться с места, она каждый раз заметно для глаза напрягалась, собираясь с силами, а потом, достигнув нужного деления, едва заметно колебалась от только что испытанного напряжения.

— Чье это было решение?

Свенссон натянуто улыбнулся:

— Общее. Кого-то, фигурально выражаясь, обязательно отправят на эшафот. Но сейчас меня скорее заботит вопрос, напрямую относящийся к моей служебной компетенции.

— Как партизаны так удачно угадали с местом и временем?

— Вот именно.

Голдстон, что как раз почти приложился к чашке с кофе, вдруг задумался, вернул чашку обратно на блюдце.

— Герр оберст, не кажется ли вам, что партизаны также были хорошо осведомлены о факте моего приезда в Москву?

Свенссон окаменел на мгновение, словно услышав за окном какой-то необычный звук. Потом выпалил на одном дыхании:

— Теоретически такая догадка имеет право на существование. Нам удалось захватить живым одного из бандитов в развалинах неподалеку... Знаете, кто за вами охотился? Сам Ворон! Он у подмосковных партизан вроде главнокомандующего... Так вот, этот Ворон случайно обмолвился: хотели уничтожить «шишку из

Берлина». Кстати, вашу машину не взорвали по чистой случайности. Кто-то помешал наводчику ракеты. Представляете?

В голосе Свенссона до неприличия заметно проскользнуло сожаление. Но он тут же опомнился. Резко вскочил из-за стола. Принялся вышагивать туда-обратно по комнате, напоминая со стороны громадного черного палочника.

— Согласен, теории заговора чертовски увлекательны... Что же, давайте устроим мозговой штурм. Свежий взгляд всегда полезен!

Голдстон потер щеку.

— Авария на газопроводе... Вы сказали, все было засекречено. Но ведь есть операторы Центра управления газовыми поставками, есть люди, которые меняли эту самую трубу?

— Операторы не покидали центра со дня аварии. Ели и спали на рабочем месте. Без преувеличения можно утверждать, что в Москве о случившемся знали всего четыре человека — я, директор «Остенгаз» Отто Вальке, командующий армией генерал фон Шнайль и спецпосланник канцлера Ойп дер Сар. Ремонтная спецбригада базируется в Смоленске. Людей, трубы и технику оперативно перебрасывали на место аварии транспортными вертолетами. Они до сих пор там.

— Могли ли партизаны перехватить и расшифровать радиопереговоры?

— Очень сомнительная версия.

— Ну а как насчет русских? Есть ли русские в Кремле? — вымученно спросил Голдстон.

Вопрос дался с большой заминкой. Словно был риск, что Свенссон ответит сочувственно: «Голдстон, дружище, а вы сами-то кто? Русский дед, бабка, мать. Но разве это значит, что вам нельзя доверять?»

— Нет, — покачал головой полковник. — Мы изначально старались исключить подобные риски. Я бы сказал, что только русскоговорящая помощница у генерал-губернатора... Но она скорее француженка, чем русская. Эмигрировала во Францию еще ребенком.

Идеи для «мозгового штурма» быстро иссякли. Голдстону уже казалось, что он погорячился, представив себя жертвой заговора.

— В конце концов, партизаны могли случайно устроить засаду. Я ехал с охраной по шоссе из аэропорта — вот вам и «шишка из Берлина»...

Рассудительный подход пришелся Свенссону по душе. Его прозрачные ледяные щеки порозовели, в глаза словно вставили цветные контактные линзы. Слово за слово начался искренний разговор.

— Говорите, мы завязли в России? Знаете почему? Здесь невозможно победить, следуя обычным правилам. Тут живут совсем другие люди, к ним нужен особый подход.

Голдстон вспомнил вчерашнее ток-шоу. Рассуждения студийных экспертов.

— Они даже не смогли ответить на вопрос, почему партизаны продолжают сопротивление. За что именно воюют.

Не спросив разрешения, Свенссон зажег сигарету. Затянувшись, встал с кресла и подошел к темному окну, за которым причудливо расплывались мутные световые нимбы.

— Эксперты! Разве они говорили хоть с одним из них?

— А вы? — повторил Голдстон вопрос, который задавал вчера Марчелло.

— Я... да. Беседовал примерно с дюжиной мерзавцев, которых спецназовцы отловили в подмосковных лесах... Детально беседовал... Ответ покажется настоящей тарабарщиной, штабс-капитан. У большинства русских иное, нежели у нас, представление о жизни. Они больше озабочены, скажем так, судьбой человечества, чем своей собственной. Одержимы идеей, что несут ответственность за весь мир, исполняя какую-то миссию.

— Какую же?

— Черт ее знает! Но, наверное, именно это и делает их такими упертыми. Если бы от меня зависела судьба человечества, я бы очень много о себе думал, ха-ха-ха!

На столе у Свенссона зазвонил телефон. Пока хозяин кабинета разговаривал с кем-то по-шведски, Голдстон пытался справиться с приливом странного возбуждения. Не хотелось и одновременно очень хотелось продолжить этот разговор. Навалилось что-то вроде ломающего тело до самых костей томного вожделения. Посмотреть на джинна, живущего под замком у него внутри.

— Кажется Бисмарк говорил: русских нельзя победить, их можно только уничтожить¹, — сказал он Свенссону, когда шеф контрразведки положил телефонную трубку на место.

Тот подвис на секунду, догоняя мысль. Неприятно улыбнулся.

— Правда? Верно сказано! Я давно убеждаю военное командование отбомбить квадрат за квадратом территорию в радиусе ста километров от Стены. Уничтожить там все живое! Нужна тактика выжженной земли! Вот единственно возможный ответ и вы, думаю, со мной согласитесь!

У Голдстона внезапно зачесались руки схватить со стола массивную пепельницу и запустить ее точно по центру головы-аквариума. Проверить — может, она и впрямь стеклянная? С рыбками внутри? Он едва подавил этот странный порыв. Разговор же вскоре умер сам собой. Оставалось сделать то, ради чего он, собственно, и пришел сюда.

— Герр оберст, — осторожно начал Голдстон, изо всех сил стараясь изобразить ленивое безразличие. — Раз уж я приехал в Москву, есть вопрос, который хотелось бы решить заодно, избежав бюрократической волокиты. В единой базе разведданных обнаружился рапорт одного из ваших подчиненных. Спецслужбы сибирского правительства передали контрразведке некоего русского, якобы организовавшего центр вербовки партизан. Позже выяснилось, что никакой он не вербовщик. Агентура в Новосибирске подтвердила: это какой-то ненормальный физик, требовавший встречи с главой правительства Сергеем Лукиным. Вместо психушки его отправили к нам.

Лицо Свенссона поначалу напряглось, но в итоге изобразило вежливое участие.

— Да, люди Лукина частенько присылают нам всякий сброд. Не знаем потом, куда его девать.

Голдстон согласно кивнул. Сброд так сброд.

— Ученого зовут Павел Быков. Он когда-то работал в Институте ядерных исследований в Новосибирске. Если не возражаете, я хотел бы побеседовать с ним на предмет сотрудничества с нашим министерством.

¹ На самом деле ошибочно приписываемая Бисмарку цитата.

Вновь вежливое участие на лице хозяина кабинета. Голдстон не удержался, представил себе, как перекосит Свенссона, расскажи он ему, почему Министерство вооружений заинтересовалось русским физиком. Для пущей наглядности лучше даже показать спутниковый снимок сибирской тайги, что лежит сейчас в кармане его кителя.

Шеф контрразведки между тем пожал плечами:

— Скорее всего, он сидит в тюрьме на Лубянке. Учитывая ваше состояние после покушения, целесообразнее, думаю, привезти его сюда. Только учтите — завтра в Кремле торжественный прием. Если не ошибаюсь, вы в числе почетных гостей.

Голдстон, радуясь, что все так легко решилось, щелкнул пальцами.

— Давайте я с ним пообедаю. В наше непростое время хорошая еда, особенно с выпивкой, многого стоит.

Свенссон поморщился:

— Уверены, что он стоит кормежки в кремлевском ресторане? Я предпочитаю в общении с русскими другие методы. Обращайтесь, если что.

Взгляд Голдстона снова уперся в пепельницу — теперь она показалась слишком тяжелой для броска. На секунду Свенссон представился ему огромным, одетым в черный мундир волком-людоедом. Немигающие глаза, седая борода на морде, приоткрытая смрадная пасть с загнутыми клыками. Испугавшись собственного воображения, он дернулся, пытаясь вскочить с кресла. Тут же осел обратно, ослепленный болью в голове.

— Что такое, штабс-капитан, вам плохо? — донеслось через забившую мозг плотную вату.

Приготовившись увидеть все, что угодно, Голдстон медленно расцепил ресницы. Волк пропал. Свенссон снова выглядел человеком — даже с некоторыми следами сочувствия на лице.

* * *

В свою комнату Голдстон доковылял уже из последних сил. Захлопнув дверь, без сил соскользнул по ней на пол. Долго не мог притормозить вертящуюся в голове карусель. Сердце скакало на

американских горках, лоб был таким же липким и неприятным, как после вчерашней посадки. Кое-как поднявшись на ноги, добрался до ванной. Там, всыпав в дрожавшую горсть аспирин из желтого пузырька, жадно забросил в себя пять или шесть таблеток. Приоткрыв окно, прямо в одежде рухнул на кровать. Лежал, жадно глотая холодный воздух, глядел в темный потолок и прокручивал в голове разговор со Свенссоном. Что-то эмоционально его зацепило. До отчаяния, до взрыва внутри, истощившего последние силы. Снова вспомнился дед, будто был он третьим, невидимым участником их беседы. Потом дед и вовсе прогнал гигантского волка-людоеда. Они остались один на один, совсем как в детстве, которое Джон, как ни пытался, так и не смог вычистить из памяти.

Даже спустя много лет после своей смерти — умер он в семьдесят пять от инфаркта, занимаясь любимым делом, копаясь в огороде — дед навещал Джона во сне. Иногда запросто, как в мире живых, приходил к нему домой, и они радостно обнимались. Чаше невидимо присутствовал рядом, излучая неизвестные науке, но вполне ощутимые волны любви. Джона каждый раз накрывала торжествующая, яркая радость — такая сильная, что от нее даже становилось больно. Смерть, похороны казались дурным сном, ложным воспоминанием. Обнимал деда он с одной и той же мыслью: «Я всегда знал, что ты не умирал!».

До своих последних дней — а прожил в Англии Юрий Дмитрич полвека — дед считал себя русским, говорил на родном языке без малейшего акцента и с какого-то момента даже засобирался обратно на родину. Как только рухнул коммунизм, вспомнил о родственниках (у него остались в России три старших замужних сестры и мать): «Может, жив кто-то? Помнит обо мне? Что, если ищут меня?». Правда, так никуда и не поехал. Понимал, наверное, что той России, которая у него в голове, давно уж нет. Боялся увидеть то, что же с ней случилось. Не вместить в себя эту новую страну. О том, каким ветром занесло его в Англию, сам Юрий Дмитрич внуку никогда не рассказывал. Отмалчивался и про войну, из-за которой очутился так далеко от дома. Джон, как все мальчишки, ждал лихих военных историй, но дед только вздыхал в ответ и говорил странно: «Как вспомнишь, так сердце

болит. Да и лучше тебе такого не знать». В общем, историю деда узнал он уже подростком, от бабушки. Юрка, как она иногда его называла, служил шофером у генерала одной из армий, что летом 1945 года составили группу советских оккупационных войск в Германии. В Берлине у него однажды открылась старая рана и пошел наружу осколок. В суматохе вышло так, что хирурга и госпиталь для любимого водителя генерала предложили союзники-британцы. Его прооперировали, но шансов, что выживет, было немного. Юрка провалялся в госпитале почти полгода, за это время генерала отозвали в Москву и о его водителе все забыли. Выходила же его британская медсестра, которая несколько месяцев почти не отходила от русского.

Когда Юрка в первый раз после операции пришел в себя и открыл глаза, то подумалось — помер, но при том угодил прямиком в рай. На него сочувственно смотрело настоящее ангельское лицо с выбивающимися из-под белого платка темными шелковыми кудрями. С детства помнил он что-то смутно про серафимов и херувимов¹, потому захотелось узнать, к кому же именно его направили. Спросил по-русски «Как тебя зовут?», резонно надеясь, что в раю должны понимать все языки. «Наташа Ростова», — так же на чистом русском ответил ангел и одарил Юрку улыбкой, от которой в нем тут же прибавилось жизни. Чуть позже выяснилось, что Юрка все-таки не умер. Наташа Ростова оказалась не ангелом, хотя потом он звал ее не иначе как «ангел Наташа», а дочкой русских аристократов, благоразумно убежавших из России в 1917 году сразу после февральского переворота. Граф Ростов, до того успешно игравший на Петербургской бирже и сделавший капитал поставками в действующую армию муки, и тут не прогадал. Вовремя успел вывезти детей и большую часть нажитого в туманный Альбион, который, видимо, интуитивно был избран как самое безопасное в Европе место накануне грядущих великих потрясений. Здесь граф Ростов решил осесть в Оксфорде, где приобрел несколько домов, в одном из них и поселилось его семейство. Все трое старших дочерей со временем поступили в Оксфордский университет и подались в подходящее для жен-

¹ Ангелы в христианской традиции.

ского пола преподавание, а последняя, родившаяся уже в Англии Наташа под влиянием новых прогрессивных веяний взяла себе в голову пойти в медицину — путь, что и привел ее в 1945 году в оккупированный союзниками Берлин.

В отличие от множества подобных историй в те жестокие времена, у этой получился счастливый конец. Влюбленные поженились еще в Берлине, Юрка взял фамилию жены и имя Джордж, окончательно развоплотившись как советский гражданин и военнослужащий. Переживал ли о том, что может не вернуться обратно? Да нет, даже не думал про такое. После трехлетнего кошмара войны, непрерывной крови, грязи и вони хотелось только одного. Жить — сильно, жадно, на полную катушку. И жизнь эта была здесь, рядом — внешне мягкий и кроткий, но внутри настойчивый и порой упрямый «ангел Наташа». Упрямство это пригодилось, когда молодые, вызвав изрядный фурор, прибыли в Оксфорд. Не то чтобы аристократы Ростовы Юрку показательно не приняли, но происхождение «от сохи» в таком кругу на первых порах сильно осложняло ему жизнь. Особо бывшего графа забавлял тот факт, что Юрка прежде никогда не читал «Войну и мир» и потому не мог прочувствовать всех оттенков приключившейся с ним истории. Трехтомник прижизненного издания «Войны и мира», вывезенный до революции из России в огромных сундуках, преподнесла ему сама Наташа в первые же дни в Оксфорде, поставив твердо перед собой цель «окультурить» своего супруга. Юрка был еще слишком слаб, целыми днями полулежал в кресле и читал — так, как читают простые, но одаренные натуры, дорвавшиеся до чего-то очень близкого себе, но прежде неизвестного или недоступного. До того, как более-менее окреп, уже поглотил несчетное количество томов и начал кое-как изъясняться по-английски. Успехи в «окультуривании», а также добрый и веселый нрав в конце концов снискали Юрке любовь благородного семейства. Тем не менее, как только он твердо встал после операции на ноги, молодая семья переехала в Лондон. Наташа пошла учиться на врача, продолжая работать медсестрой в госпитале, а Юрка устроился водить автобус из Лондона в Оксфорд, благо для того не надо было слишком мудрено владеть языком, тогда как его водительские навыки вызвали у комиссии безусловное

восхищение. Поселились они на севере, в районе Кентиш-таун, снимая там небольшой домик с садиком. Когда же у них родилась дочь, будущая мать Джона, граф Ростов сделал им щедрый подарок, выкупив домик у его владельца. Здесь они и провели всю жизнь. Наташа, как и мечтала, стала хирургом, дело почти немыслимое по тем временам. Юрий Дмитрич водил автобус, все глубже погружался в мировую литературу и со страстью копался в крохотном огороде, вспоминая родную деревню Барашек Курской области. Мать Джона умерла, когда ему было три года. Неудивительно, что в Кентиш-тауне он бывал в детстве чаще, чем у себя дома. Это потом, уже в Оксфорде, студент Крайст Черч¹ Джон Голдстон изо всех сил пытался убежать от своего русского происхождения. Стать чистопородным, истинным британцем. Заглушить все эти загадочные шумы и стуки из прошлого, даже, похоже, не его собственного. Сознательно избегал мест и ситуаций, где можно нарваться на русских. Позже, работая в Сити, отказался по этой причине от десятка выгодных предложений, связанных с оценкой сделок в России. Но сейчас давным-давно изгнанное из себя, почти развоплотившееся прошлое вновь стало объемным, выдвинулось на первый план, насквозь пропитало собой настоящее.

* * *

Кольку разбудили посреди ночи. Рядом в полутьме стоял Ворон, полностью одетый, с автоматом через плечо.

— Не дергайся. Дело есть.

Колька выдохнул с облегчением. Зевнув, как гиппопотам, глянул на светящиеся в полутьме зеленую стрелки механических часов «Полет», подарок командира. Два часа ночи.

— На вот, одевайся! — шепотом приказал Ворон, швыряя на кровать куль одежды. — Оденешься — все скажу.

Как лунатик, Колька поднялся с койки, начал молча одеваться. Натянул теплые флисовые штаны, потом брюки и свитер,

¹ Крайст Черч Колледж — один из самых престижных колледжей Оксфордского университета, основан в 1525 году.

зашнуровал высокие берцы с «рыбьим мехом». Карман толстой куртки что-то тяжело оттягивало. При встрече с железной койкой куртка выдала тупой металлический звук. Что за гостинец Ворон туда засунул?

— Уезжаем дня на три, — решив, что Колька уже проснулся для серьезного разговора, Ворон кивнул в угол комнаты. В тусклом освещении экономной лампочки еле-еле был различим большой походный рюкзак. — Ты, я и Диггер. Твоя задача — следить за Диггером. Понял? Не уверен я в нем до конца.

Пистолет, понял Колька. В кармане куртки пистолет. Килограммовый «Грач» с нарезной шершавой рукояткой и смешно выступающим стволом. В отряде пистолет считался бесполезным пижонским оружием, но вот Колька стрелял из него как раз хорошо, так как «Калашников» ему поначалу не доверяли. Легко попал с пятидесяти метров в чучело, одетое в пятнистую форму.

— Идем в подземелья, за Стену? — спросил заговорщицким шепотом Колька, уже совсем проснувшись.

На заросшем жидкой курчавой бородкой лице Ворона расплылась довольная ухмылка. Та самая, блинная.

— Догадался, паршивец! Не зря тебя Головастиком зовут. Помалкивай про это, когда вернемся... Если, конечно, вернемся.

Снаружи было морозно и ясно. После тесноты и духоты катакомб ночная темнота погружала в бесконечность и безвременье. Над верхушками черных, почти невидимых деревьев холодно поблескивали звезды. Под ногами битым стеклом хрустел подтаявший днем, а потом спекшийся от мороза осевший снег. Лагерь располагался километрах в сорока от Москвы, на военном аэродроме рядом с Кубинкой. Если быть точным, под самим аэродромом, где когда-то выкопали разветвленную сеть хранилищ и бункеров. Летное поле с самолетами в начале войны разбомбили вчистую, а вот все аэродромное подземное царство осталось в целости и сохранности. Обосновались они здесь прошлым летом, когда на Ворона, похоже, вышли военспецы из Сибири. Сам Ворон, конечно же, о том и словом не обмолвился. Но Колька быстро смекнул, откуда ноги растут. Смотался командир в Вологду, где у партизан было что-то вроде тайной столицы, почти две недели не было его. Когда вернулся, с отрядом начали происходить

всевозможные чудеса. Первым делом вскоре перебрались они вот в эти хоромы с работающим на солярке дизельным генератором. Позже появились ракеты. Противовоздушные, противотанковые. Воевать сразу стало веселее. Стрельнул с трех километров — и ищи-свищи тебя по подмосковным лесам. А еще у Ворона завелся массивный приемник со спутниковой антенной. Раз в день-два бойцы вытаскивали его наверх и подключали к ноутбуку. После таких вот сеансов связи с неведомыми мирами Ворон, как пророк, мог предсказать с легкостью, где и когда пройдет очередной конвой интервентов.

Минутах в десяти быстрой ходьбы от бункера располагался чудом сохранившийся после бомбежек ангар, в котором прятался партизанский автопарк, собранный за три года по разоренному войной Подмосковию. Мотоциклы, пара «газелей», несколько джипов и, самое главное, шестиколесный МЧС-ный вездеход на огромных, пузатых колесах. Пользовались всем этим автотомодобром партизаны нечасто. Берегли — да и с бензоколонками было туговато. Горючее сливали второпях из отбитых конвойных машин или выменивали на оружие. Диггер ждал их у ангара, смешно прыгая от холода с одной ноги на другую, будто страшно приспичило ему по нужде. Увидев Кольку, совсем не удивился. Видимо, знал о нем заранее. Минут десять ждали, пока Ворон, гремя железными воротами, откроет ангар, заведет сонную, заиндевевшую машину и выгонит ее наружу. Диггер уселся справа от водителя, Колька на диванчике сзади, почти в обнимку с канистрами с бензином. Пристроился поудобнее, пристегнулся ремнем. Нашупав в кармане куртки пистолет, тут же начал пристально следить за Диггером. Чувствовал при том легкое злорадство: вот ведь, ворковал, ворковал командир с новичком за закрытой дверью, а доверяет на самом деле по-прежнему только своему ординарцу Головастику. Зря на Ворона обижался, зря ревновал. Разливавшаяся по телу радость странным образом обращалась в тепло, быстро согрела задубевшего по пути к ангару Кольку. Согревшись, он в момент забыл о слежке за Диггером и задремал. С ужасом открыл глаза, только когда в лицо снова поддало морозным холодом. Боковое стекло было опущено наполовину, из полутьмы выступали очертания какого-то здания.

— Что, пригрелся, Головастик? — беззлобно ткнул его в плечо кулаком Ворон. — Двигатель чего-то стучит. Проверить надо. На, поешь пока. Сто пятьдесят верст околицами отмотали.

Вставив в руку полусонного еще Кольки открытую, опустошенную наполовину банку тушенки, командир сел за руль. Принялся то сильнее, то ласковее выжимать педаль газа. Диггер, загородив капотом обзор, копался с фонариком во внутренностях вездехода. Пережевывая меланхолично резиновое мясо с противными белыми кусками застывшего жира, Колька прислушивался к ответному рычанию мотора. Пытался расслышать тот самый предательский стук. Со сна получалось не очень. Вездеход стоял у ржавой ограды заброшенного то ли завода, то ли склада. Покосившийся рекламный указатель попал в самый фокус светового пучка фар. «Хонда Боровское». Было почти шесть утра, узкая полоска неба уже неуверенно окрасилась в серо-мышинный цвет, хотя до настоящего рассвета оставалось не меньше часа. Присмотревшись, Колька различил слева похожий на крепостную стену темный контур. Это же кольцевая автодорога! Пока он беззаботно дрых, Ворон проехал на юг по «бетонке», потом буераками пробрался на заброшенное Боровское шоссе. Интервенты сюда не совались, конвои шли по Киевскому и Ленинградке.

Ворон, между тем, похоже, все-таки был недоволен, что Кольку сморило. Перестав мучить педаль газа, бросил — негромко, но жестко:

— Когда заедем в город — не спать. Держи ухо востро. Не думаю, что наткнемся на оборотней, грабить там нечего и некого. Но береженого бог бережет.

Оборотнями называли самые обученные и опасные мародерские шайки, собранные из бывших армейских или эмвэдэшников. Бесчинствовать и терроризировать население они начали еще до военного путча, и мало-помалу Москва оказалась в их полной власти. Когда же в город вошли иностранные войска, большинство оборотней схлынули в сторону Урала, перемещаясь, как саранча, с пожранного, разоренного места туда, где оставалось что еще сожрать и разорить.

Выслушав и осмотрев без каких-либо решительных выводов двигатель, снова тронулись в путь. Машина шла медленно, иногда

переваливалась с боку на бок, натываясь на занесенное снегом препятствие. Колька мотался неприкаянно из стороны в сторону на диванчике, уцепившись за ручку в потолке, и ухитрялся при том разглядывать окрестности. Вдоль обочин, как компактные погребальные курганы, тянулись бессчетные снежные холмики. Брошенные при массовом бегстве из Москвы автомобили, не сумевшие пробиться через образовавшиеся тогда из-за бандитских налетов гигантские заторы. Вздохнув, Колька припомнил, как второпях покидал с родителями город. Растерянное, жалкое лицо отца, вдруг осознавшего ужасный факт: нужно оставить машину и отправиться дальше с женой и двумя малолетними детьми пешком. Тысячи людей, обреченно бредущих в тяжелой августовской жаре по раскаленному асфальту. Потом автоматные выстрелы из придорожного леса — видно, оборотни решили позабавиться. Все бросились врассыпную, Колька зайцем дал стрелкача в поле, а когда вернулся, родителей уже и след простыл. Только десятка два чужих мертвецов и новые колонны измученных, обозленных, отчаявшихся московских беженцев... Почувствовав жжение в глазах, Колька недовольно скрипнул зубами, помотал изо всех сил головой. Слабак. Баба. Еще расплачься при Вороне.

Арку под МКАД миновали в почтительном молчании, словно на кладбище въехали. Умерщвленный город, похожий на обглоданный скелет гигантского доисторического животного, впрыскивал в тело парализующую смесь благоговения и животного ужаса. Справа потянулись темные ряды деревьев. В самом деле, Востряковское кладбище. Хотя, какая теперь разница? Мертвецы тут повсюду. За кладбищем начался спальный микрорайон. Склепы двадцатипятиэтажных домов жадно таращились на Кольку черными окнами. Иногда мерещилось, что по окнам, как по елочной гирлянде, перебегают то ли зеленые, то ли красные огоньки. Пару раз едва удержался он от того, чтобы незаметно для Ворона, сжавшись за передним сиденьем, перекреститься. На душе было как в животе, когда какую-то гадость съел. Мертвый город вдруг представился одной, гигантских размеров могилой, выкопанной для всего человечества. Колька зажмурился, увидел, как это видится сверху, с высоты птичьего полета. Крохотная, едва различимая в полутьме точка их автомобиля с рассеянным

впереди световым нимбом от фар. Кусочек живого света, который затягивает в себя непроглядная тьма, способная проглотить и пережевать все, что угодно...

Тут колючая судорога сжала внутренности, по телу пошли сводящие мышцы волны, и стало понятно — вот-вот начнется припадок. С того самого дня, когда потерял он на дороге родителей, Кольку не реже раза в месяц мучили приступы странной болезни, чем-то схожей с эпилепсией. Сознание стремительно тусклоло, отключалось — и к внешнему миру протягивалась одна-единственная ниточка. Страх перед наступающей отовсюду, со всех сторон, опасностью. Ноги Кольки дергались в конвульсиях, словно пытаясь убежать от смерти, летящей на огромной скорости над землей. Рот, кривясь по-безумному, хрипел: «Не хочу, не хочу умирать!». Но невидимая смерть лишь издевательски хохотала в ответ и вилась поземкой над головой, затягивая в гигантскую черную воронку тысячи людей и целые города, доводя сотрясающегося, хрипящего Кольку до полного изнеможения. Позднее, когда уже прижился в отряде, Колька приноровился мысленно вызывать в такие моменты Ворона. Раз у того есть план, как снова устроить нормальную жизнь, значит смерть ему не помеха. Ворон являлся словно Спаситель-Христос — суровый, молчаливый, весь в черном, с автоматом наперевес, — и конвульсии постепенно ослабевали. Вот и сейчас при звуке голоса Ворона припадок отступил. Спутники впереди о чем-то переговаривались. Колька прислушался.

— Ужас, конечно — с одной стороны. А с другой — благодать, — разглагольствовал Диггер, обозревая мертвый, серый пейзаж. — Пять лет назад только в Чернобыле можно было полазить по такой вот заброшке.

Ворон, похоже, вспомнил игры «выживальщиков». Хмыкнул в ответ:

— Да, и есть с кем полазить. Адреналин гарантирован. Оборотни, собаки дикие, медведи и волки из зоопарка. Психи еще...

Диггер подался вперед, переспросил с придыханием:

— Психи?

— Ага. Не слышал разве? Разбежались из всех психлечебниц, что только были в городе. И многие выжили, представляешь? Го-

воят, собираются у памятника Гагарину на Ленинском проспекте. Помнишь, столб такой здоровенный? Приносят там жертву. Собаку или кошку. Весь столб внизу уже кровью забрызгали...

Дикость — но что-то в этом есть. Язычники так в древности, кажется, поступали... Врет — не врёт? — размышлял Колька. Прежде от Ворона такого он не слышал. Вездеход раскачивало туда-сюда, и подвешенная перед лобовым стеклом иконка с невидимым в полутьме святым маятником повторяла наклоны вправо и влево. Осталась эта иконка от прежних хозяев. Ворон, пусть в Бога и не верил, почему-то решил ее не снимать. Может, оттого, что в их темное время любая вещица из прошлой, устроенной жизни казалась почти волшебным талисманом. Покосившись еще раз на иконку, Колька все-таки быстро-быстро перекрестился.

Проехав совсем недолго по Мичуринскому проспекту, Ворон свернул с шоссе, приткнул вездеход рядом с обгоревшим супермаркетом с выбитыми до последнего стекла витринами.

— Конечная остановка. Дальше пеходралом. Отсюда до Стены — километров десять. Не знаю, что у них там стоит для наблюдения. Тепловизоры, хреновизоры какие. Лучше на рожон не лезть.

Надели рюкзаки, автоматы, выступили на своих двоих. Шли медленно, след в след, как ледоколы с треском сокрушая спаянный морозом твердокаменный снежный наст. Когда останавливались, воцарялась поразительная тишина, только один раз где-то в отдалении надрывно забрехала одинокая собака. Часа через два доползли, наконец, до станции метро «Мичуринский проспект», встали под перекрывшим шоссе переходом. Уже совсем рассвело, но мертвый город, перекрасившись из черного в пепельно-серый, не выглядел безопаснее и приветливее. Диггер достал какие-то бумажки, завис на минуту, потом ткнул пальцем вперед.

— Удальцова. Кажется, вот она. Да, точно.

Странно, но он, похоже, слегка заикался. Чего это?

Завернули с проспекта направо, затем почти сразу пошли налево. Отмахали еще с километр вдоль застроенного гаражами пустыря. Когда, наконец, добрались до места, Колька недоуменно воззрился на Ворона. Это что, и есть сверхсекретный

объект? Двухметровая железная ограда с толстыми прутьями, за ней — неприметная кирпичная малоэтажка стандартного вида. До войны в таких обитали клоповые, по пять-десять работников, конторы, занимавшиеся мелкооптовой торговлей или ремонтом электроники. На сохранившейся табличке у ворот Колька прочел не с первого раза — «Управление военизированных горноспасательных частей в строительстве». Однако Диггера, похоже, табличка не смутила. Знал, куда пришли. Его так и рапирало — то ли от радости, то ли еще от чего-то приятного. Наконец, бурлящее в нем нечто не удержалось, излилось наружу.

— Поздравляю! — объявил Диггер торжественно, словно все трое только что вскарабкались на макушку Эвереста. — Добро пожаловать в ту Москву, которую вы никогда не видели!

* * *

Долго и бестолково бродили туда-обратно вдоль железного забора в поисках калитки. Здание с зубодробительной табличкой «Управление и так далее...» (даже прочитать нормально не получается, не то что запомнить) оказалось похожим на шкатулку с сюрпризом. Неказистая, простенькая на вид — но при том с сейфовым замком и двойным, если не тройным дном. Голыми руками не возьмешь.

— Рвать придется, — с сожалением выдохнул в облаке мата Ворон после того, как в очередной раз словно по горке съехал с обледеневшей скользкой ограды. — Вот набежит окрестной гопоты-то...

Заложили пару тротильных шашек, похожих на куски желтого мыла. Вставили детонаторы, размотали шнур.

— Поехали, — непонятно сказал Ворон и запустил по шнуру веселый искрящийся огонек.

В мертвом, гулком от пустоты городе бухнуло так, что мало не покажется. Когда Колька вытащил пальцы из ушей, то почувствовал себя Маугли. Лай стоял вокруг такой, будто окружила их многотысячная свора диких собак. В рваную дыру в ограде лезли торопливо, озираясь то и дело по сторонам. Побродив минут де-

сять вокруг здания, все до единого окна которого были запаяны толстенными железными решетками, Ворон обреченно вздохнул и полез в рюкзак еще за одной шашкой.

Когда наконец забрались внутрь, Колька оторопел. Если бы не толстенный слой пыли, паутина и желтизна бумаги, все выглядело так, словно люди ушли отсюда только вчера. Мониторы компьютеров, папки с ведомостями, на каждом столе по калькулятору. Тут же накрыло с головой сопливо-ностальгическое. Захотелось сесть за стол, закрыть глаза и представить, что когда откроет он их, то поймет — все это просто страшный сон. Разоренная Москва, похожий на громадную консервную банку бункер, вечная духота и вонь под землей, резиновый вкус тушенки двадцатилетней давности, от которой только чудом не случается заворот кишок...

— Ты чего, о девках замечтался? Давай помогай!

Ворон, передав Диггеру какую-то схему, которую до того они внимательно разглядывали, легонько ткнул Кольку в бок. Визитеры смели все с одного из столов и, взявшись за него втроем, понесли к двери. На их счастье, оказалась она самой обычной, не металлической, и вылетела с третьего удара.

Выбравшись в коридор, по команде Диггера сразу свернули налево.

— Доставай фонарь, идем в подвал, — пояснил он коротко Кольке. — У лестничного пролета должна быть электрощитовая.

Через пару минут они уже были там. Железная дверь с оптимистичной надписью «Не входи, убьет!». Закрыта обычным навесным замком, который Ворон сбил висевшим на стене красным противопожарным ломом. Диггер ударом ноги распахнул дверь. Пробормотал едва слышно:

— Чума просто... Знали б мои дружки, от зависти бы сдохли...

Заинтригованный Колька опустился на колени, чтобы между ног стоявшего перед ним Ворона тоже заглянуть в таинственную комнату. Световое пятно фонарика хаотично выхватывало из темноты серые металлические шкафы, катушки медной проволоки, сваленные в кучу лопаты для уборки снега. Но Диггер, похоже, знал то, о чем Колька даже не догадывался. Вскоре за

грохотом раскидываемого в разные стороны пыльного хлама, за матюгами-многоэтажками, последовал его торжествующий вопль.

— Ну что, нашел? — нетерпеливо отозвался Ворон.

— Нашел, — выдохнул Диггер так счастливо, словно обрел нечто, что искал годами, а то и десятилетиями. — Заходи, командир, посветишь. Только ноги не переломай.

Вслед за командиром Колька тоже осторожно пробрался сквозь завалы поближе к месту событий. Увидел, как Диггер, раскрыв створки одного из шкафов, ковыряется в расположенном на уровне головы распределительном щитке. Сверяясь с листом бумаги в руке, переключает один за другим какие-то рычажки. Щелк! Щелк! И щит, не подававший никаких признаков жизни, вдруг осветился десятком желтых и зеленых лампочек. Послышалось легкое, едва слышимое гудение.

— Работает! Работает! — надрывно зашептал Диггер, и только тут до Кольки дошло. В мертвой, оставленной людьми Москве откуда-то обнаружилось электричество.

— Реактор? — коротко спросил Ворон, с улыбкой разглядывая мерцающие в темноте лампочки как засмотревшийся на новогоднюю елку ребенок.

— А хрен его знает! — опять прошептал Диггер, словно в страхе спугнуть огоньки со стены. — Может, и компактный реактор. Я читал, американцы еще лет двадцать назад насобачились делать такие: высота всего метра три, срок работы после загрузки топлива — десять лет... Дизель, правда, тоже лет пять может храниться. А то и больше...

Колька вздрогнул. Хотя словосочетание «атомный реактор» происходило из иной, почти забытой жизни, проснулось ощущение опасности. И немедленно явилось объяснение, зачем же они здесь. В Москве — вернее, под ней — есть секретная атомная электростанция, продолжающая работать и по сей день. Ворон задумал ее взорвать, чтобы с помощью радиоактивного заражения изгнать оккупантов из-за Стены. Не зря говорил — «если вернемся». Если!

— Ты чего завис? — хлопнул тут его по плечу командир. — Не спи, Головастик, самое интересное начинается. Пошли!

Сам не свой от ужасной догадки, Колька поплелся по коридору. Они снова вернулись на первый этаж и перешли в другое крыло, где, судя по табличкам на дверях, находилась куча научных лабораторий. Сверяясь с планом в руке, Диггер уверенно, почти без задержек, вел их по зданию. Наконец, достигли еще одного лестничного пролета. Он был гораздо шире первого и вел только вниз, а не вверх. К удивлению Кольки, горноспасатели добавили зданию еще целых два подземных этажа. Правда, и здесь не обнаружилось ничего особенного. Похожие друг на друга как близнецы двери складов и прочих технических помещений. Стены выкрашены масляной краской в казенный зеленый цвет, вызывающий легкую тошноту. Сухой, спертый воздух, которым тяжело дышать. Впрочем, иногда Колька чувствовал на лице как будто дуновение свежего ветра. Наверное, вместе с электричеством заработали и кондиционеры. На втором нижнем подземном этаже они забрели в какой-то закуток, и вот тут Колька оторопел. Перед ним была то ли здоровенная дверь, то ли ворота метра в три шириной — целиком из железа, помеченного там и здесь неопрятными разводами осыпающейся ржавчины. Почти по центру к воротам приделали странное, похожее на автомобильный руль колесо. Приглядевшись, Колька заметил клеймо «Сделано в СССР». Вспомнив о реакторе, пробормотал непослушным языком:

— Это... что?

— Гермодверь, — непонятно ответил Диггер. — Тонны четыре весит, не меньше!

Неведомое слово только утвердило в мысли, что приблизились они к чему-то страшно опасному. Диггер тем временем взялся за тот самый руль, попробовал его крутануть. Похоже вышло не очень, потому как начал анархист пыхтеть и материться:

— Чего встали? Я что вам, супергерой? Ну-ка, подсобите!

Обод у руля был страшно холодный и тугой. Поддавался еле-еле. Когда пошло нормальное вращение, раздалось легкое шипение.

— Будто банку с огурцами открыли, — рассмеялся Ворон, отирая вспотевшее лицо и приглаживая заодно свою бороденку. — Заходим?

Оказалось, дверь не просто открывается — отъезжает по специальным рельсам в полу, которые Колька в полумраке даже

не приметил. Присмотревшись к самой двери, поразился ее толщине — сантиметров двадцать серого, похожего на каменную плиту металла. Мурашки тут же заспешили туда-обратно по спине. Точно, забираются в реактор! Правда, за плитой никакого реактора не обнаружилось. Нет, обычная лестничная клетка с некрашеными бетонными стенами. Лестница, уходящая куда-то вниз, в непроницаемую тьму. Лифтовая шахта — правда, раза в два шире обычной. Дверь у лифта на старинный манер, с обычной ручкой и железной сеткой, а не раздвигающимися половинками. Внутри лифта — желтоватый, убивающий всякую радость свет оплетенных проволокой ламп. И почему-то пара старых, тоже проржавевших стульев — видимо, чтобы ездить вверх-вниз с комфортом. Уже в лифте, заметив помертвевшее Колькино лицо, Диггер пояснил скороговоркой:

— Потерпи, недолго осталось. Сейчас спустимся еще метров на пятьдесят — и все.

Опять же, ни слова — куда и зачем. Хотя заранее был Колька уверен в ответе: «Едем взрывать атомный реактор. Сами, конечно, сгинем, но и оккупанты полягут все до единого». Двигались вниз плавно, почти без толчков — минуту, наверное. Когда лифт, наконец, застыл на месте и стало тихо-тихо, Колька ясно услышал как отчаянно барабанит его сердце. Диггер с Вороном переглянулись. Анархист улыбался хмельной улыбкой. Ворон, напротив, был серьезен и сосредоточен. Руки его по привычке ощупывали автомат. Пьяной, неуверенной походкой Диггер сделал один шаг, другой. Попробовал нажать на дверную ручку — та не поддалась. Тогда он нетерпеливо навалился на нее всем телом, и дверь, закрипев давно не использованным механизмом, все-таки открылась. Колька, охваченный и страхом, и любопытством, подался вперед. Черная, плотная как камень темнота. Световое пятно фонарика бессильно металось по ней, скользило как по воде, а затем, отражаясь, возвращалось обратно. Однако по другим признакам — сильному сквозняку, что заносил внутрь лифта запах затхлого, пропитанного пылью пространства, по едва различимым звукам журчащей воды и еще какой-то внутренней радиолокацией Колька ощущал: перед ними большая пустота. А потом в этой плотной, сырой темноте внезапно вспыхнул свет.

Мощный софит целил прямо в глаза. Шурясь и обливаясь потом от страха, Колька отпрянул назад, сбив по дороге один из стульев, и тот с ужасающим грохотом опрокинулся на пол. Казалось, это станет предвестником чего-то ужасного. Взрыва, обвала, потока холодной воды из подземной речки, способного за несколько секунд поглотить их лифт. Но Диггер, чей силуэт отчетливо прорисовывался на фоне светлого прямоугольного контура, неожиданно спокойно сказал:

— Вылезайте, приехали.

— Куда? В *реактор*? — сорвалось страдальчески у Кольки.

Диггер не сразу сообразил, о чем речь. Потом смеяться не стал, ответил серьезно:

— Нет, в подземный город Раменки. И сдастся мне, тут могут быть живые обитатели.

* * *

Голдстон проснулся сам, без будильника, ровно в шесть утра. На улице было еще совсем темно. Свет прожектора за окном широкими мазками рисовал на стене огромные изображения занавесок и стоящего боком книжного шкафа. Детское воспоминание на пару секунд полностью завладело телом, создав иллюзию, что времени просто нет. Тени. Страшные тени от уличного фонаря, до крика пугавшие его лет в десять. Они казались призраками умерших, исполнявшими какой-то потусторонний танец. Когда, заплакав, он прибежал однажды в спальню к отцу, тот, проснувшись, потрепал его по голове: «У тебя богатое воображение. Это хорошо». Отец вспомнился на удивление четко, как на контрастном черно-белом фото. До самых мелких морщин, до каждой веснушки и последней поры на благостном, отрешенном, как у святого, лице. Мать обычно приходила иначе — безлично и не через голову. Внутри взрывалось что-то горячее, и из этого взрыва прорастало ощущение раннего-раннего детства, даже еще младенчества. Когда ты — еще не ты. А отделившийся, научившийся самостоятельно ходить, дышать, питаться кусок плоти другого человека. Твое имя нужно лишь для того, чтобы различать тебя и ее. Джон Голдстон. Сегодня с утра он нашел себя легко и без мучений.

За окном раздались неторопливые, вальяжные шаги. Кто-то вполголоса отдал команду по-немецки. Патруль. Потом часы на Спасской башне ударили с переливами один раз. Четверть седьмого. Вместе с металлическим, тугим боем часов пришло ощущение сюрреалистичности происходящего — зашкаливающей, даже гротескной. Вчера, контуженому, полуживому, было не до того. Но сейчас эта дикая реальность потоком хлынула внутрь, затопляя сознание, переливая через край. Джон Голдстон, что, кажется, еще вчера работал аналитиком в лондонском Сити, просыпается утром под бой курантов за Кремлевской стеной и слышит немецкую речь патруля, одетого в модернизированный вариант военной формы вермахта¹. Абсурд! Полный абсурд! Выглядит так, словно несколько параллельных вариантов мировой истории, существовавших до того независимо друг от друга, совопились в припадке безумия, породив химеру, от которой запросто сносит мозги. Он знает, где находится — и одновременно не понимает где именно. Что это? Конец истории? Или наоборот — новое начало? Рухнувшая Вавилонская башня или глина для новой лепки? Он представил ее, эту глину, зримо, прямо перед собой — кроваво-красная, плотная, с черными вкраплениями-точками миллионов и миллионов людей. Можно наклониться, запустить в нее руки — и лепить. Но вот что? Он не знает. Даже Кнелл наверняка не знает. Все мы там, внутри этой самой глины, подумал Голдстон о бесчисленных черных точках. Движемся бесцельно туда-сюда. Но кто же тогда будет лепить? Кто измыслит эту самую новую форму?

Куранты пробили половину седьмого. Вздвогнув, он очнулся. Пора было возвращаться в реальность, какой бы дикой она ни казалась.

* * *

Визит к московскому генерал-губернатору Боссю — вообще-то формальный и ненужный — придумал Кнелл.

— У Свенссона чутье как у собаки... Хотя нет, как у бабочки. Недавно узнал — бабочки улавливают запахи за десять киломе-

¹ Вооруженные силы нацистской Германии в 1935–1945 гг.

тров. Представляешь? В общем, если этот костолом заподозрит, что ты приехал в Москву ради физика, им сразу займутся профессионалы. Поэтому ходи и спрашивай у всех подряд про газопровод. Запугай их как следует, чтобы они больше ни о чем не думали!

Запутывать губернатора Голдстон отправился сладко зевая — сразу после завтрака с отличным кофе и теплыми, из печи круасанами. Губернаторская резиденция находилась здесь же, в Кремле, в паре минут неторопливой ходьбы. Обойдя по периметру бело-желтое, с колоннами, здание гостиницы, он сразу очутился перед узкой, похожей на тоннель аркой. Она вела в скромный по размерам, мощный булыжником внутренний дворик неправильной формы. Голдстон сделал один шаг, другой и застыл на месте, пытаясь ухватить какое-то необычное ощущение. Было прохладно, даже морозно. Как и вчера, небо зашторивала навевающая депрессию серая хмарь. Оттуда, сверху, сыпалась легкая, едва различимая в сумрачном утреннем свете, но осязаемо покалывающая кожу снежная крупа. Дворик, отгороженный стенами здания от остального мира, сверху плотно, без зазора, накрывала крышкой полная, почти физически осязаемая тишина. Такую можно услышать, пожалуй, только в церкви или на кладбище. Подчиняющую себе, заполняющую тело вязкой сущностью, от которой живущее в нас время тяжелеет, замедляется, а сознание растворяется в чем-то, что не требует по отношению к себе ни одной рациональной мысли. Простояв так минуту или две, Голдстон с усилием, словно нужно было преодолеть невидимую преграду, двинулся дальше.

В холле Сенатского дворца, куда он направлялся, тоже оказалось на удивление пусто и тихо. Но побеленные стены и блестящий паркет, напротив, смотрелись неуютно, сразу придавило чем-то официальным и протокольным. Все еще размышляя о пережитом во время короткой прогулки по Кремлю, Голдстон молча показал на входе свой голографический жетон двум офицерам в черной форме, потом оставил шинель в гардеробе. Снова вспомнил о генерал-губернаторе, только когда начал подниматься на второй этаж по устланной толстым ковром лестнице с ослепительно белыми, скользкими как лед перилами. Боссю представлялся ему персонажем заурядным, в любом случае не стоящим того, чтобы тратить на него целый час времени. До вой-

ны сделал чиновничью карьеру в Совете по развитию туризма во Франции. Удачно выбрал момент для вступления в Партию спасения Европы, через полгода триумфально победившую на выборах в Европарламент. Когда началась интервенция и повсюду принялись судорожно отыскивать «специалистов по России», Боссю, прежде приезжавший в Москву на неделю французского кино и тому подобные мероприятия, увидел здесь свой шанс. Его письмо о необходимости спасения местных «культурных памятников» растрогало эмоционально неустойчивого канцлера. Француза назначили главой гражданской администрации с помпезной задачей «сохранить значимые для европейской цивилизации культурные и исторические артефакты». В реальности, конечно же, фигура генерал-губернатора являлась чисто символической. Все задачи по организации жизнедеятельности в окруженных Стеной кварталах выполняла армия. Обеспечивала здесь безопасность, завозила продовольствие и топливо.

На лестнице, а потом и в коридоре, куда завернул Голдстон, черными, неподвижными столбами его встречали через каждые десять метров офицеры Управления безопасности. Тщательно подогнанные друг к другу по росту и комплекции, они смотрелись такой же неживой деталью интерьера, как и развешанные по стенам хрустальные светильники. Когда число черных столбов превысило двадцать, Голдстон внезапно почувствовал на шее цепкие пальчики ярости. Лучше бы этих молодых отправили охранять шоссе из аэропорта или массовка для театральной постановки «Боссю — пуп Вселенной» важнее всего? В его болезненном, еще пограничном состоянии оказалось легко найти виновного в своих злоключениях. Когда он добрался до массивных трехметровых дверей приемной, волна раздражения и неприязни к губернатору уже походила на штормовую. Надутый от важности лягушатник. Тщеславный болван. Изображает здесь Наполеона, захватившего Москву двести лет назад ...

— Штабс-капитан Голдстон?

Кажется, была вспышка. Примерно такая же, как у обычной фотокамеры. Он зажмурился и вот так, ослепнув, сделал по инерции еще пару шагов. Когда снова глянул на мир, увидел глаза — зеленые, но при этом с уловимым теплым отливом сине-

вы. Вопреки всем законам физики, они стягивали пространство вокруг в две яркие точки, затемняя остальные отражающие свет материальные предметы.

— Меня зовут Сима. Я помощница генерал-губернатора.

Голос глубокий, но при том в чем-то неуверенный. Совсем без русского акцента. Усилием воли Голдстон оторвал взгляд. Тряхнул едва заметно головой, чтобы избавиться от наваждения. Так вот и начинают верить в ведьминские привороты. На самом деле просто необычный цвет глаз. Повременив немного, он осторожно, будто стоял перед смертельно опасными очами Горгоны Медузы, снова покосился на помощницу Боссю, с которой столкнулся почти на пороге. Круглое, присыпанное французскими веснушками лицо. Узковатый, чуть монгольский разрез глаз. Пухлые, почти детские губы, отчего-то слегка скошенные в одну сторону. Стянутые в хвост темно-каштановые волосы. Вдруг он понял: что-то не так. Она смотрела на него слишком серьезно. То ли с удивлением, то ли даже с ужасом.

— Сима?

— Или, если полностью, Серафима. Се-ра-фи-ма.

Повторила по-русски. Опять очень серьезно.

— Что-то библейское?

— Да. Переводится с еврейского как «огненный». Серафимы в христианской традиции — высший разряд ангелов. Человек может их увидеть только в виде огня.

Голдстон ответил — вполне искренне:

— В вашем взгляде правда что-то обжигает. Неудивительно, что мне уже успели про вас рассказать.

И вот тут она дернулась. Едва заметно, но он увидел.

— Неужели? Надеюсь, никаких сплетен?

Голдстон мысленно подмигнул себе. Красавица из заколдованного замка сама идет к нему в руки. Даже не нужно петь фальшивые серенады под ее балконом.

— Вы будете на приеме? Тогда расскажу все вечером. Иначе придется объяснять генерал-губернатору, почему я предпочел ваше общество. Хоть он и француз, может не понять.

Сима попробовала улыбнуться, но получилось не очень. Ее непонятный взгляд опять ощутимо прижег кожу на лице.

Генерал-губернатор Боссю как истинный француз обосновался в Кремле *avec chic*¹. Голдстон уже знал, что аудиенция состоится не где-нибудь, а в бывшем президентском кабинете. Впрочем, статусное место вызвало лишь новый приступ болезненного раздражения. Темно-коричневые деревянные панели, тоскливого вида мебель — кремлевский дух застывшего времени был беспощадно изгнан отсюда в угоду тому, что осуществившие этот акт вандализма дизайнеры воспринимали как удачное сочетание комфорта и делового стиля. Правда, уже в следующую секунду Голдстон едва не расхохотался в голос. Прямо за спинкой генерал-губернаторского кресла, под сияющим позолотой двуглавым российским орлом, в самом деле обнаружился портрет Бонапарта — при полном параде, с лавровым венком триумфатора на голове. Причем внушительных размеров картина бульдозером разрушала всю симметрию пространства вокруг, делая кабинет каким-то кривобоким и недоделанным.

Наполеон глянул на Голдстона холодно и подозрительно, будто знал, что заявился тот сюда с недобрыми намерениями. Сам генерал-губернатор, напротив, был демократичен как политик накануне выборов. Сорвался с места навстречу, долго тряс руку. Скорее всего, даже разучил заранее приветственную фразу, которая изверглась из него бойкой скороговоркой. Слова обстукали Голдстона со всех сторон как залп сухим горохом. Он едва успел уловить смысл.

— Приветствую, дорогой штабс-капитан! Как самочувствие? Отдохнули? Хорошо ли спится в Кремле?

Тра-та-та-та-та!

Забавно, но даже столь невинные вопросы Боссю умудрялся задавать с легкой снисходительностью небожителя. Возможно потому, что, как бы ни спалось Голдстону, француз наверняка спал гораздо больше и лучше, чем он, вкуснее ел, слаще пил. Его довольное жизнью лицо пятидесятилетнего бездельника было словно скопировано с рекламы дорогого парфюма из старого,

¹ С шиком (фр.).

доброе, докризисного мира. Загорелая кожа — интересно, где он умудрился здесь загореть? Притащил с собой в Москву солярий? Седые кудряшки, прищуренные отчаянно-голубые глаза, отработанная годами физкультурных упражнений улыбка. Все вместе наверняка сводит с ума женщин в промышленных масштабах, хотя вот ростом, конечно, он малость не вышел... Но Голдстон — не какая-нибудь двадцатилетняя дура, что тут же кинется на шею этому франту, одетому в помесь военного мундира и гражданского костюма цвета хаки. У него на Боссию совсем другие виды.

— Из-за контузии спалось не очень. Думаю, вы в курсе — на пути из аэропорта мой автомобиль поджидала партизанская засада.

Сожаление по поводу чудовищного инцидента и несказанная радость видеть гостя живым. Все разом выплескивается на лицо Боссию из заранее приготовленного флакона.

— Ужасно! Возмутительно! Партизаны вконец обнаглели!

— Возможно потому, что неплохо информированы. Как сообщил мне полковник Свенссон, дерзкая диверсия в Торжке удалась лишь по той причине, что система охраны была недалековидно отключена из-за аварии на трубопроводе. Возникает логичный вопрос — как партизанам удалось столь удачно угадать со временем и местом?

Боссию опустил глаза. Начал перекачивать туда-обратно по столу золотую авторучку.

— Да, это странно. Весьма странно... Надеюсь, оберст Свенссон все оперативно выяснит...

Голдстон кивнул в знак согласия — он тоже полностью доверяет шефу контрразведки в данном вопросе. Добавил как бы в развитие тезиса губернатора:

— Герр оберст попросил меня по мере сил принять участие в расследовании. Он не исключает утечки информации. Нападение на мою машину по пути из аэропорта также выглядит подозрительно... Насколько я понял, вы не были в курсе аварии на газопроводе?

Вместо ответа генерал-губернатор широко улыбнулся, показав полный комплект нечеловечески красивых зубов. Но Голдстон упрямо молчал, и эта неуютная пауза тут же превратила беседу

в допрос. Ладони Боссю начали рассеянно хлопать по поверхности стола, словно в попытке поймать там невидимое насекомое. Портрет на стене тоже, кажется, переменился в лице — Наполеон выглядел испуганным и растерянным, как будто ему только что сообщили о внезапном наступлении русской армии.

— Так вы знали об аварии?

— Нет! Конечно же нет!

Они еще помолчали. Боссю все-таки взял себя в руки, причем в буквальном смысле — сцепив замком лежавшие на столе ладони.

— Штабс-капитан, моя миссия в Москве имеет главным образом гуманитарный и культурный характер... Надо оставить местное архитектурное и художественное наследие для будущих поколений европейцев. Оно, поверьте, уникально. В Европе часто принижали значение русской культуры в угоду политическим соображениям...

Быстро же ты сдулся, красавчик, рассеянно подумал Голдстон. Окинул с видом завоевателя кабинет. Взгляд снова прицепился к триумфатору Бонапарту.

— Неужели последний президент России был поклонником Наполеона?

Даже через плотный загар было заметно, как покраснел генерал-губернатор.

— Картину повесил я... Это Франсуа Жерар¹, портрет императора с живого оригинала для зарубежных представительств империи... Мы взяли его на временное хранение из Пушкинского музея... Здесь... здесь ему абсолютно ничто не угрожает...

Да, за одним исключением. Когда ты, мон ами, отсидишь срок в Кремле и начнешь паковать чемоданы, можно поспорить, что картину погрузят на трейлер с твоим барахлом... Голдстону внезапно стало смертельно скучно. Пора закругляться. Пара формальных вопросов, и можно будет вернуться к огненному ангелу в приемной. Еще раз попробовать посмотреть ей в глаза. Се-ра-фи-ма... Она так забавно сказала это по-русски.

¹ Франсуа Жерар (1770–1837) — французский художник эпохи ампира.

— Много объектов в Москве признано европейским культурным наследием?

Боссю сразу приободрился.

— Более пятидесяти. Если быть точным — пятьдесят три. Некоторые из них, правда, расположены за Стеной.

Голдстон недоуменно воззрился на генерал-губернатора. Тот понял его немой вопрос.

— Как мы можем гарантировать сохранность находящихся за Стеной архитектурных памятников? Армейское командование выделяет на эти цели почти тысячу человек. Причем мы их ротлируем. Чтобы они не теряли квалификацию без реальной службы...

— Тысячу?

— Большинство заняты всего на двух объектах, — торопливо добавил Боссю, словно у гостя имелись полномочия урезать общую цифру. — Это Новодевичий и Донской монастыри, два замечательных архитектурных памятника шестнадцатого столетия. Поверьте, они не уступают в красоте лучшим французским замкам! Да, и оба монастыря действующие. Через них мы распределяем среди подмосковного населения гуманитарную помощь — сухпайки, одеяла, сборники выступлений канцлера. Этим занимается моя помощница, кстати, правоверная христианка, которая регулярно выезжает в Новодевичий монастырь. Представляете, несмотря на ужасные условия, здесь еще остаются тысячи русских. Живут как их предки, топят печки дровами и едят один картофель. Она принимает близко к сердцу страдания этих несчастных ...

Боссю продолжал что-то говорить, но Голдстон уже не слушал его, пораженный странной догадкой. Вот он, нервный интерес к тому, что рассказывают о ней за глаза! Оказывается, прекрасная Горгона бывает за Стеной. В монастыре, через который проходит за неделю не одна сотня русских.

— Ваша помощница... — осторожно начал он, перебивая цветистые рассуждения Боссю.

— Симá?

Боссю, конечно же, произносил ее имя на французский манер, с ударением на последней гласной.

— Серафима... Как давно вы ее знаете?

— Более десяти лет. Она работала со мной еще в секретариате Совета по развитию туризма... А что такое?

— Ваша помощница знала о моем приезде? Точное время прилета?

Генерал-губернатор нетвердо кивнул.

— Думаю, да... Так как планировала нашу встречу, то наверняка получила полную информацию из канцелярии оберста Свенссона...

Тут до Боссю, наконец, дошло. Еще одна нечеловеческая улыбка полыхнула сверхновой в кабинете. Наверное, улыбается так каждый раз, когда чувствует растерянность.

— Боже мой, штабс-капитан! Неужели контузия возбуждает воображение? Я ей полностью доверяю. Почти как самому себе... Коммуникация с партизанами отнюдь не входит в круг ее обязанностей, только график моих мероприятий и встреч... Мать увезла ее из России в Париж совсем ребенком. Она не русская — француженка, которая свободно говорит по-русски. Слишком хрупка, слишком чувствительна для... всего этого.

Боссю неопределенно махнул рукой, но было понятно, что он хочет передать. Бесконечные замерзшие поля. Холод. Серое небо. Россия, одним словом.

— Она как-то высказывалась в вашем присутствии по поводу интервенции?

— Насколько я знаю, Сима разделяет общую точку зрения. У нас не было иного выхода как вмешаться. Последний режим сам довел страну до военного переворота и хаоса. Она не раз выражала возмущение тем, что мы сделали премьером сибирского правительства Лукина, который долго был главным кремлевским стратегом и, по ее мнению, несет ответственность за все, что произошло...

— Ваши слова скорее свидетельствуют о симпатиях к ее исторической родине.

Боссю в ответ изобразил на лице что-то неприлично-сладо-страстное.

— Бросьте, штабс-капитан. Мы тут все обожаем Россию. Ее нефть, газ, лес, золото и уголь. Особенно когда за это ничего не нужно платить.

Голдстону показалось, что Наполеон за спиной Боссю после этих слов окончательно приуныл. Подумалось с неожиданным злорадством: вот кому пришлось сполна расплатиться за награбленное в Москве. За все и всегда приходится платить.

* * *

Ближе к полудню над Москвой по-прежнему висела серая, осыпающаяся снежной пылью хмарь. «Говорят, так солнечно здесь двести дней в году, — с юмором сообщил дежурный по этажу, у которого Голдстон должен был отмечать каждый свой приход и уход. — Лучше бы мы оккупировали Таиланд. Жаль, там мало газа». Но Голдстон, подумав о Таиланде, с удивлением понял: будь у него выбор, он, пожалуй, не захотел бы сменить невзрачные декорации за окном. Взгляд вверх, на плотно зашторенные небеса, раз за разом вызывал приятный спазм внутри. По телу снова расходилось волнами пережитое утром в Кремле. Тишина — вечности, абсолюта. От совершенства, от невозможности добавить что-то еще. Особое, неземное состояние жизни. Вхождение в него — физически, телом. А потом и парадоксальное, непонятное осознание себя его частью. Похоже, именно подспудное желание постоянно искать глазами небо снова выгнало его на улицу ближе к полудню. До обеда с физиком, назначенного на четыре, оставалась уйма времени. Действительно, почему бы не пройти по Москве?

— В городе безопасно?

Вопрос дежурному был задан скорее этикета ради. Из сводок Голдстон прекрасно знал о почти нулевой криминальной статистике. Территория небольшая, половина населения военные, везде видеокамеры.

Офицер ответил на удивление складно, возможно давал такие пояснения не впервые.

— Абсолютно, штабс-капитан. Вот карта, там отмечено несколько возможных маршрутов. На Тверской есть хорошие супермаркеты. Дороговато, конечно, но найдется все, даже омары. Рекомендую выставку картин в Манеже, открылась только вче-

ра. Вот приглашение. Это недалеко, буквально триста метров отсюда.

Смешно. Как в каком-нибудь отеле до войны. Интересно, зачем сюда привозят омаров? По личному заказу Боссю? Выставка картин, помпезно называвшаяся «Пять героических лет», посвящалась пятилетию прихода к власти Партии спасения Европы. На приглашении красовалось творение некоего Петера Бойля «Канцлер подписывает приказ о начале военной операции в России». Замысел, похоже, заключался в том, чтобы передать сложные чувства, одолевавшие канцлера в тот непростой исторический момент. Чувств, однако, получилось так много, и они столь не уживались друг с другом, что канцлер скорее походил на законченного шизофреника в период обострения. С унылым вздохом Голдстон положил приглашение в карман, чтобы избавиться от него при первой же возможности. Развернул неторопливо карту. В глаза сразу бросилось несколько ярких, разноцветных пятен. Кремль, Большой театр, станция метро «Площадь Революции», здание КГБ на Лубянке, первый советский «Макдоналдс», Третьяковская галерея. Полный комплект, от живописи до фастфуда. Жирная красная линия, почти повторяющая окружность Садового кольца — Стена, которую Голдстон вчера так и не увидел. Четверо ворот, Тверская упиралась прямо в одни из них, «Северные». За Стеной, по всему ее внешнему периметру, шла покрытая слепой штриховкой территория. Мертвая зона.

Оценив масштаб карты, Голдстон прикинул себе ленивый маршрут часа на два. Попрощавшись с услужливым офицером, прогулочным шагом выполз на обставленную железными барьерами, словно закованную в кандалы, Красную площадь. Напротив Спасской башни дежурили два новеньких, похоже прямо с конвейера пятнистых бронетранспортера. Еще один маячил неподалеку, у въезда на широкий мост через реку. На Тверской, начинавшейся прямо от Кремля, военной техники не было, но навстречу вялым потоком текли только мужчины в форме — патрули, отпускники, командированные. Понятное дело, немедленно нарисовался знакомый из берлинского министерства. Тоже ходил, глазел на все вокруг как в зоопарке. Попросил сфотографировать себя на фоне колоритного советского герба, украшавшего

вход в здание телеграфа. Герб висел слишком высоко, прохожие то и дело беспардонно лезли в кадр, потому найти место для нужного ракурса оказалось непросто. Голдстон почти вспотел от усердия. Ампирная Тверская непостижимо сияла и блестела всеми своими томными изгибами даже под сумрачным московским небом. Ни одного разбитого или замызанного стекла. Ни окурка на тротуарах. Ухоженные фасады наверняка пустующих домов выглядели действительно живыми. Половина магазинов не работала, но наготу витрин маскировали гигантские, в человеческий рост патриотические плакаты, до хрипоты выкрикивающие прямо в мозг вряд ли кому-то нужные в этом городе лозунги — *«Партия спасения Европы — наш шанс на достойное будущее!»*, *«Европейские нации — в единстве наша сила!»*, *«Нелегальный мигрант ест хлеб твоих детей!»*. Голдстон вспомнил, как однажды в присутствии Кнелла прошелся по очередному перлу специалистов из Министерства информации. Кнелл в ответ неожиданно напустился:

— В лозунгах как таковых нет ничего плохого. Просто лозунг — товар скоропортящийся, Джон. У него тоже есть срок годности. Пять лет назад, когда начались перебои с продуктами, такие слова были очень в тему. Это помогло обеспечить каждой семье горящую газовую горелку на кухне, сто литров бензина, килограмм сливочного масла и пятнадцать батонов белого хлеба на месяц. Сейчас нужны новые лозунги.

— Новые? Какие? — спросил Голдстон по инерции.

Уткнувшись бессмысленным взглядом в бумаги у себя на столе, Кнелл молчал с полминуты. Потом все же ответил.

— Сначала должны появиться идеи. Но с идеями трудно, поэтому и лозунги остаются прежними.

— Разве не ясно? — засмеялся Голдстон. — Двести литров бензина, два килограмма сливочного масла и тридцать батонов хлеба.

Кнелл вздохнул:

— Этот вариант уже не сработал. Попытки свести смысл существования человека к тому, чтобы поплотнее набить ему брюхо, всегда завершались или большой резней, или большим обманом. Нет, нужны идеи, Джон. Даже так — *большие идеи*.

Сразу после телеграфа Голдстон обнаружил с десяток кафе и ресторанов, тоже под завязку забитых военными. Названия звучали на удивление банально. Что-то вроде «Елисейские поля» и «Венеция». Никто не блеснул оригинальностью, окрестив заведение «Калашников» или же «Партизанская берлога». Воздух в этой части улицы так пропитался горячими запахами кофе и еды, что, казалось, можно утолить голод просто вдыхая его в себя. В одной из забегаловок кто-то, забавляясь с караоке, пел живую песню Джо Дассена.

*Loin loin dans l'avenir
Y'a-t-il un chemin pour nous reunir?
Viens, viens n'importe quand
Je t'attends ma derniere chance¹.*

Голдстон не очень хорошо знал французский, но общий смысл почему-то зацепил его. Подумалось тоскливо — нет никого, о ком бы он мог так сказать. Нет места, куда бы он хотел, чтобы привела его дорога. И нет шанса, который он мечтал бы использовать. Ничего этого нет. Скорее всего и те люди, которые поют это и слушают, тоже просто повторяют ничего не значащие для них слова. Тогда какой же здесь смысл? Зачем петь, зачем слушать эти песни? Он посмотрел на лица идущих навстречу совсем другим взглядом, разочарованным и придиричивым. Теперь все вокруг казались слишком довольными, чересчур возбужденными и веселыми, как будто массовка переигрывала на съемках фильма. Тверская выглядела ожившей глянцевой открыткой — яркой, но при том совсем двухмерной. И вот тут, тоже почувствовав себя почти картонным, Голдстон, наконец, увидел Стену. Так, как и грезил о ней на шоссе из аэропорта. На сером, зыбком горизонте проступили очертания гигантской, почти квадратной башни. словно невероятных раз-

¹ Далеко-далеко в будущем
Есть ли дорога, которая нас опять соединит?
Приходи, приходи, неважно когда
Я жду своего последнего шанса (фр.).

меров океанский лайнер пытался войти в узкий канал Тверской. По контрасту с двухмерной реальностью вокруг Стена имела осязаемый даже на расстоянии объем, то самое пространство, куда он попадает в своих ночных кошмарах. Голдстон с усилием втянул в легкие побольше воздуха, опять теряя границу между реальным и кажущимся. Его начало мутить, в голове проснулись пульсирующие точки. Он отвел взгляд, попробовал идти дальше глядя себе под ноги. Прошел так еще метров тридцать и понял: не помогает, симптомы усиливаются. Похоже, все-таки не выдержал свидания один на один. Вспомнился brave лейтенант Марчелло. «Каждый раз, когда вижу Стену, почему-то хочется перекреститься... Честное слово!». Может, и правда перекреститься? Или позвать на помощь ангела? Он же теперь знает одного... Се-ра-фи-ма... На лицо будто повеяло теплом. Он попробовал еще раз. Се-ра-фи-ма... В конце концов Голдстон спрятался от взгляда Стены, занырнув в какую-то боковую улочку — и тут же очнулся в ином мире. Четырех-пятиэтажные облезшие дома мышиного оттенка, выбитые или заколоченные окна, оторванные сточные трубы. Почти сразу его окликнули на ломаном английском:

— Ищете что-нибудь? Хорошо провести время?

Женщина, одетая в короткую, расстегнутую черную дубленку, в сапогах на запредельно высоком каблуке, стояла сразу за крытым железом входом в подвал и курила, опустив тонкую сигарету вниз, как соломинку для коктейля. Лет тридцать. Симпатичная. Накрашена, хотя и в меру. Он не разу понял, зачем она здесь. Когда дошло, захотел поскорей пройти мимо, чтобы не сойти за жаждущего.

— А, ты турист просто, — пробормотала она уже по-русски. — Ну иди, иди лесом, голубок. Только там все равно тупик.

Он не захотел показывать, что понял ее. Медленно дошел до места, где переулочек слегка забирал вправо, и только потом развернулся, надеясь, что женщина уже покурила и ушла. Но нет. Появилась и вторая, несмотря на холод почти совсем раздетая, в голубом платье с голыми плечами и просвечивающей через полупрозрачную ткань красивой овальной грудью. Тоже курила, задумчиво глядя куда-то вниз, на замерзший тротуар.

— Смотри-ка, красавчик какой белобрысый, — заметила она Голдстона. — Видела его уже?

Первая молча кивнула в ответ.

— Эй, мистер! Русские девушки! Хотите познакомиться? Меня зовут Лена. Всего пятьдесят евро за час знакомства!

Набор английских фраз с акцентом звучал до тошноты пошло. Голдстона и без того мутило. Заставив себя вежливо улыбнуться в ответ, он ускорил шаг.

— Вот сволочь, — догнала его ругань на русском. — Чего здесь только шляется? Улыбается, а ведь нас за людей не считает! Проститутки мы! Грязь!

Первая возразила ей — тихо, но как-то очень твердо:

— Зря ты так, Ленка. Лицо у него хорошее. А мы кто с тобой? Пятьдесят евро за час. Только того и стоим.

Фраза эта, едва им услышанная, непонятно почему притормозила Голдстона, заставила почти остановиться. Стало неловко — может, и правда кого-то обидел? Он обернулся, чтобы ответить по-русски, даже еще не понимая, что именно скажет, и окаменел. Те, прежние, женщины исчезли. У входа в подвал, скрестив на груди руки, стояла Мэри — несмотря на холод, абсолютно голая. Прежняя реальность переродилась в новую без единого шва. Ни одной зацепки, чтобы сказать себе — бред, игра воображения. Голдстон зажмурился, потом снова открыл глаза. Мэри осталась на прежнем месте.

— Подойди и потрогай, если не веришь.

Он приблизился, стянул медленно с руки перчатку, положил ладонь на ее голое плечо. Кожа была самой настоящей, теплой.

— Что ты здесь делаешь?

— Хочу тебе помочь.

— Помочь?

— Эта женщина. Она опасна.

Голдстон вздрогнул.

— Какая женщина?

— Она уже пыталась убить тебя. Она попыбует сделать это снова.

— И что же мне делать?

— Беги отсюда. Уезжай как можно быстрее.

Зрение, обоняние, осязание работали только на одно — найти доказательство, что перед ним галлюцинация. Пусть все, в самых мелких деталях, убеждало в обратном. Замерзшая, гусиная кожа на груди. Короткие волосы, отзывающиеся на каждый слабый порыв ветра. Запах знакомого парфюма. Доказательств не было. И все же она лгала. Он откуда-то знал это наверняка.

— Я не верю тебе, — сорвалось само собой.

Лицо Мэри перекошилось, серые глаза налились чем-то тяжелым, челюсть пошла вниз и вперед, открыв белые, мелкие зубы. Она коротко размахнулась и ткнула Голдстона в живот расправленной ладонью. Та, будто нож, легко вошла в него по самое запястье. Густой кровавый фонтан брызнул на голое тело, оставляя там и здесь на белой коже плотные бесформенные сгустки. Голдстону перебило дыхание, он согнулся пополам, чувствуя внутри себя то сжимавшую, то распрямлявшую пальцы руку. Не удержав равновесия, начал заваливаться вперед и рухнул плашмя, тут же ослепнув от растекшейся по асфальту собственной крови.

* * *

Пережитое за последние три года словно покрыло Кольку толстой, непробиваемой скорлупой. Походил он на замороженный намертво в ледник гранитный валун. Не сдвинуть с места, как ни пытайся. Сложно удивить, растормошить в нем любопытство, а уж тем более заставить фантазировать. Поспать, поесть досыта, остаться живым — вот и все мечтания партизан. Жизнь проходит согласно простым, двумерным правилам. Даже инстинктам, что ближе зверю, а не человеку — «опасно-безопасно», «холодно-тепло», «голодно-поел». Но после рассказа Диггера внутри сразу что-то зашевелилось, оттаяло, выпустило на волю закорстевшее из-за серого, примитивного быта воображение.

Оказывается, существовало *целых две* Москвы. Одна, обычная, на поверхности. Другая, тайная, под землей. За семьдесят лет коммунистической власти в городе выкопали не только метро для таких, как Колька, но и много еще чего, о чем знали только избранные. Тоннели, бункеры и склады уходили на трехсотме-

тровую глубину, упираясь местами в непробиваемые гранитные породы. Началась эта секретная стройка с десятка бомбоубежищ, где Сталин скрывался в войну от немецких бомбежек. Часть из них соединили тоннелями, чтобы никто не знал наверняка, в каком именно бункере вождь находится в данный момент. Когда же американцы испытали атомную бомбу, Москва начала расширяться вглубь почти с такой же быстротой, что и вширь. Несколько сталинских бункеров очень скоро превратились в систему «военного метро», которое по своей сложности и разветвленности мало чем уступало «гражданскому». В конце шестидесятых замахнулись уже на целый подземный город. Выстроили его в Раменках, неподалеку от новой высотки МГУ. То есть был это, конечно, не город никакой, а многоуровневый резервный командный пункт, но размерами и возможным числом обитателей вполне мог сойти за какой-нибудь райцентр. Ученые в неизвестном институте рассчитали, что тут, на глубине в сто метров, несколько тысяч человек после наступления «ядерной зимы» смогут продержаться целых тридцать лет, питаясь консервами и получая энергию от трех автономных электростанций. Вопросом, что случится с ними потом, похоже никто особо не задавался. Но объект получился что надо — с бассейном, кинотеатром и библиотекой. Железнодорожным тоннелем он соединялся с линиями «военного метро» более высокого залегания. Попасть в Раменки-подземные можно было и через несколько вентиляционных шахтных стволов: в мирное время по ним спускались вниз отряды спасателей, случись что-либо нештатное.

Командир искал под землей вовсе не мифический атомный реактор, как заключил сначала Колька. Нет, хотел выяснить, можно ли в самом деле, как уверял Диггер, пройти через секретные тоннели под Стеной. Метро обычное, как знал даже Колька, интервенты где затопили, где подорвали, опасаясь таких вот сюрпризов. Но военное метро почти везде залегало глубже, а все «переходы» герметично блокировались. Ветка, на которую доставил их лифт, соединяла Кремль с аэропортом Внуково. Была она, рассказывал Диггер, когда-то самой первой, проложили ее сразу после войны. Станций построили всего пять. «Кремль», «Министерство обороны», «Раменки», «Академия Генштаба» и «Внуко-

во». На логичный Колькин вопрос, почему интервенты до сих пор не облазили секретное метро вдоль и поперек, раз даже парикмахер Диггер про него слышал, Ворон ответил так:

— Одно дело слышать, а другое знать, как туда залезть. Да и вообще — очень я сомневаюсь, что интересны им всякие антикварные бункеры... У них, поверь, поважнее были дела. Ядерные боеголовки, к примеру, вывезти от греха подальше. Или охрану газовой трубы обустроить. Интервенты люди конкретные, легендами и мифами не занимаются. А тут сам видел — «Сделано в СССР», все ржа поела... Старье заброшенное. Думаешь, не докладывали их разведки, что мхом заросло секретное подземное хозяйство?

— Старье-то старье, — не сдавался Колька, — но работает. Вот, даже электричество есть.

— Да это так, по привычке, — отмахнулся Ворон. — Как научные институты поддерживали на плаву после СССР — безопаснее было людям копейки платить, пока сами не перемрут, чем выгонять на улицу. Может, обычное метро тоже накрылось бы, если тут вообще все отключить.

Помолчав, добавил — видимо, чтобы не искушать судьбу:

— Хотя все возможно. Как раз и проверим, есть тут кто живой или пусто.

Кто помог им проникнуть под землю — дал карты, раскрыл коды, — Кольке рассказывать не стали.

— Не твоего подросткового ума дело, — невежливо ответил на прямой вопрос Ворон. — Лучше держи палец, где надо, Головастик. Я не нос имею в виду, ты понимаешь.

Впрочем, Колька и сам догадывался, откуда ветер дует — из-за Урала. Там, в Сибири, наши копят силы для удара по интервентам. Как разузнали про секретное метро? Да вот, к примеру, Диггер однажды трепался про «второй президентский чемоданчик». В первом, о котором знали все и который повсюду под прицелом фотокамер таскали за президентом, находилась «ядерная кнопка». Второй, никому неизвестный, был вроде переносного сейфа с секретной информацией. Хранилось в нем на жестких дисках все, что только можно — от подробных схем главных мостов и трубопроводов до адресов наших агентов за границей. Может,

в суматохе переворота оказался тот самый чемоданчик за пределами Кремля и теперь попал в нужные руки. Или, что больше похоже на правду, был в Сибири резервный центр управления страной — на случай войны или другой чрезвычайной ситуации. Той самой, что теперь и настала.

* * *

Вид, открывшийся им из лифта, не представлял собой ничего особенного. Пустая бетонная коробка, по площади и высоте потолка напоминавшая баскетбольную площадку. Вместо колец — пара прожекторов древнего дизайна, один из них темный и ослепший. Было сухо и прохладно, отчетливо пахло камнями и пылью. Легкие с трудом принимали в себя спертый воздух, ощущалось это так, словно внутри груди сделали надрез ножом. Впрочем, болезненное ощущение быстро прошло. Диггер сделал один шаг вперед, другой — и тут застыл на месте как вкопанный, обшаривая глазами пустоту вокруг. Выглядел он как ушедший в иное измерение экстрасенс, наблюдающий предметы и явления, недоступные зрению обычных смертных. Может и вправду духов высматривает, содрогнулся Колька. Но тут заметил зловещий кровавый огонек под потолком.

— Камера, — неуверенный шепот Диггера отозвался эхом в могильной тишине. — Заработала, наверное, вместе с лифтом...

Колька, хоть и сам порядком оробел, с радостью уловил в голосе Диггера очевидную дрожь. Все, сломался парикмахер-анархист. Всю браваду с него как ветром сдуло. Не выдержал, как земля давит. Диггер, в самом деле, сказал бодро, скороговоркой:

— Ну что, возвращаемся? Все вроде посмотрели. Шахта в рабочем состоянии. Воды нет, сухо. Вернемся уже с отрядом и двинемся дальше по тоннелю. До центра города часа три хода, не больше.

Командир на фальшивку не купился, ответил так, как Колька от него и ждал.

— Нет, не возвращаемся. Нельзя людей просто так в черную эту дыру тащить. Давай, не робей. Сам же мечтал попасть в секретное метро. Сюда теперь, что ли?

Лифтовой холл переходил в узкий, неосвещенный тоннель метра три высотой. Диггер, покосившись на автомат Ворона, которым тот неосознанно махнул в сторону выхода, обреченно полез в рюкзак за фонарем.

— Ладно, пошли... Болтали, привидение Сталина по секретному метро шатается. Ты с ним тогда сам поговоришь, ладно? Как коммунист с коммунистом...

Он попробовал рассмеяться, но вышло похоже на хриплое карканье. От него стало еще неуютней.

Стены тоннеля оказались без всякой отделки — серый, изъеденный точками-оспинами бетон. Кое-где от железной арматуры по нему расходились затайливыми узорами ржавые подтеки. Слева вдоль стены щупальцами тянулись коробка с проводами. Пару раз Колька заметил маркировку — старую, наверное, советскую. «ПР» или «ПК» — и какие-то цифры. Шли медленно и нудно, не меньше получаса, под ногами путались битые кирпичи и прочий мусор. Наконец луч Колькиного фонарика, до того утыкавшийся в бетон, оборвался, ушел в темноту. Стало заметно холоднее, хотя и без сквозняка. Впереди, понял он, большое открытое пространство.

— Тут у нас транспортная развязка, — доложил Диггер, подсвечивая свои бумажки желтым, дрожащим световым пятном от фонарика. — Само метро, смычка с Раменками, несколько пешеходных тоннелей... Смотрите под ноги, чтобы никуда не свалиться.

Фонари едва раздвигали плотно сбитые, стискивающие их со всех сторон массы тьмы. Потому, наверное, раменская станция показалась Кольке просто гигантской. Как природная подземная пещера, разве что без сталактитов. Ворон, правда, все прочувствовал по-своему:

— Вот же, мать твою, умели строить... — прохрипел восторженно, задрав голову и пытаясь нащупать лучом фонаря свод на высоте метров десять, а то и выше. — Словно циклопы здесь вкалывали, а не люди!

Схватил Кольку за плечи, сжал как безумный.

— Смотри! Смотри и запоминай! — голос его вибрировал от волнения, доходя на высотах до легкого повизгивания. — Вот

оно, призвание русского человека! Делать то, чего другие даже вообразить не смогут... Нас поучали последние лет тридцать — надо, мол, превратить Россию в нормальную европейскую страну. Эдакую Бельгию на шестой части суши. Прикинь? Россию — в Бельгию! Это как если бы слон начал всем говорить, что он хорек... Таких умников сюда надо, под землю... Пусть смотрят! Россия создана для великих дел или ее вообще не будет!

Колька, представляя слона, который вдохновенно уверяет всех, что он хорек, только ухмылялся да растирал указательный палец, затекший на спусковом крючке автомата.

В темноте, как под водой — движения сильно замедлены. Вот так, будто водолазы, они обследовали шаг за шагом станцию. Та оказалась однопутной. Платформы как таковой не было вовсе — железный мостик с лестницами, пути с рельсами пролегали по неглубокой выемке в бетоне. Вдоль мостика шли подряд несколько боковых ответвлений, прикрытых незапертыми решетчатыми дверями. Ворон взял себе в голову осмотреть каждый боковой ход. В первом тоннеле их почти сразу спугнул противный химический запах — решили не рисковать, зажав носы побежали обратно. Вторая дверь привела в тупик. Возможно, прежде здесь был небольшой склад. Но сейчас — просто пустой, пыльный и холодный каменный мешок. А вот третий ход, самый широкий из всех, оказался поинтереснее — еще одна многотонная, серая гермодверь, на этот раз беспомощно распахнутая настежь, а за ней просторный холл с двумя лифтовыми шахтами. Вот здесь Кольку по-настоящему потрянуло. Прямо над лифтами снова зловеще краснел глазок камеры.

— Что за лифты?

Диггер замялся. Пробормотал испуганно, косясь на камеру.

— Вниз. В сами Раменки думаю. Туда нам точно не надо, ты уж мне поверь.

— Уверен? — командир подошел к лифтовой двери, соскреб ногтем спрессованный налет пыли с цифрового замка, потыкал пальцем наугад. — Ты эти коды писал?

— Не давали нам этих кодов, — радостно заторопился Диггер. — Только спуск на главную ветку.

— Ладно, — согласился Ворон. — Возвращаемся.

Едва он это сказал, серые, покрытые пятнами ржавчины створки лифта разъехались в стороны с металлическим, вытягивающим душу скрипом. От неожиданности командир отпрянул назад, поскользнулся и с криком боли приземлился на одно колено. Кабина была абсолютно пуста. Тускло горел еле-еле рассеивающий темноту неприятный для глаз желтоватый свет. Покрутив недоверчиво головой туда-обратно, Ворон встал и обтер испачканные руки о куртку. Хмыкнул в голос.

— Неужели код угадал? Нажал вообще-то три шестерки. Дьявольское число.

— Не думаю, — пролепетал Диггер. — Он шестизначный как минимум... Кто-то нам его открыл. Точно. Есть там кто-то внизу.

Колька вздрогнул. Потом подумал — запугивает парикмахер. Не хочет, падла, вниз ехать. Ворон, похоже, тоже не горел таким желанием. Но еще больше не хотелось ему сюрпризов во время боевой операции. Каких именно — даже, наверное, не думал. Просто сюрпризов. Командир мотнул головой повелительно: приглашение проследовать в лифт. Диггер, покосившись зло на дуло автомата Борсна, поплелся в полутемную кабину. Колька, оглядевшись как испуганный котенок по сторонам, юркнул следом. Ворон зашел последним, замер, не разворачиваясь спиной, на месте. Через пару секунд дверцы точно так же самопроизвольно затворились, вновь издевательски произведя тот самый непреклонный скрип. Раздался тяжелый глухой гул, словно где-то у них глубоко под ногами ожил от многолетнего сна громадный и сложный механизм. Кабина дрогнула и начала опускаться.

* * *

В лифте, видимо от переизбытка впечатлений и бедного кислородом воздуха, на Кольку вновь начал накатывать припадок. Им овладел кошмарный мираж: на самом деле они втроем уже как-то незаметно для самих себя умерли и теперь их спускают в ад, чтобы отдать в лапы прислужников сатаны — черные, невымытые, с длинными и кривыми, как турецкие ятаганы, когтями. Черти представились Кольке так отчетливо, что он разглядел даже отблески адского пламени в белках их безумных, бесчело-

вечных глаз. Лифт замер на месте, и черти радостно загалдели, потирая волосатые лапки в предвкушении поживы. Из-за металлических дверей, что пока еще были закрыты, в самом деле донесся шум. Кольке почудились звуки низкого гортанного голоса и даже, кажется, пение. Как развеселились эти самые черти! Как хотят попробовать на вкус бедного худосочного Кольку! Только вот не учли они одного важного обстоятельства — хотя Колька и умер, на его плече странным образом еще продолжает висеть на ремне автомат АК-47. И сейчас, как только откроется дверь и нечисть хлынет внутрь сплошным черным потоком, он вдохновенно нажмет на курок и дорого, очень дорого продаст им свою невинную душу...

Дверцы лифта нехотя отсоединились друг от друга, открывая взору адское подземное царство. От волнения и полутьмы очертания предметов плавились в глазах. Колька узрел в подвальном желтом свете лишь смутные темные фигуры, сгрудившиеся напротив. Отступив на шаг, в отчаянии оглянулся на Ворона. Лицо командира перекосила непонятная гримаса, но автомат его пока молчал. Вдруг какая-то мысль электрическим разрядом раскроила Колькину голову. Он еще раз протяжно втянул воздух носом и понял, что не ошибся. Пахло ладаном. Воспоминание об этом сладковатом, связанном с вечностью запахе радостно нахлынуло из глубин довоенной памяти. А заодно с ним и ясная, почти отлитая в металл идея. *В аду не может пахнуть ладаном.* Это так же верно, как и незабвенная теорема Пифагора про катеты и гипотенузу. Расставив все по местам, Колька немедленно прозрел. Осознал, как ужасно он заблуждался. Темные фигуры, принятые им за чертей, оказались на самом деле распевающими молитвы священниками в черных рясах. Один из них, худой, похожий на фонарный столб, широко помахивал кадилом, от которого и растекался сладковатый, мутящий сознание запах. Кадило раскачивалось будто маятник, и Кольке, что не мог отвести от него глаз, даже казалось, будто он слышит глухой свист, с которым тот рассекает воздух. Тут пение начало влиять, спотыкаться и вскоре затихло само собой. Онемев, все глядели зачарованно на Кольку, который отчаянно, как последнюю соломинку, сжимал в руках свой автомат. Возможно, еще секунда — и вся делегация брыз-

нула бы врассыпную. Страшно представить, каких бы дел могли натворить тогда онемевшие, напрягшиеся до белизны Колькины пальцы.

Спас ситуацию не потерявший самообладания Ворон. Прокашлявшись, сказал обыденно, как ни в чем не бывало:

— Ну здравствуйте, святые отцы! Как вы тут под землейживаете?

— Господи, слава тебе, слаааааа, слаааааа тееебе! — облегченно грянул в ответ благодарственный молебен, вырвавшись залпом сразу из десятка глоток.

* * *

Офицерский ресторан в Кремле до рези в глазах слепил белизной отделки, навевая мысли о мертвых, заснеженных полях вокруг Москвы. Спину сразу обжег колючий, нервный озноб. Накатило что-то вроде клаустрофобии. Чувство, что живьем закатали в пластик. Наверное, все еще лихорадило после припадка на Тверской. Конечно же, никакой Мэри там не было. Он потерял сознание, упал и разбил нос. Пришел в себя через пару минут. Пока сидел, беспомощный, на вытягивающем тепло из тела асфальте, девушка в дубленке принесла ему из подвального борделя крепкого сладкого чаю в гнущемся пластиковом стакане. Проглотив чай торопливыми, перебивающими дыхание глотками, Голдстон встал, отряхнулся и, покачиваясь из стороны в сторону, поспешил убраться восвояси, пока кто-нибудь не вызвал военный патруль.

В ресторане его, обессиленного схваткой со Стеной, сразу взбодрили запахи. Пахло вкусно, хотя и просто — жареным луком и мясом. Зал встретил хоровым, довольным гулом насыщающихся людей. Его провели в отдельную комнатку, огороженную передвижной ширмой такого же, как и все вокруг, больнично-белого цвета. Он сел на холодящий через ткань брюк кожаный стул и замер в раздумье на минуту-другую. Потом выложил на стол куцее досье физика, один-единственный абзац, занимавший примерно четверть листка. Павел Быков родился в уральском городе Челябинске. После окончания МФТИ пять лет проработал в Институте ядерной физики в Новосибирске. Три раза приезжал

в Европу на различные международные конференции. Полностью пропал из поля зрения почти двадцать лет назад. Вздыхнув, Голдстон потер уже слегка колючую щеку, что обычно делал в минуты озадаченной задумчивости. По его скромному разумению, физик выглядел очень слабой зацепкой. Целых семь часов, с момента, когда Кнелл впервые увидел фотографию со спутника и до его утреннего звонка Голдстону, дежурная команда аналитиков прогоняла через компьютер и сопоставляла друг с другом тысячи фактов из различных баз данных, пытаясь выстроить хоть какие-то связи. «Русский физик» даже не был одной из версий. Так, что-то сумасшедшее на десерт. Однако Кнелл рассудил по-своему.

Когда два офицера в черном ввели Быкова за ширму, Голдстон на секунду подвис. Физики в его понимании выглядели иначе, живенькими и юркими как элементарные частицы. Напротив, стоявший перед ним человек, казалось, давным-давно постиг все земные истины и теперь рассеянно наблюдает за теми, кто муравьями суетится у него под ногами. Излучателем этого благожелательного безразличия ко всему вокруг являлась огромная, скудно прикрытая редкими светлыми волосами голова. Голова явно имела свою, особую ценность по отношению к остальному телу. Все находившееся ниже шеи воспринималось как обслуживающий ее второстепенный придаток. Лоб казался бесконечно высоким, во многом из-за лысины, с которой незаметно сливался на выпуклом черепе. Где-то у самого основания лба, под белесыми бровями затаились серо-голубые глаза с едва уловимой жесткой примесью. Фокус с ходячей головой получался еще и от того, что физик был среднего роста, хотя и весьма плотной комплекции. Его широкую фигуру обтягивал старенький свитер салатного цвета со смешными синими оленями, которые везли сани Санта-Клауса.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал по-русски Голдстон, пытаясь услышать собственный акцент.

Физик молча, не отводя взгляда, приземлился напротив. Задел коленом стол так, что тот зашатался. Кажется, совсем не удивился русской речи.

— Меня зовут Джон Голдстон. Моя специализация — поиск талантливых ученых для европейских исследовательских

центров. Ваше дело попало к нам, и мы заинтересовались им. Поболтаем немного? Ну и пообедаем заодно... Надеюсь, от вина тоже не откажетесь?

Голова — как он назвал про себя Быкова — на секунду вышла из статичного состояния. Глаза сфокусировались на быстро заполняющей бокал бледно-рубиновой жидкости. Не ответив, физик взял его и сделал пару объемных, торопливых глотков.

— Урожай седьмого года, — Голдстон мечтательно вздохнул, рассматривая этикетку на бутылке. — Пожалуй, последний хороший год. А потом словно что-то сломалось. Кризисы, войны, эпидемии. Просто идеальный шторм какой-то...

Пока он прикидывал, как повернуть разговор куда надо, физик сам сделал первый ход.

— Про седьмой год не согласен. Сломалось уже довольно давно. Просто, наконец, дошло до предела.

Голдстон переставил ногу — под подошвой ботинка что-то хрустнуло, наверное кусок стекла.

— Давно?

Обведя стол прежним отсутствующим взглядом, Быков кивнул. Начал говорить — так, словно дискутировал сам с собой.

— Этот вопрос до сих пор задают себе миллионы людей. Почему все так легко рухнуло? Суперсложная глобальная система, которой вроде бы жить да жить... В тюрьме мне давали газеты. Поразительно, но все еще спорят об экономике. Мол, надо было здесь подкрутить, тут подклеить — и работало бы дальше. Но экономика — это ерунда. Сломался сам человек.

Голдстон откинулся на спинку стула.

— Сломался? Как это?

— После долгой и опасной болезни. Что-то вроде серьезного расстройства психики, поразившего огромные массы людей.

— Вы о депрессии?

— Депрессия — лишь один из симптомов. Сама же болезнь... Давайте назовем ее *раскол*. Человек лишился собственной природы, раскололся пополам. И добровольно отказался от одной своей половины. Вообще об этом много чего написано... Вы читали, например, Юнга?

Голдстон сделал пару быстрых, ненужных глотков. Дорогое вино показалось неожиданно кислым.

— Читал. Правда, главным образом, о символике сновидений.

Принесли суп-пюре из шпината и свежее испеченный белый хлеб, нарезанный толстыми, пухлыми ломтями. Быков, втянув ноздрями горячий, поджаренный запах, взял себе сразу два куска. Подумав немного, вернул один обратно.

— Нет, я про личное и коллективное в человеке. Наш собственный опыт и сидящий у нас в подсознании опыт миллионов лет земной жизни, наследуемый генетически или как-то там еще. Вроде бы чудовищное противоречие, из которого, тем не менее, вырастает сама человеческая природа. Сначала желание обособиться, выпятить себя — и тут же тяга слиться с чем-то большим, стать его частью... Можно сказать, история человечества — это непрерывный поиск нужного баланса между «я» и «мы». В какой пропорции их смешать, чтобы воцарилось всеобщее счастье? Последние лет триста, безусловно, были эпохой «я». Чем больше «я», тем лучше! Настоящая революция, если вдуматься! До того ценность человеческая определялась родом занятий, вкладом в общий труд. Важно, не кто ты внутри, а чем занимаешься. Крестьянин, стражник, подмастерье... И вдруг человек превращается в существо вообще с другой начинкой. В личность! Что-то ценное, напротив, именно своей отдельностью и непохожестью. Как следствие, невероятный толчок креативности везде где только можно, перевернувший всю нашу жизнь! А потом... Потом начались побочные эффекты, потому что не удалось вовремя остановиться, найти ту самую точку равновесия. Человек так заиклился на себе, на малейших оттенках своего «я», что совсем упустил из виду «мы»... Вебер¹, конечно, был прав, когда писал, что люди не способны развиваться как вид не выделившись из общего. Но мог ли он себе представить, что человеческая индивидуальность станет проблемой, к примеру, для создания семьи? Знаете, какой забавный термин придум-

¹ Макс Вебер (1864 — 1920) — немецкий социолог и политэкономист. В отличие от Карла Маркса позитивно оценивал роль капитализма, который, по его мнению, возник благодаря протестантской этике.

мали в начале века по этому поводу в Швеции? «Семья, состоящая из одного человека». И на такие семьи приходилось больше половины населения!

Голдстон, хотя и чувствовал уже довольно давно призывный запах супа, никак не мог оторваться взглядом от физика.

— То есть в нас осталось так мало «мы», что мир взял да и рассыпался? Все так просто?

— Именно. Наш современник — «я» почти в чистом виде. Отдельный, независимый атом. Продукт повседневного опыта: дом, офис, знакомые, семья... Да, социальные, экономические связи сложны и многочисленны, но не способны компенсировать глубинные потребности человеческой психики. «Мы», которое нам нужно, не просто семья, друзья, фанаты любимой команды. Если вернуться к Юнгу, он, собственно, дальновидно предсказывал социальные потрясения по причине коллективных проблем с психикой. Винил же во всем Реформацию и последующий упадок религии. Считал, что религиозные обряды и праздники, воздействуя на подсознание, давали людской массе ощущение «мы», так сказать, нужного масштаба. Человек в церкви — не песчинка, не секунда в истории. Вместе с Богом, вместе с другими людьми он ее важный творец, направляющий ход событий от Адама к Апокалипсису...

Кажется, был внешний толчок. Пойманное краем глаза неуклюжее движение официанта или звук в зале, вырвавшийся из общего пчелиного гула. В голове у Голдстона лампочкой зажглась мысль: над столиком витает нечто крайне важное и физик вот-вот как фокусник вытянет это из воздуха. Быков, правда, напротив, замолчал, упершись взглядом в раскинувшиеся по тарелке полупрозрачные лепестки окорока. Голдстона от этого молчания охватила необъяснимая паника. Он торопливо выпалил первое, что пришло в голову:

— Разве Лютер¹ был атеистом? Разве не выступал только против продажи индульгенций и прочей... балаганщины?

Физик, вздрогнув, ожил. Вспомнил о разговоре.

— Конечно же, Лютер не был атеистом. Главный тезис его учения — прямой диалог Бога и человека, не замутненный по-

¹ Мартин Лютер (1483–1546) — немецкий богослов, инициатор Реформации.

средничеством церковнослужителей. Напротив, он хотел приблизить человека к Богу, чтобы лучше слышать и понимать Творца. Как и большинство гуманистов той великой эпохи, к которым Лютер, безусловно принадлежал. Таким путем они мечтали создать «людей нового типа» — образованных, добродетельных и свободных.

— Что же пошло не так?

— Я думаю, что все дело в тайне.

Физик неожиданно с ухмылкой подмигнул ему. Кажется, он быстро пьянел.

— Да, именно в *тайне*. Понимаете, церковь разными способами создавала реальность, которую нельзя было понять — только *воспроизвести в себе*, став ее частью. Но все эти величественные соборы и торжественные многотысячные процессии воспринимались протестантами лишь как дань тщеславию церковников. В общем-то они, наверное, правильно понимали, что Богу не нужны подобные знаки внимания. Но заблуждались в том, что это не нужно человеку, чтобы встретиться с Богом. Без тайны, без священного религия обмелела, стала частью повседневного опыта какого-нибудь немецкого торговца свининой. Немудрено, что Бог, превратившись в абстракцию, вскоре испарился из придуманной Лютером схемы. Осталось только пресловутое служение¹, примерный труд и, как награда свыше, рост богатства, признание в обществе. Отсюда и родился капитализм, что быстро и агрессивно, как сорняк, подчинил себе всю планету. На самом деле побочный эффект попытки гуманистов Возрождения создать более совершенного человека. Теперь же саму эту идею лукаво подменили идеей постоянного роста благосостояния, научно-технического прогресса и так далее. Но есть ли прямая связь между улучшением человека и, например, научно-техническим прогрессом? Нацистская Германия, самое чудовищное государство в истории с точки зрения

¹ Имеется в виду ключевое положение концепции Лютера о «призвании». Согласно ей Бог предназначает людей к тому или иному виду деятельности и через мирской труд также можно достичь высшей благодати.

человечности, было притом и самым передовым в техническом отношении...

Голдстон внезапно почувствовал раздражение. Нить разговора ускользнула у него из рук и теперь ее крепко держал физик. Над ним же словно прохудился потолок. Он съежился, вжал голову в плечи, пытаясь увернуться от потока непривычных слов, уносящих его за горизонт понятного и контролируемого. Но они все текли и текли, затопляя с головой, мешая думать и даже дышать. В конце концов, он перестал сопротивляться и пустым чемоданом безвольно поплыл по течению извилистой, но широкой мысли Быкова.

— Образно выражаясь, человек измельчал. Да, он стал более гуманным, креативным и хорошо пахнущим... Но он страшно измельчал! Между тем, поверьте, масштаб — крайне важное измерение для человеческого существа... Правда, капитализму как раз и нужен был такой мелкий человек. Человек-запчасть, встроенный в систему, единственной задачей которой является бесконечное увеличение капитала. Но капитализм сам в конце концов угодил в эту ловушку и накрылся медным тазом. Мелкий человек не способен воспринять большой идеи. А без того вы никогда не выведете человечество на следующий уровень...

— Большие идеи? — тихо переспросил оглушенный Голдстон, вспоминая речи Кнелла. — Что вы имеете в виду? Конкуренцию разных социальных моделей?

— У человечества, если честно, может быть только одна идея. Развитие человека, того потенциала, который в него запрятали. Все, что помогает этому — благо, мешает — зло. Большие идеи дают образ будущего, где наши потомки на голову, может, на десять голов выше нас. Более совершенный, добродетельный, эффективный человек — вот цель, вокруг которой должна строиться вся наша жизнь. Только такие, уходящие в будущее идеи способны преобразовать мир...

— Вы про христианство?

— Или про коммунизм, который хотел создать «нового человека» и «светлое будущее»... Знаю, знаю. В религиозных войнах и коммунистических чистках погибли десятки миллионов людей.

Не буду отрицать. Но, тем не менее, обе эти идеи парадоксальным образом гуманизировали мир, задав ему новую планку.

— Значит, вопрос цены не имеет значения? Цель и в самом деле оправдывает средства?

С минуту Голдстон наблюдал за тем, как крупные, лопатообразные ладони Быкова ловко управляются с суповой ложкой, и та серебристой молнией буквально мелькает в воздухе. После заданного вопроса ложка замерла на мгновение, потом скребущие движения возобновились с прежней интенсивностью. Потом физик все-таки ответил, пусть и неохотно. Словно не был уверен, что его поймут.

— Исходя из горизонта одной человеческой жизни мы вряд ли узнаем, какова эта цена — и вообще что была за сделка. Может, происходящее сегодня обретет смысл только лет через двести? Большое заблуждение полагать, что главной заботой истории является максимально сытое и продолжительное существование каждого из нас. Я вижу историю как движение усредненного человека от животного к человеческому — или в обратном направлении. Если человечество не развивается, оно деградирует. Что, собственно, и произошло.

Голдстону представилась популярная картинка-клише — эволюция от стоящей на четвереньках обезьяны до распрямившегося гоминоида. Только сейчас место обезьяны занял обыватель с гамбургером и бутылкой кока-колы, а гоминоида подменил одухотворенный трудящийся с книгой и телескопом под мышкой, сбежавший сюда с плакатов советской эпохи.

— Не хотите сначала спросить у людей, чего они хотят? Страдать ради чьего-то будущего или спокойно жить в сытости?

Быков опять ответил не сразу. Отхлебнул еще вина, аккуратно вытер куском хлеба тарелку из-под супа. Потом неожиданно поднял голову и воткнулся в Голдстона колючим взглядом.

— Представьте — вы живая клетка. Одна из миллиардов клеток огромного организма. И вот, вы ставите этому организму ультиматум — мне до тебя нет никакого дела, хочу жить сама по себе. Что с вами произойдет? То-то же! Человечество, нравится это нам или нет, существует только как единое целое. Как общее движение в неизвестность. Ошибки, потрясения, разочарования

неизбежны. Любая обращенная в будущее идея на порядок шире и выше среднего человека своей эпохи. Отсюда все издержки.

Голдстона внезапно больно полоснуло по коже чувство собственной ущербности. При всем желании он не мог сейчас встать на то место, откуда величаво обзирал мироздание Быков, и глянуть вокруг его глазами. Даже затем, чтобы сказать — полная чушь, нет здесь ничего. Первой, естественной реакцией была ирония над наивностью услышанных от захмелевшего физика рассуждений. Утопичность будущего, где морально чистые интеллектуалы будут заниматься саморазвитием, забыв о стремлении к доминированию, богатству, разврату, безделью, была очевидной. Однако тут же пришла другая мысль: в тот грязный, неприглядный тупик, где сейчас упокоилось человечество, его привели, возможно, именно эти дорожные указатели.

— Капитализм попытался сделать из человека деталь, обладающую нужными качествами и исправно работающую в определенном месте огромной системы. Это вовсе не экономическая эксплуатация, как считал Маркс. Это эксплуатация самой человеческой сущности, рассчитанной на совсем иной масштаб... Но человек — не деталь. Насилие над его природой ведет к массовым психическим расстройствам. Одиночество и страх, ничем не выводимый ужас смерти. Западная культура была одержима предчувствием Апокалипсиса последние лет сто точно... Видели Стену? Как думаете, зачем здесь, в мертвом городе, выстроили такую махину? Это памятник бесчисленным страхам одинокого, маленького человека...

Похоронно звякнув, с полом встретилась отпущенная пальцами вилка. Голдстон проводил ее непонимающим взглядом. Мир Быкова, только что казавшийся бессмысленным нагромождением терминов, вдруг придавил реальной тяжестью. Совпадение их ощущений не просто поразило. Оно звучало как доказательство всему, что Быков сказал до того.

— Стена... — пробормотал Голдстон. — Почему же именно стена?

— Символ, который дает ощущение контроля. Победы над хаосом, в который погрузилось человечество, распавшееся на миллиарды замкнутых в себе эгоистов.

Сглотнув, Голдстон аккуратно, чтобы не растревожить, нащупал внутри себя давно живущее с ним послевкусие от ночных кошмаров.

— Вы говорили про страх. В чем его непосредственная причина?

Прищурившись, физик обшарил его глазами.

— Вы чего-то боитесь? У вас проблемы с психикой?

Спазм паники. И одновременно облегчение. Как будто нашел врача, способного поставить правильный диагноз — а, значит, и вылечить.

— Я... я тоже размышлял о Стене. Что это нечто большее, чем просто военное сооружение.

Быков вяло кивнул своей монументальной головой. Кажется, впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Проблема человека в том, что границы, в которых он способен познавать мир, несравненно шире тех границ, где он может на этот мир воздействовать. Задумайтесь — мы исследуем галактики, добираться до которых даже со скоростью света понадобилось бы миллионы лет. Эта диспропорция между нашим физическим ничтожеством и способностью осмыслить реальность во вселенских масштабах есть у каждого. Если ее не компенсировать — религией, философией, чем-то еще, дающим хоть какое-то объяснение, — то рано или поздно она вызовет серьезные психические сдвиги. Правда, когда человек встроен в стабильно работающую систему, эти позывы слабы и невняты. Есть ощущение осмысленности того, что он делает изо дня в день. Тоже, если хотите, Стена... Когда же все рухнуло, наш с вами современник, вылупившийся из привычного обывательского мирка как из яйца, встретился, извините за пафос, лицом к лицу со всей непостижимостью Вселенной. Как тут не ужаснуться?... У вас есть ручка? Сейчас попробую наглядно...

Расправив пухлыми пальцами салфетку, физик нарисовал на ней корявый круг, затем вписал в него квадрат, а в центре, проткнув бумагу насквозь, поставил жирную точку.

— Круг — это Вселенная, точка — то, как ощущаете себя вы, квадрат — Стена в нашем подсознании. Вроде бы защита, но на

самом деле клетка, в которую человек сам, по собственной воле, себя загнал и оттого же страдает... В идеале точка и круг должны совпадать. Но квадрат не дает точке стать кругом.

Прибытие главного блюда, жареного барашка по-албански, они встретили в полном молчании. Только когда Быков уже почти разобрался с барашком, оглушенный беседой Голдстон вспомнил наконец о поручении Кнелла.

— Ваши мысли весьма... заняты... Наверняка есть и... конкретные идеи, как вывести человечество из нынешнего тупика?

Рука физика, державшая вилку, замерла в воздухе на полпути к уже приоткрытому рту. Положив через пару секунд вилку обратно на тарелку, Быков с какой-то медицинской тщательностью вытер салфеткой чистые губы. Спросил отстраненно:

— Не знаете, случайно, что на десерт?

Больше разговор у них так и не заладился.

* * *

Странная беседа с физиком сильно наследила внутри у Голдстона, оставив длинный шлейф ощущений. Он чувствовал себя емкостью с водой, куда на ночь щедро засыпали дрожжей. Теперь в емкости булькало, шипело и бурно делилось без его ведома нечто живое и загадочное. А еще появилась боль. Там, где сегодня проткнула тело воображаемая рука Мэри. Подумалось что-то дикое.

«Уж не шрам ли это? Место, где нас, по словам физика, разделили надвое?»

Голдстон, сидя на кровати медленно, почти со страхом, растегнул пуговицу, залез пальцами в образовавшуюся прореху. Осторожно дотронулся до кожи. Тело ответило ноющим, идущим из глубины раздражением. Пальцы, слегка пританцовывая, прошлись туда-обратно, пытаясь обнаружить малейшую неровность. Нет, ничем не поврежденная, гладкая кожа. Никакого шрама или рубца. Он заставил себя иронично ухмыльнуться. Но легче не стало. Напротив, вспомнился единственный, стыдливый, год или около того назад, визит к психиатру.

— Повторяющиеся сны — часто симптом того, что подсознание требует разрешить проблему в реальной жизни.

— Что-то связанное с сексом?

— Теории, что подсознание — лишь психический отстойник, куда вытесняются табуированные желания, уже не в тренде. Скорее это центр накопления информации.

— Какой именно?

— Абсолютно всей, которую мы так или иначе получаем из внешней среды. Похоже на универсальное записывающее устройство. Сервер, соединенный с операционной программой-сознанием. Информация хранится там и используется по мере необходимости. Задача сознания — запрашивать нужную информацию в нужный момент.

— А кошмары?

— Страх играет ту же роль, что и боль в организме. Симптом проблемы. Сигнал о том, что подгрузка с сервера не работает. Что-то мешает соединению.

Сегодня, похоже, ему рассказали что именно. Философский треп захмелевшего физика звучал сейчас в ушах как медицинский диагноз. «Синдром Стены» один в один напоминает симптомы измышленного Быковым массового психического заболевания, из-за которого якобы и рухнул весь миропорядок. Здесь, в Москве, он проявляется ярче и чаще оттого, что раскол внутренний вступает в резонанс с расколом внешним. Куда ни пойдешь, повсюду тридцатиметровая бетонная стена. А за ней — терра инкогнита, штриховка на карте... Галлюцинации в госпитале, вдруг осенило Голдстона, пыльный, тоскливый город за циклопической стеной. Это же мое подсознание!

Окатило ознобом. Он дернул руку из-под рубашки — так резко, что оторвал пуговицу. Та отстучала длинную дробь по полу и, наконец, затихла под книжным шкафом. Голдстон даже не проводил ее взглядом. Если физик прав, исцелиться от кошмаров проще просто. Нужно вернуться в этот город за Стеной и найти из него выход.

* * *

В жизни Голдстона был короткий, но хорошо запомнившийся период, месяцев пять или шесть, на которые он с головой занырнул в природу снов, управление подсознанием, астраль-

ность и прочую эзотерическую дребедень. Случилось это так. Когда он понял, что кошмары повторяются, началась паника. Но идти к психиатру означало признать себя ненормальным. Кроме того, он опасался, что информация утечет в министерство. Потому-то в один прекрасный день обложился пособиями по «тайным методикам» и занялся «самонастройкой». *Выход в подсознание* был любимым коньком разнообразных гуру в области медитации. Тогда особой пользы эти духовные опыты не принесли, кошмары не прекратились, но сейчас у него имелось наготове сразу несколько рецептов, как же следует поступить. Например, лечь на спину, глубоко дышать и вспоминать при том яркие моменты своей жизни (кажется, так в книгах обычно описывают смерть, подумал Голдстон). Или вот — опять же, лечь, расслабиться, представить себя со стороны — увидеть в деталях каждую часть тела, затем будто слепить его заново из кусков и установить в абстрактной пустоте. Вообразить тропинку, шоссе, любой путь и создать на нем далекий ориентир. Дерево, церковь, гору. После чего двигаться к ориентиру, не отвлекаясь ни на что другое... Голдстон в самом деле лег на кровать — сначала словно Христос, раскинув руки в стороны. Затем, подумав, плотно прижал их к бокам, как прыгун в воду на краю доски. Начал медленно, размеренно дышать, стараясь вытолкнуть из себя с каждым выдохом все повседневное. Вспомнилась фраза из книжки по медитации: «научитесь слышать через музыку в наушниках пение далеких птиц». Но с птицами получалось не очень. Наверху кто-то расхаживал по комнате туда-сюда будто в тюремной камере. За окном над Кремлем прострекотал вертолет. Потом по коридору уборщик с грохотом провез тележку. Голдстон выругался, приложившись с досады кулаком по кровати. И сразу же понял, как надо поступить. К черту пение птиц! К черту шум моря и махи огромного космического маятника. Нужна Стена! Образ, однажды сам всплывший «Титаником» из темных бездн его подсознания. Станный, необъяснимый ужас, который она внушает, быстро пропитывает насквозь тело и затем утаскивает его, отяжелевшее и безвольное, в эти пространственно-временные норы... Он начал дозированно, в режиме замедленной черно-белой

съемки, вспоминать сегодняшнюю встречу со Стеной. Отдельные кадры, один за другим. Красная площадь. Советский герб над входом в здание телеграфа. Зеркальная витрина кафе «Елисейские поля», отразившая его прямую, худую фигуру. Бледное, нерадостное лицо курящей девушки у входа в нелегальный бордель... Помогло и выпитое за обедом с физиком вино. Минут через десять Голдстон в самом деле *соскользнул* — может быть в сон, может, в собственное подсознание, пойманное в ловушку психоделическими трюками.

Нельзя утверждать, что это был тот же самый город и та же самая комната. Но была комната с крохотным, мутным оконцем, а еще прежнее предчувствие — вот-вот за ним придут. «Перестань дергаться, — сразу приказал себе Голдстон. — Это не сон. Если сам не захочешь, никто не придет». Придушив панику, он осмотрелся. Глинобитные серые стены без единого украшения, точно такой же пол с парой оборванных, бесформенных циновок. Узкая кровать с матрасом, больше похожим на простыню. Стол оказался здесь единственным предметом, представлявшим хоть какую-то ценность. Мощный, крепкий, похожий на толстоногого слона, что возвышается над голой саванной. На столе лежала какая-то бумага. Голдстон подошел и взял ее в руки. Записка. Всего два слова: «Ищи рыжего». Похоже, собственное подсознание оставило ему подсказку. Напоминает о том, что он и сам когда-то знал.

Дощатая дверь едва не свалилась с петель, когда Голдстон настежь распахнул ее. В лицо сразу же плеснуло едкой пылью. «Главное не чихнуть, иначе проснусь», — мелькнуло в голове. Неприглядная улочка, состоявшая из кривобоких одно-двухэтажных домов, выглядела полностью вымершей. Он вспомнил про раздачу хлеба. Может быть, как раз самое время? Глянул сначала направо, потом налево, словно переходил дорогу с движением. Почему-то решил, что центр города должен быть справа. Он прошел двести или триста метров, прежде чем увидел первого живого горожанина. Это был одетый в прежнюю мешковину старик с потухшими, согласными со всем глазами и черной короной волос, переходящей в загорелую лысину.

— Где я могу найти *рыжего*?

Старик грустно посмотрел на него, вздохнул. Потом все-таки ответил:

— Его все ищут.

— А как его найти?

— Я вот и говорю — все, все его ищут.

Хорошо, попробуем иначе.

— Как выглядит этот рыжий?

— Как? Ну конечно он рыжий!

Махнув рукой, Голдстон тронулся дальше. Наконец, впереди начал нарастать шум людских голосов. Улочка, изобразив еще пару заковыристых поворотов, оборвалась каменной лестницей и влилась в кишашую людьми круглую площадь, где Голдстон немедленно впал в ступор. Никогда в жизни он не видел столько рыжеволосых людей в одном месте. Его взгляд беспомощно скользил по головам, из которых едва ли не каждая вторая была рыжей.

— Ищете кого-то? Наверное рыжего?

Он оглянулся. Рядом стоял полненький, услужливо улыбающийся человечек в крутых золотых очках. Захотелось коротко, без размаха, вмазать снизу вверх прямо по ухмыляющейся челюсти. Но Голдстон все-таки удержался. Ответил коротко:

— Угадали.

— Да вот же он!

Человечек ткнул пальцем в самый центр площади.

— Где? Где?

— Да вот же! Разве не видите?

Голдстон разочарованно сплюнул и, сбежав вниз по лестнице, со злостью, как ледокол врубился в ожидающую раздачи хлеба толпу. Пока более-менее успокоился, со злорадством отдалил не одну ногу. Натолкнувшись на человека с рыжей шевелюрой, спросил с вызовом:

— Вы рыжий?

Тот ухмыльнулся:

— Это как посмотреть! С одной стороны, может, и рыжий. А с другой — может, и совсем нет!

Взвыв от бессилия, Голдстон снова вступил в схватку с людской массой, расталкивая ее направо и налево. Обессилив нако-

нец, стал оседать на землю, утыкаясь взглядом сначала в чьи-то облаченные в мешковину туловища, потом в лес голых лодыжек. Следующее, что он увидел, была округлая, массивная кошачья морда. Здоровенный черный кот, откуда он здесь?

— Рыжий! Вот ты где!

Сверху опустилась человеческая рука, краном подцепила кота, и тот начал уплывать куда-то вверх. Голдстон вскочил как ошпаренный.

— Но он же черный! Почему рыжий?!

Хозяин кота, человек с блеклым лицом, на котором будто едва уловимыми черточками были набросаны нос, глаза и рот, пожал плечами, одно из которых было выше другого:

— Все называют его рыжим.

— Хорошо, — не стал спорить Голдстон, — мне уже все равно, черный он или рыжий.

— Это почему же?

— Меня, видимо, разыграли. Сказали, что *рыжий* знает, где находится выход из Города.

Хозяин замотал головой.

— Почему разыграли? Рыжий ходит, где хочет. Может, и за Стеной бывает. Кто ж его спрашивал? Нам туда нельзя, а ведь у котов свои правила!

Голдстону уже никого не хотелось бить. Просто очнуться, пока сам не сошел с ума.

— Ну спросите, может скажет... — пробормотал он скорее самому себе.

— Сейчас, — отозвался хозяин. — Надо только дать ему хлеба.

Как раз в этот момент людская масса пришла в движение — Голдстон еще ничего не видел, но уже почувствовал перемену. Оказалось, на дальнем конце площади начали раздавать хлеб. Стоящие первыми не оставляли его себе, а передавали дальше — круглые, плотно сбитые лепешки словно плыли по воде, покачиваясь на волнах. Заполучив свою лепешку, кривопленный отщипнул кусок и скормил его сидящему на плече коту. Потом, придвинув кошачью голову к губам, что-то прошептал ему в ухо. Странно, но кот вслед за тем в свою очередь прижал-

ся к уху хозяина. Тот начал многозначительно покачивать головой.

«Что за цирк», — тоскливо подумал Голдстон, но все равно поинтересовался:

— Так что же сообщил ваш кот?

— Да, из Города можно выйти.

— Где?!

— В любом месте. Нужно просто знать, куда идешь. Знать, что находится за Стеной.

— Откуда же я узнаю?!

— Неужели ты глупее кота?

Голдстон задумался. Ответить на вопрос почему-то оказалось непросто. Потом что-то вспомнилось. Не целиком, а так, будто видишь одну деталь из разобранной вещи и пытаешься представить, какая она на самом деле. Обезьяны. Он был не глупее обезьян. Даже гораздо умнее. Почему это кажется сейчас таким важным?

* * *

Болезненное, мутное состояние, поразившее Кольку в лифте из-за припадка, никак не проходило, вцепилось крепко в затылок. Все происходящее ощущалось как диковинный, бредовый сон — смотришь, разинув рот, но в голове ни единого вопроса, кто и зачем измыслил такую дичь. Необъяснимый факт, что приняла их в подземном городе компания не кого-нибудь, а святых отцов, окончательно лишил Кольку воли к действиям. Найди они здесь людей-мутантов или крыс величиной с бульдога, он уж точно знал бы, что делать — жать на гашетку. Но как вести себя с хором попов в черных рясах, не представлял себе ни он, ни Диггер, ни даже, похоже, Ворон. Поэтому те, взяв гостей в плотное живое кольцо, беспрепятственно повлекли их за собой, распевая малопонятные хоралы на старославянском и дымя, как паровоз, пахучим, отчего-то жутко разжигающим аппетит, ладаном.

Миновав очередную гермодверь, торжественная процессия вступила в широкий тоннель с рельсами, красиво отделанный до середины гладким кирпичом. Через одну или две светили

депрессивные желтоватые лампы, оплетенные железной сеткой. Было прохладнее, чем вверху на станции, но дышалось заметно легче. Выходы вентиляционных колодцев — темные, зарешеченные проемы, будто пустые клетки в зоопарке, откуда шел едва ощутимый ток воздуха — регулярно попадались справа по ходу движения. Приметил Колька и датчики разных типов — то ли для анализа воздуха, то ли еще для чего. Само собой, через каждые метров тридцать — камеры. Правда, почти все мертвые, без зловещих красных огоньков. В одном месте они наткнулись на вмурованную в стену плиту из светлого металла. Что-то вроде памятника. На плите — профиль с бородкой и подпись «В. И. Ленин — 1967 год — год 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Про Ленина Колька много слышал от Ворона, потому знал, кто он такой и почему по всей стране ему при коммунистах наставили памятников. «Без разницы, какой Ленин был человек, плохой или хороший, — пояснял командир. — Ленин — это вождь восстания, которое зрело до того почти сто лет. Было неизбежным из-за жадности, глупости и трусости царей. История просто предложила ему роль — хитрую, тяжелую, кровавую — и он на нее согласился. Не всякий принял бы ее на себя, поверь мне. Может, революция и запоздала на целое столетие, потому как все отказывались». Упорство создателей подземного города вызвало у Кольки боязливое уважение. Даже если на поверхности будет свирепствовать жестокая ядерная зима и от мира останутся лишь постепенно разрушающиеся радиоактивные руины, тут, на глубине в сотню метров, по любому должны царствовать символы коммунистического учения... Впрочем, сегодняшние обитатели подземелий никакого пиетета к своим предшественникам, напротив, не испытывали. Плите явно досталось тяжелым предметом, ломом или молотком. Рядом подземные вандалы изобразили на стене мазками копоты огромный черный крест. Видимо, тот должен был нейтрализовать негативное воздействие памятной доски на окружающее пространство. Далее по маршруту «наскальные письма» плотно и без зазоров, как татуировка у якудзы, покрывали всю стенку тоннеля. Сделанные грубо белой краской или копотью рисунки и надписи. Кресты, головы с нимбами, буквы какие-то непонятные. Кто их

мог тут оставить? Уж точно не пещерные люди... Неряшливая мазня усиливала общее тягостное впечатление от следов упадка и запустения, коловших глаз почти на каждом шагу — раскиданный мусор, сваленная в неряшливые кучи ржавая арматура, застывший на боку, словно прилег отдохнуть, микроавтобус древнего года выпуска.

Тоннель постепенно согнулся вправо, и у Кольки мелькнула догадка: секретный командный пункт, как и сама Москва, заключен в транспортное кольцо. Диггер рассказывал — площадь подземного города под десять квадратных километров на двух-четырех уровнях. Если делать по науке, то выглядит он как несколько параллельных друг другу «труб» огромной ширины, разделенных горизонтально пополам и соединенных друг с другом переходами. То есть ведут их, скорее всего, к входу в «трубу». В самом деле, показались гигантские гермовороты — такие легко закупорят обычный метротоннель. Святые отцы, однако, провели их мимо и этого, и следующего входа. А вот третий путь оказался свободен — толстенные створки, понял Колька, раздвигались, уходя в стену. Сразу за воротами ход раздваивался. С левой стороны нового тоннеля — или, может, уже коридора — шла сплошная металлическая стена, справа — полукруглый свод, отделанный железными, скрепленными болтами кольцами. Над головой — парный ряд ламп с тем же противным световым окрасом. Время от времени попадались боковые ответвления-ходы, лесенки, уходящие вниз. Потом вертикальная стена резко оборвалась, свод коридора расправился до конца. Глазам открылось дикое зрелище — пустое пространство и, где-то посередине, беспомощно лежащая на боку громадного размера, почти трехметровой высоты, голова Ленина. Судя по всему, она немало пережила, прежде чем упокоиться на покрытом деревянными панелями полу. Лоб был сквозняком пробит сразу в нескольких местах, нос оторван начисто, вместо одного из глаз зияла страшная пиратская дыра. Колька сразу вспомнил о древнегреческих статуях-инвалидах, которые археологи находили в земле без ног, рук или головы и, не смотря на эти увечья, зачем-то выставляли в музеях на всеобщее обозрение. Монахи же, верно, помянули не музей. Завидев голову, начали истово креститься и прибавили громкости к пению.

— Держи палец, где надо, Головастик — расслышал Колька натянутый голос Ворона. — Пришли, похоже.

Перед ними были самые натуральные двухстворчатые гаражные ворота. Сбоку виднелась табличка — «Кинозал». На каждой створке, опять же, по белому, начертанному краской кресту. Колька смекнул: местный храм наверное. Катакомбы, вспомнил он нужное слово. Катакомбная церковь, как у первых христиан. Ворон рассказывал — собрались нищие, убогие, калеки, да так все придумали и сделали, что потом даже Рим завалили с его железными легионами. Вот бы, мол, и нам такую силу духа, чтобы интервентов одолеть... Хор святых отцов стих как по команде. Похожий на столб священник, предводитель всего крестного хода, в полном молчании прошествовал к небольшому щитку на стене. Глухо заработал движок, ворота, проснувшись, вздрогнули и начали расходиться. Рука Кольки, сжимавшая в кармане рукоятку пистолета, тут же вспотела. Пока две створки медленно раздвигались в стороны, мокрой стала и спина.

Первое, что увидел Колька — пятно света далеко-далеко внизу. А в нем — темная фигура человека, недвижно стоящая на коленях. Вокруг царила непроглядная тьма, потому казалось, что человек попросту парит — даже не в воздухе, а в каком-то безвоздушном межпланетном пространстве. На долю секунды Кольку накрыло — перед ними сам Иисус, во второй раз решивший спуститься на землю, погрузившуюся в непроглядный хаос! Колени сами собой предательски дрогнули — еще немного и он, зарывав от радости, пал бы ниц, простирая руки к чудесному видению. Единственное, что остановило Кольку — лица священников из процессии. На них читались радость, оживление, благолепие, но вовсе не священный ужас в преддверии встречи с Творцом Вселенной.

Кто-то из святых отцов легонько подтолкнул Кольку в спину. Он послушно сделал один, затем другой шаг в направлении парящей в межпланетном пространстве чудесной фигуры. Правда, когда Колькины глаза немного пообвыклись в темноте, законы физики вновь восторжествовали. Это был просторный, рассчитанный человек, наверное, на пятьсот, зал. Ряды кресел уходили вниз — сцена располагалась существенно ниже входа.

К ней вел под уклоном широкий проход, по которому они — не обмениваясь друг с другом ни единым словом, не отрывая взгляд от светового пятна — как зачарованные спускались к властелину подземного города. Лицо его по-прежнему оставалось невидимым и, даже приблизившись к сцене вплотную, нельзя было разглядеть ничего, кроме очерченного софитом черного силуэта, тоже облаченного в священническую рясу. Только когда Ворон, помедлив в нерешительности с минуту, громко и натянуто кашлянул, человек широко, щедро перекрестился, встал с колен и обернулся, подставив себя световому лучу. Открыл осунувшееся лицо с длинной окладистой бородой и красивым, высоким лбом, рассеченным глубокими, как надрезы, морщинами. Колька далеко не сразу вспомнил, чье это лицо, но тут же понял, что хорошо его знает и видел в прежней жизни сотни, а то и тысячи раз. Правда, выглядело оно тогда немного иначе. С красивыми, раскидистыми усами, всезнающим взглядом и снисходительной, отеческой улыбкой. Секунда, другая — и, наконец, его постигло озарение. Вперив в них колючий, недоверчивый взгляд, над Колькой возвышался последний президент России.

* * *

Воспоминания галдящей, беспорядочной толпой вломились в Колькину голову. Вернулось все разом, будто выпил залпом стакан воды. Пять лет назад. Два года до войны. Всенародные выборы. Так, кажется, это называлось... Выбирали нового президента. Прежний, что правил страной двадцать лет, никого и близко не подпускал к Кремлю. Претенденты месяцы, дни, часы считали, когда же он, наконец, уйдет. Состариться все успели. И вот — не все, но дождались. Колька даже цифру запомнил — тридцать три кандидата. Как богатырей в «Сказке о царе Салтане». Правда, по телевизору почти все время показывали лишь одного-единственного. Широкий экран застилало вот это самое лицо, тогда еще с неотразимыми, шедевральными усами. Серые глаза смотрели пристально на Кольку, будто говоря ему: «Только на тебя, парень, вся надежда!». Потом лицо пропадало в вихре праздничного

салюта, и появлялась суровая надпись: «Отечество, вера, долг. Выберем патриота!».

Колька поначалу решил: кино новое сняли. Прежде лицезрел он усатого то в царской короне, то в белоснежном мундире с орденами и эполетами, то в офицерской фуражке и зеленой форме, которую носили в последнюю войну с немцами. Отец услышал — долго смеялся. Объяснил:

— Актером он раньше был. Теперь в президенты подался. Выберем и заживем как в кино!

Колька шутку не понял, думал всех подряд в фильмах снимать начнут. Обрадовался. Начал себе роли подбирать. Уже в отряде, на одной из политинформаций, Ворон выдал подробное объяснение, откуда появился в России президент-актер.

— Прежний президент ушел, а люди, что за эти двадцать лет страну между собой распределили, остались. Делиться, понятное дело, им ни с кем не хотелось. Особенно с народом. Дойной коровой, с которой три шкуры драли налогами и взятками, а сами купались в роскоши и нагло выставлялись напоказ. Потому придумали себе вот такую красивую ширму. Патриот! Православный витязь! Спасает Россию от несчетных внешних врагов! Рожу, опять же, люди хорошо знают... Думали, у нас народ такой — если услышит слово «патриот», тут же сладостно умилится и с радостью пойдет на убой... Но упустили они кое-что! Одну небольшую деталь. Спра-вед-ли-вость. Для русского человека патриотизм без справедливости — пустой звук. Понимаешь теперь, почему никто эту власть не защитил, когда переворот случился?

В самом деле, роль ширмы, как показалось Кольке, не оказалась у усатого с самого начала. Да, два следующих года актер-президент исправно продолжал появляться в телевизоре. Но в глаза Кольке уже больше не заглядывал — напротив, прятал их, выставляя вперед роскошные усы. Может быть оттого, что хороших новостей в стране было все меньше. Едва ли не каждую неделю аварии, катастрофы, теракты, демонстрации против роста цен. Когда-то пышноречивый и изысканный, стал он сух, желчен, немногословен. Не раз срывался на репортеров или даже обычных людей. Колька до сих пор помнил сюжет — завод какой-то, стоят

полукругом хмурые рабочие в замызганной одежде, а президент в распахнутом вальяхно на груди пальто с меховым воротником громко вещает, почти орет им в лицо: «Нет у государства денег! Нету! Кризис! Я бы вообще на вашем месте не о деньгах думал, а о более важных вещах... О покаянии! Все происходит не просто так! Наказание это! За смерть государя! За то, что отказались от монаршего управления! Думаете, вы тут ни при чем? Без покаяния грехи отцов всегда с нами! Потому сегодня каждый из нас виноват! Каждый!». Упорно — и, судя по этим речам, не без основания — ходили слухи, что есть план снова сделать самым главным в стране царя и для того уже проводят специальный кастинг. Но тут началась свистопляска из-за африканской заразы, которую завезли в Европу мигранты, и президент внезапно пропал. Никто в точности не знал, куда и как. Говорили, в монастырь подался из-за своей чрезвычайной набожности. Грехи народные замаливать. Причем не один, а еще с несколькими министрами и советниками. Вслед за тем, по большому счету, в Москве все и пошло кувыркком...

Пока Колька стоял и вспоминал, человек на сцене тщательно, будто в чем-то сомневаясь, обшаривал пришельцев глазами. Наконец сказал странно:

— Вас очистили?

Голос у говорящего был сухой и скрипучий, словно какой-то природный звук. Ворон нервно дернулся, звякнув экипировкой.

— Очистили? От радиации?

— Нет. От скверны.

Ворон подвис. Не дожидаясь ответа, человек в рясе назидательно провозгласил, чеканя каждое слово. Колька догадался — из Библии:

— Вострубил пятый ангел, и увидел я звезду, падшую с неба на землю... И дан был ей ключ от кладезя бездны... Отворила она кладезь и вышел дым как из большой печи... А из дыма вышла саранча... И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной и никакому дереву, а только людям, не имеющим печати Божией на челах своих¹... Саранча — имя для скверны человеческой, что

¹ Откровение Иоанна Богослова.

превысила всякую меру и расплзлась три года назад по свету, губя людей. Невидима для глаза, но смертельно опасна...

Колька, впечатленный искусной дикцией, тут же вживую представил себе пухлого рождественского ангелочка, трубящего в узкую, бесконечную трубу, потом громадную печку, что-то вроде завода в Капотне, из которого словно из вулкана вертикально вверх выстреливает столб черного дыма, а из него разлетается громадная, размером с ладонь, саранча — тело почему-то металлическое, а голова человеческая — с узкоглазым азиатским лицом.

— Да, — ответил Ворон странным голосом. — Наверное... очистили. У меня до сих пор голова дурная от ладана... Так, значит, вы тут... саранчу переживаете?

Президент согласно кивнул.

— Загодя разглядели мы грядущие испытания и подготовили тайное убежище. Когда же тысячи начали умирать от мора, стало понятно — наступает конец для безбожников. Обрек их Господь на ужасные муки и смерть, ибо жили и не думали, зачем живут. Мы же, избранные сыны человеческие, спустились сюда, в бездны земные, дабы творить молитву и ждать, когда земля очистится для новой, праведной жизни...

Лицо Ворона перекосила нехорошая ухмылка.

— Ух ты! Значит целое тайное общество в правительстве сколотили? — процедил он злобенько сквозь бородавку. — И сколько же вас тут сейчас?

Президент задумался. Кажется, действительно пытался посчитать в уме.

— Под землю спустились триста пятьдесят избранных. Но испытание выдержали не все. Теперь нас ... около двухсот. И некоторые то появляются, то пропадают... Смешно, да? То появляются, то пропадают...

Он, в самом деле, хихикнул. Затем сразу насупился, как будто что-то вспомнив. Взгляд его по касательной недружелюбно цапнул Кольку.

— Кто вы? Зачем пожаловали?

И вот тут Ворон выдал невообразимое. Колька от изумления аж онемел.

— Мы... делегация народа российского. Отправлены сюда, чтобы возвестить: опасность миновала. Саранча, пожрав всех грешников, осталась без пищи и передохла!

Раздались хлюпающие звуки. Не стыдясь их присутствия, президент разрыдался. Он навзрыд, до кашля, плакал, всхлипывал и громко сморкался в белый носовой платочек. Выплакавшись, подал знак подняться к себе на сцену. Колька, который по-прежнему ни черта не понимал, оглянулся на Ворона, но тот только мотнул лохматой головой — мол, иди куда зовут. Похоже, президент собирался обнять по очереди всех участников «делегации», но, учуяв запах давно не мытых тел, ограничился одним только Колькой. Борода у него была мягкая и воздушная, и пахло от него все тем же небесным ладаном. Колька позавидовал: моются они здесь, однако — даром что конец света.

— Слава тебе Господи! Закончил ты наши страдания! — широко перекрестившись, провозгласил президент, отпустив от себя Кольку, и вновь опустился на колени — мягко, по-кошачьи, не издав никаких стучащих или шаркающих звуков. Только сейчас Колька заметил: в глубине сцены, там, где прежде, скорее всего, стоял униженный сейчас трехметровый бюст Ленина, к стене прикреплена высокая, в человеческий рост икона с множеством фигур. Но едва президент начал молиться, Ворон выдал еще один финт — взял да и бухнулся на колени рядом. А когда, истово крестясь, заговорил, подумалось — все, рехнулся командир под землей.

— Славу, славу воссылаем! — взвыл он на весь невидимый в темноте зал. — Благую весть принесли мы вам! Грешники вымерли все до единого, остались лишь праведники! Земля очищена!

— Слава тебе, слава!

Президент молился так, что только макушка сверкала в воздухе. Туда-сюда. Туда-сюда. Улучив момент, Ворон оглянулся, показав злобную, мрачную ухмылку. Все тут же для Кольки прояснилось. Нет, не сошел с ума командир. Зачем тогда несет эту ахинею?

— Страна наша преобразилась до неузнаваемости! — снова вдохновенно зашелся Ворон. — Первым делом, убрали мы капи-

ще языческое на Красной площади! Выкинули мертвяка из могилы, облили бензином и пожгли! Мавзолей разнесли по камешку, а на месте том поставили крест, чтоб освятил он место опоганенное! С башен кремлевских скинули звезды красные, раскололись те на тысячи острых кусков...

Командир будто молитву отчитывал — с ритмом, растяжками и даже подпевкой. Как и президент, часто крестился, кланялся до земли. Со стороны выходило что-то вроде соревнования — кто больше поклонов отмахнет.

— Чудо, великое чудо!

— Виденье было над Москвой — тысячи народу его заметили. Всадник белый, размеров невообразимых, скакал по воздуху и обронил плащ. Накрыв тот плащ Москву как покрывалом, и ощутили люди, будто в воздухе запахло розовым маслом... Видение то сочли за знамение — Бог избрал страну нашу и народ наш из всех остальных земель и народов, чтоб несли другим правду Божью...

Президенту, видимо, рассказ этот чрезвычайно понравился, потому как ни с того ни с сего он истошно выкрикнул на весь зал:

— Москва — третий Рим, а четвертому не бывать!

— Воистину! — подхватил Ворон и едва слышно фыркнул от смеха. — На вече народном установлено вместо светского церковное правление! Теперь везде, куда ни придешь, царит дух благочестия и святости! По телевидению и радио, на улицах, в вагонах метро вещаются непрерывно молебны и богослужения! Для ношения одобрена специальная одежда, скромная и неброская. Дабы воспитать новое, не подпорченное грехом поколение, деток с трех лет забирают у родителей...

Показалось Кольке, что президент застыл на мгновение — видимо, засомневался. Но потом пересилил себя, принялся отжигать поклоны с прежней силою, да еще приговаривая:

— Рай! Истинный рай! Истинны-ы-ы-й!

Диггер тихонько ржал в кулак, а Кольке, напротив, от всего этого представления стало неприкаянно и тоскливо. Знал он, непонятно откуда, дурное это веселье. Зачем Ворон комедию затеял? Чего добивается? Что-то нехорошее сгушалось в воздухе. Кольке померещилось даже, что может он разглядеть это колы-

хающееся, преломляющее свет загустение, нависшее прямо над центром сцены. Командир, между тем, широко крестясь, снова забредил, громко и торжественно выговаривая каждое слово:

— Теперь же, устроив повсеместно жизнь по церковным законам, народ российский решил призвать к себе того, кто по праву должен им править...

Повисла пауза. Ворон явно ею наслаждался. Президент, пойманный фразой командира на полпути, отчаянно завибрировал где-то на отметке в сорок пять градусов. Кольке показалось, что не выйдет он из пике, грохнется сейчас на пол.

— Царя! Призвать царя! — выдохнул концовку Ворон.

Слово это как волшебное заклинание тут же подхватило падавшего ниц президента, выпрямило его, помогло гордо расправить плечи. Он застыл, уставившись на икону, будто и сам одеревенел.

Ворон, между тем, наконец подобрался к финалу:

— ...Ради того и спустились мы сюда, в освященные вашим святым подвигом катакомбы, дабы на коленях умолять об этой великой, немыслимой милости — стать нашим царем, самодержцем всероссийским...

Теперь они обнимались. Высокий, раскатанный в плечах президент в рясе возвышался над щупленьким командиром и снова плакал, время от времени толчками втягивая в себя воздух. Но тот, щупленький, со злобной ухмылкой на лице, словно опутал его невидимыми, липкими нитями и сжимал их теперь в своей руке. Ошибался Колька, когда решил с облегчением — вот оно, все. Закончилась эта странная, утомившая его игра. Нет, Ворон не унимался.

— Колька, *принеси ее!*

Короткий приказ командира словно на голову свалился. *Ее?*

— Шапку Мономаха. Древнюю корону государей российских. У тебя она в рюкзаке. Забыл, что ли? Взяли ее мы сюда, чтобы немедленно вручить народному избраннику как верное доказательство наших слов. Ну, чего медлишь? Дай быстро свой рюкзак государю! И поклониться не забудь!

На ватных ногах Колька криво, бочком подобрался к президенту и опасливо протянул снятый со спины старенький, поно-

шенный армейский рюкзак. Кое-как отвесил поклон. Президенту, видно, затея с шапкой Мономаха пришлась по душе, так как подыгрывал он мастерски. Руки, протянутые к рюкзаку, ходуном ходили. И вот здесь Ворон начал смеяться уже в открытую — мелким, сухим смешком, что как пыль оседал повсюду вокруг. Тыча полусогнутым пальцем в священника-президента, который намертво, как добычу, стиснул ладонями Колькин рюкзак и разглядывал его с неприличным, почти плотским вожделением.

— Колька, неужели не понял? Совсем лох? Чокнутый это! Сумасшедший нами правил. Вот так и жили!

Хлоп! Колькин рюкзак уже лежал на земле, фигура в черной рясе склонилась перед ним, пытаясь дрожащими руками распутать узел шнурка.

— Эй! Не надо... — Колька сделал неуверенный жест, чтобы забрать рюкзак обратно.

К его ужасу, президент дернулся, ощерился угрожающе, словно грызущая кость собака. Узел никак не давался, и это, похоже, его здорово злило. Ворон, тем временем, все никак не мог уговориться. Нежданно-негаданно сбылась его заветная мечта — устроить суд над тем, кто довел Россию до ее нынешнего унижения. Он негромко цедил слова из-под своей редкой бородачки, но Колька от наполнявшей их, отравлявшей воздух тяжелой ненависти почти перестал дышать.

— Смотри на него, Головастик! Смотри и запоминай! Ясно теперь, почему все развалилось? От фальши, от лжи одной сплошной. Коммунизм им, понимаешь, мешал! Народ-безбожник мешал! Видишь какой благочестивый? Рясу надел, поклоны с утра до вечера бьет — святой да и только! А вывернуть его наизнанку — так в голове одна идея. Быть выше всех! Первым! Корону на башку нацепить...

Президент, помогая себе зубами и коленками, наконец-то смог вспороть Колькин рюкзак. Полетели вверх незатейливые Колькины шмотки. Но нет, шапки Мономаха под ними конечно же не нашлось. Стало тихо-тихо. Президент недвижимо застыл сидя на коленях, только голова его слегка подрагивала, как у рассерженной змеи, а глаза тревожно буравили по очереди каждого из гостей. Секунда — и он нырнул всем телом вперед, будто хотел

поймать кого-то на полу, и вновь оцепенел. Потом распростертую на сцене фигуру в черном начала бить дрожь — словно ток к ней подключили. Колька зачарованно наблюдал за дергающимися в такт конечностями. Наконец президент хрипло выдохнул из себя:

— Бесыыы...

Хрип превратился в протяжный, устрашающий вопль:

— Бесы! Они здесь! Снова пришли мучить меня!

Не прошло, наверное, и десяти секунд, как по проходу между креслами к сцене покатила вниз толпа тех же самых священников, что привели их сюда. Только теперь они уже не пели благодарственные молебны, а размахивали с остервенением ножами и топорами и дико кричали:

— Бесы! Гони, гони бесов!

Следом раздался протяжный, животный хрип. Президент, о котором они совсем позабыли, живо вскочил на ноги и, вцепившись Ворону в горло, теперь душил командира с присущим душевнобольным неутомимым остервенением, приоткрыв от удовольствия рот и слегка высунув язык. Вид президентского языка отчего-то совершенно зачаровал Кольку. Он стоял и безучастно смотрел на странную улыбку безумца, на то, как голова Ворона постепенно наливается темно-пунцовой краской, а глаза удивленно выходят из орбит. Скорее всего, это и осталось бы последним воспоминанием его жизни, если бы президент вдруг не убрал язык на мгновение обратно в рот, чтобы кровожадно прореветь:

— Го-нии! Го-нии беее-сов!

Колька вмиг опомнился, выхватил из кармана тяжеленный «Грач» и коротко, почти без размаха ткнул президента рукояткой точно в пахнувший ладаном затылок. Тот взвыл, оторвал цепкие ладони от шеи Ворона и, схватившись за голову, будто вспомнив что-то важное, опять рухнул на сцену. Зал тут же гулко взорвался от звука автоматной очереди — Ворон, матерясь, дал залп поверх толпы почти добравшихся до сцены святых отцов. Повелительный голос «калашникова», однако, не произвел на них впечатления. Более того, в ответ подземные затворники довольно искусно метнули в гостей несколько ножей, один из которых

рукояткой больно стукнул Кольке в ногу. С ужасом осознав, что придется расстреливать душевнобольных, Колька вскинул автомат и прицелился в сторону лесенки.

— Стреляем и прыгаем вниз! — заорал Ворон, беря на мушку появившиеся над уровнем пола перекошенные ненавистью лица. — Огонь!

У зала была отличная акустика. Три автомата ударили разом так, что у Кольки заломило в ушах. Передовой комбатант, косматый, приземистый, похожий на гнома мужичок — тоже в рясе, со здоровенным кухонным ножом в руке, согнулся пополам, будто его настигла острая боль в желудке. Еще троих отбросило в сторону, и они покатались обратно, стукнувшись пару раз о ступеньки в воцарившейся на мгновение тишине.

— Прыгаем! Ноги не ломайте!

Подбежав к краю сцены, Ворон сиганул вниз с двухметровой высоты прямо напротив прохода. Колька, не думая ни секунды, шагнул следом, жмурясь от слепящего софита. Сзади него, чертыхнувшись, грузно приземлился на пол Диггер. И тут же пронзительно, с болью в голосе, вскрикнул. «Неужели что-то с ногой? Как же его тащить?» — ужаснулся Колька и обернулся. Диггер, растерянно озираясь по сторонам, оседал на пол, а рядом с ним, счастливо улыбаясь, возвышался тот самый жердеватый святой отец, который полчаса назад возглавлял их шествие.

— Один есть. Слава тебе Господи, — ласково прошептал он, зачарованно глядя на окровавленное лезвие пожарного топора, который сжимал обеими руками. С этим же выражением лица он начал падать вниз после того, как очередь из автомата Ворона прошила его чуть пониже уровня плеч.

— Что с ним?! — прокричал Ворон, почти в упор расстреливая тех, кто устремился с лесенки вслед за ними. — Карты! Забери у него карты, мать твою! Иначе нам не выбраться!

Колька, склонившись над Диггером, дрожащей рукой пощупал тому шею. Пульса уже не было слышно. Сорвав с шеи автомат с перепачканным кровью ремнем, он, морщась, вытянул затем у Диггера из-за пазухи куртки плотный сверток, завернутый в мешок из кожи. Ничего больше найти не смог. Задев нечаянно

взглядом распластавшуюся рядом фигуру в рясе, дернулся всем телом и шарахнулся к Ворону. Тот, схватив рукой за шиворот уже ничего не соображающего Кольку, потащил его наверх, к светлому пятну выхода.

* * *

Голдстону дали помедитировать — ну или поспать — от силы минут сорок. Негромкий, но похожий на непрерывную работу дятла стук в дверь выдавал в визитере человека мелочного и педантичного. Навязчивым педантом оказался Отто Вальке, директор московского офиса компании «Остенгаз». Сухой, с абсолютно белыми волосами, ростом похожий скорее на мальчика. Голдстон знал его только по теленовостям: там Вальке выглядел как недобрый, желчный карлик, денно и ночно охраняющий пещеру с сокровищами нибелунгов. Перед вылетом в Москву штабс-капитану довелось также изучить отчет Вальке о последствиях взрыва на компрессорной станции в Торжке — скорее щедро пропитанный ядом донос на службу безопасности и ее шефа, полковника Свенссона.

Можно сделать вывод: из-за халатного отношения к своим обязанностям московского руководства Министерства безопасности, Польша, Словакия, Чехия и Болгария могут столкнуться с серьезным дефицитом электроэнергии в течение ближайших семи-восьми дней. В условиях наблюдающихся там сейчас отрицательных температур это будет означать немедленный рост недовольства населения и снижение рейтинга Партии спасения Европы, а также лично канцлера.

Несмотря на весь обвинительный пафос, Голдстон не смог откопать в документе ни одного конкретного факта. Только в Москве он понял: Вальке делал превентивный ход, пытался снять с себя ответственность за отключение системы защиты трубопровода.

— Штабс-капитан, извиняюсь за вторжение, — произнося эти слова с рубленным, как здоровенные поленья, акцентом, Вальке уже делал шаг за порог комнаты. То есть вторгался в нее. —

Тем не менее, обстоятельства вынуждают меня искать с вами встречи наедине.

Тет-а-тет. Французское слово было искорежено еще больше, чем английские. Голдстон поморщился. Голова трещала. Он не чувствовал и намека на гостеприимство. Наверняка его лишили священного права на сон ради аудиоверсии доноса на Свенссона. Просто пауки в банке...

Пристроившись в кресле посередине комнаты, гость тревожно огляделся по сторонам, затем проскрипел:

— Вы не могли бы включить воду в душе и открыть дверь в ванную?

— Что?

Как гипнотизер, Вальке неотрывно смотрел ему прямо в глаза, и Голдстон наконец проснулся. Воду по старинке включали, чтобы нейтрализовать прослушку, хотя эффективность данного метода у него лично вызывала сомнения. Коротко кивнув, он отправился в ванную и, вспомнив о политике всеобщей экономии, со злобной радостью запустил мощный поток воды из всех кранов, превратив апартаменты в смотровую площадку Ниагарского водопада. Вальке, похоже, остался доволен его подходом. Тут же перешел к делу.

— Штабс-капитан, надеюсь, вы понимаете, что данный разговор должен остаться между нами?

Многозначительная, резиновая пауза. Они здесь в театральный кружок что ли все ходят? Какого черта ему не дали доспать!

— Я хотел бы поговорить с вами о губернаторе Боссю. О его возможной роли во всей этой истории с компрессорной станцией.

Голдстон дернулся как от нервного тика. В голове тут же стало тихо.

— Боссю? Вы что-то опустили в своем рапорте?

Старикашка-нибелунг заерзал костистым задом по креслу:

— Я сообщил лишь о том, в чем уверен на сто процентов. Некомпетентность оберста Свенссона проявлялась во множестве случаев. Думаю, диверсия в Торжке также тем или иным боком связана с его несоответствием занимаемой должности. Что ка-

сается Боссю, речь идет только о моей догадке. Но если она подтвердится, это даст ключ к расследованию, которое вы ведете.

Отто Вальке выдержал еще одну паузу. Обвел комнату красными от лопнувших сосудов глазами. Потом все-таки сказал:

— Дело в том, что губернатор Боссю также знал об аварии под Торжком.

Голдстон вздрогнул.

— Знал? — переспросил он, вспоминая загорелое, прекрасное, как у олимпийского бога лицо губернатора. — Почему вы так решили?

Вальке кивнул — да, сейчас расскажу.

— Через день после аварии у него был день рождения. Он позвонил мне, пригласил прийти. Но добавил: «Извините, что так совпало. Когда я появлялся на свет, то, честно говоря, не предполагал, что спустя пятьдесят три года у вас случится прорыв трубы». Вы понимаете, что я занимаюсь здесь только одними трубами, газовыми. Канализация вне моей компетенции.

Голдстон вскочил на ноги, сделал пару кругов по комнате. Почему-то захотелось немедленно доказать Вальке, что все его подозрения смешны и беспочвенны.

— Согласитесь, сложно заподозрить генерал-губернатора в связях с партизанами. Тем более что он так симпатизирует Наполеону.

Вальке язвительно улыбнулся, показав редкие крупные зубы.

— Да, его лично можно заподозрить только в расхищении московских музеев. Но у Боссю есть русская помощница.

— Русскоговорящая... — еле слышно пробормотал Голдстон, сам не понимая, что хочет сказать.

— Какая разница? — отмахнулся Вальке. — Все равно это дает основание ее подозревать.

— То есть, узнав об аварии, она взяла телефон, набрала номер партизанского отряда и все рассказала этому... как его... Ворону?

Вальке не повелся на шутку, упрямо замотал головой.

— Не обязательно пользоваться телефоном. Эта помощница часто выезжает за Стену, в какой-то монастырь. Говорят, там ошивается много всякого сброда. Я проверял — она ездила туда

на следующий день после моего дня рождения. А еще через два дня произошла диверсия.

— Это еще ничего не доказывает...

— Доказывать должны люди Свенссона. Но у него, как я уже упоминал, явное несоответствие занимаемой должности. И, вдобавок, большая дружба с Боссю.

Глаза Вальке, казалось, стали еще краснее. Возможно, жажда крови сейчас являлась для него не просто фигуральным выражением.

— Дружба?

— Слышал, что они давно знают друг друга.

В голосе Вальке проскользнуло ужом нечто особенно неприятное. Намек? Голдстон решил не уточнять. С него и так было достаточно. Хотелось просто выставить карлика вон.

— Вы... Вы просто Шерлок Холмс, господин Вальке, — сказал он, заставив себя пожать гостью руку. — Я, конечно же, обдумая ваши соображения.

Прощаясь, Голдстон еще раз присмотрелся к Вальке — и ему тут же представилась рядом с ним Сима. Ее неземного оттенка глаза, способные искривлять пространство вокруг. Ее глубокий, затягивающий голос. Неужели в мире в самом деле идет никогда не прекращающаяся война уродливого с прекрасным? Да, из-за диверсии в Торжке «Остенгаз» понес убытки в сотни миллионов евро. Из пещеры карлика похитили его бесценное сокровище, потому-то Вальке так жаждет найти виновных. Но, похоже, представлять в роли жертвы именно красивую, обаятельную женщину особенно будоражит его воображение. Старый извращенец! Почти физиологически Голдстону захотелось одним коротким ударом в челюсть сделать так, чтобы баланс сил в этом мире оказался все-таки в пользу прекрасного. Подспудная мысль, что доводы Вальке звучат весьма разумно, странным образом только усиливала это желание. Проводив восвояси неприятного гостя, Голдстон завалился обратно на кровать и надолго задумался, уставившись в украшенный лепными виноградными листьями потолок. Он чувствовал себя человеком, который вошел куда-то через дверь, которую уже никогда нельзя будет снова отыскать и открыть.

Поводом для торжественного приема в Кремле, сообщало полученное накануне от фельдъегеря под подпись приглашение, стала знаменательная дата: пятая годовщина прихода к власти Партии спасения Европы. Голдстон снова направлялся в Сенатский дворец, но, увы, второго за день откровения не случилось. Внутренний дворик был многолюден и никак не выдавал своей тайны. Толпа приглашенных подхватила Голдстона, внесла на своих плечах в холл, потом забросила по знакомой, крытой ковром лестнице на самый верхний, третий этаж. Там, прямо с порога, он уткнулся взглядом в именинника-канцлера. Его портрет в тяжелой золоченой раме организаторы еле-еле втиснули между двух бело-голубых колонн прямо напротив входа в абсолютно круглый, увенчанный куполом зал. Одетый в серо-зеленую форму канцлер напоминал здоровенную кляксу вонючей болотной жижи, бросавшую вызов всей воздушно-небесной атмосфере зала. Кроме того, он замер между колоннами как-то боком, и Голдстону на мгновение показалось, что верховный главнокомандующий самым неприличным образом справляет публично малую нужду. В радиусе метров пяти-семи от портрета наблюдалось необычайное безлюдье, как будто остальные думали схожим образом и деликатно не решались мешать в столь сокровенном деле. При том вся остальная площадь округлого зала была плотно, под завязку заполнена высшими чинами армии и гражданской администрации. Многие приветливо кивали Голдстону, словно его фотография с соответствующей рекомендацией массово распространялась по Кремлю перед приемом. Хотя, скорее всего, кивали как раз потому, что лицо было незнакомо. Офицер службы безопасности, исполнявший роль распорядителя, провел его на места для почетных гостей — несколько рядов мягких стульев, расставленных поперек зала перед узкой, обитой голубой материей трибуной. Голдстона усадили рядом с чопорным, холемым генералом в парадном мундире с двумя черными железными крестами на груди. Генерала он, конечно же, сразу узнал — это был Вальтер фон Шнайль, командующий Второй Восточной армией. Они завели ничего не значащий разговор, почти что о погоде,

но очень скоро их прервали. Началась торжественная часть, и на трибуну забрался губернатор Боссю.

— Дамы и господа! — английский француза был свеж и почти не скомпрометирован романскими звуками. — Мы собрались здесь сегодня в тесном кругу, дабы отпраздновать пятую годовщину триумфального прихода к власти Партии спасения Европы. Той силы, что позволила сначала выжить, а потом и жить — причем, по сегодняшним меркам, жить весьма неплохо... Да-да, я вижу как сюда несут шампанское!... Эти годы — целая отдельная эпоха. Новое темное время и, одновременно, время поиска и надежды. Мы с вами становимся свидетелями перезагрузки истории, видим ростки человеческой цивилизации, пробивающиеся через покрывающий землю пепел от сгоревшего старого мира... Я напому — партия появилась на свет всего за три года до того, как начался коллапс. Если бы я верил в Бога, то наверняка бы предположил, что ее предусмотрительно послал нам сам Всевышний. А как законченному атеисту позвольте высказать скромную догадку. Канцлер, создавший партию с несколькими единомышленниками, сумел предвосхитить будущее и угадать нужную стратегию...

Голдстон подумал: не надо углубляться в то, что говорит Боссю, потому как даже главный посыл его речи есть ахинея. Партия спасения Европы — вовсе никакая не «партия нового мира». Это партия эпохи распада, партия смутного времени. Десятилетиями такие маргиналы варятся в собственном соку, получая шанс лишь единожды — когда исторические декорации одной эпохи как всегда внезапно рушатся, и жизнь вдруг упрощается до невозможности. Обыватель, напуганный необходимостью личной борьбы за выживание, судорожно начинает выискивать «сильную руку», способную за неделю навести «базовый порядок». Чтобы за окном по ночам не стреляли и не жгли машины. Чтобы не было очередей за хлебом в пустых супермаркетах, а в розетке присутствовало электричество. Тогда-то из своих нор и вылезают политики, проповедующие двухмерный подход к жизни. До того, в силу как раз этой самой двухмерности, ими, как правило, пугают маленьких детей. Когда же упрощается все вокруг, наступает их время. Главное здесь — трезво оценивать момент истины и, не

дай бог, не поторопиться, чтобы новоиспеченный вождь, провозгласив себя спасителем нации, попал именно в президентский дворец, а не в кутузку или психлечебницу.

Для Голдстона, работавшего до войны аналитиком в инвестбанке, конец старого мира стал, в первую очередь, доказательством собственной профнепригодности. Имея на руках кучу статистики, доступ к закрытым новостным лентам и разбросанным по миру инсайдерам, он до последнего насвистывал что-то беззаботное. Выдавал прогнозы, сулившие возвращение «позитивных тенденций в мировой экономике не позднее чем через полгода», хотя это был уже разваливающийся в воздухе на части самолет. Позже, после того, как все с грохотом обрушилось до нуля и даже, кажется, ниже, Голдстону открылось — между всеобщим порядком и всеобщим хаосом нет особой разницы. Исчезает одно — уверенность в самовоспроизведении привычной реальности. В том, что вчерашний день приблизительно точно так же повторится и сегодня. Десятки лет все ездили по одному и тому же маршруту, не подозревая о том, что под дорогой — громадная карстовая пустота и лишь тонкая прослойка асфальта отделяет их от бездны. Узнали — и движение тут же встало. А без движения любая более-менее сложная система немедленно деградирует и приходит в упадок. Когда начался кризис — вернее, когда десятки мелких, долго тлевших локальных кризисов начали мало-помалу сливаться в один величавый, неотвратимый Кризис, популярной забавой у интеллектуалов стала охота на «черного лебедя»¹, непредвиденное событие, что подтолкнет мир вниз с края пропасти. «Вот он, смотрите! Да нет, вовсе не здесь, а там!» — азартно кричали дурни-эксперты, не подозревая, что «черных лебедей» хватит на всех. Прилетела огромная стая, словно то было мерзкое воронье, а не лебеди — цепочка форс-мажоров, которые любой серьезный инвестбанк прежде постеснялся бы включать в список рисков. Всего за полгода «черные лебеди» растерзали на бесформенные, кровавые куски прежде работав-

¹ «Черный лебедь» — теория, рассматривающая труднопрогнозируемые и редкие события, которые, тем не менее, имеют серьезные последствия.

шую как часы единую глобальную экономику. Мировая торговля встала, цены на сырье рухнули, в дефиците оказалось самое необходимое — продовольствие, топливо, электроэнергия.

Европейцы, правда, поначалу смотрелись очень неплохо. Кризис? Да ну! Мы пережили две мировые войны, а тут всего лишь талоны на бензин и куда-то пропали дешевые азиатские товары... Наблюдалось даже что-то вроде всеобщего воодушевления — увидите, трудности сплотят нас, помогут выковать действительно единую Европу! Но время по-настоящему плохих новостей было еще впереди. Первая называлась «мигранты». Много мигрантов, миллионы. Теперь они бежали не от плохой жизни, а от смерти. От голода и новой суперзаразной разновидности Эболы, очень некстати появившейся в дебрях Черной Африки. Плыли на плотках и катерах через Средиземное море и шли бесконечными караванами через Турцию. Голодные, больные, с наивной уверенностью, что их непременно приютят, накормят и вылечат от смертельной лихорадки. Они ошибались. В условиях, когда половина населения Европы вдруг начала недоедать, это чужеземное нашествие вызвало не просто буйный расцвет ксенофобии. То была тяжелая, решительная ненависть. Ею, этой искренней ненавистью, как молоком и была вскормлена Партия спасения Европы, странный коктейль из расистов, анархистов и радикальных либералов. Получив семьдесят процентов на внеочередных выборах в Европарламент, она спустила в унитаз всю прежнюю политическую тусовку, а заодно и ее фетиши, толерантность и политкорректность. Без подобных обременений проблема с новым великим переселением народов решалась простым набором чрезвычайных мер. Стена с высоковольтными проводами на турецкой границе, двадцатимильная морская «зона безопасности», где без предупреждения топят все «неопознанные» плавсредства, военная мобилизация мужского населения до сорока пяти лет и захват главных портов на побережье Северной Африки, дабы наглухо перекрыть миграционные маршруты. Но, как оказалось, то была лишь разминка. Вскоре на горизонте исполинским айсбергом замаячила другая плохая новость. Россия, не выдержав краха сырьевых цен, погрузилась в безвластие и хаос. То есть до самой России, конечно же, никому дела не было. Русские нефть

и газ, без которых Европа задохнется уже через месяц — вот что побудило канцлера принять решение о военном вмешательстве. Формальным поводом стало катастрофическое положение и многочисленные жертвы среди населения в Москве, где после военного переворота уже три месяца продолжались жестокие уличные бои. Когда началась интервенция, Голдстону повезло вдвойне. Он не попал в действующую армию и случайно познакомился с весьма влиятельным в Берлине человеком, еврокомиссаром Кнеллом, став со временем доверенным лицом по особым поручениям. Решающую роль в их сближении сыграло, похоже, то, что Голдстон свободно изъяснялся по-русски. Кнелл, бывший семинарист, слыл большим поклонником русской философии и литературы.

* * *

— О чем говорят у вас в Берлине? — спросил с каким-то вызовом фон Шнайль, перекрикивая шум аплодисментов в адрес Боссю. Худое, заостренное птичье лицо фон Шнайля с тонкими, словно нарисованными на детском празднике усиками, не выражало никаких эмоций. Ни по поводу речи генерал-губернатора, ни по поводу собственного вопроса.

Голдстон искренне не знал, что ответить. В Берлине много о чем говорят. Например о том, что фон Шнайль — напыщенный, бездарный генералишка, не способный разобраться даже с местными партизанскими бандами. Однако, так как никто особо не жаждет получить его место, фон Шнайль по-прежнему командует Второй Восточной армией.

— В Берлине все довольно скучно, — ответил Голдстон, подождав, пока шум немного стихнет и внимание аплодирующих переключится на разносящих шампанское официантов. — Берлин — это уже полноценное царство европейской бюрократии. Поразительно, как быстро она успевает плодиться даже в столь неблагоприятных исторических условиях. Не успеешь оглянуться, как к любому, самому простому процессу приставлен чиновник, что норовит вставить тебе палки в колеса...

Фон Шнайль, вдруг суетливо оглянувшись по сторонам, спросил с прежним вызовом:

— Говорят, канцлер мной недоволен?

Ну что же, если говорить начистоту, то так даже проще.

— В Берлине считают, что дела в России идут все хуже. Диверсия в Торжке вызвала много вопросов, хотя, конечно, армия не занимается охраной газовых магистралей...

Генерал брезгливо поморщился, словно ему напомнили о чем-то, что в приличном обществе обсуждать не принято.

— Да, это весьма неприятно. Но вы правы. Армия здесь ни при чем. Все решения принимали Вальке и Свенссон. Один чинил трубопровод, другой его охранял. Они даже не обязаны информировать меня о подобных рутинных мероприятиях.

Голдстон кивнул головой, словно ход его мыслей развивался точно таким же образом, как и у генерала.

— То есть это Свенссон и Вальке решили не подключать систему защиты трубопровода к резервной линии жизнеобеспечения?

Фон Шнайль ответил холодно, даже на сантиметр не изменив положение головы:

— Все, что я хотел сказать, я уже сказал. Охрана трубопровода входит в зону ответственности Свенссона. У некоторых есть желание повесить на армию всех московских собак, но далеко не все здесь зависит от меня, поверьте!

Кто-то вдруг фамильярно похлопал Голдстона сзади по плечу:

— Так, так. Армейский генерал собирается рассказать инспектору из Берлина какую-то гадость про славного оберста Свенссона. Ну что же, я сам заядлый сплетник и с удовольствием послушаю его рассказ!

Позади них, в проходе между креслами, стоял одетый в смокинг человек, чем-то неуловимо похожий на змею. Из-за всеобщей шумной охоты за шампанским он, видимо, смог подобраться незамеченным и подслушал часть разговора. Взгляд на его лицо никого не мог оставить равнодушным. Портрет Дориана Грея в более раннем варианте — вот, пожалуй, что приходило в голову тому, кто впервые видел Йоп дер Сара, личного посланника канцлера в Москве. На гротескном, но несмешном лице с впалыми анорексичными щеками и, напротив, выпуклыми белесыми глазами отчетливо читались увлечение наркотиками, сексуальное

пресыщение и прочие страсти, что, однажды как следует побушевав в этом теле, оставили его затем абсолютно бесстрастным, лишенным всяких переживаний и устремлений. Каждый порок выбил здесь, как метеорит на поверхности Луны, свой особый, уникальный след, легко распознаваемый с помощью какого-то внутреннего локатора. Голдстон усилием воли прогнал от себя ощущение, что созерцает экзотическое, опасное животное.

— Господин представитель канцлера! Рад вас видеть! — чересчур живо воскликнул он, вскочив на ноги и пожимая холодную, скользкую руку, что наводила на мысли о тухлой рыбе. — Главным образом мы обсуждали военную ситуацию вокруг Москвы.

— Ситуацию вокруг Москвы? — казалось, дер Сар пытался представить, как вообще можно интересоваться подобной темой. — Оригинально! Что же по этому поводу думают корифеи военного искусства?

Возможно, фон Шнайль не уловил издевки, потому как голландец говорил потухшим, лишенным эмоций голосом — вполне под стать своему лицу. И только его тело, страшно худое, как у святого, несуразно затянутое в наисвежайший смокинг, дергалось и подрагивало, будто у готовой к прыжку змеи.

— Ситуация, на мой взгляд, абсолютно стабильна, — сухо ответил генерал, высокомерно поглядывая на посланника. — Стена является надежной защитой от партизан. А сибирское правительство еще лет десять не будет представлять для нас серьезной военной угрозы. За десять лет, как я все-таки надеюсь, мы сможем ослабить свою зависимость от русского газа, наведя образцовый порядок в Северной Африке... Да, мы несем потери, но это ведь война! Война в России!

— Ответ настоящего солдата! — теперь Йоп дер Сар похлопал по плечу уже генерала. Тот покосился на его руку так, словно ему на мундир приземлилось какое-то мерзкое насекомое. — Если человек не обременен лишними сомнениями, у него не появляется ненужных страхов. А если нет ненужных страхов, значит, он лучше исполняет свой долг... Генерал, вы ведь не станете возражать, если я избавлю вас от общества штабс-капитана? Мне кажется, он задает слишком много ненужных вопросов...

Послушно поднявшись с места, Голдстон двинулся по залу, следуя в фарватере посланника, который филигранно лавировал между смокингами, мундирами и откровенными вечерними платьями. Разжившись по дороге двумя бокалами с шампанским, тот, в конце концов, привел его в «мертвую зону» рядом с портретом канцлера. Здесь они оказались на виду у всего зала, однако незаметно подобраться к ним и услышать их разговор, как только что проделал сам Йоп дер Сар, было бы делом крайне затруднительным.

— Тупой, надутый болван, — неожиданно сказал посланник, отхлебывая шампанское и оглядываясь на портрет канцлера. Голдстон не сразу понял, что речь идет о фон Шнайле. — На самом деле все плохо, все очень плохо, дорогой Голдстон.

Еще один взгляд на канцлера. Появилось ощущение, что у них беседа на троих.

— Взрыв газопровода, который вы заявили сюда расследовать, просто один из симптомов надвигающейся катастрофы... Кстати, почему вы не пьете? Я скажу сейчас много горьких слов и лучше их немного подсластить... Европа не учится на своих ошибках, и это печально. У нас всегда была иллюзия, что мы сможем контролировать Россию. Это горькое заблуждение... Проблема даже не в самих русских, Голдстон. Русские настолько ленивы, что время от времени это ведет к краху их государственности. Проблема в этом огромном пространстве, которое иногда кажется мне живым. Оно крайне враждебно к нам настроено и рано или поздно выкинет нас отсюда... Как именно? О, у него есть масса самых разных уловок. Разбитые дороги, по которым не смогли подвезти снабжение армиям Наполеона, или морозы, от которых застыли немецкие танки у Москвы. Не знаю, что именно оно приготовило на этот раз... Но терпеть нас точно не будет, я в этом уверен... Оно знает, что мы чужие. Что пришли сюда только за нефтью и золотом, хотя и добываем их более экологичными способами, чем это делали русские... Что скажете Голдстон? Как вам моя теория?

Кнелл рассказывал — Йоп дер Сар, старый друг канцлера, тот еще оригинал. В юности отсидел год в тюрьме за то, что поджег чей-то дом, к счастью пустой, дабы проверить на личном опыте,

насколько пожар Рима мог вдохновить Нерона. Голдстон, однако, не подозревал, что оригинальность эта простирается столь далеко.

— Нынешняя миссия европейцев в России отличается от завоевательных походов Наполеона и Гитлера. Мы пришли сюда, когда управлявший страной режим рухнул. Ввод войск спас множество жизней...

Йоп дер Сар ласково улыбнулся:

— Голдстон, дорогой, Кнелл не будет держать при себе дурака. Зачем эти штампы?

— Штампы?

— Вы никогда не слышали о том, что мы тайно помогаем оружием некоторым местным бандам? Ходят такие слухи.

— Что? Для чего?

— Как недалекий в военных вопросах человек, могу высказать лишь версию, порожденную собственным больным воображением. Влиятельные главари банд — это феодалы, управляющие каждый своим феодом и постоянно враждующие друг с другом. Такая система надежно закрепляет сегодняшний статус-кво, когда России уже юридически не существует. Ну и, кроме того, бандиты хороши для зачистки территории. Жители или бегут от них, или гибнут.

Голдстон взгляделся в мертвые зрачки голландца.

— Очень надеюсь, что это только ваше воображение. Канцлер не раз упоминал о необходимости гуманного подхода к местному населению.

Йоп дер Сар хохотнул.

— Вы слишком добры, Голдстон. И в данном случае это скорее недостаток, чем достоинство, так как мешает понять реальность. Надо смотреть правде в глаза. Мы здесь исключительно для того, чтобы застолбить территорию. Пометить ее. Да, вслух мы говорим — Россия рухнула сама по себе, оказалась колоссом на глиняных ногах... Нет, мой дорогой штабс-капитан, она рухнула как раз потому, что пыталась перестать быть собой, превратиться в Европу, слиться с ней. Мы знали, что так оно и произойдет, потому всячески подначивали русских, паразитировали на их вековых комплексах. Если ты отказываешься от себя, от своей

природы, то рано или поздно умираешь. Согласны? Нет, нам не нужна была европеизированная Россия. Только территория... Но вот с территорией, как я уже говорил, не вышло. Здесь могут жить только русские, Голдстон. Только они...

Голдстон решил, что будет благоразумнее снова сойти за дурака. Посланник — птица высокого полета. Можно подставить не только себя, но и Кнелла.

— Вы имеете в виду климат? Да, он и в самом деле суров. Трудно представить столь холодный март в Европе...

Он замолк, поймав на себе остекленевший взгляд посланника канцлера. Тот помолчал, будто давая ему шанс придумать еще что-то более умное. Потом все-таки ответил с явным разочарованием в голосе.

— Мы здесь обречены, Голдстон. Все вокруг — чужое, устроенное по законам, которые нам никогда не постигнуть. Вы, я — все мы здесь словно ходим по тонкому льду. Я даже слышу иногда, как он потрескивает под ногами, представляете?...

Здесь запал посланника вдруг иссяк, его стеклянные глаза совсем остановились, стали ненастоящими, как у набитого тряпьем чучела, и он надолго умолк. Они постояли еще с минуту, прежде чем голландец так же неожиданно не вернулся обратно к жизни.

— Да, кстати, — внезапно сказал он, делая судорожный глоток из бокала и изображая нечто неприглядное своим кадыком. — Что вы думаете о диверсии в Торжке? Уже накопили на нас компромата? Боссю пожаловался мне, что вы его допрашивали!

— Уверяю, он сильно преувеличил...

— Даже заподозрили, что его помощница работает на партизан!

В тоне посланника будто хрустнула ветка, предупреждая о приближении кого-то невидимого, но очень опасного. Голдстон принужденно рассмеялся:

— Думаю, попади вы в партизанскую засаду накануне, тоже начали бы подозревать всех подряд...

— Напротив, напротив, дорогой Голдстон! Ваша мысль пошла правильным путем! Как говорили итальянцы — даже если это не правда, то красиво придумано! Давайте я подкину полено

в вашу топку — попробуйте поднять историю отношений Боссю и Свенссона. Ваш босс должен иметь нужный уровень допуска. Расскажите потом, что выходит. Договорились? Здесь такая скука — давайте хоть немного развлечемся. Вы же не против того, чтобы развлечься, Голдстон?

* * *

Он с усилием протискивался через галдящую, колыхающуюся как стая воронья толпу. Все благополучно позабыли о пятой годовщине прихода к власти Партии спасения Европы, облепив жадным роем столики с шампанским и канапе. Его же, напротив, словно влекло к выходу невидимое течение. Атмосфера показного веселья посередине мертвого города вызывала навязчивое ощущение, что прием устроили на кладбище. Он был совсем неподалеку от выхода, как вдруг что-то заставило его поднять глаза вверх, и тут Голдстон остолбенел. Невероятно, но небесно-голубой купол потолка открылся ему с этой точки совсем иначе. Кессоны¹ двух видов, постепенно уменьшаясь в размерах, закручивались спиралью к центру купола, штопором извлекая из тела и затягивая туда же, наверх, какую-то его внутреннюю сущность. Казалось, что потолок, слегка покачиваясь, как громадный воздушный шарик просто парит в воздухе. Небольшой порыв ветра — и купол сорвется с места, унесется прочь отсюда в иные, возвышенные миры, которым, на самом деле, только и может принадлежать подобная красота.

— Похоже на то, как изображали небо в христианских храмах, правда? Вершина мира. Место, где пребывает высшая истина.

Сима стояла в двух метрах от него и с почти детским любопытством рассматривала обращенное вверх лицо Голдстона. На ней было черное бархатное платье без выреза, но с короткими рукавами. На груди — золотая подвеска с крупным изумрудом, сиявшим в свете софитов так, словно тот был не камнем, а кро-

¹ В архитектуре — углубления в куполе, своде, потолочном перекрытии.

хотной электрической лампочкой. Ее улыбка, возможно снисходительная, но при том по-детски искренняя, тоже, казалось, принадлежит тому, высшему миру над головой. Занятно, но слова Симы так или иначе объясняли пережитое им: полное личное обнуление, признание собственной ничтожности перед лицом чего-то на миллион порядков более совершенного. Голдстон с досадой вспомнил, что утром пообещал найти Симу на приеме. Вся эта непонятная закулисная возня словно спеленала его мозг вязкой, гадкой на ощупь тиной. Он спросил первое, что пришло в голову:

— Кто построил этот дворец? Тоже итальянцы, как и Кремль?

В глазах Симы мелькнуло что-то, от чего Голдстон пожалел, что задал этот вопрос.

— Нет, русский архитектор Матвей Казаков¹, который никогда в жизни не выезжал из России. Он был сыном крепостного. Много чего построил в Москве, особенно церквей.

Маскируя замешательство, Голдстон начал вертеть суетливо головой по сторонам. Ему повезло — поблизости через толпу с трудом прокладывал свой путь официант с заставленным бокалами подносом.

— Выпить? — спросил он Симу, зачем-то подмигнув ей.

Она покачала головой.

— О чем вы думали, когда смотрели вверх? У вас было очень необычное лицо.

Голдстон снова смутился:

— Я особо не разбираюсь в архитектуре. Но мне показалось, что этот самый Матвей Казаков хотел выразить нечто особенное. Какую-то идею, которая его волновала.

Сима, похоже с радостью, кивнула в ответ. Ее зеленые глаза слегка переменились в цвете, выбрали более теплый, желтоватый оттенок, хотя и не стали от того по-кошачьи хищными.

— Как и все русские крестьяне, Казаков был очень религиозен. Думаю, ему удалось воплотить здесь то, о чем писал живший с ним в одно время Кант.

¹ Матвей Казаков (1738–1812) — русский архитектор, перестроивший при Екатерине II центр Москвы.

При слове «Кант» Голдстон внутренне содрогнулся как от скребущего по камню железа. Немецкая доницшеанская философия всегда казалась ему изобретенной искусственным интеллектom. Но вслед за тем в памяти всплыла известная любому школьнику фраза про звездное небо и моральный закон¹.

— Да, именно, — согласилась Сима, ловко уворачиваясь от какого-то нетвердо стоявшего на ногах полковника, что, похоже, не мог отыскать в круглом зале выход. — Вам никогда не приходило в голову, что, возможно, это одно и то же? Бесконечный мир Вселенной, имеющий физическую природу, и наш внутренний неосязаемый, метафизический мир?

Голдстон с удивлением подумал, что мысль эта крайне занята. По крайней мере, только Вселенная и человеческая душа ассоциируются у человека с вечностью.

Они оставили зал, вынырнув из броуновской, шумной суеты в таинственную тишину коридора, нарушаемую лишь ворчливым скрипом паркета. Прошли немного и остановились у перил лестницы, ведущей сюда с первого этажа. Голдстон вдруг понял, что вопрос, который он собирался задать, совпадает с общим направлением их беседы.

— Помните, я обещал рассказать, что о вас говорят? Просто ужасные вещи! Якобы вы страшно набожны и часто ездите в действующий монастырь, который находится за Стеной...

Никакого волнения. Голдстон даже подумал: она не расслышала. Нет, похоже, просто думала о своем. Улыбнулась, глядя ему через плечо, в полусумрак дворцового коридора.

— Знаете, так забавно... Моя мама была верующим человеком, из-за чего при коммунизме порой возникали проблемы, так как она работала в Министерстве внешней торговли. Кажется, кто-то написал донос, что у нее на шее есть крестик, и это разбирали на общем собрании... Но когда мы переехали во Францию, то оказалось, что и там верить в Бога считается

¹ В оригинале знаменитая фраза немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) звучит так: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо над мной и моральный закон во мне».

чем-то неприличным. Конечно, прямых запретов нет, но к тебе начинают относиться как к недалекой крестьянке, которая приехала к родственникам в город и делится своими суевериями. Советская пропаганда изображала верующих именно так, со снисхождением и презрением. Религия — удел недалеких, малообразованных людей, неспособных с помощью системы знаний объяснить реальность.

«Зачем она мне это говорит? — с легкой паникой подумал Голдстон, вперив глаза в роскошную хрустальную люстру, величественно низвергавшуюся с потолка в лестничный пролет прямо перед ними. — Неужели для нее это действительно так важно?».

Неожиданно она сжала его ладонь своей рукой — твердой и отчего-то очень холодной. Правда, это скорее относилось к теме, которая, кажется, сильно ее волновала.

— Я часто об этом размышляю — почему Европа так легко рассталась с верой? Без принуждения, без гонений. Без взорванных церквей и расстрелянных священников. Словно устала вмещать ее в себя, решила самоограничиться, сосредоточиться на сиюминутном.

Сима захватила его врасплох. Он попробовал отшутиться.

— Жизнь усложнялась, у людей оставалось все меньше свободного времени. А в церквях не самый удобный график работы...

Но шутка не прошла. Ее приняли всерьез. Сима рассмеялась — громко, даже истерически, заставив его вздрогнуть.

— Вот-вот! Вы, Джон, наглядное свидетельство того, как вера выцветала, отяжелела, свелась к ритуалам! В церквях не очень удобный график работы... Хотя, какой с вас спрос, если наши русские батюшки верх религиозности для женщин видели в том, чтобы носить юбки до земли, слушаться бородатого мужа и вместо «спасибо» отвечать «спаси Господи»? Никогда, наверное, не думали, что в чем-то похожи на русского попа, а?

Теперь посмеялся Голдстон — вежливо, сдержанно. Потом все-таки понял, что снова не угадал.

— Хотите расскажу, что такое вера на самом деле?

Сима опять говорила спокойно, без малейших признаков прежнего надрыва. Эмоциональные скачки казались странными,

даже пугали. Она словно выходила куда-то на минуту-другую из своего тела, оставляя вместо себя другую женщину. Необузданную, может быть, даже жестокую. Опасаясь вызвать снова эту фурию, Голдстон покорно кивнул в ответ.

Погрузив их обоих в длинную, напряженную паузу, Сима, кажется, собиралась с силами. Потом сказала — связно, четко, как на лекции:

— Знаете, на самом деле все очень просто. Есть всего два подхода к человеку. Первый — человек это точка. Ограниченная своим телом и его физиологическими, психологическими и прочими потребностями. Он осознает себя как точку и соотносит все вокруг именно с ней. Это понятно, это кажется естественным. Второй подход противоположен — осознавать себя, свою жизнь как часть чего-то, что больше, важнее, продолжительнее каждого из нас. Рационально обосновать такой подход невозможно. Но мы определенно способны переживать внутреннее единство с этим загадочным, огромным нечто. Правда, для того нужно соотнести себя с чем-то, что неизмеримо больше каждого из нас. Это сразу задает иную систему координат...

— С бесконечностью? — пробормотал Голдстон, пораженный тем, что слышал похожие выводы сегодня за обедом от физика. — Моральным законом внутри нас или звездным небом над нами?

Кажется, в первый раз за время разговора он заработал себе очки. Сима запросто похлопала его по плечу. Глаза из серьезных стали веселыми, даже бесшабашными.

— Вы делаете успехи! Но я уже ожидаю неизбежного в разговорах с атеистами вопроса — «зачем же все это»?

Голдстон рассмеялся от души, потому что вопрос в самом деле висел у него на языке. Затем, словно испугавшись этой мальчишеской вольности, оглянулся назад. Коридор, ведущий в зал, был абсолютно пуст. Оттуда доносился чей-то машинный микрофонный голос. Очередная торжественная речь, но разобрать слов не получалось.

— Действительно, зачем?

— Объяснение может быть только одно. Оказавшись частью целого, вы станете тем, кем никогда бы не смогли стать в одиночку. Достигнете принципиально иного состояния. Для христиан

такое состояние — победа над смертью, личное бессмертие. При этом получить его можно лишь через бессмертие коллективное, так как непонятно когда именно эта задача будет реализована в реальном времени. Церковь — общность людей в первую очередь историческая. Мы и те, кто был до нас и кто будет после, вместе через свои жизни идем к этой далекой цели.

Слова Симы легко, как солнечные зайчики, ускользали от той части сознания, что отвечала за разложение их в биты понятной, усваиваемой информации, и являлись Голдстону в виде цельных, ярких образов. Он представлял поток людей, проходящих мимо, поток столь многочисленный, что в обе стороны он терялся за горизонтом. Люди не катились тяжелым катком, как можно ожидать от большой людской массы, а шли будто прогуливаясь, переговариваясь друг с другом или же просто думая о своем. Поток излучал свет — необычно яркий, золотистый, который у солнца можно поймать только перед самым закатом. Он поднимался вертикально вверх сплошной золотой стеной, озаряя все вокруг ощутимыми лучами некоей высшей, космической красоты. Возможно, именно из-за этого видения все имевшее отношение к Симе казалось в этот момент Голдстону непостижимо красивым. Ее слегка азиатское, веснушчатое лицо с устремленным куда-то поверх всего взглядом. Ее необычные философские измышления, перекликавшиеся с теориями физика. Ее запоздалая любовь к исторической родине и одержимость хоть чем-то помочь остывающим руинам. Он наслаждался этим свежим, искренним, хотя, может быть, уже никому и не нужным порывом секунду, две, три. Словно живая вода лилась дождем на серую, омертвевшую жизнь вокруг, смывая с нее толстый налет могильной пыли. Потом откуда-то явственно пахнуло смрадом. Похожее на труп утопленника, внутри медленно всплыло предчувствие опасности. «Вальке. Идиот Вальке искренне верит, что она партизанская шпионка», — вспомнил Голдстон. Карлик-альбинос с красными глазами появился не один — нет, привел с собой целое воинство неприглядных тварей. Голые, забрызганные высохшей кровью, Мэри и ее несчетные предшественницы в роли безжалостных валькирий. Свенссон? Огромный, поджарый волк-оборотень. Боссю? Человек-обманка, механическая пустотелая игрушка,

созданная неведомым средневековым алхимиком. Йоп дер Сар? Скользкий демон-экскурсовод по кругам ада... Надо предупредить ее, намекнуть на нечисть, что выискивает себе жертву и водит хороводы вокруг. Посоветовать уехать отсюда как можно быстрее. Например, в Берлин. Только сначала, для очистки совести, он должен кое-что сделать.

— Знаете, — сказал Голдстон, разглядывая сверкающий зеленый камень на груди Симы, что, казалось, жил своей жизнью, изменяя силу блеска вне зависимости от положения и освещения, — я, пожалуй, не буду спрашивать у вас, зачем человеку нужна вечная жизнь. Но взамен у меня есть одна просьба. Не могли бы вы организовать мне экскурсию в этот ваш монастырь за Стеной?

* * *

Ворон был прав — останься карта метро в куртке Диггера и все, пиши пропало. Незавидная, мученическая смерть: медленно угасать в крошечной тьме, на дне гигантского каменного мешка. А до того Колька наверняка бы еще и тронулся умом. Здесь, в подземельях, его болезнь нашла себе благодатную почву. Припадок все время крался за ним по пятам. Раз в десять, а то и в пять минут накатывал ужас, что веревками скручивал тело, сводил руки и ноги, сбивал дыхание. Хуже того, в голове возникала порой жуткая иллюзия, что стены и потолок начинают злорадно сходиться друг с другом, оставляя Кольке все меньше пространства и воздуха.

Да, карта спасла их — но это было уже потом. Сначала они просто бежали со всех ног по кольцевому тоннелю. Без направления и смысла. Волчий вой «Бесы, бесы!» не стихал, то слышался позади, то доносился откуда-то сбоку, со стороны бункера. Число голосов росло — видимо, в толпу вливались все новые преследователи. Колька не удивился бы, узнав, что помешанных набралось с сотню или даже больше. Пару раз он замечал, оглядываясь урывками через плечо, размытые силуэты в полумраке подземелья, но Ворон тут же спугивал их короткими автоматными очередями. Час, полтора беготни по кругу — и им, наконец,

свезло. Набредли на съезд в тоннель-смычку, что, похоже, вел на ту самую станцию, откуда они сюда спустились на лифте. Нырнув в крошечную тьму, побежали из последних сил в гору, расталкивая черноту мечущимся лучом фонарика. Крики безумцев вскоре затихли. Задышавшись от бега, перешли на быстрый шаг. Колька то и дело нервно оглядывался, но внутри уже нарастало — вот вам, что, съели? — быстро растворявшее в себе животный, пульсирующий страх. Радость, однако, оказалась недолгой. Вскоре уперлись в тупик — очередные гермоворота, закрывающие туннель целиком. Оплетенные кабелями, с чудовищно сложным запором на внутренней стороне.

— Твою-то мать... — то ли удивился, то ли расстроился Ворон и свалился бессильно на бетонный пол. Колька, уже было воспрявший духом, замер на полувдохе. Тьма вокруг тут же злорадно приблизилась, сдавила тело со всех сторон.

— Что, обратно? — пробормотал он, вспоминая отчего-то высунутый язык безумца-президента.

Видно, в Колькином голосе было столько искреннего отчаяния, что Ворон немедленно вскочил на ноги. Оглянулся бессмысленно по сторонам. Отряхнулся как собака, поцокал языком.

— Диггер, царствие ему небесное, говорил, всю эту хрень можно открыть и дистанционно, и автономно. Надо искать кнопку, Головастик. Должна она быть где-то здесь. Обязательно должна. Только ничего не жми без меня, ладно?

«Кнопку» искали то ли час, то ли полтора. Собственно, где она находится, стало ясно сразу — поблизости обнаружилось специальное помещение для охраны. Называлось «Пост № 1». Но вот уже внутри пришлось попотеть. Пульты, мониторы, десятки кнопок и переключателей — мертвое, пыльное, как в гробнице фараона. Колька за все предыдущее время не слышал от Ворона столько матюгов и проклятий. Зрелище же того, как открывается вход в подземный город, запомнил на всю жизнь. Сначала зашипел, пришел в движение тот самый невероятно сложный запор. Составляющие его детали засуетились, задвигались, словно подталкивая друг друга, подначивая — давай, давай, быстрее! Под ногами дрогнуло, раздался чавкающий звук, литая плита ворот начала медленно отъезжать в сторону. Не медля ни секунды, они

рванули в появившуюся щель. Ворота, вот сюрприз, оказались двойными. Через десять метров синхронно с первой открывалась и вторая гермодверь, только уже вовне. Проскочив эту адскую барокамеру, отбежали еще немного и рухнули на землю, счастливые и опустошенные.

Ворон с хрипотцой, едва слышно рассмеялся:

— У меня идея была — сначала ворота открыть, а потом обратно закрыть за собой. На всякий случай. Успеть прошмыгнуть... Проскользнуть на ту сторону... Ха-ха-ха! Представляешь, если бы нас заперло в этих десяти метрах? Только представь, Головастик... Тут стена и тут стена...

Колька представил — и плечи обожгло от ужаса перед не сбывшимся кошмаром. Они провалились рядом, вяло переговариваясь и вспоминая беднягу Диггера, еще с полчаса. Потом Ворон, примостившись на рюкзаке, решил обстоятельно глянуть с фонариком карту. И тут в тоннеле, там, откуда они пришли — вспыхнули два близко поставленных друг к другу прожектора. Колька зажмурился, потом сообразил — фары!

— В сторону, в сторону!

Командир толкнул его в бок так, что Колька птицей пролетел пару метров и грохнулся пластом на землю, больно ободрав руки о каменный пол. Следующее, что он увидел, был Ворон, стоявший на одном колене и прицельно, скупно стрелявший по автомобилю, похоже грузовику-электромобилю, почти бесшумно ехавшему прямо на них. Секунда, другая — и грузовичок незнакомой модели с гулким грохотом уткнулся неподалеку в боковую стенку тоннеля. Звучно щелкнула дверца, с протяжным стоном из кабины водителя вывалился человек. Вместо того, чтобы бежать прочь, Ворон ринулся к автомобилю. Колька с удивлением было подумал, что командир решил помочь раненому, но вскоре понял свою ошибку. Ворону понадобился грузовик.

— Залезай, — зло выкрикнул он, уже сидя за рулем и рассматривая что-то внизу, скорее всего, пытался разобраться в управлении. — Или тебе особое приглашение нужно?

Тут темнота подземелья внезапно ожила. Еще несколько фар вспыхнули вдалеке, обдав Кольку волной неприятного, холодного света. Не чуя земли под ногами, он запрыгнул в кабину. Ворон

с озадаченным лицом все еще изучал переключение передач. Потом, глянув быстро в боковое стекло, тихо выругался, взялся за рычаг. Машина дернулась и поползла назад. словно споткнувшись о препятствие, подпрыгнула. Раздался душераздирающий, выворачивающий наизнанку крик. Колька понял: они переехали раненого водителя. Ворон, похоже, все-таки разобрался в управлении. Грузовик наконец двинулся вперед — сначала еле-еле, потом все веселее и веселее, словно человек и машина постепенно привыкали друг к другу. Одна фара разбилась при столкновении, потому левая часть тоннеля освещалась лучше правой. Набрали они скорость в конце концов километров тридцать в час. Быстрее Ворон, наверное, просто боялся. Въедешь в какую-нибудь кучу хлама — и привет. Потому преследователи не отставали — напротив, мало-помалу догоняли.

— Давай, Головастик! Бей стекло и стреляй!

Взгромоздившись коленками на сиденье, Колька вышиб прикладом заднее стекло кабины, уложил дуло автомата на железку, покрытую стекольным крошевом. Дал, не глядя, пару очередей из «калаша». Тряски почти не было, так что пули должны были лечь ровно на уровне лобового стекла. И правда, передовая машина тут же принялась сваливаться в сторону. Корежа металл и высекая россыпи искр, тормозить боком о стенку тоннеля. Потом отскочила от нее и закрутилась, завертелась, как юла. Что было дальше, Колька видел смутно. Скорее всего, сзади, не успев уйти в сторону или затормозить, врезалась в перевернувшийся грузовик еще одна машина. Пятно света, ослепив глаза, ушло в сторону, уши захлестнули скрежет и отчаянные крики. Ворон помог еще сильнее прочувствовать момент — объезжая препятствие на дороге, резко дернул машину влево. Впившись коленками в кожаное сиденье, Колька едва вышел из пике, умудрился сохранить равновесие. Минут через пять, как назло, сел аккумулятор. Они выскочили из кабины, бросились, не сговариваясь, бежать. Бежали долго, до надрыва в груди, потом забились в боковую бетонную нору, где Ворон, отдышавшись, смог, наконец, рассмотреть с фонариком заветную карту Диггера.

— Ближний к нам выход, думаю, тот, что в Лужниках. Шахта там есть. Пешком придется карабкаться — ну да ладно, сотню

метров всего... Скажи спасибо Диггеру. Целыми ночами сидел, рисовал у меня в бункере...

Колька вспомнил удивленное лицо оседающего на пол Диггера, равнодушно кивнул в ответ и закрыл глаза. Лужники так Лужники. После животного страха погони внутри разрослась зияющая, растворившая в себе все эмоции пустота. Была уже полночь. Он нечеловечески устал и хотел или немедленно выбраться отсюда, или побыстрее умереть. Непонятно даже, чего больше. Они прошли по путям еще с километр и поняли, что дальше идти просто нет сил. Пристроились в каком-то закутке в стороне от рельсов. Колька сразу же забылся, провалился в плотную, душную вату, что наверху вряд ли сошла бы за сон. Но сейчас большего было и не надо. Только бы отключиться. Ворон растолкал его часов через пять. Спросонья Кольке снова показалось, что они уже на том свете. Полная, слепящая темнота. Тяжелый, спертый воздух. Могильная тишина, изредка прерываемая звуками, о происхождении которых лучше особо не размышлять, чтобы не нагнать припадка. Молча перекусив резиновой тушенкой, двинулись дальше. Ворон, едва рассеивая черную мглу фонариком, сверялся сиюминутно с картой. Судя по всему, далеко не был уверен, что и вправду смогут они куда-то добраться. Колька же шел и старался думать только об одном — о пирогах. С мясом, яблоками, капустой. Додумался до того, что начались у него галлюцинации. Из темноты пахнуло вдруг поджаристой корочкой, слюна такая потекла, что сплевывать пришлось. Мысль пришла, которой он тяжело ухмыльнулся — все-таки, наверное, лучше пуля в лоб, чем с катушек съехать. Когда совсем немоготу станет, придется доставать «Грач». Не зря, похоже, Ворон его в карман подложил...

Неизвестно, посещали ли подобные мысли Ворона. Но делал он все, чтобы облегчить Колькину участь. Начал рассказывать неторопливо про свою жизнь — как учился, на ком женился, почему развелся. То и дело похлопывал Кольку по плечу, будто хотел разбудить от сонной апатии. Великодушно вручил общий НЗ — трофейную швейцарскую шоколадку, горькую от невообразимого количества какао. А когда снова пристроились подремать — скорчившись на своих пожитках, прижавшись друг у дру-

гу, не спал до тех пор, пока не захрапел Колька. Не исключено, что помогла эта забота им обоим, и сутки спустя Ворон все-таки вывел их к заветной шахте, причем в здравом уме и с достаточным запасом сил, которого должно было хватить на обратную дорогу. Колька весьма смутно помнил потом, как по замысловатым, бесконечным железным лестницам, извивающимся внутри бетонных шахтовых стволов, через тяжелые люки и двери они по-черепашии перебирались с одного уровня на другой. Ползли на поверхность из земной глубины, чтобы, почти ослепшими от белесого света, оказаться наконец рядом с громадной, сотысячной чашей стадиона Лужники. Пустынный, присыпанный сугробами стадион с уже обрушившимися кое-где секциями навеса смотрелся мрачной пародией на римский Колизей. Тысячи ворон нашли здесь убежище от дующих на Воробьевых горах ветров и снизу доверху загадили все вокруг своими гнездовищами. Завидев чужаков, гигантское черное облако взвилось вверх, извергая из живой утробы негодующее карканье. Потом, как на веревке привязанное, угрожающе заклубилось над головой.

— Вот она, наша Россия сегодня, — сплюнул командир, не обращая никакого внимания на легионы беснующихся птиц. — Разруха и воронье. Словно Мамай прошел. Даже не знаю, как будем заново начинать.

Обойдя чашу стадиона, начали спускаться к набережной: нужно было перебраться на другую сторону Москва-реки. Ворон имел в виду метромост, где когда-то располагалась станция «Воробьевы горы». Но вместо моста обнаружилось два обрубка, беспомощно тянущихся друг к другу с разных берегов и провал посередине. Мост был то ли взорван, то ли рухнул, оставшись не у дел.

— По льду может? — ляпнул Колька, сам с большим сомнением разглядывая потемневший, с траурной водяной каймой у берега весенний лед.

Ворон на такую глупость даже отвечать не стал, покачал лишь в ужасе головой — мол, ну ты и идиот! Как ни крути, пришлось сделать крюк километров в двадцать, чтобы вернуться к вездеходу. Перебраться через реку решили по другому мосту, который, как наверняка знал командир, находился в исправном

состоянии, связывая центр города с гарнизоном в Новодевичьем монастыре. Колька, завидев издали его белокаменные, с красным верхом кирпичные стены, застыл как очарованный. Пожалуй, впервые за последние три года смотрел он на что-то очеловеченное, обитаемое, принадлежащее живому, а не мертвому. Целый и невредимый, монастырь возвышался среди безлюдных кварталов будто доказательство о высшем происхождении человеческой жизни, которую не в силах прекратить даже устроенный самими людьми апокалипсис.

— Ворон, а нельзя поближе подойти? — спросил Колька у командира, что шел впереди и, чертыхаясь, то и дело проваливался в снег, под которым хлюпала стекшая талая вода.

Ворон, оглянувшись, просипел сердито:

— Ты чего, рехнулся? На экскурсию захотел? В монастыре по снайперу на каждой башне. Забыл, что связной рассказывал? Без проблем пришибут тебя с километра.

Путь к набережной шел вдоль железнодорожной насыпи. Отполированный ветром сугроб с острым, окаменевшим хребтом делал ее похожим на идеально ровную горную гряду. В одном месте в насыпь вмерз забытый тепловоз, чуть поодаль на склоне беспомощно опрокинулись вверх пузом два сброшенных скорее всего взрывом вагона. Видно, солнце уже припекало, отчего снег вокруг как веснушками покрылся яркими, ржавыми проплешинами. Странно, но теперь эти тяжелые следы всеобщего запустения казались Кольке принадлежащими далекому-далекому прошлому. Картина идеально белого, словно прилетевшего на эту грязную и исковерканную землю откуда-то из космоса монастыря завладела его мыслями. Походила она, наверное, на открытое окно в будущую жизнь, о которой Колька часто размышлял, но представить которую не хватало воображения.

— Ворон, а ты в Бога вообще не веришь? — вырвалось у него как продолжение своих мыслей.

Командир оцепенел на мгновение, потом развернулся — вопрос застал его врасплох.

— Чего с тобой? Заразился, что ли, внизу? — наконец неуверенно пробормотал он, снова показывая Кольке спину. — Или не понял, что я комедию там ломал?

Колька смутился. Понял, что сморозил лишнее. Но все равно сказал:

— Нет, я про другое. Когда по-настоящему...

Они прошли молча метров сто. Казалось, разговор умер сам собой. И вдруг у Ворона прорвалось. Правда, как-то скомканно, через плечо.

— Трудно в Бога по-настоящему верить, Головастик. Все запутано у него там наверху... Вот, к примеру, интервенты. Если бы не они, то наши родные оборотни этот монастырь давно бы уже наизнанку вывернули. А эти спасают. Историю нашу спасают! Или вот президент чокнутый. Идиот и трус, который страну бросил в сложный момент. Не бросил бы — может, и выстояли бы, не рухнули. Но при том свой он, русский! Выпить с ним пол-литра и, глядишь, можно еще перевоспитать... В общем, когда без Бога — все просто, мы и они. Кто здесь жил и кто сюда пришел. А с Богом сложно, Головастик. В каждом человеке отдельно копать надо. На весах его раскладывать. Нет у нас на это времени! Нету!

Колька задумался. Действительно сложно. Но, странное дело, сложность эта, напротив, казалась ему крайне завлекательной. Вот как контур Новодевичьего монастыря сложный — резной, детальный, и при том един, словно человеческое лицо. Подумалось: вот чего, наверное, ему не хватает в Вороне. У него, да, все просто. Это друг — поделись с ним последним, это враг — возьми его на прицел и спусти курок. Чувствовал Колька здесь подвох, какую-то неправду. Нужен ему тот, кто сможет объяснить эту самую сложность жизни. Только где же такого мудреца отыскать-то?

Уже рядом с набережной они, наконец, выбрались на обочину шоссе, которое вело к мосту. Заметно было, что дорогу определенно время от времени использовали по назначению. Снег кое-как расчищен, стоит указатель на английском в сторону монастыря. Когда со стороны реки донесся пока еще едва различимый гул двигателей, Ворон рванул Кольку за рукав, и они стремглав нырнули в придорожный кустарник, разросшийся за три года вольной жизни до таких размеров, что за ним, пожалуй, мог бы скрыться не только человек, но и лошадь. Вскоре подоспел целый караван — впереди БТР, немецкий «Боксер» с обрезанным под прямым углом

задом и плоским, как у жука, панцирем, следом ехали автобусы с белыми флагами, прикрепленными на кабину у лобового стекла, и огромными надписями на боку «Не стрелять! Здесь русские!». Колька жадно всматривался в лица за стеклами автобусов — вот они, живущие за Стеной его, Колькины, соотечественники! Лица, все до единого женские, выглядели вполне довольными. На них не читалось ни малейших следов грусти или раскаяния по поводу пребывания под пятой интервентов. Какая-то тетка в пестром, красно-зеленом платке вроде бы даже широко улыбалась, о чем-то рассказывая соседке. Колька искренне расстроился. Вот ведь сволочи — живут в свое удовольствие, прислуживая фашистам, пока бойцы их отряда, немытые, полуголодные, слепнущие от слабого света, прячутся в подземном бункере в лесу... Внезапно взгляд выделил из общей цепочки похожих лиц, сливавшихся в полоску телесного цвета, один отдельный образ. Было довольно далеко, но Колька все равно четко разглядел его, словно кто-то, как в фильме, выхватил часть общей панорамы и стремительно приблизил к глазам. Каштановые волосы до плеч, мягкий, почему-то вызывающий внутренний восторг овал лица, две черточки широко поставленных глаз. Не в состоянии оторваться, Колька жадно следил взглядом за пассажиркой автобуса все те несколько секунд, пока та оставалась в пределах видимости. В последний момент на соседнем сиденье заметил еще и мужскую фигуру в шинели. Офицер? Почему тогда едет в автобусе с русскими? Что связывает его с этой женщиной? Зачем они отправились в монастырь? От этих вопросов, захвативших воображение, Колька даже забыл на время, где он сейчас и почему. Когда Ворон подал знак идти дальше, заметил его сигналы не с первого раза, потом нехотя поплелся следом. Мыслями был за бело-красной кирпичной стеной монастыря, вместе с прекрасной незнакомкой, которую видел в первый и, очевидно, последний раз в жизни.

* * *

Пять часов утра. В комнате жарко, как в сауне, с вечера так не топили. Утерев полотенцем пот с лица, Голдстон вылез из кровати и подошел к приоткрытому окну. Снова пахнувшая снегом

тишина, невесомо прикрытая сверху туманной поволокой. Снова приглушенный, неразборчивый разговор патруля. Повернув ручку, он приоткрыл раму ровно настолько, чтобы почувствовать на умытом испариной лице живой ток холодного, с уколами снега воздуха. Прислушался к разговору. Нет, слишком далеко. Жадно дыша, процеживая с удовольствием воздух через немеющие зубы, он, напротив, неторопливо фильтровал мысли. Размышлял о людях в военной форме за окном. Как они могут вот так, спокойно, стоять и разговаривать о пустяках? Не может быть, что им недоступно подвешенное в воздухе предчувствие всеобщего конца и одновременно начала. Здесь, в этой точке, встретились и перемешались, словно карты в колоде, множество возможных вариантов будущего. Как еще не ставшие поездами вагоны, расставлены шеренгами на путях и ждут своего сортировщика. Теперь нужно наугад, с единственной попытки, сесть в тот самый, правильный вагон, который поедет туда, куда ему надо... Достав из холодильника бутылку минералки, Голдстон задумчиво сделал несколько больших глотков. Похоже, со сном на сегодня покончено. Отобранные у ночи пару часов он потратит на то, чтобы перед второй встречей с физиком заняться постижением русской души. Той самой, которой в нем как минимум процентов пятьдесят.

Голдстон натянул халат, зажег настольную лампу и с усилием извлек из портфеля кирпич «Войны и мира». Кнелл, надо признать, талантливо отрекламировал ему Толстого. «Даже если бы русские произвели на свет одну только эту книгу, она бы искупила все преступления, совершенные ими по отношению к самим себе и своим соседям». Просто готовый эпиграф, пусть и не для издания на польском. Мысленно поместив фразу вверху первой страницы, он начал вникать в предисловие издателя. Увлечшись, не заметил, как предисловие перетекло в сам текст. Видимо, впечатление от встречи с Боссю подобно кошачьему запаху не выветривалось из памяти. Хотелось поскорее прочитать о том, как Наполеон, захватив Москву, самонадеянно ждет в Кремле слов от русского царя с просьбой о мире. Быстро пролистав книгу вперед, Голдстон с разочарованием понял, что это относится уже ко второй половине романа. Бледный, чахоточный восход застал

его с головой погруженным в перипетии праздной жизни русских аристократов-крепостников. Нашествие французов пока даже не началось. Но Бюссю был уже благополучно забыт. Чем глубже Голдстон забирался в книгу, тем отчетливее поверх неторопливого сюжета проступал их вчерашний разговор с физиком, как будто прописанный Толстым то там, то здесь некими тайными чернилами. Лев Николаевич великодушно помогал разобраться, каким же предстает мир при взгляде из-под высоченного, крутого лба Быкова. Оба они цепко держали в поле зрения бессчетное множество сюжетных линий и облеченных смыслом деталей. Оба как демиурги замешивали из них собственную, подчиняющуюся им одним, реальность. Это нечеловеческое могущество, эта легкость жонглирования кусками бытия завораживала, парализовала как ядовитый укус и подвешивала где-то высоко над землей в паутине священного ужаса. Вслед за тем Голдстона посетило нечто шокирующее своим радикализмом. Желание истово, всецело поверить в столь безукоризненно созданную реальность, довериться ее хозяину, с легким сердцем вручив ему и свою судьбу, чтобы он вот так же красиво и со смыслом вплел ее в узор жизни. Когда происходит чудо, понял вдруг Голдстон, это вовсе не вызывает вопросы, а наоборот — снимает их все до единого.

* * *

Вторая встреча с физиком поначалу не задалась. Быков в ожидании пасты сухо процедил, уперевшись взглядом в стадо великолепных, похожих на крепких полосатых поросят креветок, которые паслись на изумрудном поле рукколы.

— Вы обхаживаете меня, словно красивую девушку, мистер Голдстон. Такие роскошные обеды в наше-то время явно не могут быть бесплатными!

— Вы... вы весьма перспективный ученый, — на этих четырех словах Голдстон попробовал свой голос и так, и сяк, чтобы лишить его оттенка слишком уж грубой лести, однако получилось не очень. — Я уже упоминал, что мы хотим собрать лучшие умы Европы где-нибудь в Австрии или Чехии, чтобы начать интеллектуальную работу по преодолению глобального кризиса. Как вы

верно отметили вчера, миру нужны идеи. И кто, как не ученые, объединившись вместе, способны указать возможные пути выхода из тупика?

По мере того, как Голдстон врал, собственное вранье казалось ему все более достойным того, чтобы оказаться правдой. К концу фразы он уже почти поверил, что еврокомиссар Кнелл и в самом деле отправил его сюда отыскивать в лесах и болотах будущих эйнштейнов и нильсов боров. Однако физик не купился на эту тираду.

— Лучшие умы? Думаю, вы зря тратите на меня уйму дорогих продуктов. Я даже не рискну назвать себя ученым, так как за этим должны стоять звания, работы, определенная биография... Понимаете?

— У вас, мне кажется, полно идей. А звания, работы и так далее — все это осталось в прошлом. В том мире, которого уже нет. Новый мир должны строить новые люди. Разве не так?

Быков молчал, но Голдстон вдруг почувствовал, как от этого большого, непоколебимого тела исходит в пространство едва уловимая, сравнимая с шевелением крыльев бабочки, вибрация. Там, за этим высоченным лбом, явно что-то происходило.

— Сомневаюсь, что эти идеи найдут у тех, кто вас послал, какой-либо отклик.

Голдстон едва не хлопнул от радости в ладоши. Наконец-то!

— Был отрицательный опыт?

Физик мотнул головой, словно пытался выбросить из нее неприятное воспоминание.

— Неважно.

— Служба безопасности Лукина? Приняли вас за психа?

Молчание. Видимо, то самое, что заменяет согласие.

— Ваша наивность поразительна. Единственная забота Лукина — это выжать больше денег из каждого кубометра продаваемого в Европу газа. Вот, собственно, и весь проект будущего. Я же, напротив, хочу вас *понять*.

Выпив залпом бокал прохладного золотистого шабли, Быков вдруг по-хулигански ухмыльнулся, показав выщербленный передний зуб:

— Неужели?

— Мое утро, представьте, началось с чтения «Войны и мира». Знаете, философия Толстого перекликается с вашей. Я имею в виду важность для него коллективного начала в человеке...

Горячее ризотто с белыми грибами, щедро пропитанное ма-скарпоне, прервало их разговор минут на десять. Но физик, оканчивается, просто взял длинную паузу.

— Толстой хорош как писатель, но не как философ, — подал он голос, полируя до блеска куском хлеба опустошенную тарелку. — В «Войне и мире» только одна идея, которую он вертит и так, и эдак. История делается не личностями, а сообществами людей, ощущающими некую высшую историческую истину и действующими заодно с ней. Эти сообщества обычно формируются по национальному признаку, так как общие культура и язык создают очень сильные коллективные связи между людьми.

Внутри у Голдстона благоговейно дрогнуло. Даже под дулом пистолета он не смог бы подобрать те слова, что произнес сейчас Быков. Но развить чужую мысль было уже легче:

— Коллективное сознание способно воспринимать то, что недоступно отдельным людям? Улавливать как большие по площади радиотелескопы некие слабые сигналы?

Подавшись вперед, физик положил локти на стол, едва не смахнув пустую тарелку из-под ризотто. На лице появилось что-то вроде любопытства хозяина к своей собаке, которой только что, путем невероятных усилий, удалось произнести настоящее человеческое слово. Кажется, хозяин был доволен им. Голдстону подумалось, какой именно собакой он предпочел бы стать. Скорее всего, лабрадором. Таким золотистым и не особенно лохматым.

— Помните библейскую легенду про Вавилонскую башню? Зачем, думаете, Бог столь волюнтаристски сотворил из единого народа множество разных?

— Кажется, это было наказанием за гордость.

Быков, не отводя взгляда, коротко кивнул.

— И одновременно способом ее преодолеть.

Челюсти Голдстона, отвлеченно перемалывающие большую, жирную креветку, постепенно замедлились. Увидев, что собеседник подвис, физик великодушно пояснил:

— Конкуренция. Все как в рыночной экономике. Вы должны производить нечто конкурентоспособное. Только речь идет о конкуренции цивилизаций, а продуктом является концепция построения жизни, если хотите — ее философия. Люди активно живут полвека, компании могут существовать сотни лет, цивилизации не меньше тысячи. Но механизмы конкуренции одни и те же. Ты или предлагаешь востребованный продукт, или становишься пищей для конкурентов!

Словно для наглядности, Быков взял в руки ложку, навалил из салатницы в тарелку кучу креветок и начал, прицельно насаживая их на вилку, отправлять себе в рот одну за другой.

— Востребованный кем? — не понял Голдстон.

— Историей конечно. История — как объективно существующий закон — сама отбирает того, кто ей нужен. Те нации, чье коллективное сознание понимает ее намерения и пытается их воплотить. Подойдет вам такая идея для спасения человечества?

Литая уверенность, с которой Быков излагал спорные, для кого-то даже неприемлемые тезисы, вдруг показалась Голдстону едва ли не наиважнейшим моментом в их разговоре. Он не предполагает. Не догадывается. Он вещает. Словно диктор в телестудии, читающий невидимую зрителю бегущую строку. Уверенность пророка, озвучивающего чужие слова. Давным-давно, в колледже, Голдстон задался вопросом, на который так и не нашел ответа. Почему обитатели древней Палестины пошли именно за Иисусом Христом, хотя магов и предсказателей в те времена было как страховых агентов в наши дни? Сейчас понял: есть слова, перед которыми нельзя устоять. Созвучные с обычными, но содержащие в себе киловатты, мегаватты энергии. Он молча доедал уже подзастывшее ризотто и рассеянно изучал монументальную голову Быкова, словно в надежде обнаружить на ней следы антенны, принимающей извне откровения, которые тот озвучивает. Почему физик перестал говорить? Закончился сеанс приема? Временные помехи в космосе? Похоже на то, так как Быков внезапно, как спирит во время сеанса, снова заговорил.

— Что такое нации? Кто такие русские, немцы, англичане? — выдал он, со страшным скрипом откидывая свое грузное тело на спинку кресла. — Конечно же, не просто общности

людей, в силу триллионов случайностей обитающие в определенной географической области. У каждой общности свое, уникальное восприятие мира и, соответственно, подсознательное понимание того, как он должен в идеале выглядеть. Каждый народ де-факто предлагает истории свой вариант будущего человечества. Эти варианты находятся в постоянном взаимодействии, так как в человеке изначально заложен неукротимый интерес к другим культурам. И получается, что смысл каждой отдельной нации только в том, чтобы стимулировать развитие других наций. Они учатся на чужих ошибках и заимствуют друг у друга хорошее, исходя из необходимости конкуренции. И вот так, неосознанно, постепенно создают общего, единого на всех, универсального человека...

Физик все перевернул с ног на голову, размышлял Голдстон. Не нации творят историю, исходя из собственных интересов, а, напротив, история, материально воплощенная в разнородном человечестве, отбирает те цивилизации или народы, что помогают ей двигаться к достижению некоей кульминации. Остальные — уже отдавшие истории все, что можно, остаются не у дел. Древние греки, римляне, египтяне, вавилоняне — сгинули, завещав Лувру и Британскому музею кучу старого барахла. А китайцы, индусы и евреи вполне себе здравствуют до сих пор. Благоприятная внешняя среда? Отсутствие сильных врагов? Про евреев такое при всем желании язык не повернется сказать. Три тысячи лет их били все, кто только мог. Значит, в самом деле избраны? Избраны историей?

— Примерно так, — снисходительно согласился Быков насчет евреев, но тему не поддержал. — Что там сегодня на десерт?

На стадии десерта иссякла их предыдущая беседа. Голдстон ощутил нарастающее, почти паническое беспокойство. Разговор с физиком доставлял ему неизвестную прежде разновидность удовольствия. Хотелось говорить еще и еще.

— Кажется, нам несут клубничный пирог, — пробормотал он. Опустил глаза словно ребенок, которого вот-вот могут не взять с собой в зоопарк.

— Прекрасно, — раздался в ответ смешок. — Клубника всегда пробуждала мое воображение. Так на чем мы остановились?

— Чья же эпоха наступает? Кто готов ответить на запросы... истории после всего, что случилось с человечеством?

Быков как раз запихивал в рот здоровенный кусок пирога. Ухмыльнулся. Кое-как прожевав, облизал пальцы, ответил заговорщицким тоном.

— Русские. Думаю, они справятся.

Голдстон тоже улыбнулся — но получилось криво. Внутри все стянулось, будто его накручивали на штопор. Физик зацепил за место, которое болело последние дни.

— Что же они готовы предложить миру?

Он поймал себя на странной мысли — если не получит ответа, то, скорее всего, потом будет мучиться, пытаясь догадаться, о чем именно физик собирался рассказать ему за десертом. Но Быков ответил, на удивление равнодушно оставив в стороне недоеденный пирог. Уже серьезно, расстреливая в упор холодным взглядом серо-голубых глаз.

— То, без чего загнулся прежний мир. Свободу.

— Свободу?

— Давайте возьмем вас. Как типичного представителя того мира, который накрылся. Ответьте мне — свободны ли вы?

Смутившись, Голдстон отвел взгляд.

— Что имеется в виду?

На самом деле хорошо понимал, что именно. Колесо бессмысленной и бесчувственной рутины, в котором он, высунув язык от усердия, вертится изо дня в день. Работа в министерстве. Очередная Мэри. Усиленный паек. Коньяк по вечерам. Мечта об отпуске на Корфу. Все, кажется, больше нет ничего, сколько ни ищи.

— Я имею в виду ваши реакции, скажем так, на факт собственного бытия. Мы говорили вчера о страхе перед жизнью. Свободный человек не прячется за Стеной. Не ограничивает свое бытие набором привычных рефлексов.

— А что же он делает?

— Свобода, по большому счету, это знание и, значит, возможность выбора. Чем больше человек знает о мире, тем он свободнее.

— Русские самые образованные?

— Дело в другом. Вы сами сегодня говорили. Помните? Большие по площади радиотелескопы улавливают недоступные иначе сигналы. Речь о способности образовывать общности, использовать их для понимания и решения насущных для всего человечества задач. Сравните — угол вашего зрения или десять градусов, или триста шестьдесят. Есть разница? Чем ближе к оригиналу вы воспринимаете масштаб мироздания, тем вы свободнее. Западная цивилизация, мистер Голдстон, сделала одну огромную ошибку, поняв свободу как совершенно противоположное направление движения. Свобода для вас — не создание общностей людьми, не увеличение скромного потенциала одиночки, а, напротив, дробление, атомизация общности до уровня одного индивидуума, а затем распад и его — на самые диковинные субличности, в которых, как в дремучем лесу, возможно заблудиться, отчаянно пытаясь найти себя... Русские, пусть для них сейчас все и выглядит как финал без продолжения, очень скоро вернуться, вот увидите! Потому что по-прежнему помнят, кто такой человек и каково его реальное предназначение для истории!

Дрожь по коже. Откуда?

Перед ним же обычный человек. Мужчина средних лет. Толстый, любящий выпить и поесть, с хорошо подвешенным языком.

— Значит, будете учить других свободе?

Быков посмотрел куда-то в пространство, словно испрашивая совета, а затем неожиданно широко зевнул:

— Да бог с вами... Учитесь сами, мистер Голдстон — если хотите чтобы по ночам вас не мучили кошмары.

* * *

Они с физиком расстались два, может быть уже три часа назад, а Голдстон все еще блуждал по странной сумеречной зоне, не в состоянии вернуться к самому себе. Его жизнь была здесь, рядом, на расстоянии вытянутой руки. За полупрозрачной, слегка колеблющейся занавеской. Но туда не хотелось. Физик опять ввел его в состояние иррационального брожения, заманив в философский парк юрского периода, где можно и сгинуть навсегда, и найти такие чудеса, о которых прежде не помышлял. Хотя нет,

скорее сгнать. Все эти разговоры вроде бы ни о чем мало-помалу добивают его. Каждым произнесенным словом физик методично расшатывает фундамент прежней жизни Джона Голдстона. Выстроенная Быковым картина мира так безупречна, а вера в нее столь сильна, что все происходит само собой, без чьего-либо злого умысла. Если не выйти вовремя из зоны поражения, получишь смертельную зону облучения. Дальше ждет незавидная участь, ведь рано или поздно придется впрягаться в прежнюю колею. И тогда Голдстон будет обречен изо дня в день, каждые час и минуту ужасаться собственному убожеству. Понадобится лечение. Еще больше коньяка и девок, чтобы забить сквозную, сосущую дырку внутри. Потом придут болезни, старость, одиночество. С девками станет совсем плохо, насчет коньяка, если сохранится карточная система, тоже непонятно...

Внутри у Голдстона происходило что-то вроде химической реакции окисления, обильно покрывающей препротивным зеленым налетом всю его прежнюю жизнь. Все, к чему он приложил руку, казалось гротескным, смешным, ненатуральным — сродни театральному реквизиту. Исповедуйся о его жизни Быкову — и понятно, что ответит физик. Банально до отвращения. Чудовищно скучно. Одноклеточно. Ты просто крохотный винтик в машине. Без лица, без имени. Ты и сам это понимаешь — не зря в тридцать лет до тошноты надоед самому себе. А дальше физик почти наверняка скажет: «Подумай, Джон Голдстон, кем бы мог стать на самом деле. Сверхчеловеком! Вот она, твоя настоящая природа!» Да-да, идеи Быкова — не что иное, как мечтания о сверхчеловеке. Людям, говорит он, нужно гораздо больше, чем они могут на первый взгляд вместить в себя. Выше, шире, грандиознее. Человек, каждый отдельный человек, слишком мал, слишком слаб и жалок, чтобы измыслить смысл существования человечеству. Человека надо увеличить, расширить, возвысить. Правда, вот Ницше¹ тоже захотел сверхчеловека. Потом Гитлер прочитал

¹ Фридрих Ницше (1844–1900) — немецкий мыслитель, работавший, среди прочего, учение о «сверхчеловеке», которое, как считается, оказало сильное влияние на формирование идеологии национал-социализма в Германии.

Ницше и придумал целую расу сверхлюдей. Сто миллионов погибли, чтобы доказать: Гитлер ошибался. Сверхлюдей не бывает. Но Быков говорит — не там искали, сверхчеловек возможен. Не через возвышение над всеми, как у Ницше, а путем объединения всех. Через идею, искренне разделяемую миллионом людей, амба по имени Джон Голдстон станет воспринимать себя в масштабе этого самого миллиона...

Да, все так. Вот чем искушает его физик. Непостижимо, глупо, но абстрактными, наивными посулами он обесценил до уровня бросовых облигаций все сорок прожитых Джоном Голдстоном лет. Нормальный человек, определенно, не повелся бы на эти рассказы. В чем же дело? Прав он был, сто тысяч раз прав, что зарекался сюда приезжать. Словно взял да и схватился с глупым смехом за оголенный провод. Наверное, *это* уходит с каждым новым поколением — но одного поколения мало. Физик все-таки смог наскрести в Голдстоне остатки русскости, застывшие как генетическая накипь на стенках сознания. И ведь дело не только в физике. Все, все вокруг тоже искушает его. Везде проступают тайные знаки, запятанный смысл, второе дно. Здесь с ним определенно что-то происходит. Он видит и чувствует то, чего раньше не видел и не чувствовал. Думает о том, о чем раньше не задумывался. Словно по приезду в Москву внутри расконсервировался некий загадочный орган, о существовании которого Голдстон прежде и не подозревал. Останешься здесь еще на недельку и придется к хирургу идти, не к психиатру. Голдстон хрипло, с силой, то ли застонал, то ли зарычал. В дверь постучал охранник:

— Герр штабс-капитан, все в порядке?

— Да, спасибо. Решил подвинуть кровать и случайно придавил ногу.

Когда раздался телефонный звонок, погруженный в саморефлексию Голдстон не сразу опознал голос Симы.

— Готова взять вас в монастырь прямо сегодня. Автобусы с охраной уходят от Манежной площади ровно в четыре. Это буквально сто метров от Кремля. Если соберетесь, приходите туда за десять минут. Пока.

Оглушенный ее напором, Голдстон сполз в пухлое кресло из желтой кожи и тупо уставился на часы. Было почти три. Минут

десять он потратил на размышления ехать или нет. Не успел до конца вынырнуть из глубокого омута русского иррационализма, как предлагают занырнуть туда еще раз — да поглубже. А он тот еще ныряльщик. Откачивать нужно после каждой попытки. Потом начал думать про Стену. Вот он, живой шанс выбраться за нее, увидеть, что же находится по ту сторону. Может быть, символическая победа над Стеной поможет ему? «К черту эту психоделическую муть. Я просто хочу увидеть Симу», — в конце концов сказал себе Голдстон и начал торопливо собираться.

Конвой из автобусов и БТРов, о котором говорила Сима, припарковался через дорогу от Кремлевской стены, у гостиницы «Националь». Гражданские, почти все женщины, проходили через охраняемые автоматчиками рамки металлоискателей и садились затем в один из ярко-красных автобусов. У каждого из отъезжающих имелся специальный пропуск, который вставляли в переносной сканер. Лица женщин выглядели спокойно, буднично, словно у работниц какой-то фабрики, что, отрубив дневную смену, разъезжаются вечером по домам. Похоже, их совсем не пугала перспектива очутиться в небезопасной зоне. Стоявшая поодаль от рамки Сима окликнула Голдстона. Она была одета в толстое серое шерстяное пальто. На голове зеленый, под цвет глаз платок.

— Даже не ожидала, что вы придете. У вас был странный голос, когда мы разговаривали по телефону.

— Просто я спал, — соврал Голдстон, опустив глаза вниз, на оттаявшую за день плитку тротуара. — Меня выпустят за Стену? Сима кивнула.

— Конечно. По военному жетону вы без проблем покинете город. Там мы должны быть около пяти. Через два часа обратно. В восемь снова будете в Кремле.

Она говорила коротко, почти по-военному. Наверное, это из-за ее работы у губернатора. Оглянувшись вокруг, Голдстон спросил:

— Вы поедете в бронетранспортере?

Ее брови сердито выгнулись.

— Конечно нет. Я всегда езжу туда на автобусе. Если вы попроситесь, думаю, вас посадят в БТР.

Голдстон подумал, что угодил в ловушку. Если сесть в БТР, окажешься трусом. Автобус, даже если предположить, что там абсолютно безопасно, станет настоящей пыткой. Офицер оккупационной армии в форме среди сорока человек русских...

— Я поеду на автобусе, — все-таки сказал он, когда уже последние пассажиры начали проходить через рамку. — Надеюсь, вы не возражаете?

Симины пухлые губы слегка дрогнули. Она не возражала, но не более того. В автобусе было душно и ядовито пахло дизелем. Они уселись где-то посередине. Голдстон искренне удивился: его появление, по крайней мере внешне, не вызвало ни удивления, ни раздражения. Какая-то женщина лет шестидесяти, одетая в вязаное пальто странного розового цвета и такую же теплую кепку с длинным козырьком, даже улыбнулась, поймав его взгляд.

— Это все верующие? — негромко спросил он Симу, пытаясь поудобнее втиснуть свое длинное тело в узкое пространство сиденья.

Она прошла по нему язвительным взглядом:

— Думаете, мы сели в туристический автобус?

Голдстон смутился, вдруг почувствовав себя чужим совсем по другой причине. Бородатые попы в расшитых золотом ризах, размахивающие кадилом и что-то бормочущие себе под нос, вызвали в нем примерно такие же нейтрально-позитивные ощущения, как эскимосский ансамбль народного танца. Но окружающие видели в этом нечто, обладающее настолько большим смыслом и ценностью, что собирались ради того, как ни крути, рисковать жизнью.

Автобус тем временем тронулся с места. Миновав длинное здание с колоннами, украшенное огромной рекламой выставки картин в честь пятилетия воцарения Партии спасения Европы, он свернул направо. Широкий проспект был пуст. Опасаясь терактов, европейское командование запретило использовать населению личный автотранспорт. Русские, оставшиеся в городе, передвигались в основном на велосипедах. Соседи по автобусу или переговаривались вполголоса о чем-то житейском, или читали

затрепанные книжечки. Скорее всего, молитвенники, неуверенно рассудил Голдстон после некоторого размышления.

— Расскажите о православной церкви, — попросил он Симу, отрываясь от созерцания пустынных тротуаров с редкими одиночными фигурами. — Почему она всегда имела такое значение для русских? Надеюсь, вопрос не звучит слишком глупо?

Сима пожала плечами.

— Мне жаль, если из-за общения со мной у вас развиваются комплексы. Вопрос, может быть, и не заумный, но очень по делу. Нельзя понять России, не понимая, что такое православная церковь. Но давайте для начала угадаю, что приходит вам на ум... Странной архитектуры церкви. Бородатые, пузатые попы в золотых одеяниях. Суеверные бабушки, зажигающие свечки у едва различимых в полутьме икон... На самом деле только внешняя упаковка. Суть в другом. Русская церковь — это хранилище данных.

Голдстон попробовал переключить внимание с лица Симы, с того, как она говорит, едва двигая губами, на ее слова. Переспросил, даже не рискуя гадать, о чем речь.

— Данных?

— Да, — ответила она, глядя в окно. — Назовем это геном русской нации. Первоотпечаток, что позволяет даже спустя сотни лет сравнить себя с оригиналом. Я не могу ответить на вопрос, как именно это работает. Но этот ген несомненно существует до сих пор. Зерно, из которого можно вновь и вновь выращивать русского человека, как это впервые сделали в четырнадцатом веке после нашествия монголов. Тогда были разрушены четыре пятых всех русских городов, погибла или была уведена в плен половина населения. Людей парализовал ужас перед новыми набегами, и этот сковывающий волю ужас не позволял жить нормальной жизнью. Строить дома, развивать ремесла, растить детей. Смысла особого в том не было — все равно снова придут монголы и все заберут. Так продолжалось больше века. Сто лет люди жили без будущего.

— Похоже на конец света... — вырвалось у Голдстона. — И что же, церковь подняла народ на борьбу против монголов?

Линия ее губ слегка дрогнула. Кажется, она поджидала именно такую реплику.

— Жизнь не голливудский боевик, Джон. Прежде чем поднимать кого-то на борьбу, нужно было изменить людей — запуганных, одичавших и разобщенных. Дать им ощущение общности и, значит, силы. Это сделал русский монах Сергей Радонежский, который занялся строительством монастырей по всей стране. Вера помогала избавиться от страха, стать свободными людьми. Монастыри становились островками свободы в море всеобщего рабства. Туда, где они появлялись, начинали стекаться люди, рядом с монастырями росли города. Сам Сергей основал шесть или семь монастырей и у него были десятки последователей. Так прошло сорок лет, и вот тут подоспело время голливудского финала. Новое поколение русских, не исковерканное ужасом перед монголами, собрало войско и разгромило их в сражении на Куликовом поле. По легенде, возглавлявшего русские полки князя Дмитрия благословил на битву именно отец Сергей.

Вот же оно, осенило Голдстона. Вот философия русской жизни, которую так жаждет понять Кнелл. Выбор между крайностями. Середины — уютной, спокойной, нерасторопной — просто нет. Или — или. Страх или свобода. Одиночество или единство. Точка или Вселенная. Жизнь — движение от одного к другому. Когда видишь жизнь через крайности, проще заставить себя действовать.

Автобус встал — за разговором Голдстон не заметил, как добрались до Стены. Он глянул на нее исподлобья, с испугом, сжавшись пружиной, но сегодня Стена никак не выдала себя, выглядела обычной функциональной перегородкой между московскими кварталами, которые по воле случая оказались вовне и внутри. Рядом с воротами наблюдалась хорошо организованная, рутинная суматоха. Человек сорок спецназовцев бегали туда-сюда, выполняя одним им известный ритуал. В башне над аркой, знал Голдстон, сидит специальная команда, что в данный момент с помощью электроники сканирует каждый метр прилегающей территории. Вскоре начальник конвоя, белобрысый паренек из заднего БТР, получил разрешение продолжить движение и бегом отправился к машине, давая указания по рации. Спецназовцы замерли каждый на своем месте. Многотонная бронированная плита почти беззвучно начала отодвигаться в сторону. Висящие

сбоку огромные электронные часы с красными цифрами громко щелкали и показывали, сколько осталось до открытия ворот и когда они начнут закрываться снова. Четко, без задержек, конвой покинул город в течение трех минут вместо отведенных четырех.

Сразу за воротами начиналась мертвая полоса шириной в километр. Та самая штриховка на карте. Ровная присыпанная снегом земля, даже почти без мусора и обломков, словно кто-то взял да и выскоблил городские кварталы гигантской ложкой. Исключение, как слышал Голдстон, сделали только для пары старинных церквей. Сима, похоже, не выносила вида этой просеки, опоясывающей центр города. Отвернулась от окна, пристроила взгляд куда-то себе на колени.

— Правда, что Наполеон собирался взорвать Кремль?

Наверное, он задал вопрос скорее из-за угрызений совести. Хотел оправдать нынешних хозяев Москвы, оставивших в целости и сохранности хотя бы центр города. Сима уже была для него безусловно русской, пусть и говорила с ним на чистом английском. Она ответила именно так, как он и ожидал по ее настрою, интонации.

— Наполеон собирался взорвать не только Кремль, но и Новодевичий монастырь, куда мы с вами едем. Думаю, хотел стереть с лица земли все, что не умещалось в его просвещенные французские мозги.

Унылые, порой зловещие, со вкраплениями старых пожарищ, пейзажи за окном притушили их разговор. До самого поворота с проспекта на набережную и мост через реку они молчали. Но вид белоснежных стен монастыря, как по волшебству выросших на фоне мертвых зданий, искренне поразил Голдстона. Он вдруг отчетливо увидел в настоящем то, что Сима рассказывала о прошлом.

— Все ведь выглядело именно так? Выжженная, разоренная земля — и стоящий на ней монастырь с белоснежными стенами? Действительно, кажется чудом. Победой жизни над смертью, к которой хочется присоединиться, чтобы выжить самому. Да?

Ответа не было. Сима по-прежнему разглядывала свои колени. Он пригляделся — ее глаза подозрительно блестели. Про-

мелькнула странная мысль. В них скорее отчаяние. Не надежда на очередного монаха Сергия, который заново выведет из «гена нации» правильных русских людей. Это отчего-то взволновало Голдстона. Вдруг подумалось о том, что хорошо бы познакомить Симу и Быкова.

— Может быть, и на этот раз православная церковь поможет начать все заново? Как думаете? Тем более что европейцы не монголы...

Она внезапно засмеялась, правда скорее истерично. Потрепала его по плечу.

— Джон, вы очень забавный англичанин. Я такого встречаю впервые! Задаете очень русские вопросы. Если, конечно, понимаете, о чем это я...

Голдстон, качнувшись куда-то навстречу Симе, едва удержался от фразы на русском. Захотелось сделать еще глубже ту близость, которую она сейчас почувствовала.

— Да, тут есть резон, — вроде бы согласилась она с ним. — Монастыри — единственное место на территории европейской России, где сохранились элементы социальной организации. Единый центр в виде патриархии исчез, но между ними поддерживаются связи...

Кажется, ей не хотелось продолжать. Но Голдстон все равно пару раз поощрительно кивнул.

— Хотелось бы верить в лучшее, Джон. Но в том, что случилось, велика вина и церкви. У нее был шанс все это остановить. Но она им не воспользовалась. Скорее продала. За те самые тридцать сребреников.

Автобус притормозил у моста. Наверное, из переднего БТР его сканировали на наличие мин.

— Приверженность традиции весьма похвальна.

Она отмахнулась от его шутки.

— Коммунизм, пусть и притеснял верующих, давал правила жизни, идеалы и через них — ощущение общности. А потом его заменили на культ денег. То, что по определению противоположно любой общности и пробуждает в русском человеке самые отвратительные пороки. Воровство, обжорство роскошью, спесь, презрение к другим. То, из-за чего в конце концов все и рухнуло.

У церкви после семидесяти лет гонений был непререкаемый авторитет. Она должна была говорить об этом, кричать — каждый день, на каждом углу! Порицать, обличать власть имущих. Спасать страну от нового раскола. Но...

— Нашла свою нишу в рыночной экономике? — пытаюсь шуткой смягчить ее отчаяние, подсказал Голдстон.

Сима согласно закивала — в точности как сделал бы побитый, заплаканный ребенок, услышав имя обидчика. Помолчала, собираясь с силами.

— Дело даже не в нас — тех, кто верил. Они самого Христа продали, понимаете?

Удивительно, но Голдстон понял ее, пусть Сима и говорила на совсем незнакомом ему языке. Тоже проникся опустошающим до самого дна души разочарованием от предательства, после которого нельзя надеяться на что-то хорошее.

— Тот, кто продает Христа, плохо кончает.

Он чувствовал странную, застрявшую глубоко в горле тяжесть. Неужели она уже ни на что не надеется? Почему-то не получалось этого принять.

Минут через десять конвой без приключений перебрался на другую сторону Москвы-реки. Монастырь стоял прямо на набережной. Его зубчатая, белоснежная стена, незаметно выраставшая из нерастаявших сугробов, соединяла друг с другом сказочные, похожие на шахматные лады круглые или прямоугольные башни. Колокольня была ярко освещена и в наступавших сумерках напоминала ракету на стартовой площадке, которую вот-вот запустят в сторону невидимого, украденного серой хмарью неба. Приглядевшись, Голдстон заметил на самом верху — там, где висел колокол — какое-то движение. Снайпер, подумал он, но в тот же момент оттуда ответом донесся низкий, словно идущий из-под земли, металлический гул. Этому звуку была чужда всякая идея усладить слух или передать смертным небесную легкость, что поможет настигнуть парящие в далекой высоте божественные истины. Нет, скорее набат. Жесткий и гулкий призыв. К спасению разоренной страны? К личному покаянию? Или просто реквием по безвременно скончавшемуся миру?

На площади перед въездом в монастырь конвой поджидали солдаты в защитных шлемах и бронежилетах. Автобусы и бронетранспортеры остановились в самом центре оцепленного ими круга. Прибывших начали высаживать — по очереди, автобус за автобусом. Потом группами человек по двадцать они заходили в монастырь через низкую калитку в старинных воротах, укрепленных изнутри слоями бронебойной стали. Прямо над воротами Голдстон приметил вделанную в кирпичную кладку икону. Истертый временем золотистый лик какого-то святого, подсвеченный фарами бронетранспортера, показался удивительно живым, почти как лицо на экране телевизора. Да, именно так — живые глаза смотрели на него из стены. Он зябко повел плечами. Внутри монастырских стен мир заодно словно отгородился и от привычных физических законов. Казалось, времени в обычном понимании здесь просто нет. Оно или вообще остановилось, или же утекает здесь из отведенной ему емкости невероятно тягуче и медленно, как старый, засахарившийся мед. Солдаты гарнизона, патрулировавшие территорию, ничуть не мешали этой иллюзии. Напротив, как потусторонние, бесплотные существа мелькали в сумерках неясными силуэтами по обе стороны от дорожки между сугробами. Когда кто-то из приехавших провалился в припрятанную под слоем тонкого льда лужу, треск так внезапно взорвал эту кажущейся вечной тишину, что Голдстон по-женски вскрикнул от испуга.

— Мы недолго постоим внутри, потом я покажу вам монастырь. Может, даже удастся залезть на колокольню, — шепнула Сима, случайно прикоснувшись губами к его щеке. Голдстон почувствовал от прикосновения легкий укол в мозг, что сразу обострило восприятие. Реальное еще дальше отодвинулось в мир теней, иррациональное, существующее вне времени, стало очевиднее.

Тропинка, петлявшая мимо надгробий с задумчивыми, но совсем не печальными ангелами, вела к странной на вид, вытянутой церкви, похожей на средневековый корабль с высокой кормой, красиво выкрашенной в белый и красный цвета. Они зашли внутрь, начали подниматься по бесконечной деревянной лестнице ко второй двери. Ступени скрипели, и этот скрип тоже

казался звуковым посланием из вечности. Такие же звуки, подумал Голдстон, эти ступеньки издавали и пятьдесят, и сто лет назад. Ничего не менялось. За второй дверью, в вестибюле, было многолюдно. Пахло воском и ладаном, слышался шепот прихожан — то неуверенный и робкий, то вдруг торопливый и яростный. В самом храме, куда они втиснулись с трудом, было не протолкнуться. Царил таинственный полусумрак с мерцающими повсюду, как болотные огоньки, свечками и лампадками. Их свет выталкивали из мрака бесчисленные тусклые лики святых, населявших это помещение словно пчелы улей. Голдстон поймал несколько косых взглядов, но попробовал отогнать задние мысли и сосредоточиться только на том, что видит и слышит. Голос священника волнами — медленнее-быстрее, громче-тише — читал текст службы, и поначалу казался просто звуковым фоном. Но вскоре, наблюдая за людьми вокруг, Голдстон начал понимать распределение ролей: священник исполняет роль ведущего за собой, что медленно, с усилием бредет вперед, вспахивая монолитную твердь земного бытия и прокладывая в нем сакральную колею. Остальные вольны следовать за ним, каждый в меру своих возможностей. То, что присутствующие шли следом, хорошо отражалось на лицах. Выражение их было разным — торжественным, скорбным, задумчивым, — но почти никогда равнодушным. Голдстону вспомнился вчерашний прием. Там все чересчур усердно пытались казаться респектабельными, уверенными в себе и своем положении. Он подумал: глупо, наверное, пытаться подменить себя в присутствии того, от кого не может укрыться ни одна тайна. Обернулся, чтобы увидеть лицо Симы, но обнаружил вместо нее крохотную старушенцию, завернутую в выношенную искусственную шубу ядовито-изумрудного цвета. Та сердито отбила обратно его взгляд живыми черными глазками, блестевшими как две начищенные металлические пуговицы. Запаниковав, Голдстон принялся беспомощно вертеть головой во все стороны. Он вдруг ощутил себя полностью растворенным, навеки потерянным в толпе странных людей, что, стоя почти прижавшись друг к другу, присутствовали сейчас в каком-то другом месте. Наконец ему удалось заметить Симу. Она обнаружилась у самого входа, среди едва заметной в общем человеческом движении очереди

тех, кто хотел купить свечи или, написав что-то на клочках бумаги, отдать их стоявшей за длинным прилавком высокой и худой женщине, одетой во все черное. Голдстона посетила смутная догадка, что это, скорее всего, просьба священнику помолиться о близких и родственниках. Сима тоже что-то довольно долго писала, а потом вместе с деньгами сунула написанное в руку женщины в черном. Они молча обменялись взглядами — он четко увидел этот момент, — а потом бумажка исчезла за пучками восковых свечей самых разных размеров, от тоненьких как лучины до гигантов толщиной с детскую руку. Увидев, как Сима разворачивается в его сторону, Голдстон дернулся и, вытянувшись по-военному, застыл лицом к алтарю. «Вот оно, вот!» — стучало в висках так оглушительно, что мешало слышать размеренное бормотание священника. Вальке был прав! Неделю назад Сима точно так же, передав записку с кучей мелочи, готовила его, Голдстона, убийство! Стало жарко, он принялся теребить рукой ворот шинели. В конце концов удалось расстегнуть застежку. Потом сзади приплыл легкий запах знакомых духов.

— Где вы были? — прошептал Голдстон, не отводя глаз от алтаря и стараясь зажать дрожание в голосе. — Я уже решил, что это попытка обратить меня в православие. Способом, каким раньше учили плавать. Выводили на глубину и бросали там без всякой помощи.

Она шепнула, едва слышно, но горячо:

— Нет-нет, совсем напротив. Я заботилась именно о вашем спасении. Подала записку, чтобы в монастыре за вас молились.

Он обернулся резко, переспросил:

— Не перепутали? Может быть, за упокой?

Тут же осекся, разглядев в полутьме ее лицо. Она была словно в трансе. Кажется, опять почти плакала. Но теперь уже не от отчаяния, а от радости. Что за весть ей могла сообщить та женщина в черном?

Сима не ответила, просто взяла его за рукав шинели и потянула к выходу. Голдстон молча шел следом и с удивлением размышлял, почему же не испытывает ни страха, ни отвращения к человеку, по наводке которого, возможно, по его машине выпустили ракету. Напротив, теперь внутри было на удивление

спокойно. По скрипучей лестнице они вдвоем вышли наружу, и Голдстон с наслаждением затянулся обжигающим, холодным воздухом. После душного, заполненного сотнями людей небольшого помещения было несказанно хорошо. Вскинув левую руку, он посмотрел на часы. Замер в изумлении. Оказывается, миновало больше часа! Кто так ловко крадет здесь время? Сверху на монастырь опускалась ночь, уже почти придавив закат темной, невидимой тяжестью. Небо на западе в разрывах между силуэтами зубчатых башен и куполов приняло никогда прежде не виденный Голдстоном темно-пурпурный, почти фиолетовый оттенок. Они постояли минут пять, слушая наглое, терзающее покров сакральной тишины карканье ворон, которые отчего-то никак не могли уgomониться на ночь. Потом Сима в очередном своем порыве тронула его за локоть:

— Правда, я безумно рада, что с вами все хорошо! Подождите немного, сейчас нас пустят на колокольню... Вам, думаю, покажется это смешным, но христиане считали колокольни не просто архитектурным сооружением, а промежуточной точкой между небом и землей. Самой близкой к Богу, куда можно добраться в земной жизни.

Что-то в голосе Симы, сильное и живое, раскрыло тайну ее недавней внезапной радости. Первопричиной был он, Джон Голдстон, стоящий рядом с ней живой и невредимый. Вскоре из церкви вышла та самая женщина в черном платке, что принимала записки, одетая теперь в короткий темный пуховик. У нее в руках позвякивала связка ключей. Она, как показалось Голдстону, кольнула его неодобрительным взглядом, губы ее сложились в полувежливую, полупрезрительную улыбку. Они молча отправились к колокольне, миновав по пути еще одну церковь, мертвую и темную, сразу с несколькими массивными куполами-луковками. Звон ключей, отмыкающих дверной замок колокольни, прозвучал тоже как из прошлого. Еще одна лестница, теперь уже каменная. И еще дверь, низенькая и узкая. Ход на колокольню. За ней — чернота, давящее ощущение нехватки пространства. Голдстон вздрогнул, застыл на месте. Сознание, как сорванная с резьбы деталь, начало помимо воли соскальзывать в эту глухую тьму.

— Джон, вы идете?

Он закрыл глаза, пробормотал невнятное в ответ. Почти боком залез вслед за Симой в извивающийся спиралью ход и начал по-черепаши карабкаться в полной темноте по плоским, вытертым за века хождений вверх и вниз ступенькам. Пару раз нога проскальзывала, и ботинок с ужасающим хлопком срывался вниз. Рука в отчаянии хватала тьму, лишь в последний момент цепляясь за гладко отполированные деревянные перила. Потом он не выдержал, открыл глаза. Вокруг был его ночной кошмар. Невидимые, но хорошо ощутимые стены, сжимающие тело со всех сторон. Голдстона парализовало — еще немного и оседет мешком, скатится кубарем вниз по лестнице. Но Сима, кажется, почувствовала неладное. Крикнула сверху:

— Джон, где же вы?!

Голос, назвавший его, прозвучал властно, даже повелительно. Сразу раздвинул в стороны стиснувшие Голдстона стены. Снял приступ удушья, прочистив забитые тьмой легкие и горло. Стало ясно: у черного каменного мешка есть пределы, из него можно выбраться. Голдстон постоял еще несколько секунд, настроил дыхание, потом медленно двинулся дальше. Добрел до открытой всем ветрам площадки, где, на высоте двадцати метров над темным, растерзанным городом, был подвешен массивный колокол, украшенный по периметру затейливой кириллической вязью. Живая, искренняя радость по поводу только что одержанной то ли над собой, то ли над неизвестным врагом победы переполняла его. Все еще усмиряя перебитое дыхание, он вглядывался в темноту, опоясывавшую монастырскую стену, и почти видел ту самую живую тьму, о которой ему рассказывали во сне. Вернулась мысль, поразившая на подъезде к монастырю: живое, вырастающее из мертвого. Хранилище, где скрыто зерно новой жизни. Почти безумная идея вдруг пришла в голову — схватить за болтающуюся на ветру веревку и ударить что есть силы в колокол, чтобы тяжелым, набатным аккордом пробудить эту жизнь заново, призвать ее вернуться в великий город, превращенный теперь в одно бескрайнее кладбище. Искушение было столь велико, что пришлось сцепить обтянутые перчатками ладони в замок. Потом, чтобы

погасить свой порыв, Голдстон просто подошел к колоколу и осторожно, как живое существо, погладил рукой обжигающий холодом металл.

* * *

На следующий день после поездки Голдстона в Новодевичий монастырь физик заболел. Сильно простудился в камере на Лубянке и провалялся в тюремном лазарете целую неделю. Пришлось похлопотать, чтобы «в целях окончательного выздоровления» его срочно перевели в гостевой номер в Кремле — с нормальным питанием, отоплением и военным врачом, приписанным к кремлевскому гарнизону. Пару раз на день Голдстон звонил врачу, по-классически сухому как вобла, педантичному немцу, чтобы осведомиться о здоровье пациента. Пожалуй, никогда прежде в жизни он ни о ком так не заботился. Себе в оправдание придумал такую мантру: Быков чрезвычайно важен для еврокомиссара Кнелла. В самом деле, тот выпросил о физике все, вплоть до того, как именно тот ест и одевается. О том, что болезнь Быкова сильно напугала его самого, Голдстон старался не думать. Не допускал в область сознательного признание, что нечаянная мысль о возможной смерти этого грузного, неуклюжего человека с большой головой оглушает приступом тяжелого ужаса перед будущим. Теперь, когда выздоравливающий физик, демонстрируя завидный аппетит, благополучно обитал в гостевом корпусе у него под боком, Голдстон чувствовал постоянный прилив беспричинного оптимизма. Как-то само решилось — в ближайшие дни, после соответствующего запроса от Кнелла, они вместе покинут Москву. Ведь в Берлине, конечно же, легче создать нужные условия для работы. Быкову снимут уютную квартиру где-нибудь в Шарлоттенбурге¹, выбьют в министерстве сытный паек, обязательно с хорошим вином. Можно трепаться о высоких материях хоть каждый день, причем без этих церемониальных условностей — траурного сопровождения в черных мундирах и россыпи микрофонов под столом. Потом в Берлине появится

¹ Район Берлина.

еще и Сима, и тогда жизнь совсем наладится. То есть станет такой, какой прежде никогда не была. Это грядущее радикальное преобразование, с которым Голдстон уже внутренне совершенно свыкся, стало его любимой мыслительной игрушкой. Он тешил себя мечтами об уютном, разумном мирке, куда вот-вот сбежит от уродств и асимметрии реальности.

Правда, если перемещение физика в Берлин являлось скорее логистической задачей, то с ролью Симы в радужном плане Голдстона все выглядело туманно и шатко. Голдстон в эти дни очень хотел ее увидеть, но что-то не давало напрямую пригласить Симу поужинать или погулять вместе по городу. Казалось, любой банальный, испробованный прежде ход опошлит нечто более ценное, что уже живет своей жизнью между ними. Что это, зачем, откуда, Голдстон не понимал. С женщинами у него всегда выходило по-другому, просто и приятно. Возможно потому, что они были ниже, он выше. И в росте, и во всем остальном. А Сима легко, без усилий, получила то, о чем Мэри и вереница ее предшественниц не могли и помыслить. Теперь он, Джон Голдстон, меньше, ниже и, возможно, вообще пустое место, потому как все происходит в ином измерении. Здесь Сима в первую очередь не женщина, даже не человек — кротовая нора в каком-то Зазеркалье, где невозможное возможно. Со странным удовольствием внутри Голдстон вспоминал, как в монастыре у него зачесались руки ударить в колокол — чтобы оживить мертвый город внизу. Похоже, то была не блажь. Он, кажется, верил, что именно так и произойдет. Уже не раз ловил себя на странной мысли — жаль, что не ударил.

Но к началу последней недели марта все эстетские мечты развеялись как цветной дым. Причиной стало полученное спецпочтой из Берлина досье на Боссю и Свенссона, запрошенное интереса ради по совету посланника канцлера. Коротенькая выписка из файлов с уровнем секретности «В» в самом деле многое проясняла в этой мутной истории с взорванным партизанами газопроводом. Свенссон и Боссю были геями, знали друг друга еще до поездки в Москву, долго состояли в близких отношениях, пусть и не всегда регулярных. Гомосексуализм после смены режима не попал под официальные запреты, но подобные связи в среде высшего руководства выглядели бы для накачанной пропагандой публики как позорное

нятно на репутации Партии спасения Европы. Та взобралась на вершины власти среди прочего с лозунгом «естественной борьбы» с миграцией: через увеличение рождаемости «коренного населения». В условиях дефицита и карточной системы эта политика, как ни странно, отлично работала. Новый ребенок в семье начинал сразу же получать такой же паек, как и взрослые. Канцлер не раз повторял: у находившихся прежде у власти бюрократов был коммерческий интерес в низкой рождаемости в Европе. «Мы имеем доказательства связей прогнившей старой политической системы и мафии, которая с начала двадцатого столетия нелегально ввезла в Европу около тридцати миллионов мигрантов. Низкая рождаемость и сокращение собственного населения были одним из оправданий, позволявших закрывать глаза на это нашествие. Они, тем временем, получали процент с каждого мигранта. Включая тех, кто заплатил и утонул потом в Средиземном море». Любое реальное расследование возможной утечки информации, даже если не впадать в конспирологию по поводу помощницы губернатора, грозит обернуться громким политическим скандалом. Но без конспирологии, похоже, не обойтись. Слишком уж хорошо складывается пазл.

Голдстону, быстро пробежавшему глазами листок с досье, сразу поплохело. Тяжесть внутри даже заставила присесть на край кровати. Лицо Симы, нестандартное в каждой своей черточке, было напечатано на второй, воображаемой странице депеши из Берлина. Сразу нашлись ответы на все вопросы, что осаждали мозг после поездки в монастырь. В конце концов, неважно, рассказала она или нет о нем этому самому Ворону, организовавшему засаду на шоссе.. А важно, к примеру, хотя бы изредка видеться с ней. Слышать ее голос. Задавать глупые вопросы о русской истории. Если оставить все как есть, этого точно не будет. Надо вытаскивать Симу отсюда. Он позвонит ей завтра утром, договорится о встрече и убедит как можно скорее уехать из Москвы в Берлин.

* * *

Новый день начался совсем не так, как предполагал Голдстон. Еще до рассвета, сквозь сон, насторожил звук того, как передвигается патруль по кремлевской мостовой. Раньше это было спо-

койное, уверенное в себе, мерное «топ-топ, топ-топ». Теперь же нервное и частое — «топ-топ-топ, топ-топ-топ». Он еще не успел задаться вопросом, что же это значит, как телефон спецсвязи, точно так же беспокойно завибрировав, донес до него ответ, присланный из Берлина Кнеллом. «Боссю убит. Ты в курсе? Что за ад у вас там происходит?». Первая, наполовину бессознательная мысль Голдстона была скорее радостной: у Симы теперь есть повод немедленно уехать отсюда. Потом он вспомнил о досье, и тело быстро налилось не проходящим дурным предчувствием.

Ровно в девять раздался стук в дверь. Тот самый, по которому легко можно определить, кто именно находится за дверью. Офицеры службы безопасности, сразу двое. Они даже не сказали «Доброе утро». Наверное понимали, что прозвучит неуместно.

— Штабс-капитан, вас ожидает оберст Свенссон. Прямо сейчас.

Не задав ни единого вопроса, Голдстон пошел за людьми в черном. В коридорах штаба правил бал тот самый тревожный топоток, что разбудил его сегодня с утра. Туда-обратно носились с озабоченными лицами армейские и люди из службы безопасности. Голдстон случайно поймал обрывок разговора:

— Кто еще замешан?

— Пока неясно.

— Свенссон обнаружит сеть заговора где угодно. Даже там, где ее никогда не было. Он знает, как допрашивать.

— Да, в последнее время совсем с катушек съехал.

В приемной начальника службы безопасности сидели в ожидании пять или шесть человек. Вид у всех был подавленный. Голдстона пропустили без очереди.

Едва взглянув на Свенссона, Голдстон поразился его невероятному преображению. Еще недавно бесцветный, похожий на заполненную водой двухметровую амебу, тот словно нанес на лицо грим — столь заметно проступили на нем незаметные прежде черты. Он явно был возбужден, взбудоражен до легкого нервного тика, из-за которого время от времени его левый глаз доверительно подмигивал Голдстону. Изменилась и манера говорить. Тон стал до неприличия панибратским. Могло возникнуть впечатление, что Свенссон, несмотря на ранний час, изрядно

пьян. Прежняя театральная маскировка переродилась в открытый гротеск.

— Штабс-капитан, вы уже в курсе? Бедняга Боссю! Героически отдал свою жизнь за процветание Европы!

За процветание Европы, повторил про себя Голдстон. Это еще неплохо звучит. Хорошо, что не за *стабильность газовых поставок*. Он снова испытал облегчение от мысли, что теперь ничто не удерживает Симу в Москве. Вспомнилось ее лицо. Живое, упрямое, немного наивное. Надо как-то попробовать узнать о ней у Свенссона.

— Как это случилось? — сухо спросил он, усаживаясь в предложенное кресло.

— Точно неизвестно, — ответил тот, стоя у окна и наблюдая за тем, как серое небо осторожно, через раз, присыпает Москву редким, дистрофичным снегом. — В личных апартаментах генерал-губернатора не установлены видеокамеры. Его обнаружила прислуга в семь утра. Труп уже успел остыть.

— Как... это случилось?

— Его зарезали, — ответил Свенссон, отходя от окна и внимательно, с шизофреническим задором в глазах, рассматривая Голдстона. — Напали сзади и всадили нож в горло... Вы спросите, кто оказался способен на такое чудовищное преступление? Увы, ваши опасения полностью подтвердились! В Кремле орудовал агент партизан! Представляете, какие изуверы эти русские? Хладнокровно прикончить человека, столько сделавшего для спасения их собственной культуры! Варварская нация, несмотря на Чайковского и Толстого!

Пока шеф контрразведки перечислял многочисленные заслуги покойного губернатора, Голдстон отчаянно пытался вернуть контроль над собственной речью. Ему словно вкололи заморозку в десну. Хотелось напрямую спросить: «Что с Симой?», но язык стал неподъемным, навевающим мысли о китовой туше.

— К счастью, примитивность русских играет против них. Нам уже удалось задержать главного подозреваемого.

Кажется, он намеренно сделал паузу, чтобы подогреть интерес собеседника. Замысел удался. Голдстону показалось, что температура в кабинете мгновенно подскочила градусов на пять.

Стало нестерпимо душно. Рубашка, тут же пропитавшись потом, неприятно прилипла к спине.

— Да? — выдавил он из себя. — И кто же это?

Свенссон ослабился:

— Его помощница. Как волка ни корми, все равно будет смотреть в лес. Честно говоря, Вальке давно подозревал ее в связях с партизанами — она регулярно шлялась в расположенный за Стеной монастырь. Однако Боссю всеми силами тормозил расследование. Думаю, теперь бы он был другого мнения.

Голдстон сглотнул. К горлу, несмотря на весь ужас, подступал приступ истерического смеха. Он представил сюжет — Сима с перекошенным ненавистью веснушчатым лицом крадется с ножом к Боссю, ничего не подозревающему, протирающему перед сном специальной тряпочкой коллекцию портретов Наполеона.

— Если... если честно, мне сложно... в такое поверить... Насколько серьезны доказательства против нее? Что с алиби?

Свенссон, усевшись наконец на свое дежурное место под необъятной картой России, неожиданно странно хихикнул, опустив голову, а потом пару раз выдвинул и задвинул один из ящиков стола.

— Алиби? В Кремле действуют законы военного времени, штабс-капитан. Если устроить интеллектуальное расследование в духе Агаты Кристи, нас всех перережут как кур, прежде чем мы доведем его до конца.

Потом добавил:

— Психология это, конечно, хорошо, но мы работаем исключительно с вещественными уликами. У нее в комнате нашли нож. Причем совсем не перочинный. Профессиональный кинжал спецназовца. Она даже кровь не вытерла, представляете? Мы еще проведем экспертизу, но я на девяносто девять процентов уверен — это кровь генерал-губернатора.

Ящик стола снова стукнул пару раз — туда-сюда, туда-сюда. Свенссон явно был не в себе. Возможно, очень не в себе. И тут Голдстона осенило: это же примитивная, грубо, на скорую руку сработанная подставка. Агенты службы безопасности убили Боссю, а затем подбросили нож его помощнице. А виноват во всем этом он, Джон Голдстон, запросивший из Берлина сведения

о связях Боссю и Свенссона. Кто-то сообщил шефу контрразведки об этой просьбе, и тот сделал ход на опережение. Дело с утечкой секретной информации к партизанам можно считать закрытым из-за смерти главного фигуранта, которого уже не допросить. Виновные определены и понесут наказание. Свенссон, возможно, даже получит награду.

— Куда увезли Симу? — поднимаясь из кресла, машинально спросил Голдстон. Вспомнил о том, как Быков подхватил на Лубянке легочную инфекцию.

Свенссон изобразил понимающую улыбку, что на его лице смотрелась сейчас особенно дико.

— Никуда. Осталась здесь. Я опасаясь, что в городе находятся ее сообщники, которые могут попытаться освободить убийцу генерал-губернатора. Для них она сейчас национальный герой, понимаете? Русская Жанна д'Арк¹... Ее поселили в гостевых апартаментах, как и этого вашего физика. Разумеется, под усиленной охраной. Думаю, через пару дней мы отправим ее в Берлин. Потом суд и справедливое возмездие... Хотите с ней увидеться? Боюсь, не получится. Ей запрещены любые свидания.

На прощанье, когда плохо соображающий, похожий на луна-тика Голдстон уже стоял на пороге, Свенссон обронил:

— Исключительно из личной симпатии я не буду сообщать в Берлин о том, что вы выезжали с убийцей генерал-губернатора за Стену.

По тону было абсолютно понятно, что, напротив, доклад об этом в ближайшие часы ляжет в личное дело штабс-капитана Джона Голдстона.

* * *

Голдстон вышел из кабинета Свенссона разбитым, почти больным. Испытывая столь сильную гадливость ко всему на свете, что его мутило. Хотелось пойти помыть зудящие руки. Вымыться самому, постирать форму. Но в голове, тем не менее,

¹ Жанна д'Арк (1412–1431) — национальная героиня Франции в Столетней войне. Сожжена на костре англичанами.

уже был четкий план того, что надо сделать. Сима, замерев на пороге смерти, бросив оттуда прощальный взгляд, показалась чем-то безмерно важным для всей будущей жизни. Он увидел ее не саму по себе, а вживленной в это будущее, что живыми отростками уже дотягивалось до Голдстона, прорастало через тело, присоединяя к своим собственным его нервные окончания. Потому-то и было сейчас так больно. Но именно боль, прочистив все едкой кислотой, помогла понять, чего он хочет и на что готов.

Кнелл, сказал себе Голдстон. Он единственный, кто в силах спасти Симу. Надо срочно лететь в Берлин. Но только не с пустыми руками. Лучше привезти старику хороший подарок — рассказ физика о *сибирском феномене*, как сам Кнелл это называет для конспирации. Вручив подарок, можно попросить о небольшой услуге. Поставить на место мерзавца Свенссона. Конечно, Симе могут предъявить обвинение в шпионаже и измене. Но доказать их будет непросто, особенно после смерти Боссю. Поэтому главное — расколоть физика. Начать прямо сейчас, не дожидаясь обеда. Оставить сюсюканье, полутона и туманные намеки. Прямо с порога сунуть под нос фото со спутника. Спросить — что это такое?... Вскочив с кресла столь резко, что оно от неожиданности отъехало в сторону, Голдстон выбежал из номера. Прыгая через ступеньку, взлетел на этаж выше, где обитал Быков. Показав свой жетон вооруженной короткими автоматами охране, постучался в дверь и вошел.

Быков, свежееумытый и причесанный, как семилетний мальчик, сидел на ровно застеленной кровати и отстраненно глядел перед собой в пространство. Его бледно-голубой глаз нехотя двинулся в сторону вошедшего и, видимо, зафиксировав его образ, отправил сигнал в мозг хозяина. Громадная голова едва заметно кивнула.

Голдстона, собиравшегося прямо с порога ринуться в атаку, приморозило.

— Как... как ваше здоровье? — путаясь, задал он вопрос и беспомощно оглянулся по сторонам. Комната была заметно попроще, чем его, без кожаной мебели и зеркал.

— Гораздо лучше. Спасибо большое, что перевели меня сюда.

Казалось, Быков с трудом подбирает слова для повседневного общения.

Голдстон кивнул. Скорее пытался воодушевить себя.

— Я решил не дожидаться обеда. Кроватки и шаблы только мешают серьезному разговору. Завтра-послезавтра я возвращаюсь в Берлин, а потому мне хотелось бы как можно быстрее расставить все точки над «i».

Еще один кивок, полуодобрительный, полуравнодушный.

— Можно я сяду?

Быков смутился, став на мгновение живым человеком.

— Конечно. Извините. Еще не привык, что я здесь хозяин. Как насчет того, чтобы сесть за стол?

Кивнув, Голдстон с трудом отодвинул мощный, словно вырубленный из единого куска дерева стул и сел прямо напротив Быкова. Тот вновь походил на искусно раскрашенную статую. Пора?

— Павел, вы ведь наверняка слышали о Тунгусском метеорите?

Когда Свенссон будет изучать их беседу, то наверняка перечитает эту строчку еще раз. А может, и два. Нет ли какой ошибки? Но Быков, похоже, не удивился.

— Да, конечно, — коротко ответил он, но в его холодных глазах явно затеплился интерес. Словно крохотную свечечку зажгли на вершине огромного сугроба. Господи, ужаснулся Голдстон, даже сравнения я придумываю уже русские. Холод, сугробы, свечи.

— В июне 1908 года в центре Сибири в непроходимой тайге произошел загадочный взрыв. Настолько сильный, что его смогла зафиксировать сейсмологическая станция в Германии. Позднее мощность взрыва определили в сорок мегатонн. Когда в район происшествия добрались первые научные экспедиции, они обнаружили, что тайга уничтожена на площади две тысячи квадратных километров. Главной версией стало столкновение Земли с ядром кометы, которая взорвалась в атмосфере.

Быков иронично хмыкнул.

— Вы не упоминали, что увлекаетесь астрономией.

— По долгу службы я увлекаюсь совсем другим — поиском перспективных разработок для министерства вооружений. Вы спросите — при чем же тут Тунгусский метеорит?

Громадная голова Быкова величественно качнулась в знак согласия. В самом деле, при чем? Однако Голдстон очень надеялся — физик знает, что произойдет дальше. Медленно, как заранее припасенный туз, он извлек из нагрудного кармана мундира заветную фотографию.

— Вот сделанный месяц назад снимок со спутника одного из районов Западной Сибири. Вы, думаю, поймете, почему я вспомнил Тунгусский метеорит.

Рука заметно дрожала, когда он передал Быкову то, из-за чего Кнелл отправил его в Москву. В бесконечном море деревьев — почти идеально круглый гигантский кратер. Около ста квадратных километров. Никакой воронки. Только легионы поваленных деревьев, симметрично, веером раскиданные от центра. По лицу Быкова, едва тот глянул на фотографию, пробежало какое-то непростое выражение. Голдстон ухватил его, но прочитать не смог.

— Считаете, я способен прояснить, что же такое сумел сфотографировать ваш спутник?

Голдстон хорошо понимал — его тезисы не оглушат убедительностью. Поведать ему особенно нечего.

— Вы разве не об этом собирались рассказать Лукину?

— Думаете, он тоже интересуется астрономией?

— Давайте говорить серьезно. Зачем вы добивались встречи с ним? Что хотели предложить?

Быков посопел напряжно. Скорее всего, у него не было даже никакой легенды на этот случай.

— Искал работу. По специальности. Надоело торговать куриными окорочками.

— А что вы искали в тайге? Тоже работу?

— В тайге?

— Да. Судя по докладу сибирских спецслужб, вы провели там довольно долгое время...

— Ах, да. Был на рыбалке. И заблудился. Представляете? Еле выбрался. Комары меня чуть не сглодали живьем...

Околесица, которую нес физик, только убеждала Голдстона в том, что он что-то знает. Но одних подозрений мало, подозрения были уже тогда, когда Голдстон летел сюда.

— Знаете, что странно? Когда-то неподалеку — по меркам Сибири конечно — располагался советский секретный научный городок, отсутствовавший на официальных картах. В документах британской разведки он проходил под названием «Шангри-Ла»...

Быков вздрогнул. Кажется, от удивления.

— Что?

— Шангри-Ла. Вымышленная идеальная страна из романа Джеймса Хилтона¹. На Западе долго ломали голову над тем, зачем его построили в такой глуши, две тысячи километров до ближайшего областного центра. В начале девяностых один из российских физиков-эмигрантов обмолвился: якобы там проводили опыты по получению антиматерии. Потому, мол, и забрались в такую глухомань. Оборудование доставляли на баржах к специально построенной в тайге пристани, а потом по проложенной через лес железнодорожной ветке везли к месту назначения. Тогда к этим рассказам отнеслись со скепсисом. Позже интерес увял сам собой, так городок выглядел уже полностью заброшенным.

Быков ухмыльнулся. Едкая улыбка не сулила ничего хорошего.

— Какие только байки не рассказывали у нас в институте про советские военные проекты.

— Дело в том, что сейчас этот научный городок, похоже, снова обитаем.

— Да что вы говорите?

— Именно. Более того, он разросся в размерах.

— Наконец-то я уловил вашу логику. Вы намекаете, что я прибыл в Новосибирск из... Шангри-Ла? Занятно, очень занятно!

Голдстон почувствовал, как от панической атаки начинают неметь пальцы. Он выложил почти все, что удалось накопать аналитикам. Снова заговорил, но голос предательски раскрывал страх перед надвигающимся фиаско. Фальшиво карабкался вверх, беспомощно срывался оттуда, а еще звучал чересчур заигрывающе.

— Давайте поговорим о вас. После окончания МФТИ в Долгопрудном вы работали в Институте ядерной физики в Новосибирске, занимались исследованиями на электронно-позитронном

¹ «Потерянный горизонт», опубликован в 1933 году.

коллайдере. А потом куда-то бесследно исчезли. На целых двадцать лет. Вы даже не получили новый российский паспорт — у вас остался старый, советский.

В глазах Быкова — только легкое удивление по тому поводу, что кто-то мог отследить перемещения столь незначительной фигуры, как он. Вот и все успехи. Горло холодеет как от ментола. Голдстон уже почти ненавидит этого глыбочеловека, которого нельзя ничем пронять, сдвинуть с места. Неужели просить о помощи «специалистов» Свенссона? Господи, как омерзительны дилеммы, где нужно спасти кого-то, жертвуя другими...

— А что же со взрывом? — вдруг с любопытством спросил сам физик. — Что-то есть кроме снимка?

Голдстон поспешно ответил:

— На первый взгляд выглядит как ядерный взрыв, проведенный на небольшой высоте. Но на второй все сложнее. Пробы воздуха показали отсутствие продуктов радиоактивного распада. Газа...

Быков подсказал с каменным лицом:

— Ксенона-133.

— Да. Согласитесь, тогда логичен вопрос — что же такое взорвалось в тайге?

Физик пожал плечами:

— Ваш ответ — антиматерия, разработанная в таежном бункере советскими академиками, открывшими заодно секрет вечной жизни?

Захотелось выматериться и стукнуть кулаком по столу. Даже схватить стул и со всей силы грохнуть его на пол. Но Голдстон лишь осторожно возразил:

— Мы рассматривали самые разные варианты. Может быть, вы предложите свой?

Пожалуй, впервые за время их знакомства Голдстон слышал, как Быков смеется — почти неслышно, мерно, словно механизм. Подрагивая всем своим грузным телом и выдавая наружу странные звуки, происхождение которых с закрытыми глазами определить было бы крайне затруднительно. Что-то вроде тугого, резинового «ы, ы, ы».

— Над чем вы так потешаетесь? — смутился Голдстон, пытаясь вернуться назад и пересмотреть разговор со стороны.

— Вспомнил кое-что. Читали про институт «Аненербе»¹ в нацистской Германии? Тот, который организовал экспедицию, чтобы найти в Тибете спящих в пещерах гигантов — прародителей арийцев?

Быков тщательно отер пальцами заслезившиеся от смеха глаза и как-то даже добродушно глянул на собеседника.

— Вы ведь не показывали своим консультантам эти фотографии, да? Ради сохранения секретности? Просто попросили смоделировать ситуацию? Открою вам профессиональный секрет: любой физик в душе большой фантазер, так как мечтает выйти за рамки тех законов, что изучает. Открыть какие-то свои... Антиматерия... Вы вообще представляете о чем речь? Когда двадцать лет назад в Швейцарии удалось создать антиводород, речь шла всего о нескольких тысячах атомов. Кто-то тогда смеха ради посчитал: произвести грамм антиводорода при существующем уровне технологий будет стоить шестьдесят триллионов долларов. Долларов сегодня уже нет — но порядок, думаю, понятен...

Голдстон покраснел. В самом деле, физики, к которым обратились за консультацией, описав все произошедшее в тайге как «теоретическую возможность», наговорили под запись часов двадцать ядернофизической галиматьи. Десяток разных версий. Аннигиляция² была даже не самой экзотической. Искусственная черная дыра тоже присутствовала в списке.

— Я не настаиваю на аннигиляции. Но что-то там взорвалось, верно?

Выражение задумчивости на лице. Явно деланое. Актер он никудышный.

— Возможно, снова космический объект, как и в начале двадцатого века. Тогда-то в сибирской тайге точно не было никаких советских академиков.

¹ Секретный институт, функционировавший в Германии в 1935–1945 гг. и занимавшийся в том числе оккультными исследованиями.

² Процесс взаимодействия материи и антиматерии, а также сопутствующего выделения энергии.

Покатый, упрямый лоб физика возвышался над ним как окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. Ему никогда не забраться туда, внутрь. Он не сможет заставить Быкова себе поверить. Потому как чужой, подосланный. Все эти задушевные разговоры, вся философия — коту под хвост, ничего не сработало... Может, рассказать про свои русские корни? Наверняка Быков и сам про них догадался. Да и важны ли они на самом деле? Что вообще может быть для него важным?

Втянув воздух носом, Голдстон резким движением оттолкнулся от стула и вскочил на ноги.

— Павел, у вас есть мечта? Помните — I have a dream¹.

Ленивый, расслабленный взгляд в ответ. Голдстон ждал.

— У всех есть мечта, Джон, — все-таки ответил Быков таким тоном, что стало понятно — если и есть, рассказывать о ней я тебе не собираюсь.

Шею сжал спазм удушья, словно виселица грозила ему, а не Симе. Быстро подойдя к окну, Голдстон как за соломинку схватился за тугой рычаг и с трудом открыл фрамугу. И тут, вместе с потоком хлынувшего внутрь свежего воздуха, его внезапно подхватила и понесла азартная волна вдохновения. Он понял, что может сделать. Попробовать перевоплотиться в того самого всечеловека, о котором говорил Быков. Зачистить себя — до основания, до блеска. Выкинуть весь хлам, все мелочи, заполонившие его жизнь за сорок лет. Пусть останутся голые полы и стены — но тут будет объем, пространство, возможность увидеть горизонт. И на горизонте... Черт, чего же может хотеть эта Голова?

— Хотите, угадаю, о чем вы мечтаете? Просто пофантазирую. Вы ведь уверены, что не смогу. Да?

Голдстон ходил туда-сюда по комнате, физик молча следовал за ним глазами-маятниками. Было впечатление, что они заключили немое пари.

— Оставим в стороне технические детали. Не суть важно, что именно изобрели академики в этом забытом всеми военном го-

¹ «У меня есть мечта» (англ.). Название самой известной речи американского борца против расизма Мартина Лютера Кинга.

родке. Есть голый факт: сотня квадратных километров поваленного леса. То есть мощный источник энергии. Неядерной — но по меньшей мере такой же могущественной. Люди, которые им располагают, чего они хотят? Предположим — просто предположим, — что они послали вас к Лукину. С какой вестью? Давайте сделаем супербомбу и сбросим ее на Берлин? Вряд ли. Разве это нужно истории? Конечно нет! Истории нужен совершенный человек, а сделать его таким могут большие идеи. Новый источник энергии — чем не идея, способная спасти лежащий в руинах мир? Он возродит мировую экономику, лишит ее корыстной борьбы за скудные энергоресурсы. А еще поставит человечеству новые грандиозные задачи, которые облагородят его природу... Вот, скажем... новая эра в освоении космоса! Возможность изменить сами отношения человека и пространства! Расширить границы познанного мира в тысячи раз! Вы хотите этого? Нет проблем! У нашего министерства есть совместные программы с Европейским космическим агентством. Мы легко запустим еще одну. Если ваше изобретение действительно достойно того, очень быстро программа эта станет приоритетной. Мы вложим в нее сотни миллионов, миллиарды евро...

Все, о чем говорил Голдстон, звучало столь наивно, что любой сторонний слушатель, очутись он здесь, наверняка покрутил бы пальцем у виска. Однако, взглянув мельком на физика, все так же неподвижно восседавшего на кровати, Голдстон поразился. Глыба холодного, чистого разума раскололась. Лицо Быкова покраснело, лень в глазах испарилась без следа.

«Неужели угадал? — восхитился сам собой Голдстон, чувствуя и радость, и страшное опустошение от неравной схватки. — Космос? То самое заветное слово, которым он бредит?»

— Это было бы настоящее чудо, — говорил он уже из последних сил, косясь на лицо физика. — Казалось, человечество зашло в тупик. Разделившись на враждующие островки, постепенно деградирует в борьбе за еду и энергию. И вот на этом адском пепелище появляются люди, которые дают ему идею, способную объединить разные нации. Космос, полный загадок, опасностей и возможностей — перед его лицом мы почувствуем себя единым целым, просто людьми, а не англичанами, русскими или францу-

зами. Тот самый всечеловек, о котором вы мне говорили, может стать реальностью...

Сделав еще пару шагов, Голдстон ощутил невыносимую сухость во рту. Горячий прилив вдохновения иссушил его организм.

— Где у вас можно попить?

Быков молча кивнул в сторону телевизора, подставкой которому служил отделанный деревом компактный холодильник. В его чреве обнаружилась одинокая, как человек у философов-экзистенциалистов¹, бутылка кока-колы. Голдстон беспомощно оглянулся, размышляя, как ее открыть. Быков, не говоря ни слова, встал, взял у него из рук холодную, запотевшую бутылку и, прислонив крышку к краю стола, коротким ударом кулака сдернул пробку. Голдстон молча кивнул. Он выговорился до самой последней точки, даже «спасибо» сказать было трудно. Пока пил — жадно, раздирая горло уколами холодного газа, закрыв от наслаждения глаза, — слушал Быкова.

— Ваши слова — чистая утопия. Даже не научная, а политическая. В Берлине сидят точно такие же люди, как и те, с которыми я общался у Лукина. Их интересует максимально эффективное оружие, а не рецепты спасения человечества.

Отповедь — ленивая, неискренняя. Поставив на стол пустую бутылку, Голдстон подошел к двери и перед тем, как выйти, сказал — жестко, но доверительно:

— Идти вам все равно некуда. С Лукиным уже пытались договориться. Попробуйте теперь с нами. Вдруг получится? Мы тоже люди, а людям надо верить.

Он почему-то был уверен — завтра Быков расколется. Можно будет лететь вместе с физиком в Берлин спасать Симу.

* * *

После одинокого обеда в офицерском ресторане, когда Голдстон даже не понимал, что именно он ест, у него не получилось высидеть в номере и получаса. Набросив шинель, он стре-

¹ Экзистенциализм — направление в философии, делающее акцент на «одиночестве» человека и конечности его бытия.

мительно катапультировался через дверь в коридор, а потом и на улицу. Хотелось снять острый приступ отвращения к жизни, к людям. Поговорить с кем-нибудь, кто, напротив, вызовет у него восхищение, уважение или жалость. Смешно, но в целом городе ему приходит сейчас на ум только три подходящих для того человека. И двое из них сидят под замком. Третья... Третья вообще проститутка, он даже ее имени не знает. Голдстон, действительно, усмехнулся через силу. Да, все как расписывал физик. Одиночество и страх. Он прошел еще немного и понял, что направляется в бордель. Разыскивать ту самую девушку в полушубке, которую видел несколько дней назад.

Очутившись снова на Тверской, Голдстон растерялся. День выдался на удивление сочный и яркий. Квадратная башня Стены, от которой он сбежал в переулок во время первой вылазки в город, была видна едва ли не от Кремля, потому не могла служить ориентиром. Да и вся Тверская преобразилась, четкие свет и тени отрисовали ее совсем в другом стиле, контрастном и гламурном. В конце концов, Голдстону помогла одна из вывесок, которую он смутно помнил. Давно закрытый магазин музыкальных инструментов, но в одной из витрин до сих пор красовался белый, огромный как аэродром рояль. Рядом зияла ведущая в переулок арка. Осмотревшись, он занырнул в подворотню. В глубине души он слабо надеялся, что девушка, как и в первый раз, будет стоять с сигаретой на улице. Но нет, рядом с приоткрытой дверью в подвал никого не было видно. Спускаться вниз по лестнице самому отчего-то не хотелось. Тут за спиной у него раздались шаги. Голдстон быстро оглянулся и увидел высокого, чернявого малого в форме лейтенанта ВВС. Похоже, француза. Тот, притормозив недалеко от входа, с хитроватой улыбкой наблюдал за его маневрами.

— В первый раз здесь, так? — спросил лейтенант, как только их взгляды пересеклись.

— Н-да... — неуверенно пробормотал Голдстон в ответ, чувствуя себя по-идиотски.

— Не волнуйтесь, это хороший бордель, пусть и нелегальный, — утешил француз, по-своему истолковав нерешительность штабс-капитана. — Девочки все чистые. Я попал сюда по реко-

мендации батальонного врача. Он прирабатывает тем, что проверяет всех раз в неделю. Здесь их немного, всего десять.

Голдстон понял, что это его шанс.

— Так вы их всех... знаете?

— Да. Кого-то хуже, кого-то лучше... Ха-ха-ха! Понимаете, у меня есть две-три, которые мне нравятся, по площадям я бомблю только с самолета...

— Такая... с короткими черными волосами. Невысокая. Худое лицо... На днях я просто проходил мимо...

— Знаю, знаю. Ее зовут Анастаси. По русски — Нас-тя... Нет, даже не старайтесь произнести! Получится для ее уха ужасно... Русский чертовски сложен — слишком мягкий, коварный язык, шелестит как листья... Ну что, вперед? Скажу по секрету, там даже есть водка. Говорят, еще из довоенных запасов...

Голдстон приоткрыл дверь, пропуская француза вперед:

— Лейтенант, а вы не могли бы попросить ее подняться сюда? Если, конечно, она... не занята.

Тот кивнул:

— Понимаю, понимаю. Да, там тесновато и все такое. Некоторые мои товарищи тоже предпочитают снимать комнаты в городе и водить девушек туда. Но так получается больше времени, а мне приходится экономить! У меня дома — жена, дети. Надо переводить им деньги.

Пришлось прождать минут десять, не меньше. Наконец внизу, на лестнице, послышались шаги. Из полумрака всплыло лицо — это была та самая женщина, что курила сигарету словно соломинку для коктейля. По контрасту с яркой, почти весенней погодой лицо выглядело уставшим и серым, под накрашенными глазами будто осела угольная пыль. Голдстон от неожиданности даже отступил на шаг. Конечно же, она его не узнала.

— Ну, чего хотел? — устало спросила по-русски, запахивая наброшенную дубленку. — *What do You want?*

— Здравствуйте, — ответил неуверенно Голдстон на русском. — Можно с вами поговорить? Недолго. Минут пять-десять.

Женщина отшатнулась. Будто разглядела что-то страшное.

— Так ты русский? Пристроился к новым хозяевам? Да и лицо знакомое... Чего надо?

— Нет, не русский... То есть не совсем русский. Русская у меня мать... Я... проходил тут, несколько дней назад. Вы стояли и курили. С подругой.

Странно, но ее лицо сразу разгладилось, посветлело. Она задвинула куда-то невеселые мысли, с которыми поднималась вверх.

— Тот... припадочный? Точно, вспомнила. Значит, все понимал, что мы между собой говорили?

Голдстон кивнул головой.

— Ленка... она неплохая. Обозленная только на всех. У нее родители во время путча погибли, снаряд танковый прямо в окно залетел. Ей тогда семнадцать было. Раз — и ни дома, ни семьи. Мрак просто...

Голдстон снова закивал, словно полностью разделял с ней эти ощущения.

— А ваши близкие... Можно спросить, что с ними?

Женщина быстро оглянулась по сторонам. Кажется, боялась, что их подслушают:

— Мать здесь, за Стеной. Отец не перенес новой жизни, умер два года назад. Сбежал от нас в лучший мир... Чтобы, наверное, не видеть, как я теперь в подпольном борделе обретаюсь... Иногда себя спрашиваю — зачем? Голодать вроде не голодаем, паек выдают приличный. Наверное, наплевать уже на все. И так все шиворот-навыворот... Конец света... Пусть боженька смотрит и радуется, до чего людей довел... Чего хотел-то? Не просто так, наверное, сюда явился? Чем я тебя так зацепила?

Голдстон почти через силу ответил:

— Сказали... у меня хорошее лицо.

— Господи! Вот, оказывается, еще чем мужика пронять можно! Все обычно про другое спрашивают...

— Почему хорошее?

— Откуда я, милый, знаю? Слова сами приходят, сами уходят. Шляются как хотят. Может, оттого, что Ленка про тебя гадость сказала несправедливо. Не люблю, когда просто так обижают, особенно животных... Ты из гарнизона такой чудной? Или приезжий?

— Нет, из Берлина. Прилетел на пару недель.

— И что там? Хотя нормально люди живут?

У Голдстона сорвалось:

— В Берлине некого любить.

— Что?

— Это так... Придумал ответ для начальника, который мечтает меня женить. Всю плешь проел.

Она улыбнулась рассеянно:

— А здесь? Есть кого?

— Поговорить точно есть с кем.

— Да, тут мы любители поговорить. А от разговоров и до любви недалеко. Человек к человеку ведь через разговор пристрастает, так?

Голдстон кивнул послушно, пусть думал о своем. Потом с языка опять слетело — скомкано, совсем не так, как он обычно сбивал слова в плотные фразы:

— Тут вообще... по-другому. Нет... границы. Словно ходишь и видишь сны. А потом непонятно — что наяву было, что пригрезилось...

Ее лицо сошлось гармошкой, сплав злости и невыводимой печали.

— У меня, солнце, уже третий год чувство, что сплю на ходу. Кто вообще мог представить? Стена какая-то... Живешь как в клетке. Весь город за час обойти можно... Думаешь, кончится это когда?

— Конечно. Через три года, — быстро ответил Голдстон первое, что пришло в голову.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами — так, как, вероятно, сам Голдстон разглядывал прежде физика.

— Почему через три?

— Я раньше работал финансовым аналитиком. У меня... особые способности. Предсказываю будущее.

Она рассмеялась, погладила его вдруг по щеке.

— А ты забавный... аналитик. Жалко, что вот так встретились, да?

Прощавшись, Голдстон не ушел сразу, а проводил собеседницу глазами — она спускалась как будто через силу, один раз обернулась, словно собираясь договорить. Когда внизу хлопнула

невидимая дверь, развернулся на каблуках и зашагал, вдохновленный, в сторону Тверской, перебирая в голове сказанное. Вроде чушь собачья, но ведь и в самом деле помогло? Казалось, что за время разговора сильно потеплело. Ветер теперь не обдирает наждаком кожу на лице, а снисходительно похлопывал по щекам. Очерченное домами русло неба над головой прочистилось, стало прозрачнее и голубее. Облака плыли по нему, послушно повторяя все изгибы переулка. Когда же, насмотревшись на небеса, он вернулся взглядом на землю, то сразу заметил припаркованный неподалеку от подвала черный микроавтобус с затемненными стеклами. После прекрасной небесной реки тот походил на гигантского навозника-скарабея из фильма ужасов. Но Голдстон отмахнулся от дурного предчувствия. Даже когда за спиной мягко хлопнула дверца, подавил в себе рефлекс обернуться назад. Начал разворачиваться лишь на торопливый топот шагов. Не успел. В лицо резко ударило запахом какой-то химии, а потом ему стало все равно.

* * *

Первое, что осознал, вернувшись, Голдстон, была головная боль. Голова болела всей поверхностью. Так, словно с нее содрали скальп. Потом он почувствовал нечто мерзкое и липкое у себя на переносице и глазах. Следующим наступила очередь слуха.

— Кажется, скоро очухается. Давайте, у нас мало времени.

Обоняние. Запах нашатыря почти разодрал нос.

— Слышишь меня, сволочь?

Пощечина. Не сильная, скорее обидная. Кажется, со мной уже было такое, сообразил Голдстон. Пробуждение в мертвецкой. Неужели снова там очутился?

Более сильная пощечина.

— Сдери с него скотч. Так он быстрее придет в себя.

В следующую секунду Голдстон задохнулся от боли. Похоже, вместе со скотчем он частично также избавился от бровей и ресниц. Но теперь можно было подключить зрение. Что-то, похожее на средневековый подземный каземат. Небольшая комнатка

со сводчатым кирпичным потолком. Полумрак. В дальнем конце помещения — стол с сильной лампой, будто белое, раскаленное солнце в зените. За лампой кто-то есть, но кто — не разглядеть. Сам Голдстон сидит, примотанный веревкой к стулу, почти посередине комнаты. Рядом с ним двое — в пятнистой защитной форме и черных балаклавах. Один поплотнее, темные, рыбы глаза навывкат в прорезях маски. Второй вытянутый, худой, маска ему великовата, топорщится некрасивыми складками. Глаза мелкие и, напротив, глубоко запавшие. Никто из них не показался Голдстону знакомым.

— Ну что же, — фыркнул плотный. — Ты должен спросить: «Кто вы такие».

Голдстон молчал. Тогда плотный сделал шаг и не очень сильно въехал ему кулаком в челюсть.

— Спрашивай! Не зря же мы подготовили ответ!

— Кто вы такие?

Пара обменялась взглядами, кажется оба улыбнулись.

— Патриоты, которые хотят разоблачить предателя, вступившего в сговор с партизанами.

Слишком длинно и помпезно для двух костоломов. Что-то начало проясняться, несмотря на треск и отчаянные помехи в голове. Неужели Свенссон решил на этот дешевый балаган? Но почему? Разнюхал о его настоящих планах? Или проблемы с признание Сими?

— Я... я требую, чтобы вы немедленно сняли маски и представились. Кроме того, показали ордер на мое задержание.

Плотный нерешительно покосился в сторону лампы. Что-то там произошло невидимое для Голдстона, но сразу вслед за этим плотный коротко, но очень жестко пнул его точно в колено. Стул едва не опрокинулся.

— Кончай ломать комедию, а то я тебе ногу сломаю! Твоя русская подружка уже дала показания! Сказала, что завербовала тебя!

Перехватив внутри боль, Голдстон возразил сквозь зубы:

— Тогда почему бы вам не арестовать меня официально?

— Твои покровители в Берлине... Они не дадут допросить тебя как надо... Хватит трепаться! Рассказывай!

Голдстон прикинул свои шансы. Может, потянуть время? Когда его хватятся в штабе у Кнелла? Через день? Да, не раньше. И вообще — он может просто исчезнуть. Спишут на криминальную статистику. Скажут, что шатался по нелегальным борделям. Кнелл, конечно же, поднимет всех на уши. Но кто будет заниматься его поисками? Тот же Свенссон?

— Что рассказывать?

— Когда ты решил работать на партизан?

Не пришлось даже изображать удивление.

— Почему я мог принять такое решение? Я в России в первый раз в жизни.

— У тебя русская мать. Мы подняли всю твою подноготную!

— Никогда не скрывал, кто мои родственники и благополучно проработал в Министерстве вооружений почти три года. При всей существующей системе проверок и допусков. Что еще вы хотите узнать?

Пучеглазый свистнул носом, завис на пару секунд, потом достал из кармана куртки какую-то бумажку. Да, похоже, вопросы ему надиктовывали уже в черном мини-вэне. Не исключено, что лично Свенссон.

— О чем ты говорил с Симоновой, когда ездил в монастырь? Что она тебе рассказывала?

— Насколько я помню, мы обсуждали значение церкви в русской истории. Она показала мне храм, в котором шла служба, а потом привела на колокольню.

— С кем ты еще общался в монастыре?

— Больше ни с кем.

— Предположим... Проститутка. Какую роль она выполняет в вашей группе? Связная? Ты хотел сообщить через нее об аресте агента?

— Первый раз в жизни с ней разговаривал...

— Я не спрашиваю, сколько раз ты с ней говорил! Зачем ты вообще пришел туда?

— Видел ее случайно несколько дней назад. Она помогла... когда мне стало плохо после контузии. Хотел ее поблагодарить.

Еще один взгляд в сторону лампы. Теперь пинка не последовало.

— Складно придумал... Хорошо, Расскажи про своего русского физика. Что ты с ним обсуждал?

— Разве все разговоры не записывались?

— О чем вы разговаривали в последний раз?

Захотелось рассмеяться. Свенссон, похоже, оказался последним идиотом. Они не записали их разговор с Быковым. Просто не допустили вероятности, что разговор может состояться в номере физика.

— Развили ряд философских концепций, озвученных физиком ранее. К примеру, роль коллективного бессознательно-го в истории. Можете переслушать две наши первые беседы. Очень интересно... Я повторно требую, чтобы вы немедленно прекратили все противозаконные действия и освободили меня!

Внутри все напряглось от предчувствия, что сейчас его начнут бить — уже по-настоящему. По голове, по почкам, между ног. Но ничего такого не случилось.

— Развяжите ему ноги, чтобы он мог встать, — сказал вдруг человек, сидевший за лампой. Это, и правда, был голос Свенссона.

Он встал, вылез из-за световой завесы и загородил собой весь обзор — огромный, худой, тоже в пятнистом костюме и закрывающей лицо уродливой балаклаве с прорезями для глаз. Хмыкнув, спросил с вызовом:

— Думаете, я рехнулся? Может быть, может быть... Но ведь и у вас с головой не все в порядке? Ведь если бы вы не напугали бедного доктора именем Кнелла, то до сих пор наблюдались бы в клинике, не так ли? Пойдемте, покажу вам кое-что. Как псих психу.

Помощники Свенссона разрезали веревки, куклой поставив Голдстона на ноги. Ноги затекли, отключились, и пока приходили в норму, тысячи иголок будто капли дождя покалывали ступни и икры. Скрипнула, а потом гулко грохнула о косяк железная дверь. Они вышли в коридор — такой же старой архитектуры, что и комната. Тесный, полутемный, с обеих сторон крашенные белой краской кирпичи. Отчего-то пахло печкой. Голдстон шумно втянул ноздрями воздух, замер на пороге.

— Что, уже страшно? — неврастенически хохотнул Свенссон, подталкивая его сзади. — Наша экскурсия только началась, взбодритесь!

Коридор резко обрывался, уходя влево. Там обнаружилась каменная лестница — проход был страшно узким и таким низким, что пришлось согнуться в три погибели. Они спустились на пару пролетов и протиснулись через небольшой выход в какое-то помещение, по всей видимости подвал. Выглядел он, надо сказать, несколько странно. С одной стороны шел узкий, всего метра в полтора коридорчик. С другой виднелось что-то вроде гаражей или боксов. Часть боксов были полностью заложены кирпичами, часть имели дверные проемы. К горлу Голдстона подкатился мерзкий, склизкий комок. Он что-то начал понимать.

— Принеси-ка лом, — коротко бросил Свенссон тому из своих подчиненных, что был покоренастее. Через пару минут тот вернулся с ломом в руках.

— Еще не поняли что к чему? — ядовито осведомился Свенссон. Потом просто кивнул головой тому, кто принес лом. Тот, подойдя к одному из замурованных боксов, сделал несколько коротких точных ударов по кладке. После четвертого или пятого удара за стеной глухо стукнуло, в самой же стенке образовалась дырка, куда с легкостью можно было бы просунуть голову. Воздух тут же наполнился ужасным, сладковатым зловонием. Голову Голдстона повело куда-то в сторону. Он едва устоял на ногах.

— Теперь, наконец, догадались? — провозгласил Свенссон, который, похоже, внимательно за ним наблюдал. — Здесь у нас небольшое кладбище для героев-партизан. Мавзолей с похороненными заживо. Ничуть не хуже кремлевского. Даже лучше. Только натуральные способы мумификации... Посвети вот туда. Дай нашему гостю максимально полное впечатление о том, что его ожидает.

Коренастый, подтолкнув одной рукой Голдстона по направлению к дыре в стене, другой направил туда луч фонаря. Голдстон, скорее от того, что уже почти отключился, сделал несколько шагов. В дыру отчетливо был виден человек в камуфляже — он сидел на стуле, свесив голову на грудь. На мгновение показалось, что волосы шевелятся от червей, которые расплодились на трупе.

— Смотрите-ка! — кажется искренне удивился Свенссон. — Этот русский умер достойно! Спокойно сидя на стуле! Не орал, не стучался головой о кирпичи как другие. Просто заснул — и все! Возможно, вам удастся точно так же отключиться. Попробуйте считать до миллиона... Ладно, включи кондиционер и закрой дыру, воняет хуже чем из выгребной ямы. И несите кирпичи и раствор, чтобы соорудить склеп для нашего штабс-капитана... Знаете, Голдстон, что меня сильнее всего пугало в детстве? Самый мой главный ужас? Быть похороненным заживо. Лет в восемь я начитался рассказов Эдгара По и с тех самых пор решил, что строго-настрога запрещаю закапывать меня в землю после смерти. Уж лучше сразу сжечь, как вы думаете?

Почти как куль мало что соображающего Голдстона отволокли в пустой бокс и усадили там на раскладную табуретку без спинки. Такие обычно берут с собой на пикник. Бокс представлял из себя комнатуху размерами примерно три на три метра.

— Шикарно, правда? — продолжал глумиться Свенссон, заняв позицию точно напротив него. — Настоящая фамильная усыпальница, совсем как у какого-нибудь богатого аристократа... Красиво умрете!

Он сделал паузу, будто переключал внутри себя программу. Сразу вслед за тем сказал злым, сухим голосом:

— Цемент делается минут пятнадцать. Не хотите что-нибудь мне рассказать за это время? Может быть, тогда он и не понадобится.

В голове мелькнуло — а может, согласиться? Признаться в том, что он партизанский шпион, сам лично партизанил и вдобавок работал на КГБ, когда учился в начальной школе. А потом, после того, как его волей-неволей придется вытащить отсюда, заявить, что дело сфабриковано. От всего отказаться. Рассказать про подвал с мумиями...

— Десять минут, — напомнил о себе Свенссон. — Признание облегчает душу. Вы же теперь верите в душу, правда? Давайте я вам помогу. Речь идет о шпионской организации, куда входили вы, Симонова, физик. Через Симонову вы планировали связаться с партизанами, через физика — выйти на службы безопасности

сибирского правительства. Понятно? В общем, честно расскажите о своем омерзительном предательстве и потом...

До Голдстона вдруг дошло — не будет никакого «потом». Его признания запишут на видео, а потом вколуют какую-то дрянь, от которой у него случится «сердечный приступ». Расстроился из-за собственного предательства и помер. Бывает ведь такое. Свенссон, может, и дуболом, но наверняка понимает, что выпускать живым «главного свидетеля» нельзя. Иначе на скамье подсудимых непременно окажется он сам.

— Мне нечего рассказывать, — сказал наконец Голдстон. — В последний раз требую прекратить этот цирк.

— Что ж, — делано зевнул Свенссон. — Тогда придется подвергнуть вашу и без того неустойчивую психику новым испытаниям. Как говорится, клин клином вышибают! Станете подопытной обезьяной. Жалко, что не удастся рассказать доктору о результатах лечения.

— Идите к черту.

— К черту скоро отправитесь вы. Или ваша подружка уже забронировала для вас место в православном раю? Будете с утра до вечера дуэтом распевать «Отче наш»? Или, наконец, займетесь с ней делом? Ха-ха-ха! Боюсь, придется немного потомиться в ожидании. Ее повесят самое скорое через пару месяцев... Как же она вас развела, Голдстон! Вы даже с ней не переспали! А в раю уже не разрешат, извините...

На Голдстона нашло какое-то тупое, упрямое отчаяние — будь что будет. Стало на все наплевать. Он чувствовал, что во всем происходящем есть логика, даже сюжетность. Совсем не случайно то, что он сейчас сидит здесь, в безымянном подземелье, на табуретке для пикников. Нет, это та точка в пространстве, где он должен был обязательно очутиться. Твои сны раз за разом подводили тебя к этой идее. И вот оно, свершилось, занавес падает. Зачем же паниковать, дергаться, пытаться что-то предпринять? Кто-то — физик, Толстой или неизвестный тебе демиург — уже состряпал сюжетец. В нем ты с самого начала был второстепенным персонажем, необходимым для «создания атмосферы». Эдакий мелкотравчатый типчик без особо выдающихся черт и наклонностей, на фоне которого ярче и контрастнее оттеняются все

другие герои. Вот Свенссон к примеру. Банальный опереточный злодей. Какой финал уготовлен ему?

— А вас застрелят партизаны, — вырвалось неожиданно у Голдстона.

Свенссон опешил:

— Что?

— Предсказываю вашу судьбу, герр оберст.

Удивительно, но его словесный выстрел оказался снайперским. Сбил со Свенссона весь апломб. Полковник больше ничем не осквернил слух Голдстона, за исключением коротких команд подчиненным, притаившим лохань с раствором и несколько десятков кирпичей. Закладывали дыру в стене быстро, деловито, видимо имелся опыт. Когда остался самый последний кирпич, что-то перекрыло хилую полосу света.

— Штабс-капитан?

Голдстон молчал. Свенссон еле слышно буркнул «Кончайте». Раздался мокрый шлепок цемента, и стена превратилась в единое целое.

* * *

На этот раз он очутился черт знает где. Сидел в крошечной тьме, пока не стало казаться, что кроме темноты, табуретки и тела ничего больше не существует. Замурованный бокс как капсула космического корабля парит в безвоздушном вакууме на краю Вселенной — то есть в голове присутствовала парадоксальная мысль, что у Вселенной, вопреки всем научным утверждениям, есть край. Позже в капсуле появился еще кто-то. Может быть, тоже с табуреткой для пикника. Или, возможно, он стоит у него за спиной. Молча, без единого звука. Но этот кто-то такого свойства, что его присутствия нельзя не заметить.

— Здравствуй, — говорит, наконец, пришедший. — Я демиург. Ты, кажется, выражал недовольство отведенной тебе ролью?

— Демиург? — ошалело переспрашивает Голдстон, и теперь это введенное в оборот им же самим слово кажется откровенно недостаточным, требует уточнения. — Творец? Бог?

— Да какая разница? Давай, говори, что тебя не устраивает.

Голдстон нервно размышляет, что хотел бы исправить в собственной жизни. Говорит не очень уверенно:

— Меня заподозрили в том, что я глупее кота. Можно как-то поднять мой статус?

Демииург недовольно сопит:

— Коты вообще-то бывают разные. Есть, к примеру, Вселенский Кот. Он даже меня не всегда слушается.

— Нет-нет, я встречал в своем сюжете только одного кота — совершенно обычного, черного, с большой головой. Разве что он мог проходить сквозь стены.

Похоже, демиургу очень не хочется менять сюжет, даже в такой несущественной мелочи. Он долго мнется в темноте, бормочет что-то себе под нос, даже шелестит бумагами. Наконец, тяжело вздыхает:

— Ну ладно, договорились. Ты будешь умнее кота. Все, надеюсь?

Тут голос Свенссона мягко шепчет в ухо: «Станете подопытной обезьяной, Голдстон». Как же он мог забыть!

— А обезьяны? Можно они тоже будут глупее меня? Кажется, так уже было... Где-то в самом начале.

Демииург вновь недовольно ворчит себе под нос. После минутного размышления выносит окончательный вердикт:

— Насчет обезьян не знаю. Слишком много придется переделывать. Не могу обещать. А с котом не беспокойся, поправлю.

* * *

Он пришел в себя оттого, что свалился на пол. Часы у него не забрали — только телефон, потому Голдстон, всмотревшись в светящиеся зеленым стрелки и деления, смог точно сказать, сколько по земному времени пребывал на краю Вселенной. Один час и сорок пять минут. Это вместе с дорогой туда и обратно. Да, скорость света здесь и рядом не стояла... Он, замурованный заживо, не чувствовал почему-то сейчас ни страха, ни отчаяния, ни прежнего безразличия. Только холод, который мало-помалу обволакивает тело как наливающаяся в ванну вода. Проверил пульс — семьдесят ударов в минуту. Может, на самом деле уже

окончательно заблудился в собственной голове? Перепрыгивает там с одного уровня подсознания на другой? Как понять — он *здесь* или по-прежнему *там*? Хотя — есть ли, собственно, разница между *здесь* и *там*?

Голдстон ощупью залез обратно на табуреточку и задумался. Подсознание — хранилище. Универсальная гигантская библиотека. Сознание — скорее инструмент. В памяти опять возник тот единственный визит к психиатру. Теперь Голдстон жалел, что больше не пошел к нему на прием, потому как врач, похоже, попался толковый, тоже с философскими наклонностями. Попробовал вспомнить его лицо — широкое, спокойное, даже умиротворенное, само по себе оказывающее терапевтический эффект. Говорил он медленно, тщательно подбирая слова, словно вводил в вену успокоительное. Тогда все это — сознание, подсознание и так далее — казалось Голдстону пустой болтовней. Хотелось просто проглотить таблетку и излечиться.

— Сознание, — рассказывал врач, — это фонарик, который вы держите в руках и подсвечиваете область известного вам. То, что считаете своим «я». Пятно света может быть как очень узким, так и почти бесконечно широким. То есть сознание — акт вашего личного выбора. Желание видеть мир таким образом, как вы посчитаете нужным. Беда в том, что большинство, напротив, воспринимают сознание как объективную данность. В детстве, лет до двенадцати, ваше сознание растет само, по мере приобретения нового опыта. Вы переживаете разные ситуации, составляя в итоге карту понятного вам мира. Карта, которая у всех более-менее общая, позволяет начать процесс социальной адаптации. Многие, увы, на этом и останавливаются, так как дальнейший рост сознания уже требует усилий. Но, согласитесь, далеко не все жизненные проблемы можно разрешить с точки зрения двенадцатилетнего ребенка. Так начинаются жизненные кризисы...

Интересно, ему по-прежнему двенадцать? Или за последнюю пару недель он все-таки смог подрасти? Голдстон встал и осторожно, чтобы не приложиться лицом, сделал в полной темноте несколько шагов сначала в одну сторону, потом в другую. Нужную стену нашел по еще мягким, легко отламывающимся лепешкам свежего цемента. Навалился на нее всей тяжестью тела,

попробовал стукнуть кулаком. Нет, даже не дрогнула. Видимо, заложили в два кирпича. Мысль снова вернулась к разговору с психологом. Сознание — фонарик, область известного. Остальное — неизвестное, бессознательное, но оттого не менее реальное. Средневековый крестьянин ничего не знал об Америке, но это не отменяло факт ее существования. Теоретически он имел шанс сесть на корабль и приплыть туда. Сознание и бессознательное — единый, как два земных полушария, мир. Проблема Голдстона едина и там, и здесь, пусть ее воплощения разнолики и многочисленны. Логично предположить, что, если решить ее одном месте, она разрешится и в другом. То есть, не имеет значения, где находится эта самая стена и каким физическим законам подчиняется вещество, из которого она состоит. Важно одно — додумается ли он наконец, как через нее пройти.

Голдстон снова ощупал стену. Расставил руки в стороны, прижался к ней ладонями, попробовал ее почувствовать. Она была холодной, шершавой и откровенно безразличной ко всему на свете. Полной тяжелого, давящего на землю самомнения. Такая не поддастся, не отойдет в сторону. Как же тщедушный кот умудрялся через нее проходить... Мелькнула мысль — а был ли кот, Джон? Не безумие ли уже овладело тобой? Он заколебался, отступил на шаг. Безумие? Или же попытка найти нестандартное решение, когда все стандартные означают только смерть? Что вообще он теряет? Что теряет смертный человек, веря в то, что он бессмертен? Голдстон снова попробовал обнять стену. *Надо знать, что находится за ней.* Но откуда коту это известно? Ведь люди, с которыми он живет, ничего не знают. Разве что от других животных. Может от обезьян? Почему он все время вспоминает обезьян? Откуда они взялись в его жизни? Голдстон прижался лбом к стене. Какой-то выступающий фрагмент больно впился в кожу. Похоже, что-то было в одном из его кошмаров. Он проснулся в холодном поту и вспоминал, чтобы успокоиться, Еву. Прекрасную светловолосую, голубоглазую польку, которая не хотела оставаться в Англии. Напротив, пыталась заманить его в Польшу. Почему он вспоминал Еву? Ева... Мы как Адам и Ева... Точно! Ему приснился райский сад! И в нем были говорящие обезьяны! Сад? Неужели все так просто? Райский сад!

Бум! Мощный удар сотряс стену. Скорее от неожиданности Голдстон отлетел в сторону, приземлившись неудобно на бедро. Еще один удар. Потом третий. Видимо, потому, что цемент еще не схватился, из кладки сразу выпал здоровенный фрагмент, размером с квадратный метр. Потом вспышка света и боль в глазах.

— Голдстон, старина, вы выдержали испытание!

Голос Свенссона, теперь скорее заигрывающий.

— Испытание? — пробормотал он, пытаясь подняться на ноги.

— Теперь я с уверенностью могу сказать, что вы не имеете никакого отношения к партизанам. То, через что вы прошли, лучше всякого полиграфа.

Голдстон, наконец, сумел раскрыть глаза. Фонарь заливал бокс холодным, белым светом, а Свенссон оставался невидимым, будто бесплотный дух. Значит, все-таки не рискнул от него избавиться.

— Вы отправитесь под трибунал.

— Увы, скорее вас увезут в психиатрическую больницу. Все ваши симптомы были тщательно запроотоколированы во время пребывания в госпитале. У вас ведь что-то вроде мании преследования? Немудрено, что вам привиделось, будто палач Свенссон замуровал вас в подвале. Ваш телефон мы сюда, понятное дело, не привозили, так что отследить перемещения по Москве будет невозможно. Синяки на лице? Кто-то напал на вас в темной подворотне. Здесь такое редко, но случается. Настоятельно советую по возвращении в Кремль заявить о нападении на пропускном пункте.

Голдстон молча выбрался из каменной клетки. Спорить со Свенссоном не хотелось, тем более что тот был прав. Все еще блицем осмотрел мундир, отряхнул пыль с коленок. Потом оглянулся назад и увидел за спиной кирпичную стену с зияющей рваной дырой. До него, наконец, дошло, что же ему удалось сделать.

* * *

Пока длилось их путешествие в подземную Москву, внутри у Кольки будто речка подтачивала старую, отжившую свой век плотину. Пробивалась то здесь, то там робкими, но уже опасными

ручейками через прогнившие, размокшие бревна. Плотиной той была прежняя Колькина жизнь, такая привычная, своя, но, как неожиданно открылось Кольке, порядком ему опостылевшая. Теперь, просыпаясь по утрам, он первым делом думал о будущем, которое вот-вот обязательно должно наступить. Неведомое, загадочное, похожее на дождь, что всегда начинается не испросив на то нашего разрешения. Почему, какие события оживили это будущее, вырвали из небытия вероятностей, Колька не ведал. Но знал наверняка, что глазом моргнуть не успеешь, а оно уже тут как тут.

Ворон, вернувшись в партизанский отряд, немедленно приступил к исполнению задуманной еще с Диггером дерзкой операции. Вознамерился ни много ни мало сделать вот что: собрать из мелких партизанских групп крупное соединение, человек пятьсот, провести его по подземным коммуникациям за Стену и нанести удар по врагу прямо в его логове. Деталей, понятное дело, до поры до времени не раскрывал, ограничился из соображений секретности туманными намеками. Вскоре партизанская рать начала стекаться в один огромный живой ком, заселяясь в заброшенный коттеджный поселок неподалеку от Звенигорода. Выходить на улицу разрешалось только с наступлением темноты. Сидели по домам, топили понемногу печки и камины, раздавали бойцам самогон. Когда Колька уже почти физически начал ощущать такое невообразимое скопление народу, спрятанное под боком в лесу, Ворон собрал командиров, чтобы объявить цель похода. Кольку тоже прихватил с собой на военный совет, чего никогда прежде не случалось.

Пришло всего человек пятнадцать. Расселись в холодной комнате с большим, но едва тлеющим камином — по стульям, подоконникам, кое-кто примостился прямо на полу, на чудом сохранившемся толстом зеленом ковре. Все выглядели, как показалось Кольке, встревоженными. Похоже, начали что-то подозревать. Да и немудрено, Ворон прежде не собирал зараз больше сотни. Нетерпеливее других оказался командир с позывным Ботаник. Кислотный, истеричный интеллигентик с бородкой клинышком и строгим учительским взглядом. Как говорили — бывший поэт средней руки. Ботаник, если честно, Кольке никогда не нравился.

Казался он все время чем-то недовольным, капризным как ребенок, что шло в лобовое столкновение с размеренным и радостным Колькиным мироощущением. Ворон называл Ботаника — *богема* — и кривил рот в ухмылке. Колька, решив поначалу, что узнал новое изысканное ругательство, несколько раз выражался им в присутствии боевых товарищей, однако встретил с их стороны полное непонимание.

— Зачем ты нас здесь собрал? — истерично взвизгнул Ботаник, обшаривая глазками-сверлами лицо Ворона. — Решил пойти в поход на Аляску? Для чего тебе вся эта армия?

Ворон в ответ на такой юмор лишь невозмутимо мотнул головой. Нет, мол, пока еще не время Аляску брать. Колька понял: командир не торопится, потому как чувствует — на самом деле все заинтригованы. Приучил их Ворон к тому, что знает больше других. Потому крепко держит сейчас весь военный совет за невидимые ниточки. Отвечал Ворон тоже без суеты, неспешно цедил каждое слово, чтобы вытягивали шеи и прислушивались, проникались его речью до самых печенок.

— Позвал я вас сюда, потому что, наконец, появился шанс выползти из наших грязных нор и заняться серьезным делом. Есть возможность все изменить, перевернуть одним-единственным ударом!

Ботаник и мордатый казачий атаман, возглавлявший отряд сибирских ополченцев, тревожно переглянулись. Колька просек — наверняка решили, что Ворон сошел с рельсов.

— Ударом куда? — тем не менее напряженно прохрипел Ботаник, зачарованно разглядывая переполненное торжественной мрачностью лицо Ворона. — Можно хоть раз обойтись без всего этого юродства? Я ведь тоже могу стихами разговаривать!

Но без юродства, похоже, было нельзя. Ворон до упора тянул паузу, явно предвкушая, что случится после. Обвел взглядом по очереди присутствующих. Потом бросил им коротко и пренебрежительно:

— Кремль. Вот наша цель. Можете решить исход всей войны через пару дней. Стена не помешает, потому что мы пройдем под ней.

Молчание. Много тревожных взглядов. Кто-то даже присвистнул. Только Улугбек, предводитель «басмачей», бывших гастарбайтеров из Средней Азии, приехавших работать в Москву строителями и дворниками, спокойно строгал здоровенным кинжалом коротенькую деревянную палочку. Наверное, зубочистку себе делал. Кажется, ему было все равно — идти брать штурмом Кремль или, например, отправиться на Луну.

Тут стало понятно, зачем Ворон притащил с собой Кольку. Вовсе не из-за особого расположения к нему, как тот сначала вообразил. Командир, вскочив на ноги, почти за шиворот схватил своего ординарца и вытолкнул на середину комнаты. Лицом к лицу со всеми партизанскими командирами. Лица у них, честно говоря, выглядели не очень обнадеживающе. Злые, кислые, тревожные, перекошенные.

— Расскажи ты, если меня в психи записали!

Колька такого поворота не ожидал, потому немедленно густо покраснел, как самый последний дурак. Но сказал, надо признать, все по делу.

— В общем... да, можно пройти под Стеной. Мы ходили две недели назад. По... тоннелям секретного метро. Зашли в Раменках, вышли под Лужниками. А могли и дальше. Воздух там нормальный. Даже лампы кое-где работают.

Про погибшего Диггера и свихнувшихся членов правительства с топорами решил не рассказывать. В самом деле, зачем народ зря путать?

Когда Колька закончил свою речь, никто уже не переглядывался и не свистел. Но молчали по-прежнему. Ворон, видимо заключив, что уже всё всем доказал, перешел к плану операции. Рассказывал подробно, как будут спускаться в шахту секретного метро, как выглядят подземелья, сколько идти по путям до центра города. Потом вытащил карандаш, листок бумаги и начал рисовать. Командиры сгрудились вокруг, рассматривали его каракули, сопели недоверчиво как стадо носорогов.

— Если часов в двенадцать дня начнем спуск, к вечеру доберемся до центра города. Выйдем из метро прямо на подземные этажи Кремля.

Ботаник сдернул с носа очки с сильным минусом, начал их торопливо протирать специальной тряпочкой. Все смотрели на него так, будто решил он разобрать на военном совете по винтику гранату. Наконец главный оппонент Ворона таинственно хихикнул, нацепил свои окуляры обратно:

— Через кремлевский бункер? Тот, где Сталин в войну отсиживался? Про него даже я слышал!

Улыбка на лице Ворона показалась Кольке почти отеческой. Командир видел, что Ботаник уже созрел. Просто хочется напоследок интеллигентность свою выпятить. Но и ему есть что показать. Не зря они с Диггером целый месяц карты подземелий изучали.

— Там, мой дорогой, не один бункер, а целых три. Но в них нам не надо. Мы по-простецки, по эвакуационной лестнице в Кремль полезем. На минус третий, технический этаж. Туда в свое время вели выходы из корпусов Кремля в секретное метро. Во время ремонта при Ельцине все замуровали. Где винный погреб соорудили, где что. Придется немного поковыряться.

Ботаник облизнул губы:

— Откуда знаешь, что уже не расковыряли?

Ворон в ответ показал редкие желтые зубы. Улыбался кажется.

— Знаю. Причем наверняка.

Колька сразу припомнил: командир пару раз намекал, что за Стеной на него работает агент. Кто же он такой интересно? Как смог втереться в доверие к интервентам? Если один из них, по какой причине решил выдавать их секреты? Не советской же тушенкой Ворон ему платит?

Пока Колька размышлял про партизанского шпиона, Ворон накалякал на листке схему Кремля. Треугольник стены. Река. Квадратики корпусов. Потом из трех разных квадратиков провел к одной точке три жирные стрелки. Нарисовал крестик. Колька вспомнил вдруг — «Встречаемся у фонтана». Отец так любил шутить, когда вместе выходили в город. В Кремле, интересно, фонтаны есть или нет?

Схему, нацарапанную кое-как от руки, Ворон пояснял точно так же незатейливо:

— План — проще некуда. Стратегически — нанести удар по самой верхушке интервентов. Тактически — выйти наверх рано утром, подавить наверняка слабое сопротивление, занять круговую оборону и взять живьем как можно больше всякого офицера, чтобы был повод начать переговоры. Сразу с началом операции выходим на их частоты и выдвигаем ультиматум. За Уралом, чтоб вы знали, нас поддержат... Детали — где и как выходить, что именно делать — обсудим прямо сейчас. Выступаем завтра. И обязательно скажите своим людям вот что. Под землей бояться нечего. Никаких ужасов там нет. Просто темно и прохладно.

Вспомнив душную, переживающую дыхание темноту, Колька передернул плечами, словно за шиворот влезло крупное, мохнатое насекомое. С другой стороны, может, в Кремле побывает. Экскурсия будет что надо, бесплатная и «куда захочу». Хорошо бы первым делом на кухню местную попасть. Пожрать по-человечески — устроить праздник для желудка. А потом и в Оружейную палату — можно культурно обогатиться. На шапку Мономаха глянуть, которой Ворон президента помешанного дразнил. Если, конечно, интервенты корону к себе еще не вывезли.

Тихим снежным вечером партизанская армия выступила в сторону Москвы. Маршрут избрали прежний — вдоль «бетонки» до Рублевки, чтобы потом, перейдя на Боровское шоссе, зайти в город поближе к Раменкам. Шли только ночью, небольшими отрядами, к свету разбиваясь на еще более мелкие группки и растягиваясь живой змеей на два-три километра. Рациями не пользовались, спать останавливались в заброшенных домах и торговых центрах, благо понастроили на Рублевке столько, что здесь легко могла бы раствориться и стотысячная армия. В город вошли только на третий день, после того, как вернулись обратно посланные вперед разведгруппы. Большая масса собранных вместе людей сама собой излучала мощное позитивное поле, потому, наверное, Кольке не было уже так неприкаянно, как чувствовал он себя здесь во время первой вылазки. Город-кладбище поблек, растеял всю зловещую жуть, перевоплотившись в громадную свалку, скопище бесполезного мусора и нагромождение развалин. Ухо радостно принимало в себя множество разнообразных звуков, производимых живыми людьми. Запекшийся к ночи подтаявший

мартовский снег как стекло весело хрустел под сотнями ног. В такт ему негромко позвякивало оружие. У очередного бедолаги, угодившего в спрятанную под ледяной коркой лужу, вырывалось из рта матерное слово. Когда начало темнеть, колонна добрела до неприметного здания горноспасательного отряда в Раменках. Партизаны тесно осели в нем одним большим табором, заполнив все этажи запахами немытых тел, одежды, оружейной смазки и еды. Объявили пять часов отдыха.

В коридоре, рядом с дверью, украшенной табличкой «Старший технолог», Колька закрутил себе что-то вроде теплого гнезда из прихваченного одеяла и вещмешка. Завалился туда прямо в полушубке. Свернувшись котенком, опустил на глаза тяжелые, набухшие от усталости веки, попробовав наскоком погрузиться в дремоту. Но сон, подманив совсем близко, подразнил, поприставал, а потом взял да и бросил. Вместо того, пробиваясь через храп, сопение, кашель бойцов, в голову суетливой кучей, без всякого порядка и очереди, полезли воспоминания о бурных событиях последних недель. Со сладким замиранием сердца Колька пересматривал их как самый настоящий фильм о своей жизни. Так увлекся, что пропустил момент, когда воспоминания перешли в мечты — фильм продолжался, но картинка стала зыбкой и прерывистой, а затем пошло уже совсем бессмысленное мельтешение цветных пятен и полос, которые, однако, все равно отзывались внутри предчувствием необычного и прекрасного. В какой-то момент Колька испугался, что заснет нечаянно, не увидит кино до конца, а ведь именно в конце случается самое важное. Тут чей-то голос успокоил: не волнуйся, все досмотришь. Услышав это обещание, Колька испытал приступ острого, полоснувшего по сердцу счастья, улыбнулся и в секунду заснул. Приснилось ему, что на самом деле никакой войны нет и никогда не было. А в Крым они едут всей семьей в поезде, в отдельном купе с телевизором и белыми накрахмаленными занавесками. Вагон потихоньку раскачивается, подпрыгивает слегка на стыках рельсов. В купе душно, и Колькин отец встает с места, чтобы открыть окно. Но тут тряска усиливается — такое впечатление, что вагон съехал с железки и теперь, трясясь на ухабах, мчится себе по пыльной сельской дороге. Колька хочет заглянуть в окно

и выяснить, что же такое происходит, но поезд словно встает на дыбы и все проваливается в серую мглу небытия.

— Вставай, десять уже почти!

Партизан, что тряс его за плечо, косился при том одним глазом на полупустую банку с тушенкой, Колькин паек — как бы не стащили в общей суматохе. Свой-то, понятное дело, не позарятся, но в других отрядах проходимцев хоть отбавляй. А мальчонку-то как разморило! Розовый весь, словно младенец после сна, глаза как клеем смазали, никак открыть не может... Полусонный Колька вяло сжевал, не почувствовав на вкус, свой завтрак-обед-ужин. Начали строиться по двое, чтобы по уже знакомому Кольке маршруту отправиться в подвал. Спуск в тоннель занял часа два, теперь шли по лестнице пешком, правда налегке, так как всю амуницию опускали на лифте. Кому-то из отряда во время спуска стало плохо, и на лицо паникера, к всеобщей зависти, щедро разбрызгивали из алюминиевой фляги драгоценную пахучую водку.

Второе путешествие Кольки по тоннелям секретного метро получилось, в отличие от первого, заурядным и обыденным. Партизан снова разбили на отряды, в голове и в хвосте каждого поставили «осветителей» с фонарями. Да, шли долго, часа четыре. Но почти как по асфальтовой дороге — утопленным в бетон рельсам, лишь изредка отзывавшимся грохотанием закрывавших что-то железных листов. Не петляли, не блуждали, не перескакивали с уровня на уровень. Подземная дорога без всяких хитросплетений вела на северо-восток, к центру города. Единственное, о чем рассказал бы Колька, спроси его кто потом про вошедший в историю партизанский подземный марш-бросок — так это про речь Ворона. Когда спустились под землю, из сваленных в кучу бетонных блоков соорудили здесь же для командира постамент. Силуэт забравшегося на него Ворона, худой и тщедушный, едва был различим в подсвеченной фонарями полутьме. Но одержимый, уверенный в своей окончательной правоте голос, усиленный многократно бетонным сводом тоннеля, сразу же захватил все подземелье.

— Товарищи! — счастливо выдохнул Ворон подзабытое слово в огромную, бесформенную толпу партизан, подступающую к нему со всех сторон и постепенно растворяющуюся в темноте.

Та в ответ колыхнулась, отозвалась едва слышным вздохом. — Товарищи! Только так я могу назвать людей, с которыми прожил бок о бок последние три года. С которыми начал жить заново! Та, наша довоенная, жизнь вообще была не настоящая... Вспомните себя! Серая масса! Офисный планктон! Массовка, на которой зарабатывают миллиарды чиновничье ворье и олигархи! Сейчас же я вижу перед собой настоящих людей! Вы живете не ради того, чтобы с утра до вечера торчать в офисе, а в выходные шнырять по торговым центрам! У вас есть важная, героическая цель в жизни! Исправить большую беду, в которую попал наш народ по вине жадных и бессовестных людей! Сегодня, очень скоро, у вас будет шанс изменить ход истории огромной страны! А может, и всего мира! Неважно, что нас мало... Вспомните Фиделя Кастро! Он захватил власть на Кубе с кучкой партизан, а потом превратил свой остров, этот плевок на карте, в место, где бились лбами сверхдержавы. Главное — верить в свои силы! И нанести удар в нужном месте!

Выкрикнув «нанести удар», командир с плеча рубанул воздух рукой, и партизаны тут же закричали в ответ, затрясли поднятыми над собой кулаками, словно Ворон дернул за невидимый рычаг, приводящий все вокруг в движение. Скривив губы в улыбке, он слушал ропот толпы, пока тот не затих сам собой, а затем поставил точку в том, что хотел сказать:

— Место, куда мы нанесем удар, священо для любого русского человека! Мы с детства знали, как выглядит Спасская башня. Помнили, как звонят в новогоднюю ночь куранты... Это сердце России, какая бы сволочь ни сидела там. Именно оттуда суждено начаться освобождению нашей земли! Там потомки воздвигнут памятник подвигу, который мы сегодня совершим! Все в наших руках! Не найдись Минин и Пожарский, не было бы России после Ивана Грозного! Если не мы — интервенты будут сидеть в Кремле еще десятки лет! Вперед! Победа будет за нами!

Кольке показалось, свод тоннеля расколется как гнилая скорлупа от гулких криков, вырывающихся из глоток сотен партизан. Овации, аплодисментов не было. Был общий вопль, в котором слышались и почти животное желание снова жить по-человечески, и ненависть к загнавшему их в звериные норы врагу, и при-

знание ораторского искусства Ворона. Когда минут через пятнадцать, построившись, они выступили в поход, настроение было таким, словно партизан вели не на штурм, а пообещали к вечеру разместить в комфортном отеле с отдельным душем и каляным от свежести бельем на кроватях. Колька шел и думал о том, как изменится очень скоро вся его жизнь. Крым, семья, запах моря и пирогов были близко-близко, просто рукой подать. Людской поток в подземелье, как широкая, сильная река, увлекал его на встречу с этим прекрасным и неизбежным будущим.

* * *

Отряд Ворона, согласно общему плану, должен был выйти на поверхность в жилом корпусе Кремля. Задача — подавить охрану и захватить в плен человек сто-сто пятьдесят местных квартирантов. Обитали и столовались в здании, по словам командира, сплошь высшие чины армии интервентов. Где этот корпус находится и как выглядит снаружи, Колька вообще не представлял. Смутно вспоминалось только здание с зеленым куполом за Кремлевской стеной, над которым развевался в прошлые годы российский триколор. Но Ворон пояснил коротко: «Нет, другое». Странное дело, пусть в Колькиной памяти наскрести про Кремль было особенно нечего, воображению никак не давался тот факт, что за красными кремлевскими стенами прямо сейчас расхаживают туда-обратно интервенты, а на Красной площади звучит только немецкая или английская речь. Будто Кремль это не только положенные друг на друга и скрепленные цементом камни, но что-то еще, живое, с душой, что может быть только русским и никаким больше. Ведь, скажем, самого Кольку не превратить в иностранца, хоть ты на голову его поставь! Так и Кремль — душа его наверняка с презрением отвергла новоявленных хозяев. Как верная собака ждет не дождется, когда же, наконец, вернутся свои, родные и понятные. И завтра утром, когда начнется штурм, эта самая душа непременно будет на их стороне... Ворон, напротив, выстрадав под землей речь о том, как партизаны, подхватившись вместе, переделают всю мировую историю, опустил на землю, прогнал от себя высокие мысли. Отдавал себе отчет, что

успех задуманного зависит от множества мелких деталей, устройство которых нельзя отдавать на волю случая. Боевая операция представлялась ему цепочкой из множества последовательных шагов, часовым механизмом с десятками соприкасающихся зубчатых колесиков. Нужно тщательно проверить каждое колесико, а потом запустить механизм одним точным, взвешенным как на весах прикосновением.

Тоннель вывел партизан на лестницу — самую обычную, как в жилом подъезде, только невероятно длинную. Минут тридцать они карабкались вверх, порой выхватывая световым пятном фонарика из темноты надписи белой краской — «-15 этаж» или «Осталась половина пути». Наконец уперлись в кирпичную кладку, которую быстро и аккуратно раскорячили двумя ломами. Стена оказалась так себе, некоторые кирпичи выпадали сами как гнилые зубы. За ней обнаружился винный погреб. По счастью, пустой, иначе вся операция могла бы оказаться под вопросом, но все равно, с тягучим, сладким, кружащим голову ароматом. Был он отделан неровным камнем под старину, вдоль стен стояли деревянные стеллажи с сотами для бутылок. В одном углу свалены огромные пустые бочки. Надышавшись винного духа, партизаны расслабились, осмелели. По железной лестнице наверх лезли с охотой, без страха. Дверь погреба взломали весело, на раз, два, три. После погреба разделились на штурмовые группы по двадцать человек, у каждой своя задача. Группа Ворона должна была нейтрализовать центр управления охраной здания. Поблуждав с четверть часа по разнокалиберным лестницам, они очутились в конце концов на просторной кухне с несколькими большими плитами. Здесь, в полутьме, едва рассеиваемой парой голубоватых ламп дневного света, Кольку поджидало испытание: оставшиеся с вечера съедобные запахи, большей частью незнакомые, но оттого еще более восхитительные. Вдохнул — и сразу же охватила почти звериная страсть: бежать, искать, хватать руками, глотать без остановки, пока не сопрет от сытости дыхание... Один из бойцов, не выдержав искушения, потянул ручку холодильника, за прозрачной дверцей которого ровными рядами чернели темные кругляши винных бутылок. Ворон, на счастье, оказался поблизости, зашипел удавом — холодильник,

с легким хлопком, снова закрылся. И тут же тишину расколол оглушающий, апокалиптический грохот. Кто-то зацепил пирамиду из блестящих металлических кастрюль, стоявших на плите. Те Вавилонской башней обрушились на пол, и, злорадно перестукиваясь, разлетелись по всему полу. Партизаны разом, как тараканы от включенного света, разбежались кто куда. Ворон метнулся к двери — видимо, в засаду. Прошла минута, другая. Неужто пронесло? Но вот в соседнем помещении, куда вела двойная, наполовину застекленная дверь, вспыхнула лампочка. Раздались шаги и раздраженное бормотание не по-русски. Створки распахнулись. На пороге возник подсвеченный сзади темный сухощавый силуэт в униформе. Кольке почудилось, что вернулся он в детство, играет в прятки на чердаке дачного дома своего приятеля Володьки. Надо затаиться, выждать нужный момент, чтобы потом домчаться первым до двери и, постучав по ней рукой, радостно заорать странную рифму: «Туки-луки! Туки-луки!».

— Кто тут есть? Мыши?

Тип в униформе, похоже, сам в это не верил. Иначе зачем надо задавать вопрос по-русски?

— Инка, курва, ты опять крашасть еду! Вылезжать быстро, а то позшову солдат! И почему ты так противно сегодня вонять? Грязная русская девка! Ты должна мыть дупу¹ каждый день, раз ты работать на кухне!

Как странно, подумалось Кольке. Здесь, в занятом интервентами Кремле, идет своим чередом налаженная жизнь. Вот перед ними какой-то поляк или чех, присматривающий за кухней. А есть еще Инка, что время от времени ворует с кухни еду. Похоже, он уже ее здесь ловил. И через мизерные секунды эта самая до сих пор незнакомая ему жизнь столкнется с его собственной, и у Кольки появится нечто общее — с этим поляком, со всеми теми, кто живет здесь и до сих пор ничего о нем не знал... Тут опять звякнуло — кто-то из партизан неудачно поменял затекшую ногу.

— Ах ты курва! — взвизгнул поляк и ринулся к выключателю.

¹ Задница (польск).

Но Ворон оказался начеку. Причем все рассчитал правильно. Сначала его рука зажала поляку рот, а уже потом выпученными от изумления глазами тот увидел бородатое лицо и упертый в грудь ствол автомата.

— Добрый вечер, пан, — прошептал Ворон, когда пленного поляка развернули к нему лицом. — Надеюсь, понял: если хочешь еще пожить, то говорить нужно только по приказу и очень тихо?

Да, поляк сразу все понял. Он тут же весь съежился, втянул грудь, стал меньше ростом. В сумраке кухни Колька разглядел только белки быстро бегавших глаз и, кажется, беспомощно повисшие вниз кончики усов. Поляка, которому, судя по голосу, было лет пятьдесят, звали Анджей. Он вообще-то не военный, работает в системе снабжения. И к русским очень хорошо, между прочим, относится. Ведь все мы славяне, в конце концов... Ворон, покосившись на часы, прервал поток запоздалых прозрений. Начал быстро задавать уточняющие вопросы про апартаменты высшего начальства. Поляк отвечал сбивчиво, все время вставляя польские «ж» и «ш». Из ресторана еду часто разносили по комнатам, потому он прекрасно был осведомлен, кто где обитает. Командир, слушая его, быстро расставлял отметки карандашом на подсвеченной фонарем подробной карте здания. Когда поляк, помимо всего прочего, сообщил, что генерал-губернатор Москвы вчера ночью был убит, Ворон недоверчиво свел вместе брови, переспросил:

— Что? Убили?

— Да. Заршезала помощница. Отррезала горло как курице. Ее держат под стражей на третьем этаже, чтобы потом везти в Берлин. Апартаменты тридцать семь.

Найдя на схеме третий этаж, Ворон поставил небрежный крестик там, где указал поляк.

— Вот девка дает... Прям Жанна д'Арк, — в голосе Ворона проступила высшая степень уважения, которую когда-нибудь улавливал Колька. — Как же мы вовремя! Ради одного этого стоило сюда пойти!

Поляка, допросив, спеленали как куля, заткнули рот пакетом и мешком кинули за плиту. Но хлопотали они с «языком» на-

прасно: едва двинулись дальше, очутившись в разделенном на несколько изолированных залов ресторане, как до ушей Кольки донесся приглушенный, но все равно безнадежно унылый вой сирены.

— Запалились раньше времени, — Ворон глянул на часы, и лицо его перекосилась, будто попробовал он на вкус какую-то гадость. Потом добавил еще матерное слово. Со смыслом. Означало оно вот что: с этого момента план операции меняется самым решительным образом. Вместо того, чтобы ждать сигнала об отключении в здании электропитания, они, с автоматами наперевес, понеслись сломя голову туда, где сидела охрана. Первое, что увидел Колька в ослепительно чистом, обитом деревянными панелями коридоре, это бегущего прямо на них толстяка в расстегнутом черном кителе, без фуражки и босиком. Толстяк при том выкрикивал раз за разом вполне понятное Кольке слово:

— Партизанен! Партизанен!

Выглядело все, надо сказать, престранно. Можно было вообразить и такое: интервент обрадовался несказанно появлению партизан и бежит им навстречу, чтобы поскорее обнять как лучших друзей. Правда, скорее обезумел от страха и ничего уже не соображал. Когда короткая очередь скосила его, он отмерил по инерции еще пару широких шагов, а потом словно в воду нырнул руками вперед и с грохотом рухнул на пол. Когда Колька очутился рядом, взгляд его зацепился за лоб уже мертвеца, весь покрытый как крохотными бриллиантиками мелкими-мелкими каплями пота.

— Ишь, отожрался у нас в гостях, — выругался один из партизан, с размаху ткнув на ходу неподвижное тело носком грязного ботинка. И вот тут Кольке отчего-то стало до слез жалко толстяка в черном кителе, словно был то его боевой товарищ, с которым он пробегал не один год по подмосковным лесам. Вновь явился непонятный страх вторгнуться в чужую, устроенную жизнь, которая при соприкосновении с их жизнью может перемениться или даже исчезнуть. Зачем они только что его убили? Да, он был враг, но не представлял опасности. Скорее даже вызывал желание улыбнуться. Его можно было стукнуть, оглушить, заткнуть рот, связать. Но зачем лишать этой самой жизни — теплой и безумно

сложной? Такой же реальной, ощущаемой всем телом, как у самого Кольки... С улицы глухо, коротко ударил взрыв. Потом бухнули один за одним еще три. Там, похоже, было горячо. Толстая, бронированная дверь диспетчерской управления безопасности оказалась запертой изнутри. Недолго думая, на ней закрепили несколько тротильных шашек и взорвали. Потом добавили гранат. Грохот, вонь, дым. Внутри, в каше из побитой мебели и мониторов, обнаружилось десяток убитых и столько же раненых и контуженых. Те не стали проявлять ненужного героизма и, к тайной Колькиной радости, сдались в плен. Как раз в этот момент Ворону по радиации доложили: захвачен, хотя и с чувствительными потерями, армейский штаб.

— Спецы там были в охране. Десятерых наших положили. Пришлось гранатометами успокаивать. А потом пожар тушили.

Соппротивление удалось подавить, как и планировали, за полчаса, минута в минуту. Партизаны разбежались по зданию ловить заложников. Колька вместе со всеми рванул наверх по отделанной темным, волнистым мрамором лестнице на второй этаж. Здесь коридор уже был обит не деревом, а красивыми шелковыми обоями с замысловатыми китайскими узорами, переплетающими вместе тигров, попугаев, драконов, заросли бамбука и какие-то неведомые травы и цветы. Стояла поразительная для всего происходящего тишина. Даже на улице стрельба почти стихла. Партизаны осмелели — уже не пригибаясь и не заглядывая осторожно в каждую нишу или за каждый угол, шли по коридору, выбивали одну за другой блестящие лаком красноватые деревянные двери и всех, кого заставляли в комнатах, отводили под конвоем в холл. Здесь один из партизан, владевший английским, составлял общий список — имя, звание, род войск или занятий.

— Дочищай с Косым и Татаринцом этаж, а мы на третий, спасать нашу Жанну д'Арк, — приказал Ворон одному из партизан. — Остальные за мной, только сразу не соваться, там охрана, поляк сказал человек десять точно.

Опять лестница, но теперь они крались: медленно, тихо, по-кошачьи. Дверь на этаж — наполовину стеклянная. Ворон мотнул головой — один из бойцов подобрался к ней на короточ-

ках, приоткрыл слегка дулом автомата. В ту же секунду раздалась короткая очередь, и Кольку осыпало сверху стеклянным крошевом.

— Фак ю! — выпалил задиристо партизан.

— Молчи, идиот, — осадил его Ворон. — Это нам не поможет. Давай-ка я на схему гляну.

Командир вытащил из куртки сложенные листы бумаги. Перебрав их, вынул один. Колька, исхитрившись, тоже разглядел коридор с квадратными утолщениями в двух местах, обозначения лестниц и выходов.

— Малость они перестроили с тех пор, — пояснил Ворон остальным, — но базово все то же. Охрана сидит вот в этом холле. Наш человек здесь, дальше по коридору. Коридор простреливается как в тире с обеих сторон. Что делать будем?

— Да нечего думать, — ответил отрядный взрывник с позывным Шмидт — веселый низкорослый мужик с кудрявой шевелюрой и толстыми, короткими пальцами. — Забраться надо этажом выше и рвануть над ними потолок. А потом перестрелять сверху.

Ворон, похоже, засомневался.

— Вот так прямо дырку сделаешь?

— Ага. Как консерву тебе открою. Все по теории направленного взрыва. Рассказать подробно?

— Не надо. Давай, бери троих людей и наверх. Сколько надо времени?

— Минут двадцать.

— Давай. Обещаешь, что не сожжешь тут пол здания? Кремль все-таки!

— Обещаю.

Колька засек на часах время. Шаги бойцов вверх по лестнице смолкли, едва слышно щелкнула дверь. Стало так тихо, что через эту тишину начали прорастать прежде микроскопические звуки. Тиканье Колькиных часов, гудение лампы в лестничном пролете, путешествие воды вниз по канализационной трубе.

— Ты, Головастик, останешься здесь, — сказал внезапно Ворон, глядя в другую сторону, на выкрашенную желтым стену.

— Это почему же? — взвился Колька.

— Потому что я тут команду.

Колька посопел задумчиво. Он, конечно, и сам под пули особо не рвется. Но уж больно любопытно глянуть на шпионку. Как выглядит? Сколько лет? Блондинка или брюнетка? Грудь большая? Тут Колька воровато оглянулся, желая скрыть свои мысли. Установился на застывшие стрелки часов, пытаясь глазами протолкнуть их вперед.

Рвануло наверху ровно через двадцать две минуты. Здание ощутимо дернулось, как при землетрясении, даже, кажется, крикнуло. Секунда — и через разбитую дверь вместе с пылью и осколками до них дошла отрывка взрывной волны. Потом кусаче заговорили автоматы. Кто-то дико закричал — так, что нельзя было увернуться от этого крика, не обжечься им внутри вне зависимости от того, друг это кричит или враг.

— Пошли! — заорал Ворон и первым рванул в коридор, толкнув дверь плечом и выбив из нее остатки стекла. Пятеро бойцов, один за другим, нырнули следом в пыльное облако.

Крик не стихал почти ни на мгновение. Минута, вторая. Человек словно пел ужасную, надрывную песню — с одним-единственным, непонятым словом. Колька не мог больше терпеть. Подхватился и бросился за остальными, согнувшись пополам, сжимая холодными пальцами «калашников». В коридоре еще висела плотная, непроглядная взвесь, дышать можно было едва-едва. Тянуло гарью. Впереди возникло какое-то темное пятно. Он вскинул автомат, пробежал еще несколько шагов и увидел партизана, которого скрутил приступ надрывного кашля. Кашляя, тот изо всех сил инстинктивно прижимался к стене, напоминая заводную игрушку, которая никак не может обойти внезапное препятствие. Крик по-прежнему не стихал, перебивая деловитый, механический треск автоматов. Колька бежал на него, как будто кто-то изо всех сил звал его на помощь. Ему оставалось до холла метров десять, не больше, когда крик вдруг оборвался. Тут же из чадного ада донесся голос Ворона:

— Давай, раскручивай! Включаем!

Струя воды едва не сбила Кольку с ног. Он покатылся по полу и почти обнялся с мертвяком в черной форме, что, раскинув руки, лежал лицом вниз. Все было уже кончено, партизаны из пожарного брандспойта тушили загоревшуюся мебель и обив-

ку стен. Весь холл был иссечен пулями и завален бетонными обломками, на полу валялись несколько трупов. Наверху, вместо потолка, зияла огромная рваная дыра. Да, в самом деле как консерву.

— Кто так орал-то? — первым делом спросил Колька у командира, когда огонь залили.

Тот кивнул головой в угол:

— Вот тот хрен. Ему, похоже, шею перебило плитой.

В углу, свернувшись калачиком, так, что лица вовсе не было видно, лежал небольшого роста мертвец. Его голос все еще звучал у Кольки в ушах, как будто до сих пор не мог найти выхода из этих стен и догнать своего хозяина.

Шагах в тридцати, справа по ходу, находилась заветная дверь, ради которой им пришлось убить всех тех людей, что остались лежать в холле. Номер «37». Ворон отстранил угрожающим жестом двух бойцов. Те, похоже, уже готовились приложиться по лакированной поверхности прикладами автоматов. Аккуратно постучал костяшкой указательного пальца. Колька, стоя неподалеку, расслышал через некоторое время шелест шагов, золоченый шар дверной ручки слегка дрогнул, но не повернулся.

— Кто там?

Негромкий, но сильный женский голос. Вот она, понял Колька. Шпионка. Убийца генерал-губернатора.

Командир кашлянул. Кажется, не знал, каким голосом и что сказать. Зачем-то погладил пятерней жидкую бородавку.

— Меня зовут Ворон. Я командир отряда, которому вы помогли.

Ручка крутанулась до конца — дверь резко, как от сквозняка, распахнулась. Колька сразу же узнал ее — мягкий, размытый овал лица, мелкие, как угольная пыль, веснушки, слегка зауженные темные глаза и пухлые, почти детские губы. Волшебное видение, промелькнувшее в окне автобуса у Новодевичьего монастыря две недели назад.

— Я Сима. Сима Симонова.

— Извините, пришлось немного пошуметь. Но вам ничто не угрожало.

— Кто это так кричал?

— Одного из ваших охранников придавило потолком. Он уже мертв.

— Вы его *добили*?

Ворон на мгновение замялся.

— Нет, погиб в перестрелке.

Пожав одним быстрым, неловким движением руку Ворону, она бросила на него странный, испуганный взгляд. Веснушчатое лицо дернулось как от боли. Колька с удивлением подумал: похоже, кремлевская шпионка совсем не рада, что ее спасли из плена.

* * *

Голдстон проснулся от звука сирены. До того было короткое пограничное состояние. Техногенный вой внушал безысходную, выжигающую все внутри тоску, и на мгновение померещилось: он умер во сне и попал напрямую в ад. Уже открыв глаза, задался, наконец, вопросом: «Почему работает сирена, ведь Москву не могут бомбить?». Как только протяжный, натягивающий нервы до звонкой вибрации вой стих, за окном послышались частые-частые хлопки, словно на радостях кто-то взрывал в Кремле пестарды. Выстрелы. Кто и почему тут может стрелять? Неужели партизаны? Тоже научились проходить через стены?

Как чертик, выброшенный пружиной из табакерки, Голдстон вскочил с кровати и, пригибаясь, подбежал к окну. Сначала ничего не было видно — пустая площадь, похожая на хирургический стол, залитый жестким светом фонарей, в стороне неуютно чернеют кроны старых деревьев, а на фоне подсвеченного софитами неба чернеет затейливый, зубчатый контур Кремлевской стены. Внезапно темная фигурка — было даже сложно разглядеть, кто это, скорее всего солдат в распахнутой теплой куртке — торопливо вбежала почти в самый центр светового пятна на площади. Возникло странное ощущение: он — зритель, наблюдающий за театральным действием, и тот, внизу, сейчас декламирует стих или споет арию. Но вместо этого снова раздалась очередь хлопков — фигурка подпрыгнула на месте, опять же излишне театрально, а затем рухнула вниз и пластом растянулась на булыжниках мостовой. Прошло пару секунд пре-

жде чем Голдстон понял — на его глазах только что застрелили человека.

Стало холодно, хотя в комнате по ночам безбожно топили. Сев на пол, он подполз к шкафу с одеждой и начал лихорадочно одеваться в темноте. Потом в голову пришла мысль: одеваться не помывшись и не побрившись это непорядок. Мысль показалась настолько смешной, что он, в самом деле, едва не рассмеялся вслух. Вернувшись на кровать, Голдстон сел, закрыл глаза и минут двадцать пытался принять какое-то решение. Но в голову лезло другое — Свенссон, Сима, физик. Чем все происходящее обернется для них? Где-то прямо под ногами глухо бухнуло несколько раз, по зданию словно прошла судорога. Согнувшись почти пополам, Голдстон снова подобрался к окну, выглянул наружу. Весело тараторили, переговариваясь на своем языке, автоматные очереди. Из фрамуги слегка потягивало гарью, но пожара нигде не было видно. Распростертая фигура в круге света лежала на прежнем месте, единственное зримое доказательство того, что совсем близко одни люди убивают других. Но Голдстон почти кожей чувствовал — темнота вокруг заполнена непрерывной, тревожной возней, будто там, за пределами светового пятна, плодятся неведомые и опасные существа, что вот-вот заполонят все вокруг. Со стороны набережной раздался вертолетный стрекот, но через секунду, осветив темноту нехорошим кровавым отблеском, с земли стартовали одна за другой две ракеты. Голдстону показалось, что на долю секунды он даже разглядел невидимый до того вертолет — потом последовали две вспышки, и горящие обломки рухнули в Москва-реку. Он отвернулся и, пытаясь подавить припозднившийся страх, опять вернулся на кровать. Двадцать пять человек, экипаж и спецназовцы. Зачем, почему они только что погибли? Выполняли долг? Перед кем? Перед близкими, которым нужен газ, чтобы варить кофе по утрам?

И тут до него дошло.

Та самая шумная орда из бесчисленных вариантов мировой истории, что все время толкались у него под окном, все это вавилонское столпотворение по непонятной причине внезапно начало быстро-быстро сжиматься, совмещая свои измерения. Там и здесь они притирались друг к другу, искали пазы, новые

точки равновесия. История синхронизировалась — сокрушая людей, ломая человеческие судьбы и кости. Но это означает, понял Голдстон, и конец мертвой зоны, начало движения. Он почти физически почувствовал, как все вокруг куда-то движется, словно Кремль, Москву, поставили на колеса. Это был ток жизни — внезапно получившей направление и вместе с ним смысл. Подумалось странное: умереть сейчас было бы огромной глупостью. Ведь тогда он не сможет увидеть, куда же приведет это движение.

Тяжелый стук в соседнюю дверь заставил очнуться. Русская речь. Черт возьми, в самом деле партизаны. Выломав дверь, они ворвались к его мимолетному знакомому, бельгийцу, которому пару дней назад он помог справиться с замком. Прислушиваясь к звукам за стеной, Голдстон невольно ждал чего-то страшного: звука выстрела или криков истязаемого соседа. Нет, похоже, просто увели из номера. Значит, им нужны заложники, а не гора трупов, подумал он, счастливо вытерев мокрый лоб. Единственное, что стоит сделать, так это сжечь фотографию Кнелла. Кажется, здесь валялась зажигалка.

Едва тяжелый удар прикладом сотряс дверь, Голдстон сам повернул ручку.

— Это дорогая, красивая дверь. Зачем ее ломать? — сказал он по-русски оторопевшему от неожиданности партизану. Тот выглядел именно так, какими партизан рисовали в европейских газетах — лохматый, бородатый, дурно пахнущий мужик с полурасплющенным носом-картошкой, но при том совсем не злобный, скорее хитроватый, себе на уме.

— Если будете выполнять наши приказы, вам ничего не угрожает, — сообщил Голдстону его напарник, похожий на прямоугольный шкаф парень в очках, слегка сгорбленный, с выставленной вперед как у черепахи головой. Кажется, он уже утомился повторять эту фразу на английском и был рад возможности произнести ее на родном языке. Потом, поведя носом, уловил запах горелого.

— Жгли любовные письма, господин офицер? Нехорошо.

Голдстона препроводили в холл, куда он ходил за льдом и свежими газетами. Здесь обнаружилось два десятка жильцов вто-

рого этажа, в основном штабные офицеры, сидевшие в креслах или просто на покрытом малиновым ковром полу под охраной нескольких вооруженных автоматами партизан. За столиком, где прежде лежала «Москау таймс», расположился совсем молодой паренек лет двадцати с острым веснушчатым носиком и чем-то неуловимо лисьим во всей своей полудевичьей внешности. В страшно затрепанном по краям ежедневнике он составлял список взятых в плен.

— *What is your name and military rank?*¹ — спросил Голдстона паренек, старательно выговаривая рычащее английское «р».

— Он по-русски говорит не хуже нас с тобой, — снова апатично сказал шкаф в очках, передавая Голдстона. — Так что ты при нем поосторожней. Не трепись...

Паренек кивнул. Перешел на русский:

— Назовите ваше имя и звание.

— Джон Голдстон, штабс-капитан.

Его собеседник, похоже, пока не очень разбирался в европейской воинской иерархии. Глаза в недоумении забегали по странице в попытке отнести нового пленного к уже встреченному здесь подвиду или классу. Наконец, после долгих колебаний, начав отдельный столбец, он написал «Номер двадцать три. Штабс-капитан Джон Голдстон».

— Место службы?

— Министерство вооружений в Берлине. Я прилетел сюда в командировку в начале марта.

Голдстон не стал конкретизировать, над чем именно он трудится в Министерстве вооружений и зачем прилетел в Москву. Паренек не настаивал. Это был очень формальный допрос. Задав ему еще вопросы о возрасте, семейном положении и наличии детей, Голдстона присоединили к остальным пленникам. Все молчали, но общее настроение было далеко не самым упадочническим. Похоже, сидя в своих апартаментах и прислушиваясь к стрельбе в здании, многие успели попрощаться с жизнью.

Когда этаж «зачистили» до конца, всех построили в колонну по двое и повели вниз. Как оказалось, в ресторан, где негромки-

¹ Назовите ваше имя и звание (англ.)

ми ироничными приветствиями — «А вот и Франц, герой кремлевской битвы!» или «Артур, зря занимался бегом. От партизан не убежишь!», а также одиночными хлопками их встретили еще человек шестьдесят — полуодетые, заспанные, непричесанные. Среди них Голдстон заметил Свенссона — тот был вообще в темно-розовом домашнем халате. Под правым глазом в тон халату набухал здоровенный лиловый кровоподтек. Тут же обнаружился Отто Вальке — с торчащими во все стороны, словно наэлектризованными жесткими седыми космами и мутными, нездоровыми глазами. Он все время затравленно оглядывался по сторонам, словно искренне считал себя самым главным негодяем и опасался, что его вот-вот разоблачат. Увидев Голдстона, шеф контрразведки излишне энергично замахал ему рукой.

— Идите сюда, штабс-капитан!

Голдстон, единственно из опасения, что полковник может устроить некрасивую сцену, взял свободный стул и подсел к нему. Свенссон был явно не в себе. Симптомы стали еще заметнее, чем во время их последней встречи.

— Нравится моя новая форма? — задиристо спросил он, изказив лицо в попытке изобразить улыбку.

— В ней вы больше похожи на человека.

Полковник громко хохотнул. Многие обернулись. Голдстон уже пожалел, что проявил слабость и сел рядом.

— Тогда вас должно радовать, что вновь надеть мундир мне, скорее всего, придется не скоро. Если нас не пристрелят, на что я искренне надеюсь, то все равно будут держать здесь до тех пор, пока о чем-нибудь не договорятся. Мы заложники, Голдстон. Хотя, наверное, лучше быть заложником, чем покойником? Кстати, думаю, вы вполне можете рассчитывать на особые условия. Возможно, вас просто отпустят. Еще не узнавали?

Снова громкий хохоток и любопытные взгляды окружающих.

— Попросите вашу подружку-шпионку... Вы так прониклись местной культурой, что уже почти стали русским... Вас могут принять в партизаны... Черт возьми, какая предусмотрительность! И почему я не догадался съездить с ней в монастырь, поговорить о Толстом... Кстати, вы дочитали «Войну и мир»?

Они обыскивали номер, понял Голдстон, с отвращением и страхом вглядываясь в подвижные, кажется живущие своей отдельной жизнью безумные глаза полковника. Господи, какое счастье, что ни он, ни Сима больше не находятся в его власти.

— Можно задать вам один прямой вопрос? Сима ведь никого не убивала, так? Это вы сами подстроили? Подкинули ей окровавленный нож?

Да, был риск, что вопрос нарушит неустойчивое равновесие в голове у Свенссона. Все могло закончиться сценой еще более некрасивой, чем та, которой Голдстон опасался вначале. Но случилось странное. Нервный задор Свенссона испарился без следа. Полковник обмяк и сдулся, словно улитка в раковину втянулся в свой розовый халат.

— Знаете, Голдстон, страх тоже нужно сделать смертным грехом. Просто запретить его! Он заставляет нас совершать ужасные ошибки!

— О чем вы?

— О чем я, Голдстон?

Свенссон замолк на пару минут, уткнувшись мутным взглядом в пространство перед собой. Потом продолжил тяжелеющим, заплетающимся языком:

— Кто поддается страху, тот упускает из виду все поле игры и в итоге проигрывает... Теряет гораздо больше по сравнению с тем, что изначально боялся потерять... А вот ваша шпионка не испугалась и поймала свой шанс... Один из миллиона... Я хотел отправить ее в Берлин еще вчера, вместе с вами. Но она отказывалась признать, что вы участвовали в заговоре, потому ее оставили здесь еще на пару дней... Берегите ее, Голдстон. Она немало вынесла ради вас и еще больше могла вынести...

Стало душно, невыносимо душно и почему-то стыдно. Следом пришла жалость к Свенссону. Голдстон еще раз взглянул на него: глаза полковника были устремлены в себя, пытаясь уйти от контакта с настоящим, бессмысленным и по этой причине невыносимым. Он разговаривал с уже почти сумасшедшим человеком. Голдстон встал и тихонько отошел за другой столик.

Свенссон, кажется, этого даже не заметил. Прошло минут десять. Полковник вдруг вскочил с места. Огромный, двухметровый, весь розовый.

— Почему вы спокойно сидите?! — заорал он, потрясая в воздухе кулаками, вылезающими из широких турецких рукавов. — Мы европейцы! Вставайте! Эти варвары подчинятся нашей воле! Нашему взгляду, нашему повелительному голосу!

Ни один человек не тронулся с места. Кажется, Свенссона это вывело из себя.

— Труссы! Жалкие труссы! — с каким-то даже удовольствием заключил он и направился к выходу. У Голдстона промелькнула мысль: похоже, его пророчество вот-вот сбудется. Но обошлось без стрельбы. Двое охранников заломили Свенссону руки, второй размахнулся прикладом и коротко ткнул шефа контрразведки куда-то в челюсть. Потом размахнулся еще раз. Голдстон резко вскочил, крикнул по-русски:

— Он не в себе! Не надо его бить!

Приклад замер в воздухе. Скорее от того, что партизан удивился русской речи.

— Ты его врач что ли? — пробурчал он, совсем легко тыкая Свенссона в подбородок. — И чего теперь делать? У нас тут не психлечебница.

В конце концов Свенссону стянули руки ремнем за спиной и препроводили обратно на стул. Голдстону показалось, что многие были разочарованы — видимо, работавшие со Свенссоном не очень любили его.

* * *

Удивительно, но получилось даже немного вздремнуть — часа три или четыре. Когда Голдстон открыл глаза, за окном уже бултыхалась сероватая утренняя муть. Большинство пленных еще продолжали спать вповалку на креслах и диванах. Свенссон, которого он отыскал взглядом неподалеку, тоже спал, задрав нижнюю часть тела на подлокотник. Полог халата сполз вниз, показывая некрасивые, с фиолетовыми прожилками вен, болезненно-бледные ноги. У закрытой железным половником двери

на кухню сидели двое насупленных, невыспавшихся партизан и как собаки бессознательно принюхивались к проникающим оттуда запахам. На кухне, кажется, что-то варилось или жарилось. Еще трое охранников пристроились у входа в ресторан за столиком метрдотеля. Когда Голдстон, умывшись и прополоскав рот, вернулся из туалета, уже раздавали завтрак — два жареных яйца, кусок хлеба и чашка чая. Он с аппетитом съел все, что ему предложили, и устроился на стуле, чтобы поспать еще пару часов. Но едва успел закрыть глаза, как со стороны входа в ресторан до него донеслась словесная перепалка. Похоже, пришел еще кто-то и начал дискуссию с охраной. Долетали отдельные слова, но общего смысла не улавливалось.

«Ну и черт с ними, не буду смотреть», — подумал он, пытаясь поудобнее пристроиться на своем стуле.

— Джон Голдстон, — раздалось в этот момент почти торжественно. — Выйдите сюда, Джон Голдстон.

Он вздрогнул, услышав свое имя. То был тот самый парнишка с лисьим лицом. Видимо, помнил, что Голдстон понимает по-русски.

— Что случилось?

— С вами хотят поговорить. Пройдемте со мной.

Пытаясь притушить нехорошее предчувствие, Голдстон встал и под тяжелыми взглядами партизан-охранников вышел из ресторана вслед за пареньком. Никого из конвоиров больше не обнаружилось. Паренек отвел его в квадратный коридорный холл, где уже издали Голдстон разглядел в кресле хорошо знакомую грузную фигуру.

— Здравствуйте, Джон, — как-то суетливо обронил Быков, приподнимая свое могучее тело над креслом и протягивая короткопалую пухлую руку. — Рад видеть вас живым и здоровым.

Обычно почти неодушевленное лицо физика выглядело до странности живым. Неужели за него переживал? Видимо, Быков понял, что его раскрыли. Смутился. Потом еще пару минут собиравшись с духом, прежде чем начать разговор.

— Я обдумал сказанное вами во время нашей последней встречи. Мне захотелось вернуться к этой теме.

Голдстон печально улыбнулся:

— Боюсь, сказанное мной уже не имеет никакого значения. Я даже в туалет сейчас сам не могу сходить.

Быков сочувствующе кивнул. Кажется, даже серьезно.

— Насколько я понимаю, ваш статус может перемениться. И с туалетом, и вообще... Та женщина, которую обвиняли в шпионаже...

— Симонова? Сима?

— Точно. Она рассказала командиру партизан, что получала от вас помощь.

Жалко нет здесь Свенссона. Он бы оценил.

— И?

— Надеюсь, через какое-то время вы сможете отправиться куда захотите. Например, вместе со мной.

Голдстон закрыл глаза. Прислушался к себе. Он, несомненно, двигался. Ощутимо плыл куда-то в мощном, обволакивающем тело потоке. Там, далеко-далеко вниз по течению, его ждет Шангри-Ла. Нет, не бывший советский секретный научный центр. Волшебная страна, где с ним произойдет некая чудесная перемена, которая не может случиться больше нигде в мире. Он знает это, уверен больше, чем на сто процентов. Вопрос один: хочет ли он туда попасть? Претерпеть это загадочное и необратимое изменение? Да или нет?

— Почему вы решили взять меня с собой?

Кожа на лице Быкова сдвинулась складками, потом снова натянулась. Его всемогущий мозг-суперкомпьютер пытался подобрать из десятков тысяч слов несколько действительно нужных и сложить их вместе.

— В ядерной физике, чтобы запустить какой-то процесс, нужно сталкивать частицы. У людей точно так же. Ничего не происходит без взаимодействия.

Голдстон ответил ему серьезно, без иронии.

— Но я же для вас чужой.

— У материи, сил, частиц нет национальности. Есть заряд и масса.

— Моя масса вряд ли сравнится с вашей... Я уже и так ощущаю, что попал в поле вашего притяжения. Вращаюсь вокруг по эллиптической орбите...

Они расхохотались. Потом Голдстон смутился — он имел в виду в первую очередь интеллектуальную мощь физика.

— Главное — это заряд. А он таков, что нас с вами притягивает друг к другу. Мне трудно объяснить почему, но вам хочется верить. Силы — как в физике, так и в мире людей — действуют помимо наших мнений и предрассудков. Вспомните апостолов. На первый взгляд, мир был уже непоправимо грешен и обречен, но апостолы верили в грешников, и потому христианство победило.

Вера, о которой говорил физик, ощущалась сейчас Голдстоном даже физически. Обволакивающая стена упругого, горячего, покалывающего кожу воздуха. Голдстон чувствовал ее присутствие и во время первых встреч — но тогда оно было почти неочевидным, едва уловимым. Тем не менее эта невидимая сила наверняка так или иначе воздействовала на него. Выводила из состояния равновесия составляющие Джона Голдстона частицы, меняла их орбиты, перестраивала по кирпичику весь его каркас. Теперь все, в самом деле, готово к взаимодействию. Он и Быков вот-вот должны столкнуться.

— Что вы предлагаете?

— Отправиться в Сибирь. Посмотрите все своими глазами. Правда, есть одно условие. Только вы один. Без всякого сопровождения и военной охраны. Не знаю, как мы туда доберемся, но чисто математически шансы есть.

Голдстону вспомнилось — черная доска в витрине букмекерской конторы Саммертауна, на которой мелом писали ставки перед матчами премьер-лиги.

— Насколько они велики?

— Специально не считал, думаю, где-то один к трем.

Примерно как «Манчестер юнайтед» против «Ньюкасла».

— Можно сорвать хороший куш. У меня просто не остается выбора!

Он выдохнул с облегчением по поводу того, что все наконец-то решилось, и протянул физику руку.

Подробное донесение Ворона о штурме Кремля воскресило в памяти Лукина детские ощущения от советского мармелада: сваренный в приторной эссенции да еще сверху нещадно присыпанный сахаром. Съешь — и потом полдня во рту ничем не выводимая тошнотворная сладость. Он судорожно слотнул, притушив фантомный рефлекс, и нервно провел ладонью по иссиня-черным, совсем не подпаленным сединой в его пятьдесят волосам, наследство, доставшееся от предков по отцовской линии с Кавказа. Гляди-ка, тридцать лет прошло — а будто читаешь передовицу в «Правде». Сколько тогда было этому самому Ворону? Пятнадцать? Как же это все передается-то... Окончательно вывели из себя претензии Ворона на литературный стиль. Эпическое, в духе «Илиады», описание подвигов с поименным упоминанием героев. Собравшись с духом, он все-таки брезгливо пробежал текст глазами, стараясь не запачкаться в липкой патоке эпитетов и метафор. Но последний абзац, составленный уже по-деловому, неожиданно вызвал интерес:

«...В Кремле силами моего отряда был обнаружен содержащийся там под стражей российский физик Павел Быков, переправленный в Москву откуда-то из Сибири. В течение трех предыдущих недель его допрашивал специально прилетевший из Берлина штабс-капитан Джон Голдстон, эксперт Министерства вооружений. О чем они говорили, мне узнать не удалось. Не исключено, что Быков располагает какой-то ценной научной информацией, которую можно использовать в военной области. Очень важно, что Голдстон после заключения перемирия и обмена пленными через несколько дней вернулся в отряд. Теперь они с Быковым пытаются найти способ добраться из Москвы в Екатеринбург. У меня нет никаких оснований их задерживать. Однако отпускать тоже представляется неразумным. Прошу рекомендации штаба, как поступить».

Лукин забарабанил по крышке стола тонкими красивыми пальцами. Вспомнилось забавное: сумасшедший ученый, упорно добивавшийся встречи с ним где-то полгода назад. Лаврентий,

начальник службы безопасности, рассказал об этом похохатывая, как похабный анекдотец. Мол, явился миру новый Иисус Христос — из тайги. Исцарапанный, покусанный комарами. Только вот не плотник, а толстяк-физик с рецептом спасения человечества. Что-то зацепило Лукина тогда, захотелось глянуть на таежного Спасителя, но рутина отвлекла, закрутила... Неужели физик этот с тех пор от Новосибирска до Москвы дошагал? Навряд ли. Три тысячи километров по бандитским угожьям отмахать. Нет, невозможно.

Но зуд не унялся сам собой, захотелось проверить.

Откинувшись изящно на спинку кресла — он все старался делать красиво, даже когда никто его не видел, — Лукин вытянул, секунду ей полюбовавшись, холеную руку и вдавил в пульт кнопку громкой связи.

— Соедините меня с Лаврентием, пожалуйста.

Про него много что говорили, но с секретарями он был кинжально вежлив при любых обстоятельствах. Лаврентий, шеф службы безопасности, выслушав вопрос, перезвонил через пять минут. Звучал виновато, чуял своим милицейско-собачьим нутром — что-то сделали не так.

— Звали его Быков. Павел Быков. В ноябре депортировали мы его, выдали европам.

— Что? — изумился Лукин. — Зачем?

— Как партизанского вербовщика. У нас, Сергей Юрьевич, свой план — где-то тридцать человек в месяц... — бормотал Лаврентий все глуше. — Соглашение же есть о совместном обеспечении безопасности... Надо кого-то им передавать... Хватают всех подряд...

Все, что занимало мысли Лукина в последние недели, вдруг развеялось, отпустило. Переговоры о перемирии между оккупационной армией и партизанами, в которых сибирское правительство великодушно выступило посредником и гарантом. Соглашение о совместной с европейцами охране газовой трубы вплоть до старой российской границы. Забресживший на горизонте желанный пересмотр кабального тридцатилетнего контракта по экспорту газа. Все ушло. Вечером Лукин внезапно для службы протокола отменил поездку на торжественное

открытие построенного для беженцев из европейской России нового микрорайона. Сидел в кабинете, много курил и перечитывал куций протокол допроса Быкова, распечатанный крупным шрифтом на двух страницах. Фотографии не было, только описание внешности, и это сильно мешало представить все живую.

«Следователь: Повторите, пожалуйста, свою легенду.

Быков: Я не разведчик, у меня нет легенды.

Следователь: Хорошо, расскажите еще раз, что вы хотели донести до главы правительства Сергея Юрьевича Лукина.

Быков: Я хотел донести до него, что из непростой ситуации, в которой оказалась Россия и весь мир, есть реальный выход.

Следователь: Какой же?

Быков: Разве вас зовут Сергей Юрьевич Лукин?

Следователь: Нет. Но мы не можем сообщать председателю правительства обо всех, кто приходит сюда с рецептами спасения человечества. Вас, ходоков, нужно фильтровать.

Быков: И что, много таких? С рецептами?

Следователь: Хватает. Можно книгу рецептов издавать... Извините, у меня нет времени на словесные прения. Вы хотите сообщить о себе что-то конкретное? Кто вы? Откуда появились в Новосибирске?

Быков: Повторяю еще раз: меня зовут Павел Быков, я гражданин Российской Федерации, по роду занятий — ученый. Физик. Приехал в Новосибирск с Урала, где проживал последние двадцать лет.

Следователь: Почему вы хотите встречи именно с Лукиным?

Быков: Он кажется мне человеком, способным понять то, о чем я говорю.

Следователь: То есть я не смогу понять?

Быков: Боюсь, что нет.

Следователь: Вы так далеко не уедете. Неужели сами не понимаете?

Быков: Я фаталист. Если мне суждено попасть к Лукину, то я к нему попаду».

Таежный юродивый. Надо же, нашел-таки себе слушателя. Даже, похоже, обернул этого самого штабс-капитана в свою веру. Но вот что за вера? О чем могли они беседовать друг с другом целых три недели? Вопрос, вроде бы пустой и ни о чем, не давал покоя Лукину, ближе к полуночи уже почти развоплотившемуся в облаках сигаретного дыма. Цепь странных, невероятных совпадений гипнотизировала его ум. Физик очевидно двигался по проторенному фарватеру. История, которая есть непостижимое предпочтение случайностью одних выборов перед другими, в открытую благоволила ему. Странное дело, внутри как ровное, спокойное, но все равно болевое пламя спиртовки, разгоралась ревность.

* * *

Лукин принадлежал к посткоммунистическому поколению кремлевских обитателей, называвших себя «менеджерами-универсалами». Они не делали особых различий между политикой и бизнесом, они работали на корпорацию Russia Ltd, зарабатывавшую три триллиона долларов в год, получая каждый свой процент. По диплому Лукин значился, кажется, руководителем народного театра. Но что значат дипломы в эпоху революций? Ленин и Кастро готовились стать адвокатами, а Мао учителем. В моменты великих потрясений ценится умение извернуться и скинуть других под гигантские жернова истории, а потом спринтерски вскарабкаться по чужим черепам на самый верх. И вот здесь Лукину нашлось бы мало равных. Еще в детстве юркий, похожий на славного, но все равно хищного и зубастого зверька чернявый паренек умел добиваться нужного результата, объединяя или сталкивая интересы близких людей. Приятели, родители, даже полуглая бабушка сами того не ведая становились участниками хитрых многоходовок, которые увлеченно разыгрывал талантливый Сережа. Незаметно подчинять других своей воле, направляя ход событий туда, куда он хочет, было для него высшим удовольствием. Институт социалистической культуры, где студенты проходили курс актерской подготовки и основы режиссуры, отточил эти кукловодческие навыки. Где бы

ни трудоустроивался в начале своей биографии молодой специалист Лукин, он везде становился центром бурной деятельности. А вскоре звезды сложились совсем красивым узором. Началось благословенное время — смена эпох, когда, как в рождественскую ночь, возможны любые чудеса, ибо верх становится низом, а низ — верхом. Лукин, удачно женившись, получил в качестве приданого пост вице-президента по коммуникациям в одном из вновь народившихся частных банков. Многоходовки стали сложнее. Банк вкладывал деньги клиентов не только в гособлигации, но и в депутатов, обязанных лоббировать нужные законы. Покупки эти, конечно же, согласовывались с людьми за Кремлевской стеной. Потому-то Лукин скоро стал вхож в администрацию. Его начали привлекать для оказания политических консультаций, а через несколько месяцев напрямую пригласили поработать в Кремле.

Кремлевские коридоры в начале столетия заполняли люди, подобранные, кажется, не только по складу мышления, но и по внешности. Невысокого роста, с улыбочивым ртом и холодными глазами, с крепким рукопожатием и конкретными разговорами. Они верили только в то, что можно положить на банковский счет или в кровать. Лукин казался здесь чужаком даже внешне. Южного типа, высокий, разговорчивый, на первый взгляд открытый любому нараспашку. Поначалу он ощущал себя в Кремле словно в аквариуме с глубоководными рыбами: кожи то и дело касалась холодная, водянистая, диффузная материя. Здороваясь, зачастую хотелось отдернуть руку. Лукин осознанно презирал большинство из тех, с кем сталкивался здесь, за одноклеточность. Именовал их не иначе как *homo concretus*, человек конкретный. Жизнь *homo concretus* была запрограммирована всего на два режима: «пугать» или «бояться». Занятия этого примитивного существа выглядели до зевоты однообразно. Купля-продажа постов, захват собственности, откаты и распилы. Рефлексы и поведение легко поддавались прогнозированию. Лукин смотрелся среди окружения интеллектуальным Гулливером. Но наслаждался он ощущением превосходства недолго. Однажды его осенило: эти люди и он с ними заодно вовсе не управляют Россией, как кажется со стороны. Находятся они за кремлевской стеной, потому как им милостливо

разрешили тут временно пребывать. Они — всего-навсего вши, обитающие на человеческой голове и возомнившие себя на том основании выше остальных форм жизни. Их лишь терпят — до поры до времени. Управляет же событиями разумная — но при том не человеческим разумом — сила, которая, в отличие от них, занята важными и нужными делами. Сила всемогущая, всезнающая и безжалостная. Видимым, физическим воплощением ее, сам того не осознавая, является народ, парадоксально живущий в убеждении, что все решается без его мнения и участия.

Дошел Лукин до этой мысли даже не головой. Обосновавшись в Кремле, он спустя какое-то время начал ощущать нечто, напоминающее сильную гравитацию. Как будто к Земле незаметно приблизилась громадная, во много раз более массивная планета, чья сила притяжения начинает влиять на все вокруг. То было очевидное свидетельство о наличии неизвестной формы жизни, как только по косвенным признакам можно определить черную дыру, которую не увидит ни один телескоп. Она, эта жизнь, существовала рядом, под боком — и, тем не менее, оставалась скрытой от глаз. Поднявшийся на вершины власти интеллектual и стратег Лукин постиг то, что никогда не могли бы понять homo conpctus. Народ, который представлялся им в лучшем случае безликим ресурсом в азартной игре на деньги и власть, жил как единый организм, как одно существо — громадное, опасное, беспощадное. Лукин, давно привыкший все систематизировать и представлять в виде схем, измыслил для него термин *национальная матрица*. Генетическая схема, бессознательно влияющая на поведение миллионов людей и синхронизирующая их действия в пиковые периоды. В ней он видел, с одной стороны, тягу к «сильной руке» и строгой иерархии, с другой — склонность к хаосу и насилию. Иначе говоря, разнонаправленные, приводящие в сумме к нулю векторы силы. Приручить, использовать энергию матрицы, которая представлялась Лукину в образе похожей на торнадо воронки, удавалось лишь тому, кто шел у нее на поводу. Ленин, к примеру, направил эту чудовищную мощь на тотальное разрушение всего существующего порядка — и матрица не просто стала служить ему, она обоготворила своего вождя. Сталин воссоздал в двадцатом столетии модель средневековой восточной деспотии и, опять

же, был вознесен на вершины мировой истории. В противном случае национальная матрица либо игнорировала идущие сверху сигналы, отчего страна постепенно хирела и впадала в ленивую спячку, либо избавлялась от правящих кланов и режимов в режиме цунами, что играючи смывают обреченный прибрежный город. Не будучи тираном или революционером, заключил Лукин, невозможно использовать во благо эту бессознательную энергию людских масс. Потому — во избежание потрясений и катаклизмов — национальную матрицу надо обманывать, вводить в заблуждение, вроде бы скармливая ей любимые лакомства, но в реальности всячески сдерживая в русском человеке проявление присущих матрице крайностей. В обозримом будущем в России не должны быть допущены к власти ни коллективистские, левые, ни националистические, правые партии. Пусть уж лучше правит *homo concretus* — практичный, приземленный, но при том не подверженный никаким отвлеченным идеям, этому корму, на который впавший в очередное безумие русский человек будет слетаться оголодавшими стаями. Но, дабы угодить матрице, власть изо дня в день должна разыгрывать столь любимый национальному бессознательному спектакль. Жесткий лидер, сильная страна, большие идеи. Между тем, за эпоху царствования *homo concretus*, лет пятьдесят, не меньше, нужно всеми силами попробовать перестроить матрицу, подавляя общее и развивая частное, изводя и ослабляя живущую в народе огромную, опасную тварь. Возглавив вскоре кремлевский аппарат и получив рычаги влияния на все, что только можно, Лукин приступил к кропотливой сборке сложного механизма управления страной, который в точности отражал его идеи и страхи.

Прошло десять лет. Казалось, трансплантация удалась. Россия в глазах Лукина все больше выглядела как обычная европейская страна. Без странностей, отклонений и аномалий. Озабоченная, погруженная в одни практичные, сиюминутные вопросы. Но вот загадка — едва ее достигла первая, даже еще не болезненная особо волна мирового кризиса, все странным образом начало таять и чахнуть, как мартовский снег под весенним дождем. Государство-колосс, пережившее в истории не один глобальный катаклизм, валил с ног приступ заурядного экономического

триппа. Неудивительно, что Лукина, главного идеолога и творца обанкротившейся системы, было решено сделать очистительной жертвой. Его изгнали из Кремля и сослали губернаторствовать за Урал, в Новосибирскую область, откуда, из провинциально-го забвения, он потом с недоумением и ужасом наблюдал за тем, как нелогично рушится прежний мир. Иностранная интервенция, напротив, предсказуемо вернула Лукина на вершины власти. У европейцев не имелось ни ресурсов, ни желания заходить в пространство за Уралом. Сибирь, несравненно более дикая, чем европейская Россия, скорее их пугала, чем манила. Но, с другой стороны, непременно требовалось поддерживать здесь мало-мальский порядок и обеспечивать нужный объем нефтегазодобычи и экспорта. Так, из одной только экономической логики, родилась идея Сибирской республики, квазигосударства, необходимого для обслуживания нефтяных вышек. Лукин по причине своего кремлевского прошлого и вывезенного в английские банки состояния оказался наиболее подходящим кандидатом на пост генерального менеджера.

* * *

Замучив в малахитовой пепельнице окурочек то ли восемнадцатой, то ли двадцатой по счету сигареты, Лукин приказал себе остановиться. И курить, и думать о прошлом. Вернулся мыслями к физику, чудесам, им явленным. Какое знание тот носит в себе? О чем хотел поведать? Куда собирается отправиться? Что открыть новообращенному англичанину? Догадка Ворона о причастности физика к важным научным разработкам казалась паранойей. Нет, то был в чистом виде каприз. Раздражение ребенка, чью игрушку, с которой прежде не хотелось играть, взяли и отдали другому мальчику. После чего игрушка сразу резко прибавила в своей ценности.

Лукин и сам прекрасно понимал цену этим страданиям. Будь он уверен в необходимости такого шага, то, не медля ни минуты, отдал бы приказ провести рискованную, но осуществимую операцию по похищению физика из Москвы и экспресс-доставке его в Новосибирск. Но отдать такое распоряжение мешало не

только опасение усложнить переговоры по новому газовому контракту. Захотелось проверить до конца замысел судьбы, увидеть, как далеко она готова пойти ради физика, расщедрится ли на новые чудеса. Более того, заведомо усложнить для нее подобную щедрость. Потому, внезапно пришел к парадоксальному выводу Лукин, пусть едут, куда собрались. Но надо сделать так, чтобы по пути их встретили и препроводили сюда. На аудиенцию, которой так добивался физик. Вот на этот самый стул.

Спал Лукин в ту ночь мало и плохо, покачиваясь на неприятной зыби полудремы. Ровно в девять в кабинете перед ним уже стоял навытяжку шеф службы безопасности Лаврентий Мороков. Рядом с холеным, с иголки Лукиным смотрелся он непрезентабельно. Грузный, лысый, заросший неопрятной бородой, хромой на левую ногу, тяжело дышащий на ходу, одевающийся в мешковатые костюмы. Но два качества легко перевешивали в глазах эстета Лукина все внешние недостатки — личная преданность Лаврентия и доскональное знание им нужного предмета. Как-никак, проработал в органах лет тридцать. Сейчас в собачьих, ждущих команды глазах читалась растерянность. Лаврентий искренне не понимал, как столь никчемный предмет смог захватить воображение хозяина. Хотя честно допускал: не хватает мозгов, чтобы понять.

Лукин не стал поминать старое, допытываться, кто решил выдать физика. Спросил задумчиво, поглядывая на карту прежней России, занимавшую в кабинете полстены.

— На машине из Москвы в Екатеринбург... Возможно сегодня такое?

Улыбка Лаврентия выразила среднее между угодливой усмешкой — на случай, если шутка — и крайним скепсисом. Он тоже покосился на карту. Провел мысленно линию, соединяющую две точки. Даже так получалось очень не близко.

— Целое приключение, Сергей Юрьевич. Там же сейчас дикое поле, банда на банде. Махновщина полная...

Лукин согласно кивнул, хотя думал о своем. Взвешивал что-то в красиво подстриженной, без седины голове, аккуратно насыпая на разные чашки весов. Наконец спросил:

— Ты, я слышал, знал в прошлой жизни Генерала?

— Того, что на Волге?

— Да.

Генерал. Так, с большой буквы, почтительно называли главаря многочисленной, в пять тысяч стволов, банды, подчинившей себе значительные территории между Нижним Новгородом и Уралом. Говорили, у него на вооружении имелись даже танки и вертолеты. В общем, приличная такая армия.

— Знал — громко сказано. Помогал через знакомых замять одно дело, в котором тот был замешан. Но думаю, он меня запомнил. Ему светило тогда пожизненное.

Лукин решил не уточнять. Биография Генерала его не интересовала. Речь шла о разовой услуге.

— Мы можем его кое о чем попросить? Не бесплатно, конечно. Встретить физика, который собрался в Екатеринбург, и доставить сюда. Только предупреждаю — бережно и аккуратно. Он нужен не просто живым — в хорошем настроении. Иначе никакой платы.

Лаврентий задумался. Его полные лиловые губы неосознанно начали повторять движения, напоминавшие процесс жевания. Возможно, именно так мозг тщательно пережевывал услышанное.

— Попробуем. Прямых контактов у нас нет. Найдем не прямые. Думаю, в Екатеринбурге наверняка сидят связанные с ним люди. Там все сидят. Вольный город.

Лукин щелкнул пальцами — чуть не забыл.

— Этому вашему Ворону надо поехать с физиком, охранять его и, если они все-таки доберутся до Екатеринбурга, передать там кому надо. Дайте понять: все это невероятно важно, так как физик владеет военными секретами.

— Он действительно... владеет?

— Почти наверняка нет. Девяносто девять процентов.

— Ворон должен знать про Генерала?

Задумавшись на мгновение, Лукин скрестил указательные и средние пальцы обеих рук. Вот рту опять появился слащавый привкус. Нет, они точно не сработаются. Нужен хоть какой-то литературный стиль. Военную задачу этот человек выполнил. Как возможная фигура в политике может быть даже опасен. Все очевидно.

— Ворон меня не интересует. Дорога на Урал беспокойная. Неудивительно, если с ним что-то приключится.

Пыхтя и подволакивая ногу как старое, уже отжившее свой век животное, Лаврентий удалился исполнять поручение. Лукин же, подойдя задумчиво к обширной карте, принялся сантиметр за сантиметром обшаривать глазами закрашенные зеленым цветом громадные, безлюдные проплешины за Уралом. Словно пытался угадать, где находится то самое место, которое извергло из себя таежного Христа. «Почему эта страна все-таки такая большая, такая необжитая и дикая?» — с раздражением подумалось ему. Будущее, понятное и предсказуемое еще вчера, теперь напрямую зависело от этого бескрайнего пространства. Невообразимых для цивилизованного человека расстояний, что неизбежно превращаются во время — часы, дни и, возможно, недели, которые предстоит провести в тревоге и неведении.

2

Дорога. Все в жизни рано или поздно выводит нас на нее. Возможно потому, что жизнь, по большому счету, есть путешествие из одной понятной точки в другую, тоже хорошо известную точку. А еще, подобно жизни, дорога это неизбежное взаимодействие и, как результат, изменение. Нередко начинаешь ее одним человеком, а заканчиваешь совсем другим. Да, прежде Голдстон особо не задумывался над философским смыслом своих перемещений в пространстве. Но сейчас определенно ощущал себя местом, откуда очень скоро придется уехать навсегда. С прилаженным, подогнанным к коже настоящим уже связывало гораздо меньше, чем с неизведанным будущим. Тот самый живой поток, присутствие которого рядом с собой он пережил в ночь штурма Кремля, вот-вот должен был подхватить его и со скоростью курьерского поезда унести на восток — за Урал, в Сибирь, а может, и еще дальше. Трудно было указать на место и время, сказать наверняка, когда, в какой точно момент свалившееся как снег на голову поручение Кнелла превратилось в его собственное, главное в жизни путешествие. Первая беседа с физиком? Поездка в Новодевичий? Избавление из каменной могилы? Нет, здесь одно выросло из другого и тут же было невозможно без третьего. Кнелл, Быков, Сима, Свенссон, партизаны, даже давно покойный дед словно состояли в общем заговоре, изо всех сил пытались вытолкнуть его на заданную траекторию. Сделать так, чтобы он, Джон Голдстон, по свободной воле решил отправиться

ся черт знает куда, даже особо не рассчитывая добраться туда живым. Потому-то, наверное, он ни минуты не сомневался — *путешествие* непременно состоится. Пусть пока и непонятно, как и когда все устроится.

Москва после подписания в середине апреля перемирия с партизанами являла собой еще более странное зрелище, нежели по приезде туда Голдстона. Подобно Берлину в прошлом столетии, ее разделили теперь в пределах Стены на два сектора, западный и восточный. На линии разграничения, едва обозначенной приваренными друг к другу железными барьерами, стояли сибирские миротворцы, молодые, серьезные парни в синем камуфляже. Голдстон переходил эту символическую «границу» дважды. Сначала из «партизанского» сектора в «европейский» вместе с другими освобожденными заложниками, потом, уже в полном одиночестве — обратно. Отряд Ворона, сдав Кремль миротворцам, переехал в район Чистых прудов, полностью заняв там старинный, начала прошлого века, четырехэтажный особняк. Так у Быкова оказалась в распоряжении просторная квартира с высокими потолками и огромными окнами, обращенными прямо на только что оперившийся первой зеленью бульвар. Одну из комнат он с радостью предоставил в распоряжение Голдстона. Встречались же они на светлой, в стиле прованс, кухне, где вечерами пили травяной партизанский чай из ромашки и зверобоя с обсыпанными сахаром сибирскими сухарями и, задвинув всякую философию, обсуждали только всевозможные способы добраться до Екатеринбурга. Хотя способ, по большому счету, вырисовывался только один — найти машину и провожатых, согласных на столь рискованную затею. Быков попросил Ворона подыскать им надежных попутчиков-охранников среди подмосковной партизанской братии. Речь шла о двух-трех опытных бойцах и автомобиле, большой конвой только привлекал бы ненужное внимание. У Голдстона имелась приличная сумма на оплату поездки — от еврокомиссара Кнелла, который, пусть и с тяжелым сердцем, согласился на авантюру. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь ближе к середине мая, через две недели после возвращения Голдстона в отряд.

— Все. Я нашел того, кто нас отвезет. Сам Ворон, — сообщил Быков, встретив вечером Голдстона на кухне. Тон его звучал по-деловому, но все равно физик был заметно доволен тем, что наконец-то разрешился столь мучивший их вопрос.

— За деньги? — искренне удивился Голдстон, успевший проникнуться идейностью партизанского командира.

— Нет, просто так. Хочет заодно посмотреть, что творится на просторах нашей многострадальной матушки-России.

Голдстон нахмурился.

— Я не очень доверяю Ворону. Кажется, он что-то подозревает.

— Боюсь, других вариантов придется ждать долго. Торжественно обещаю: мы с благодарностью распрощаемся с ним в Екатеринбурге. Дальше отправимся сами.

Отъезд назначили на последнюю неделю мая. Едва Голдстон узнал точную дату, с ним приключилась странная перемена. Он ушел в себя, погрузился в эмоциональный анабиоз. Захотелось полной внутренней тишины. Комната с видом на памятник Грибоедову превратилась в келью в отдаленном буддистском монастыре, где он без всякой спешки смог разобрать себя как сундук с барахлом. До самого дна, чтобы пойти налегке, взяв только самое нужное. Окружающие, кажется, угадывали эту почти физиологическую потребность в одиночестве. Как сговорившись, оставили Голдстона в покое. Даже Быков теперь изрекал ему за день не больше пяти-десяти фраз, будто уже растратив весь запас того, что мог сказать, за время предыдущих бесед. С Симой, жившей по соседству на нижнем этаже, все сошло на нет еще раньше. Да, внешне она выглядела милой, приветливой, иногда заходила рассказать новости, что передавали по радио. Но было понятно — то, прежнее, кончилось, а для нового должно случиться что-то еще. Каждый раз, когда Голдстон видел ее, помимо воли вспоминал — сначала Сима могла убить его. А потом была готова умереть ради его спасения. Вместе невероятно много, чтобы втиснуть в себя, а потом еще и предложить в ответ нечто равноценное.

Полностью отключившись от внешнего, Голдстон чувствовал себя человеком, запертым в темной комнате. Глаза медленно, болезненно привыкали к отсутствию света. Потом начали проступать очертания предметов, которые прежде не замечал в упор. Главным из них, на удивление, оказался он сам. Неожиданно маленький в размерах и плотно запакованный в коробку комплексов и условностей. Эта коробка — дом, место, где Голдстон появился на свет, вырос и которому должен был соответствовать. Англия. Стиснутая рамками отведенного ей Богом острова. Живущая в компактных домах с низкими потолками и мини-садиками для барбекю. Уверенная на века вперед в первородном превосходстве над теми, кто обитает «за проливом». Стремящаяся переделать мир сообразно собственному устройству жизни и языку. Изучающая чужой опыт здесь и там только для того, чтобы закрепить свое преимущество. Ему всегда чего-то не хватало в классической английской схеме: жизнь, пусть и ладно скроенная, ради статуса, конвертируемого в деньги и наоборот. Он не достигал отклоняющихся от общего фона значений, не мог проявить себя так, что стало бы понятно — вот он сам, неразбавленный и первородный, а не среда или уклад жизни. Его не зашкаливало, не подбрасывало вверх до небес, не швыряло лицом в грязь. Ничто запредельное не вытягивало его «я» наружу. Что под этой прилаженной еще до рождения маской? В ней ему было отчаянно тесно. Чему-то там внутри она пришлось не по размеру. Пазы не совпадали, больно натирали мозоли. Со всем другой, вселенский размах — вот что манило его в России. Необъятный мир, который при том вовсе не превращает Джона Голдстона в точку-ничтожество. Напротив, тот странным образом вырастает пропорционально выбранной системе координат. По идее, улыбался Голдстон, в Сибирь должен приехать ну очень большой пассажир...

Конкретный план путешествия, напротив, мало занимал его. Равнодушно, урывками, он узнавал подробности замысла Ворона. За пару дней от отъезда придется перебраться из Москвы в лесной бункер, где долгое время скрывался отряд. Оттуда они и отправятся в путь на джипе партизанского командира. С собой захватят прицеп, загруженный горючим, оружием и съестными

припасами. На пару с Вороном поедет вовсе не какой-нибудь громила, как можно было бы ожидать, а примеченный Голдстоном еще в Кремле молоденький парнишка-партизан, что при каждой встрече с пленным англичанином со священным ужасом, будто наблюдая привидение, вглядывался в него своими широко распахнутыми белесо-серыми глазами. Накануне отъезда из Москвы к их компании решила присоединиться еще и Сима. О ее мотивах Голдстон даже не размышлял. Возможно потому, что заранее предчувствовал такой поворот. И желал его, и боялся. Первым же пунктом назначения на пути в Екатеринбург Ворон определил крестьянскую коммуны в двухстах километрах от Москвы, с которой партизаны поддерживали постоянные торговые связи — выменивали оружие на самогон, сухари и картошку. Там, пользуясь полученными от местных сведениями, они наметят цель и маршрут для следующего броска. И так до самого Урала.

День отъезда выдался хмурым, неприветливым, хотя почти весь май, напротив, слепился на редкость солнечным и жизнерадостным, полным первого, нежного тепла, клейких раскрывающихся листьев и ранних пахучих цветов. Но сегодня сама природа словно понукала их сняться с насиженного места. Еще до общего подъема Голдстон успел прогуляться, встал в половине шестого и дошел неторопливо до партизанского отхожего места, соседствовавшего с аэродромом ельника, где с огромных, как крылья доисторического ящера, лап елей за шиворот щедро капала вода от ночного дождя и сыпались мертвые, пожелтевшие иглы. Ровно в семь в закуток в бункере, где он провел ночь, заглянул Быков. Физик наконец отказался от свитера с санта-клаусами и щеголял теперь в армейском камуфляже, что смешно пузырился на его несуразном грузном теле.

— Пора, Джон, — сказал физик, улыбаясь непривычно кроткой, застенчивой улыбкой. — Не передумали ехать?

Как он мог передумать, если его давно уже здесь нет? Молча кивнув, Голдстон вылез из толстого спального мешка. Аккуратно сложил его вчетверо, взял приготовленный с вечера рюкзак и мелкими шагами, чтобы не споткнуться в полутьме, заспешил к железной лестнице, которая через бетонный ствол шахты вела наружу. Внутри бункера было душно и смрадно, здесь же сыро

и промозгло до самых костей. Из рта едва дымился пар, тут же бесследно тонувший в плотных складках утреннего тумана. Прощание оказалось немногочленным. Пришли двое партизан помочь дотащить последние тюки с провизией до ангара, где Ворон прятал джип, черный «лэнд круизер», и вагончик-трейлер. Пока усаживались — Ворон и Быков спереди, Сима, Голдстон и Колька сзади, — никто не сказал ни слова. Лишь когда Ворон уверенным движением вставил рычаг в первую передачу, Сима, отвернувшись к окну, тихо, но слышно выдохнула:

— Ну... с Богом!

Ворон, покосившись назад, криво улыбнулся одной стороной лица, но промолчал. Довольно рыкнув, словно предвкушая неблизкий путь, автомобиль тронулся с места и скоро уже заплясал по ведущей к «бетонке» битой асфальтовой колее.

* * *

Когда Колька столкнулся лицом к лицу с англичанином — тем самым, которого они едва не подорвали на Ленинградке из ПТУ-Ра¹, — стало ему поначалу жутко, совсем как в крошечной тьме секретного метро. А сразу после — счастливо, словно встретил, наконец, мать с отцом. Видение, как этот худой, белобрысый верзила по его, Колькиной, вине лежит развороченный на части в горящем автомобиле, тоже отчего-то взрывало все у Кольки внутри. Напротив, глядя на живого, с ногами-руками интервента, Колька переживал, наверное, то же самое, что апостолы при виде вышедшего из могилы Христа. Радость — и сразу же священный страх перед тем, кто вернулся оттуда, откуда обычно не возвращаются. Позже, уже в доме на Чистых прудах, пришла мысль: неплохо бы познакомиться с пленным офицером, который, как оказалось, отлично болтает по-русски. Обсудить ту историю, через которую они вместе прошли, каждый со своей стороны. Был в этом счастливом двойном избавлении — англичанина от смерти, а Кольки от греха убийства — важный для обоих смысл, с которым можно много чего в жизни понять. Колька не сомне-

¹ Противотанковая управляемая ракета.

вался: рано или поздно они отлично поладят с англичанином. Напротив, с прекрасной незнакомкой из автобуса, обернувшейся работавшей на Ворона шпионкой, все оказалось не в пример запутаннее. Да, головой Колька ясно понимал: поступила она совершенно по-геройски, перерезав горло ничего не подозревавшему генерал-губернатору. Ворон вот наверняка ей орден за это выхлопочет. А позже, может статься, назовут ее именем улицу в Москве или площадь. Но едва отключал голову, как тут же возникала непонятная заковырка, через которую Колька, при всем желании, никак не мог перейти. Представлялось ему гладко выбритое горло бедолаги-француза и женщина с мягким, веснушчатым лицом, которая берет почему-то здоровенный кухонный тесак для рубки мяса и спокойно производит им всего лишь одно неуловимое, но точное рассекающее движение. А потом все становится мокрым и красным-красным. Невозможность поверить до конца в эту сцену как неприятная зараза с неделю мучила Кольку, пока однажды утром он не проснулся полностью излеченным, обнаружив с удивлением, что заодно исчезла и потребность в поклонении неземному образу. Лениво поискал свой прежний восторг здесь и там по закоулкам памяти, но, ничего не обнаружив, только зевнул и перевернулся на другой бок.

Слова Ворона о том, что поедет он с командиром вместе в далекую, неведомую Сибирь, Колька поначалу принял за шутку. Даже более-менее исхоженный за три года кусок Подмосковья казался ему сплошным минным полем. Однако Ворон, доверявший Кольке после спуска в московские подземелья как никому другому, не шутил. Начались тренировки и занятия. Колька, что и раньше иногда садился за руль, теперь каждый день часами гонял на машине по пустынным московским дорогам. Вечерами зубрил засаленный, с оторванной передней обложкой дорожный атлас.

— Сколько основных автомобильных трасс пересекают Урал? — строго допрашивал Ворон на экзамене, устроенном за два дня до отъезда.

Как примерный студент перед профессором Колька чертил в блокноте карандашом хребет Уральских гор и отмечал точку — Екатеринбург. Добавлял еще точки — Владимир, Нижний, Ка-

заны, Уфу, Челябинск. Рисовал по памяти два возможных маршрута от Москвы до Ебурга, шоссе М7 и М5. Перечислял все пять больших мостов через Волгу и рисовал, где они находятся. После экзамена Ворон, расслабленный и довольный, будто только сейчас обрел веру в Колькину юношескую память, похлопал по плечу, сказал доверительно:

— Если со мной случится что, ты по-любому должен этого физика довести до места. Понял? Я письмо тебе дам с инструкциями, куда и к кому именно в Ебурге ты прибыть должен. На всякий пожарный.

Колька усердно кивал в ответ, хотя понимал только одно: похоже, знает об этой затее кто-то еще. Позже, уже засыпая в кровати, додумал: сумасшедшая идея с путешествием через пол-России могла закрутиться, скорее всего, из-за какого-нибудь мощного, секретного оружия. Наверное, даже инопланетного — достали из осколков разбившейся тысячу лет назад летающей тарелки. И теперь тот, кто первым его получит, будет править миром! Командир Колькины фантазии не опровергал, но и не поддерживал, лишь загадочно ухмылялся в неопрятную черную бороду. Утро отъезда, сырое и туманное, выдалось таким, что Колька сразу почувствовал: жизнь его вот-вот начнется заново. Словно из тумана этого слепится, как лепил он в детстве из первого мокрого снега кособоких снеговиков. Каждое слово его, каждый поступок будут вымерять линейкой с совсем другими делениями. Он теперь не просто «сын полка», с которого спроса как с приبلудного кота, а один из пятерых. То есть без него не четыре с половиной или с четвертью — просто четыре. Когда садились в джип, показалось Кольке, что остальные разом глянули на него и тут же, единогласно, признали за эту самую полноценную единицу. Увидели в нем равного, а не обузу-сосунка, которого тащат с собой за тысячи километров по непонятной прихоти Ворона.

Протанцевав с полчаса лезгинку на подмосковных дачных тропах, джип съехал неподалеку от Звенигорода на «бетонку», пустое, печальное в своем забвении подмосковное кольцевое шоссе, плотно усталенное почерневшими палыми листьями. Ворон намеревался обогнуть Москву по дуге с севера, потом взять курс на восток. Придуманный им план путешествия описывался,

пожалуй, одной-единственной фразой — осторожно, без сорви-головства и геройства, продвигаться от одного живого «оазиса» в пустыне разрухи к другому. Слово «оазис» командир с непонятным удовольствием повторил накануне не раз и не два. У Кольки перед глазами тогда возникла картина: пески, уныло бредущие верблюды, а на горизонте смутные, но все равно прекрасные, как полярное сияние, миражи... Но нет, вовсе не такие виды проплывали сейчас за окном. Когда-то густо, словно китайская деревня, заселенное Подмоскovie, открывалось им безжизненными, почти лунными пейзажами. Сожженные коттеджи, склады и магазины. Ободранные, похожие на мачты призрачных пиратских кораблей, рекламные щиты с развевающимися на ветру лохмотьями полотна. Бессмысленно и жестоко изрешеченные автоматными очередями пластиковые стены пешеходных переходов. Мертвые остовы-палки деvшихся неведомо куда светофоров. Может, жизнь еще и теплилась здесь в потаенных, скрытых закутках, но на поверхности была одна только мертвая, обуглившаяся, потерявшая всякую очеловеченность материя.

— Кто это сделал? — спросил внезапно по-русски англичанин, посмотрев своими серыми, внимательными глазами отчего-то именно на Кольку. Тот, сам переполненный до краев безобразием увиденного, судорожно сглотнул.

— Оборотни постарались. Грабили и жгли все без разбору. Как власти в Москве не стало, так и началось.

— То есть до... нас? Значит, правда, все было... плохо?

— Да, до вас.

Англичанин благодарно кивнул, будто услышал нечто важное для себя. Кольку осенило: похоже, оправдаться хотел. Мол, не зря мы, интервенты, к вам сюда пришли. Население, обычных людей спасать от бандитов, как и сообщали направо и налево. Но спасли ли на самом деле, пусть и вывезли сотни тысяч народу из Москвы? Кто такой русский человек без земли, на которой вырос? Где еще нужен — вот как есть, со всеми своими заморочками? Чтобы спасти его, нужно Россию сначала заново отстроить, тут Ворон полностью и бесповоротно прав!

— Но...откуда? Это стремление все уничтожить? Они же сами здесь жили!

Голдстона физиологически тянуло поговорить о том, что он наблюдал вокруг. Похоже на тошноту — лучше поскорее опустошиться, чем носить в себе. Дирижировавший педалями Ворон дал резко по тормозам. В багажнике, смачно звякнув, сошлись лбами две канистры с бензином.

— А чего ждали-то? Довели народ до звериного состояния, — процедил командир, шмыгнув носом. — Двадцать лет внушали — каждый сам по себе. Делай деньги, а остальное хрень собачья. Скотоводством занимались. Вот и развели... скотов. Начали кормиться как могут в сложившихся исторических условиях.

Никто не ответил. Но у Кольки промелькнула мысль: разговор этот просто так не заглохнет. Обязательно нужно продолжение. В самом деле, не прошло и минуты, как оборванную нить беседы подхватил физик.

— Вопросу вашему, Джон, не одна сотня лет, — изрек он, отстраненно разглядывая буйные заросли боярышника и ивняка, нагло захватывавшие последние сантиметры обочины и вплотную уже придвинувшие свои передовые порядки к твердому покрытию. — Склонность русских к саморазрушению всегда удивляла и вовсе не является особенностью нашего времени. Тот же Бердяев¹ много чего намутил про это. Слияние двух потоков истории, мужское и женское начало... Красивая абракадабра. Но да, красивая! Или Лосский² — писал, что в жизни каждого народа воплощены пары противоположностей, и русские здесь наиярчайший пример. С одной стороны, добрые и душевные, с другой — бессердечные разрушители...

Сима тут же встрепенулась, словно только и ждала этих слов.

— Знаете, был такой Вальтер Шубарт³? Он не очень известен, но, как мне кажется, лучше других выразил, в чем дело.

— Русский человек так жаждет Царства Небесного, высшей истины и справедливости, что несовершенство земной жизни заставляет его время от времени эту жизнь полностью уничтожать?

¹ Бердяев Николай (1874–1948) — русский религиозный философ.

² Николай Лосский (1870–1965) — русский религиозный философ.

³ Вальтер Шубарт (1897–1942) — немецкий философ, занимавшийся исследованием «русского национального характера».

— Именно! Неужели вы и Шубарта читали?

— Пожили бы вы с мое в тайге, вы бы всю Ленинку проштудировали.

Сима схватилась нетерпеливо руками за спинку сиденья Быкова. Похоже, страстно желала немедленного признания им первенства именно Шубарта в данном вопросе:

— Ну и что же? Разве вам не кажется, что он ближе всех подобрался к истине? Или вот, еще одна русская особенность, вспомните! Нет другого такого народа, что не относился бы так критично к себе, к своей истории, пытаюсь поклоняться всему иноземному... Не бессознательное ли это стремление к высшему совершенству?

Ворон, будто услышав ересь или глупость, сплюнул непонятно куда и что-то проворчал по-собачьи, видимо ругательство. Физик долго обдумывал ответ, совсем как ход в шахматах. Сказал, опять глядя в окно:

— Шубарт хорош тем, что немец и потому смотрит на вещи довольно рационально, без обычного русского умиления. Скорее всего, он прав, что русского человека время от времени посещала коллективная мысль о ничтожности предпринимаемых им на грешной земле усилий и, как следствие, определенное отчаяние... Но я, уж простите, смотрю на это иначе...

Теперь оживился англичанин, до того слегка порозовевший — наверное оттого, что ни о каком Шубарте до сих пор не слышал и сказать ему было нечего.

— Опять своя собственная теория?

Колька, пусть и ни бельмеса не понимал, получал странное наслаждение, фильтруя через себя поток загадочных, но наверняка страшно умных фраз. Они будто легко касались каких-то внутренних, проходящих по всему телу от затылка до пяток струн, и порожденные этими едва ощутимыми прикосновениями звуки складывались почти в мелодию — странную, но все равно захватывающую и прекрасную.

— Никакой теории. Только факты. Даже один-единственный факт. Русский народ вполне себе благополучно существует уже тысячу лет и занимает самый обширный в мире ареал обитания несмотря на монгольское нашествие, Смутное время,

гражданскую войну, несколько революций и Наполеона с Гитлером...

— И что? — спросил англичанин с непонятым придыханием.

— Возможно, в историческом масштабе все пресловутые «грехи», в которых упрекали русский народ — лень, склонность впадать в анархию, безразличие к налаженному порядку вещей, — есть на самом деле конкурентные преимущества.

— Снова парадоксы?

— Для меня народ — живой организм. У любого организма есть периоды активности и отдыха. Чем более выражена фаза отдыха, тем ярче фаза активности. Эдакая, знаете, синусоида. Для решения действительно масштабных задач, которые постоянно выпадают России, нужно перед тем как следует отдохнуть. Нельзя живому существу все время пребывать в напряжении... Вы, Джон, наверное, не знаете — у нас есть известная народная сказка про невероятно сильного богатыря Илью Муромца. Так вот, в ней, на мой взгляд, вся суть этого жизненного алгоритма русского человека — тридцать три года он, не вставая, лежал на печи, *копил силы*, которые, когда придет время, нужно потратить на спасение родной земли... А сказки, как известно, это лучшее выражение бессознательного нации.

Сима фыркнула:

— Значит, русский народ это просто Илья Муромец, который тридцать лет собирается с силами, а потом встает с печи, чтобы дать кому-то по физиономии?

— Я бы сказал по-другому. Его задача — восстанавливать равновесие в системе. Возвращать баланс действующих на историю сил, чтобы та не отклонялась от средневзвешенного курса. У русских, назовем это так, исторически обостренное чувство справедливости. Если определить, что это такое, с точки зрения физики, то, согласно второму закону Ньютона — равнодействующая прикладываемых к истории сил всех разумных обитателей планеты...

Кольке вспомнился удивительный сон, приснившийся аккурат после их с Вороном возвращения в отряд. Из белоснежных, зубчатых стен Новодевичьего монастыря вырастает громадного

роста, до неба, светящаяся серебристая фигура. В ней, откуда-то знает Колька, заключено бесчисленное число человеческих душ. Они соединились и все вместе возродили Адама, первого человека, с которого и началось человечество, когда тот будто разбился на множество осколков. Фигура поворачивается спиной и начинает удаляться громадными шагами. Колька хочет догнать ее, старается бежать изо всех сил, кричит, чтобы подождали. И просыпается...

Притухший опять разговор запустил дальше по кругу англичанин.

— А вы, Сима, что думаете?

Думаете. Кольку резанул по уху взявшийся неизвестно откуда акцент. С чего бы это? Тут его осенило — ох, неужели англичанин в нее *втюрлся*? Он снова увидел перед собой мелованное, белое, как у ошипанных куриц, горло генерал-губернатора и содрогнулся всем телом.

— Звучит интересно. Меня всегда занимали попытки смешать физику, биологию, историю и так далее в нечто целое, живущее по одним законам. Есть только один вопрос. А что же человек? Его личный выбор, если народ это просто биологический организм, подчиненный определенному циклу? Вот сейчас — Россия, получается, спит глубоким сном. И что же нам делать? Тоже спать?

— Нет конечно же, — рассеянно ответил физик, думая, похоже, уже о своем. — Фаза общей активности не может начаться просто так. Нужен начальный импульс. Вот и ваш личный выбор.

— А если импульса не будет?

— Сон может стать летаргическим.

Не выдержал, взорвался молчавший до того Ворон.

— Да нет, давайте просто расслабимся! Примем все, как есть! Подождем лет сто, пока само собой все не рассосется... Нет, менять надо эту вашу чертову народную генетику, качели эти... Вверх, вниз... Хотя бы и хирургическим путем менять!

Здесь машину шибко тряхнуло на занесенном гнилыми листьями ухабе, и все надолго замолчали. Из-за слова *хирургический* в Колькиной памяти возник безымянный фильм из довоенного прошлого: какой-то ученый сделал операцию и превратил

собаку в человека. Представив, как в джипе вместо них пятерых едут на самом деле пять собак разных пород, Колька вздохнул расстроенно: ничего умного про русский народ в голову так и не пришло. Стрелять-то он может, конечно, не хуже других, но вот с возвышенными разговорами у него зияющий пробел.

Вскоре пришлось свернуть с московского автокольца, вполне себе проезжего и не раздолбанного — кто-то навалил поперек бетонных блоков, не объедешь. На Щелковское шоссе пробирались почти огородами, потеряли часа три. Въехали на него уже ближе к полудню, недалеко от железнодорожного переезда с мертвым семафором и обвалившейся частично эстакадой. Сразу за переездом Колька приметил справа от дороги странный указатель — металлические остроугольные звезды с четырьмя лучами и название — «Звездный городок».

— Наших космонавтов там готовили, — вздохнул тяжело в ответ на его вопрос физик. — Помнишь, мы когда-то корабли в космос запускали?

Колька, странное дело, помнил. В голове вертелась фамилия Гагарин и еще слово «луноход». Но он даже не успел сообразить, что же это такое — луноход.

— Люди, — прохрипел вдруг Ворон, и в этом хрипе было что-то звериное — страх и одновременно агрессия. — Там, в лесу. Готовь пушку.

Справа по ходу движения началась ограда из мощных каменных колонн, соединенных тяжелой чугунной решеткой. Прежде, видимо, ограду красили в белый цвет, сейчас же колонны были покрыты грязными разводами от дождей и снега. Располагался здесь то ли городской парк, то ли санаторий. Между толстых, корявых стволов деревьев Колька различил силуэты — человек двадцать, может больше, бежали им наперерез. Ворон как раз объезжал по краю огромную, словно лунный кратер яму. Опустив дрожащей рукой стекло, Колька выставил наружу автоматное дуло. Взял на прицел ограду. Из парка донесся жуткий, воющий звук — он не сразу распознал в нем человеческий голос.

— Стой!

— Стой, стой! — подхватили как боевой индейский клич еще десятки голосов.

— Стреляй! — выдохнул Ворон, обеими руками пытаясь выиграть схватку с непослушным рулем.

Худые, заросшие бородами, кое-как одетые люди, похожие скорее на стаю обезьян, обсыпали железную решетку. Все с железными трубами, которые они ловко пробрасывали на ту сторону ограды перед тем, как взобраться наверх. Видимо, предпринимали такой маневр не впервые.

— Стреляй же, мать твою, стреляй! — заорал дурным голосом Ворон, выводя машину по дуге.

Сморщившись как от боли, Колька задрал дуло автомата к верхушкам деревьев и нажал на гашетку, расколов воздух сухими, хлесткими звуками выстрелов. Нападавшие повели себя странно. Не бросились обратно в заросли, а замерли на месте, словно живая фотография. Безмолвно повисли на ограде, наблюдая, как джип с вагончиком уезжает все дальше, виляя по изрытой оспинами дороге. Мелькнул покореженный указатель «Пансионат «Юность», ограда оборвалась. Ворон оторвал правую руку от руля, смахнул пот со лба. Прохрипел презрительно, словно только что случившееся явилось как последний, финальный аргумент в споре с физиком.

— Вот он, ваш народ-богоносец! С палками-копалками уже разгуливает! Скоро на луну выть начнет, куда мы корабли запускали... Ну что, подстрелил кого, стрелок ворошиловский?

— Да, — неуверенно ответил Колька. — Кажется, в двоих попал.

Сима понимающе улыбнулась, подмигнула ему. Колька покраснел до корней волос и долго еще старался не смотреть в ее сторону. Все понятно — презирает за мягкотелость. Это ведь даже не горло перерезать — просто на курок нажать.

* * *

Среди разнообразных интеллектуальных забав Быкова числилась и такая — открутить назад известное, подробно освещенное в учебниках истории событие до никчемной, даже смешной в своей парадоксальности начальной точки. Извлечь на свет пустяк, случайность, сыгравшую ключевую роль в судьбе человечества.

Вот, к примеру, хрестоматийный крик гусей, спасший юный Рим от покорения галлами. Через четыре столетия он отозвался не чем-нибудь, а Нагорной проповедью, которая беспрепятственно путешествовала по объединенному римскими легионами языческому миру. Или детский ножичек, игрушка единственного сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия — погрузил страну в Смутное время и привел к власти династию Романовых, что мелкими шажками передвинули-таки неподъемную глыбу России из Азии в Европу. А крайне необычайные для ноября морозы в тридцать пять градусов, обездвижившие немецкие танки под Москвой, развернули не только группу армий «Центр», но и ход всей Второй мировой войны. Современная Россия — расплзшаяся по швам на отдельные, не сшитые друг с другом лоскуты-территории, существующая как единство только в головах людей — являлась Быкову в виде бесконечного множества этих первородных случайностей-заготовок, из которых и вылепливается история человечества.

Однако даже его обширный и спокойный, как у вычислительной машины, ум терялся перед столь громадным массивом данных. Не представлял, как выбрать из миллионов фактов нужные, а затем связать их вместе, построить цепочку взаимодействий, которая и станет будущим течением жизни. И вот здесь Быков с удивлением обнаружил, что его случайные спутники оказались серьезным подспорьем в этом нелегком умственном упражнении. Словно по невидимым проводам подключившись к его мозгу, расширили оперативную память, пытавшуюся постигнуть тот самый универсальный закон, о котором рассуждал физик в Москве, поедая креветки в компании Голдстона. Почему, как история отсеивает нужные ей начинания, собирая миллионы вероятностей в ту самую, единственную комбинацию? Ворон — жесткий, прямолинейный, иногда гротескный из-за гремучей смеси национализма и левых взглядов, как реактив помогал разделять здоровый инстинкт национального самосохранения и ведущий к безумию шовинизм. Колька, мальчишка лет тринадцати, непостижимо сохранивший за годы войны какую-то особенную внутреннюю свежесть и чистоту, олицетворял надежду, что даже посередине мирового пожара возможно явление нового, просветленного

поколения. Симу, как и всех женщин, Быков чуточку презирал и тут же чуточку боялся. Презирал за женскую наклонность жить не по логике, побаивался по той же причине, так как подобный способ существования представлял для него парадоксальную загадку вроде существующей непонятно где во Вселенной темной материи. Что до Голдстона, тот оказался открытием, сопоставимым, наверное, с обнаружением новой элементарной частицы. Быков никогда прежде не ощущал себя в таком качестве — наставником, может быть даже немного отцом. Идеи, которые он десятилетиями непонятно для чего пестовал, взращивал в себе, нежданно-негаданно проросли, упав, казалось, на сухую и неплодородную почву. И проросли не чахлыми, полуживыми кустиками, которые вот-вот сорвет и умчит с глаз долой ветер-суховея, а сильным стволом со множеством ярко-зеленых отростков. Осознание таинственной связи между собой и этим прекрасным растением заполняло его грузное тело странной радостной вибрацией, из-за чего время от времени он даже пытался френологически насвистывать арию Фигаро в собственной обработке.

Вид разоренного Подмосковья не оставлял у Быкова, в отличие от его спутников, горького, депрессивного послевкусия. Физик и здесь исходил из вполне научного подхода. Заключался он в том, что на этой довольно небольшой по площади территории, куда последние десятилетия неизменно устремлялись мощные миграционные потоки, проживало до войны более тридцати миллионов человек. Они представлялись ему в виде тупого, взбесившегося животного, которое от голодухи принялось в конце концов пожирать собственное тело. Бетонные гетто с домами-муравейниками, бесконечные пробки, грязный воздух, миллионы тонн мусора и тысячи неудачников, бесследно растворяющихся на дне огромной городской агломерации. Все это казалось настолько бессмысленным, что быструю и болезненную смерть Москвы физик воспринял скорее как торжество логики, а не трагедию согнанной с насиженного места огромной человеческой массы. Когда же, наконец, за окном иссякли пристроившиеся к дороге, сменяющие друг друга дачные поселки, частью сожженные, частью заброшенные, с присосавшимися как паразиты магазинами, складами, торговыми дворами и ларька-

ми, внутри стало совсем легко и свободно. Физик созерцал занятые молодой сорной травой пустующие поля, ярко-синее небо с задорно бегущими по нему тоже на восток, в сторону Сибири, облаками, и мир вокруг представлялся ему «нулевым уровнем», безжалостно зачищенным историей от всего ненужного, чистой площадкой для того, чтобы воздвигнуть здесь что-то действительно стоящее.

Надежды на эту новую жизнь оживали словно заодно с придорожными пейзажами. Там и здесь участки земли вдоль шоссе носили на себе следы окультуривания. Их уже успели вскопать — скорее всего, вручную, лопатами, под картошку и другие овощи. Целые, не сожженные дома в придорожных деревнях явно имели жилой вид. Да и сама дорога стала заметно чище. Похоже, ее часто использовали по назначению. Но все равно — ни единой живой души. Узреть тех, кто обитает здесь, удалось уже за границами Подмоскovie, на въезде в городок, название которого Быков точно не запомнил, но звучало оно как-то съедобно, похоже на *калач*. Джип заехал на длинный, местами разрушенный, но еще пригодный для проезда бетонный мост. Посередине моста, прислонившись к перилам, дремал на перевернутом железном ведре старичок, будто явившийся сюда из восточной сказки. В ярко-голубой тюрбейке на голове, с длинной и узкой, белой как из ваты бородой. Вылитый Хоттабыч! Едва ли не половина его худого тела, одетого в рваную телогрейку и синие спортивные штаны, утопала в огромных, почти до пояса, болотных сапогах. У Быкова промелькнула мысль, что, согласно всем законам физики, перемещаться в столь громоздком облачении Хоттабыч не в состоянии. Только если сапоги у него не простые, а волшебные скороходы. Тем не менее, как только машина въехала на мост, старик тут же очнулся, бодро вскочил на ноги и отважно бросился наперерез, помахивая как жезлом сучковатой палкой для ходьбы.

— Тормози, тормози, добрые люди!

Ворон, отмерив Кольке короткий кивок — мол, будь начеку, — притормозил плавно, открыл пошире окна. Незаметно положил рядом пистолет. Подождал, пока дедок доберется до капота.

— Что, права проверять будешь? Гаишник местный?

Старик хохотнул льстиво, хлопнул себя палкой по голенищу сапога.

— Да какие ж нынче гаишники... Нет, с поручением я здесь. Сiju и всех, кто мимо проезжает, расспрашиваю. Ведь ни телевизора, ни газет нету. А так, с людьми, кое-какие новости доходят. За то общественность меня и кормит...

Быков, покосившись на хмурое, ожидающее подвоха, лицо Ворона, улыбнулся:

— Значит, вроде журналиста? И много тут народу, дедуля, проходит за день?

Старичок почесал бороду:

— Да нет, откуда ж много. Две-три машины и с десяток пешех. На лошадях тоже, правда, встречаются. Колхозники окрестные в город шастают выменивать картошку на железки.

— У бандитов тоже новости спрашиваешь? — сухо спросил Ворон, словно злился на себя, что остановился и начал этот разговор. — А если не приглянется им твоя тубетейка?

Радостно улыбнувшись, старик показал почти беззубый, по-младенчески розовый рот:

— А потому меня здесь и поставили. Если убьют, не жалко. Мне уж, почитай, почти восемьдесят годков. Я еще при Сталине на свет появился, хочешь верь, хочешь нет... Бандиты если и бывают, то местные. Не оборотни, что все выжигают. Наши бандиты, родные, отсюда. Так, девок попользуют слегка... Да девки и сами довольны, у нас мужиков раз, два и обчелся, остальные померли от дурного самогона... Уже замучили меня спрашивать: «Дедушка Прохор, ну скоро там парни снова заедут, не видел ли их где поблизости»...

В зеркало Быков приметил, как Колька сначала хихикнул, а потом сварился и густо покраснел. «Совсем еще он мальчишка», — с непонятным удовольствием подумалось ему.

— Так вы кто будете, уважаемые? — настойчиво спросил дедок, делая еще шаг вдоль машины и пытаясь заглянуть внутрь — правда, чрезвычайно осторожно. — Откуда едете?

— Если ты, дед, журналист, то мы тогда туристы, — с мрачной ухмылкой соизволил-таки ответить Ворон. — Едем из Москвы. И вот тебе самая последняя оттуда новость. Целая сен-

сация. Партизаны нанесли героический удар по интервентам прямо в столице. Взяли в плен кучу сидевшего в Кремле офицера. Европейский канцлер тут же струсил и запросил мирных переговоров!

Дед хохотнул недоверчиво, но, видно постигнув, что таким не шутят, отступил на шаг, квакнул высоченными болотниками:

— Да ты што? Неужто правда?

Сорвав с головы свою голубую, с проблесками серебряных нитей тюбетейку, он широко, торжественно перекрестился.

— Дожил! Слава тебе Господи, дожил!

Ворон довольно подмигнул Кольке — вот мол, скоро о нас с тобой народ песни слагать будет!

— А стенка эта? — вдруг спохватился дед. — Говорят, в десять этажей высотой. Как же через нее перебрались-то?

— Хитрый план придумали, — Ворон, растаяв, говорил с заметным удовольствием. — Пробрались в город под землей по секретным тоннелям метро — и сразу в Кремль! Интервенты, понятное дело, гостей в ту ночь не ждали, постреляли немного и сдались. Почти триста человек там одних офицеров захватили! Переговорщики приехали из Сибири, от Лукина — сибирского премьера. Слышал о таком? Договорились, что в Москве теперь двойной гарнизон, уже тысячу десантников сибирских туда перебросили... А скоро новые переговоры начнутся — *о поэтапном выводе иностранных войск!*

Старичок едва-едва поспевал мыслью за командирской скороговоркой. Беззубый рот его приоткрылся, глаза, не отрываясь, смотрели на Ворона.

— Кто же чудо сотворил такое? Кто Москву-то взял?

Ворон покосился на Кольку — мол, нескромно мне о самом себе рассказывать. Тот ухмыльнулся, сказал слегка завывая:

— Главным у них Ворон был. Самый крутой партизанский командир. Не слышали про такого? Ростом он под два метра, накачанный весь. Стреляет на бегу сразу из двух «калашей»...

Командир хоть и хохотнул, услышав такое, но весь аж красным стал от удовольствия. Совсем размяк — еще немного и вылез бы из машины, обнял крестящегося от радости деда, достал драгоценную бутылку самогона из фургончика.

— Так что, дедуля, недолго терпеть! Год, максимум два — и все наладится. Установим новую, справедливую власть! Будет тебе и телевизор, и газеты, и пенсия хорошая, чтоб не работал ходячим телеграфом на мосту.

Тут на лице деда расплылась дырявая улыбка, будто Ворон сморозил ужасную глупость.

— Справедливую? Не бывает справедливой власти, сынок! Восемьдесят лет живу на белом свете — и никак не дождусь той самой справедливости... Попомни мои слова — все по-прежнему станет. Придут опять секретари иль губернаторы сидеть на нашей шее — иначе, разве что, назовутся...

Лицо Ворона от неожиданности будто рассыпалось, просело:

— Так чему ж ты тогда радуешься, старый хрыч?

— Тому, что порядок в мир вернется.

— Какой еще порядок?!

— Порядок он и есть порядок, сынок! Неужто сам не понимаешь?

Так и не дождавшись внятного ответа, партизанский командир вдавил газ, обронив себе в утешение:

— В маразм впал старикан... Немудрено от такой-то растительной жизни...

Быкова, напротив, встреча эта заполнила совсем другим настроением — задумчивым и пытливым. Старик на мосту явился словно древнегреческий сфинкс у дорожной развилки. Вроде бы нехитрые слова звучали загадкой, разгадав которую выберешь из множества путей тот, который тебе нужен. Физик отстраненно считывал глазами стелившуюся под колеса джипа дорогу и перелистывал в уме не раз прочитанную за годы таежного затворничества книгу Шубарта о России¹ — власть и стремление к ней, писал тот, не занимают в мировоззрении русских центрального места. Напротив, в народной традиции власть видится как соблазн, которого лучше избегать, ведь она неизбежно привязывает ею располагающего к повседневной суете, отрывая от главного. Развращает, портит, калечит. Немец, а как верно увидел русского человека! Возможно потому, что в немцах тоже

¹ Имеется в виду труд «Европа и душа Востока».

сидит вот это бессознательное стремление к *порядку*. Только видят они его в земных и понятных формах. Однако опущенный вниз, придавленный к земле немецкий *Ordnung*¹ парадоксально тут же становится духовным беспорядком... Закон, по которому история выращивает в инкубаторе нужные ей живые цепочки-последовательности, по-прежнему оставался для Быкова загадкой. Но внезапно, выдвинувшись вперед, ясно проступила цель — тот самый всеобщий *порядок*, о котором рассказывал смешной, похожий на Хоттабыча, дед на мосту.

* * *

Дед в тюбетейке, высмеявший мечты Ворона о новой, справедливой власти в России, вызвал у партизанского командира одновременно и ярость, и замешательство. Подобно физику, Ворон уловил за его словами нечто большее, чем деменцию и неспособность к логическому мышлению. Нет, мощную, упрямую силу, что веками жила в русском народе, на деле проявляясь в непозволительно безразличном отношении к власти и власть имущим. Никогда, ни при каком строе, русский человек не мог правильно, с пользой для себя устроить власть, поставив ее в услужение общественному интересу. Он или наивно, по детски, доверял ей, доводя зачастую веру свою до обожествления и впадая в младенческое бездействие, или же, напротив, приходил в страшную ярость и в буквальном смысле слова истреблял весь правящий класс. По разумению Ворона, второе являлось неизбежным следствием первого. Безразличие масс и вседозволенность верхов рано или поздно приводили страну к очередному акту самопожирания. И так из века в век, по заколдованному кругу. Между тем, как искренне верил Ворон, именно правильная власть есть единственно возможный инструмент по улучшению человека и строительству будущего с нужными параметрами. Только она способна наладить массовое производство патриотов, готовых жертвовать собой ради всеобщего блага. Предоставить нужные гарантии по их количеству, качеству и срокам, шаг за шагом

¹ Порядок (нем.)

продвигая неподатливую человеческую массу к пониманию того, что величие общих достижений и есть главное личное счастье.

Ворон часто размышлял с горечью о том, какой редкий шанс по тотальному переустройству русской жизни был упущен сто лет назад. Революция, увы, оказалась незавершенной. При всех несчетных своих жертвах не смогла разрушить заложенную в русской нации программу, воспроизводящую одни и те же человеческие типажи, бесполезные или даже вредные. Мелочных, не готовых к борьбе и жертве «маленьких людей». Безвольных, покорных как тягловый скот, работяг. Злобных опричников, не просто охраняющих власть, но из раза в раз употребляющих свои полномочия для садистского глумления над согражданами. Безгранично жадных и бездарных, описанных еще Гоголем, чинуш. Советский Союз погиб в конечном счете потому, что не вырванные до конца корни проросли и заглушили свежие побеги. Возможно ли переписать этот национальный код? Вывести, наконец, нового, облагороженного русского человека? Ведь червоточина обычно проявляется в людях не сразу, скорее уже в возрасте за двадцать, а то и тридцать. Молодой человек вступает в жизнь, начинает изучать среду обитания, перенимать ее привычки и установления, попадая в зависимость от «старших». Надо, возможно, сделать так, чтобы изначально оградить его от опасности заражения тлетворным «русским духом». Вывести новое поколение из подчинения тем, у кого оно способно эти привычки перенять. Да, революция должна была строить первое в истории социалистическое государство только исходя из «принципа молодости». Молодые видят жизнь совсем иначе. Не боятся, не размышляют долго, не прикованы многотонной цепью к гире опыта. Но вместо молодежи начали повсеместно набирать в управленцы «бывших». И что получили? Реставрированную престарелым Сталиным империю! Он ведь даже попов вернул на прежнее место! Еще немного — объявил бы себя самодержцем всероссийским. Реставрация, а не революция...

Занятый мыслями о том, где именно большевиками была сделана роковая ошибка в попытках вывести нового человека, Ворон пустыми глазами наблюдал за тем, как капот джипа поглощает километр за километром. Не сразу почувствовал руку Быкова на

своем плече. Вскинулся, посмотрел вопросительно на физика. Тот ткнул пальцем в сторону обочины. Врытый в землю деревянный щит с корявой надписью красной краской — *«Юрьев-Польская свободная республика. Ограничение скорости 30 км/ч или огонь на поражение»*. Лицо командира перекосила улыбка.

— Республика? До войны был убитый городишко на двадцать тысяч жителей. Я туда как-то сдуру на экскурсию поехал. Всю ночь от пьяных криков заснуть не мог. Словно обезьяны в джунглях. А теперь вот до своей республики доросли. Откуда только такое слово узнали!

Сбросив-таки скорость, Ворон добавил, словно кто-то у него поинтересовался:

— А Польский он оттого, что в полях, не из-за поляков. Видите, какие поля шикарные пошли?

Они протащились на второй скорости еще с пару километров. Вдруг Колька ошарашенно выдохнул:

— Ворон, глянь, неужели трактор?

И верно, на уходящем гигантскими пологими волнами к горизонту поле виднелись даже целых два трактора, похожие на невообразимо малых букашек, отчаянно бросивших вызов самой бесконечности. Еще Ворон рассмотрел стоящую в поле деревянную, кажется, башню непонятного назначения. Не сразу дошло, что это дозорная вышка. Тут раздался хлопок, и с башни взлетела вверх плохо различимая отсюда красноватая ракета. Видимо, с поля их тоже заметили.

— Убери автомат, чтоб не торчал, — бросил командир Кольке. Сам невольно втянул голову в плечи, будто ждал: вот-вот зазвучат выстрелы.

Вскоре показался блокпост. Неуклюжее, похожее на Стоунхендж сооружение, слепленное из уродливых бетонных плит и блоков. Метров за двадцать до блокпоста на шоссе белели жирная поперечная линия и неловко нарисованные заглавными буквами слово «Стоп». Ворон надавил плавно на тормоз и аккуратно поставил джип так, что передние колеса застыли как раз на белой линии. Прямо напротив был воздвигнут развернутый к дороге самодельный щит с очередным предписанием — *«Всем вытти из машины с паднятыми руками и встать в линию»*.

Оглянувшись назад, Ворон коротко кивнул. Приказал сделать, как сказано, хотя внутри все отчаянно сопротивлялось такой бессмыслице.

Времени уже было далеко за полдень — нагретый солнцем ветерок ласкался к лицу и почему-то возбуждал у командира мысли о горячем, только что испеченном каравае. Они впятером, подняв руки, стояли на шоссе плечом к плечу, словно в ожидании расстрела, но у Голдстона даже нашлись силы пошутить:

— Наверное, пора подготовить паспорта. Хотел предупредить, что у меня нет русской визы.

Шутка понравилась Кольке, который громко фыркнул, и совсем не понравилась Ворону.

— Закройте рот, — грубо попросил он англичанина и помахал поднятыми вверх руками. — Эй, мы свои! Партизаны!

Видимо, какое-то время их изучали в бинокль. Потом из бетонного стоунхенджа, скорее всего через прорытый под землей лаз, появились двое заросших бородами мужиков с нацеленными на гостей автоматами. Выглядели прилично, в солдатской форме без нашивок. У одного на голове красовалась офицерская фуражка.

— Партизаны, говоришь? — мрачно спросил тип в фуражке и задумчиво приподнял козырек дулом автомата. — А чего к нам приперлись-то? У нас партизанить нельзя. Здесь своя законная власть. Республика!

Без оружия Ворон чувствовал себя непривычно и скованно. Будто стоял сейчас нагишом перед толпой народа. Сказал неуверенно, с отвращением чувствуя нарастающее подрагивание в голосе:

— Мы здесь проездом. Слышали, у вас в городе безопасно, хотели заночевать.

— Это кто же такие сказки рассказывает?

— Да партизаны и болтают. Они тут у вас самогон пару раз закупали.

Бородачи переглянулись и дружно, как сговорившись, загоготали. Тема, похоже, была им близка.

— Скоро, наверное, канцлер европейский наш самогон закупать начнет. На экспорт в Европу. Ладно, отвезем вас в город,

пусть там разбираются, повесить или оставить на ночлег. Пока же вы — подозреваемые в злостном бандитизме!

С пристрастием искушенных таможенников постовые долго осматривали джип и прицеп. Оттуда было извлечено все взятое в путешествие оружие — два ручных пулемета, семь автоматов, пара гранатометов, пистолеты, штук сорок ручных гранат — и с восторженными матюгами переложено в подогнанный грузовичок, спрятанный за придорожными деревьями.

— Арсенал у вас знатный, — с завистью в голосе выдохнул постовой в офицерской фуражке, вытирая пот со лба широким, резким движением ладони. — Похоже и правда — партизаны!

Заскочив в кузов грузовичка, приказал им сесть в машину и тут же взял джип на прицел.

— Поехали за мной. И лучше меня не нервировать. У вас в прицепе столько бензина... В общем, вы поняли!

С третьего раза старенький грузовичок завелся и, выбрасывая из трубы что-то черное и вонючее, весело заспешил обратно в город. Дорога шла по холмам, то круто вверх, то резко вниз. Слева и справа все было нараспашку до самого горизонта. Но вид на город открылся внезапно, когда они вскарабкались на вершину очередного холма. Издали, кажется, он выглядел точно так же, как в тот давний приезд сюда Ворона — пара высоченных спичек-колоколен, серые коробки бетонных пятиэтажек, похожий на замковую башню элеватор на окраине. Но чем ближе подъезжали, тем очевиднее становились перемены. Асфальт на дороге вдруг полностью пропал, словно его взяли да срезали как дерн. Бетонные многоэтажки казались нежилыми и покинутыми. Исчезло множество деревьев и заборов — их, как догадался Ворон, сожгли вместо газа и угля. С другой стороны, многие клочки земли в черте города были вскопаны и обихожены со старательностью голодного человека.

Возврат городского населения к сельской рутине, к тяжелой, ежедневной борьбе за кусок хлеба был логичен и неизбежен. И, тем не менее, он почему-то шокировал Ворона, обнажив с бесстыдной наглядностью тот факт, что человечество стремительно катится по наклонной плоскости вниз, обратно к земледельческой общине, глиняной печи и жизни, накрепко привязанной

к природному круговороту. Неудивительно, что прежние исторические достопримечательности, земляной вал двенадцатого века, а также заключенный в него белокаменный монастырь-музей с крепостными стенами, которые Ворон когда-то осматривал туристом, начали вновь использоваться по своему первоначальному предназначению. То, что было музеем, снова превратилось в центр города, приютивший сотни людей. Разрыв в земляной стене, где до войны располагался проезд к монастырю, перегородивала красная свежесложенная кирпичная стена с толстыми деревянными воротами. Поверх вала тоже высился частокол из кольев и кирпичей со сторожевыми башенками и бойницами для стрельбы. На примыкавшей к валу главной городской площади, у спрятавшегося в высоких елях памятника Ленину, стояло несколько лошадей с подводами и, судя по всему, шла вялая торговля. Продавали картошку, блестящую на солнце металлическую утварь, несколько ульев с облупившейся краской. Грузовичок притормозил неподалеку, и конвоир в фуражке побежал договариваться с двумя пестро разодетыми охранниками, сидевшими у ворот на сложенных пеньках старых автомобильных покрышках. Препирательства заняли минут пять. Ворон в открытое окно джипа не расслышал ничего, кроме легко угадываемой по интонации нецензурной брани. Недовольно поморщился, хотя и сам нередко уродовал свою речь. Город, всего за три года откатившийся в феодальную эпоху, все сильнее раздражал его незамысловатостью утвердившихся здесь форм жизни.

Наконец местами обитые железом и покрашенные в изумрудно-зеленый цвет ворота распахнулись. По ту сторону стены Ворона тут же охватило ощущение невероятной плотности жизни, словно он очутился в донельзя забитом костюмами и рубашками одежном шкафу. Все вместе, собранное на крохотном пятачке земли, напоминало ненаписанный Босхом Ноев ковчег. Воздух был сперт, пах навозом, сеном, бензином, мочой, свежим хлебом и еще бог знает чем. Подобно запахам, точно так же плотно его заполняли производимые людьми, животными и машинами звуки. Словно не в состоянии вырваться наружу, за земляную насыпь, они многократно отражались от всего вокруг, полностью теряя первоначальный смысл. У грязно-белых, обшарпанных

дождями стен монастыря стояли с десятков автомобилей. Здесь же, неподалеку, было привязано к специальному деревянному поручню несколько лошадей без сбруи. Земля, покрытая опилками, прошлогодней жухлой травой и комками навоза, выглядела до отвращения неопрятно. Ворон, брезгливо поморщившись, подумал о ней: похожа на сырую, необработанную материю, из которой тысячи лет лепился-лепился человек, да так, видно, до конца и не вылепился.

— В музей идем. Ну в смысле в бывший музей. Там теперь наша администрация сидит. То есть правительство республики, — сообщил между делом бородач в фуражке, провожая веселым взглядом крепкотелую девку, что несла на коромысле два ведра с водой.

Под длинной, вытянутой тоннелем аркой монастырских ворот было темно и гулко как в колодце. Шаги по брусчатке эхом отдавались от облезлых кирпичных стен. Взгляд Ворона, которого по-прежнему лихорадило от шаткости и неопределенности их положения, остановился на вежливо-непроницаемом лице Голдстона. Казалось, тот не шагает под конвоем автоматчика, а осматривает местную архитектуру.

«Аристократ. Лорд. Типичный колонизатор, — подумал с долей зависти Ворон. — Умеют же выводить себе нужную человеческую породу. Как лошадей или собак. Почему мы так и не научились?»

Монастырский фонд недвижимости оказался невелик — пара жилых построек, колокольня, две церкви, одна из которых деревянная, очевидно привезенная в местный музей из какой-то районной деревни.

— Не сожгли еще, — прошипел командир — негромко, но с очевидной злобой в голосе. — Ничего, все равно рано или поздно разберут на дрова. Для них это просто дровяшка.

Сима оглянувшись, удивленно посмотрела на него:

— Что это с вами?

Командир промолчал, сморщил некрасиво лицо вместо ответа. Едва ли не впервые за последние годы Ворона одолело тяжелое, как камень на шее, отчаяние. Мучили вопросы, которых он всячески избегал, пока впереди сияла одна-единственная завет-

ная цель — военная победа. Удастся ли собрать снова во что-то разумное эту распавшуюся на бессчетные атомы жизнь? Изобрести живую воду для раскиданных как попало по огромному пространству людей, идей и предметов? Где отыскать тех, кто заново будет лепить из той сырой, изначальной материи под ногами прекрасного и совершенного русского человека? Ответов пока не было. Ни одного.

* * *

Известие о прибытии некоей делегации чуть ли не из Москвы вызвало у главы республики Ивана Федоровича Скотникова что-то вроде мышечного спазма-окаменения. Соленый огурец, который он в этот момент пережевывал, подло застрял в горле, и Иван Федорович натужно закашлялся.

— Откуда, откуда? — просипел он охраннику, делая руками быстрые движения и напоминая курицу, что пытается взлететь над стулом.

— Аркашка, который на дороге их сцапал, говорит — из самой Москвы. Три мужика, баба и пацан. На джипе ехали с прицепом. В прицепе куча оружия и бензин. Говорят — едут по своим делам. Хотят у нас заночевать.

Сердце Ивана Федоровича, пятидесятилетнего хозяйственника местных кровей, в довоенное время владельца нескольких городских продовольственных магазинов, вновь противно сжалось. Потом заныло от дурного предчувствия. Подзабытое уже слово Москва не сулило ничего хорошего. Москва всегда только забирала — зерно, мясо, молоко, людей. Почему, по какому праву? Основана всего на пять лет раньше, чем местный городишко, причем тем же самым Юрием Долгоруким¹... А ведь только-только все начало налаживаться! Только сумели подладиться под новую колею, какой бы тяжелой и разбитой она ни казалась! Собрали в прошлом году двадцать центнеров зерна с гектара почти при ручном труде — это раз! Наладили массовое производство

¹ Юрий Долгорукий (прим. 1090–1157) — князь киевский и ростово-суздальский. Считается основателем Москвы.

восковых свечей — два! Довели численность армии республики до трехсот человек — три! Да, и главное: он, Иван Федорович, здесь уже почти как живой памятник. Единственный, кто способен управлять этими темными скотами, что легко могут освоить, наверное, только один технологический процесс — перегонку зерна в спирт...

— Веди сюда, — наконец просипел, выйдя из задумчивости, глава республики. — Да попроси принести еще картошки и огурцов. От Москвы дорога сегодня неблизкая.

Когда то ли пленников, то ли гостей завели в каморку-кабинет, Ивану Федоровичу стало еще хуже. Еще в ту давнюю пору, когда он начинал свой трудовой путь продавцом в магазине бытовой техники, у него развилось тонкое психологическое искусство зондирования покупателя. За пять-десять секунд Иван Федорович мог сделать с человека слепок, говорящий ему о том, сколько тот может потратить, потратит ли что-то вообще, а также возможно ли его обмануть. Чем ближе по мироощущению располагался человек к Ивану Федоровичу, тем быстрее отливался этот самый слепок. Но изредка в магазин заходили те, от кого все щупающие сигналы Ивана Федоровича отлетали как солнечный луч от зеркала. Он называл их *другие люди*. Правда, встречались они главным образом среди туристов, иногда заезжавших в город. Хотя внешне *другие* имели вполне понятное анатомическое строение, их внутренняя начинка, был уверен Иван Федорович, имела совсем иной вид нежели у него. Время от времени ловил он себя на мысли, что было бы занятно взять да и *разрезать пополам вот такого другого*. Посмотреть — чем таким загадочным наполнили его от рождения. Так вот, все четверо взрослых, вошедших в кабинет, как быстро определил он, в той или иной степени были *другими*. Самым понятным для Ивана Федоровича оказался, пожалуй, тот, кто выглядел их предводителем — невысокий, сухощавый мужичонка с черными патлами и сумасшедшими глазами.

— Ворон, — прохрипел он, делая шаг к столу «главы республики» и не протягивая при том руки. — Я командир партизанского отряда из Подмоскovie. Мы едем... на восток. Хотели бы остановиться на ночь в безопасном месте. Кроме того, если по-

делитесь информацией, что происходит у вас по соседству, будем крайне благодарны.

Глаза Ивана Федоровича невольно сместились на грязный листок с неровными краями, где Аркашка корявым, давно не тренированным почерком набросал список обнаруженного у путешествующих партизан барахлишка. Полтонны бензина, подумалось ему. Целое состояние по сегодняшним-то временам. А потом представились штабеля мешков с мукой, в которые путем приложения труда можно обратить этот самый бензин. Горючее производили далеко, где-то под Ярославлем и брали за него дорого, два мешка муки или пять картошки за сто литров.

— Вообще-то чужаков мы не принимаем, — подержав паузу для статусности, ответил Иван Федорович и почесал грязными ногтями большой, стремительно разбухающий с годами нос. — Времена сами, понимаете, какие. Чем меньше про нас будут знать, тем лучше.

Иван Федорович и сам не понял, отказал он в укрытии или лишь пожаловался на непростую жизнь. Одна из помощниц Скотникова, расплывшаяся баба с безразличным, будто спящим лицом, постучав в дверь, внесла миски с вареной картошкой и огурцами. Потом принесли еще стульев. Все расселись вокруг стола и принялись жевать и хрустеть.

— Тихо тут в окрестностях? Оборотни не шалят? — возобновил разговор тот, кто представился партизанским вожаком.

— Нет, здесь только мелкие банды промышляют, к нам они лезть побаиваются, — стараясь говорить солидно и рассудительно, отвечал Иван Федорович. Он жалостливо наблюдал, как стремительно исчезают соленые огурцы, и размышлял о том, придется ли еще раз залезать в кадушку. — До Нижнего все более или менее спокойно. Вы же по Горьковской, наверное, поедете?

Ворон промолчал, сделал вид, что не услышал вопроса. Ивана Федоровича захватило, между тем, непреодолимое желание похвалиться перед гостями своими достижениями в сфере налаживания хозяйственной жизни. Возможно, как раз хотел он показать, что возможно и даже нужно осуществлять ее без всякого участия и управления из Москвы.

— У нас здесь жизнь в чем-то даже лучше, чем до войны, — гордо сообщил он, прощаясь взглядом с очередным огурцом. — Население сократилось в десять раз, а толку от него гораздо больше! Дармоеды и пьяницы вымерли все или разбежались. Растим картошку и хлеб, все натуральное, экологически чистое! Торгуем помаленьку с соседями. Только вот техники, понятное дело, не хватает.

Ворон скривился. Поцокал издевательски языком.

— Да разве это жизнь? Работать с утра до ночи, чтобы батон хлеба испечь и сварить чутунок картошки на дровах?

К горлу Ивана Федоровича, явившись из ниоткуда, вмиг подступила душная, животная ярость. Может, подлил масла в огонь и траур по поводу соленых огурцов, коих гости поели уже шестнадцать штук.

— Знаете что? Придумайте сначала свою жизнь получше, а потом уж учите других! — набычившись просипел он, выжимая в пюре вареную картофелину, которую держал в руке. — Для нынешних условий, думаю, и такая сойдет.

Осознав свою оплошность, Ворон поспешил исправиться:

— Ну конечно! Я к тому и сказал! Недолго терпеть осталось... Не слыхали последние новости? Интервентам надоело сидеть в Москве, воевать с партизанами. Согласились на переговоры с сибирским правительством о выводе войск. Думаю, самое позднее через год вернется в ваш город нормальная власть!

Сердце Ивана Федоровича вновь зашлось предательски, теперь уже гораздо больнее. Предчувствие не обмануло, путники привезли дурные вести. Скоро объявятся здесь чужие люди, которые, назвав себя «властью», начнут управлять тем, что сохранил и преумножил Иван Федорович. Внезапно еще до конца не оформившаяся мысль поразила главу республики.

— А куда же это вы едете? — вырвалось нечаянно вслух то, что подумалось про себя.

Глаза Ворона полыхнули враждебно:

— Есть нужда, потому и едем. Если нужно заплатить за ночлег, можем отдать немного бензина. Если же... по каким-то соображениям... остаться нельзя, тогда — премного благодарны за гостеприимство!

Иван Федорович понял, что интуитивно угадал. Сглотнул нервно, даже отчаянно. Новость о скором мире и возвращении «законной власти» каким-то таинственным образом была связана с путешествием вот этой странной компании. Каким именно — его даже не занимало. Главным порывом было устранить это возмущение, зародившееся далеко отсюда, внезапно явившееся к нему и угрожающее благополучию мира, создателем которого он себя полагал. Ядовитой, блестящей змейкой мелькнула мысль, от которой Иван Федорович поначалу сам оторопел: да разве не в его силах сделать так, чтобы путешествие незваных гостей, уменьшивших запасы солений и картошки, завершилось здесь и сейчас? Пусть ненадолго, но отсрочить явление в городе новой власти... Мужиков можно и в расход, грех на душу взять ради такого дела. Отвести на задний дворик монастыря, где испокон веку находилось крохотное кладбище, и там по-деловому, без излишнего трагизма и торжественности, расстрелять. Мальчонку и бабу, гуманности ради, к хозяйству приспособить, тем более что баб, особенно молодых и смазливых, у них дефицит. Потом, если кто прикопается, все списать на анархию и тревожное время... Неприятный комок в районе желудка начал стремительно рассасываться. Усмехнувшись, Иван Федорович хотел было уже предложить визитерам «пройти тут неподалеку, отдохнуть после обеда», но с недоумением ощутил вдруг на лице легкое жжение. Будто мошка укусила. Пристально, не отрывая взгляда, на него смотрела приехавшая заодно с остальными другими женщина. Ее узковатые глаза как два автоматных дула были нацелены прямо на Ивана Федоровича и, кажется, в самом деле излучали тепло. Вслед за волной лихорадочного жара, окатившего тело с головы до ног, Иван Федорович с ужасом осознал: все до единой мысли, посетившие его за последние пару минут, прочитаны этими глазами так же просто, как если бы он написал их чернилами на бумаге. Подобное умозаключение, надо сказать, выглядело для главы республики крайне необычно — он не верил ни в телепатию, ни в иные способности, выходящие за рамки ежедневной человеческой физиологии. Охвативший Ивана Федоровича страх был вызван именно этим необъяснимым фактом, а вовсе не тем, что его ловкий план, судя по всему, раскрыт.

— Нет, отчего же, — пробормотал он, не в силах оторваться от являющих чудеса женских глаз. — Конечно же, заночуйте. Место найдется.

Пережитый шок оказался столь сильным, что Иван Федорович почувствовал немедленный позыв выпить. Чужой взгляд, как припечатанный, ощущался на лице. Хотелось пойти смыть его водой.

— Как насчет, так сказать, пищеварительного средства?

Не дожидаясь общественного мнения, позвонил в лежавший на столе колокольчик.

Через пять минут перед ним уже возвышалась трехлитровая зеленая бутыль самогона. Обжигающая жидкость подействовала на главу республики весьма необычно. Впервые в жизни Иван Федорович задумался о том, что субстанция, содержащаяся в других людях, имеет, вероятно, значительную ценность, раз сообщает им такие способности. По сравнению с ней сам Иван Федорович — и все, что он полагает важным и значимым — выглядит несолидно, не сказать даже мелко и смешно. Обида, разочарование на пару с самогоном жгли внутренности, но злобы уже не было. Вместо нее пришло что-то похожее на раскаяние. Недавнее намерение отвести гостей на задний дворик монастыря представлялось постыдным и неприличным, как если бы ему, скажем, захотелось при массовом стечении народа справить нужду в центре городского поселения.

— Если по Горьковскому шоссе ехать, то, говорят, монастырь неподалеку есть — прямо на границе с Нижегородской губернией, — сообщил он, отчаянно борясь с жжением внутри и желая сделать для гостей нечто полезное. — Оборотни его стороной обходят. Народ то за чудо почитает, но...

Собравшись сказать что-то ехидное про веру в чудеса, он неожиданно осекся. Произошедшее вполне себе попадало в подобную категорию. Вроде бы уже решил пустить незваных гостей в расход — и вдруг передумал. Почему? По какой такой причине? Непонятно!

Мужчины выпили еще по одной, но разговор все равно не шел. Когда визитеры, обсудив подробно дорогу в монастырь, отправились в сопровождении Аркашки смотреть отведенную

под ночлег комнату, Иван Федорович, пользуясь случаем, робко приблизился к Симе. Как-то совсем уже по-пьяному пробормотал:

— Я, знаете ли, вам очень благодарен...

Она не удивилась, только молча улыбнулась в ответ пухлыми, почти детскими губами. Позже Ивану Федоровичу не раз снилась эта самая улыбка.

* * *

Почему Сима все-таки сказала Ворону «да»? Ввязалась в безумную авантюру без всякого понимания куда и зачем едет? Человек иногда перемещается в пространстве не только ради понятной, материальной цели. Он скользит по географической карте в поисках новой точки опоры. Ищет место, стечение обстоятельств, где его внутреннее существо придет в абсолютное, ничем не потревоженное равновесие с внешним миром. Только так, увидев, что же лежит на другой чашке весов, можно узнать себя истинного. Кто ты, откуда, в какой части всемирного пазла находится та самая, твоя клеточка. Ни психологи, ни близкие, ни даже вы сами не знаете этого живущего в вас человека. Выявить, обнаружить его возможно только косвенно, через реакцию взаимодействия.

Сима бессознательно искала эту заветную точку в пространстве уже очень долго, похоже, еще с подросткового возраста — и никак не могла отыскать. Ей было восемь, когда они приехали во Францию. Жизнь в России она помнила плохо. То, что помнила, угнетало, а не будило ностальгию. Жареная картошка с загадочной субстанцией под названием «гуманитарная помощь», консервами, которые распределяли у мамы на работе. Грязные подъезды, гадко пахнущие лифты. Много людей с огромными, туго набитыми баулами на площади перед Ленинградским вокзалом, где они ждали бабушку из Питера. Когда Ельцин приказал расстрелять из танков парламент, в школе на три дня отменили занятия. Все вместе — нечто серое, неопрятное, тревожное и снующее. Но вот незадача, это залегло где-то у нее в глубине, зацементировалось там, сбилось в один плотный, нерастворяемый пласт. Париж, как ни старался, не смог с ним совладать. Тут

нужен был динамит, а не легкое, обволакивающее французское мироощущение. Да, внешне все выглядело чудесно — примерная ученица в школе, Сорбонна, потом работа в крупном издательстве. Но сбитый кирпич внутри тянул и тянул своей тяжестью. Сима съездила в двадцать лет в Россию — один раз, другой. Проверила на практике — там становилось легче. Хотя здесь мешало уже другое. Слишком многое вызывало внешнее, эстетическое отвращение. Грубые, примитивные, уродливые формы жизни кишели вокруг. Так она и болталась туда-сюда, между двумя полуродинами. Занялась русской историей, культурой, религией. Попала в Национальный совет по туризму, где стала работать у Боссю.

Конец прежнего мира поначалу сильно упростил ей жизнь. Россия и Европа в некотором смысле сблизились друг с другом, почти соединились. Казалось, она вот-вот достигнет свою «точку равновесия». Назначение Боссю генерал-губернатором с задачей «сохранить русское культурное наследие» Сима восприняла как прямой знак судьбы — скорее в Москву, спасти осколки русской культуры! Ради лучшего будущего, которое, конечно же, непременно настанет! Но уже здесь, на месте, поняла, что делает работу археолога. Картины и здания, которые она помогает сохранить, возможно, именно русский человек уже не увидит. Скорее нужно спасать то, что еще остается живым. Для спасения же нации — ее целостности, ее духа — оккупация должна завершиться как можно быстрее, чтобы разрозненное, разбредшееся состояние русского народа не стало привычным и повседневным. Месяца за три до приезда Голдстона Сима, наконец, решила — через знакомую в Новодевичьем монастыре передала письмо партизанам. Порыв, о котором потом много раз жалела, но без которого, наверное, не смогла бы жить дальше. Он снова обострил притупившуюся боль раздвоения. Связь с отрядом Ворона стала не оставляющей даже во сне шизофренией. Немцы, англичане или французы, окружавшие ее в Кремле, были удобнее и понятнее, чем прятавшиеся по подмосковным лесам безликие люди с автоматами. Необходимость — почти мистического происхождения — быть на той стороне, где ты чужой, постепенно развивалась в психическую болезнь. Когда ее арестовали, Сима скорее обрадовалась — вот

и конец мучениям. Два дня под стражей чувствовала себя почти счастливой. Нет больше выбора, который ты не в состоянии сделать. Освобождение отрядом Ворона вернуло все на круги своя — ее снова воспринимали такой, какой она была в лучшем случае наполовину. Теперь, правда, с другим знаком. Но и вернуться обратно, хотя бы из-за обвинения в убийстве, Сима уже тоже не могла. Путешествие в Сибирь стало попыткой убежать от этой шизофренической безысходности.

Была и другая причина — Голдстон. Она поначалу соприкоснулась с ним несерьезно, вскользь, но он тут же нахально поселился внутри нее смутным, непонятно что обещавшим ощущением. Был совсем не так прост, как мог показаться на первый взгляд, белобрысый дылда с программным обеспечением из Оксфорда. Отчетливо простукивалось второе, контрабандное дно. Он что-то скрывал о себе, проступавшее порой в демонстративно нетипичном для типичного англичанина поведении. Между ними быстро проросла непонятная, ничем необъяснимая общность. Сима чувствовала совпадение жизненных линий, колеями проложенных у них по душам — схожих чем-то с линиями на ладони, по которым предсказывают судьбу. Кажется, Голдстон точно так же жил в состоянии раздвоенности и мучился ею. Между чем он разрывался, она не гадала, не силилась понять. Захочет — сам расскажет. Уже перед самым отъездом, услышав, как говорит по-русски уроженец Лондона, поняла, что дело нечисто. Но опять же, ничего спрашивать не стала. Дорога сразу сблизила их, они сидели рядом и почти все время разговаривали — теперь уже на русском. Голдстону русский язык доставлял очевидное наслаждение. Он говорил на нем так, словно нарушал многолетний, тяготивший его запрет — прислушиваясь к собственному голосу, иногда переспрашивая, правильно ли использовал то или иное слово, даже что-то записывал в тонкий, черной кожи блокнотик с серебряным тиснением *Ministry of Armaments and War Production*¹.

Сейчас было часов шесть утра, протомившийся ночь в заточении джип гордо покидал огороженную земляным валом столицу

¹ Министерство вооружений (англ.).

«республики», а часовые у ворот провожали его хмурыми, разочарованными взглядами. Сожалели, похоже, о верной добыче, драгоценных канистрах с бензином, ускользающей из их рук. Обдумывали причины странного великодушия обычно хваткого и жесткого Ивана Федоровича. За воротами машину тут же принял вязкий, непробиваемый фарами утренний туман. Природа словно хотя бы на пару утренних часов хотела скрыть от их взгляда разоренный и покалеченный мир.

— Монастырь, — неожиданно суетливо вернулся Голдстон к теме, которую только что обсуждал с провожающими Ворон. — Вот ведь совпадение: опять мы с вами вместе едем в монастырь!

Голос его звучал наигранно, по-актерски. В чем тут дело? Сима не понимала.

— Да не волнуйтесь же так! Вас никто не собирается насильно обращать в православие.

Он покосился на нее растерянно, смутился еще больше, словно Сима что-то угадала.

— Значит, насильно венчать тоже не будете?

Оба дружно фыркнули. Она представила себя рядом с Голдстоном — разница в росте сантиметров двадцать. Ни о чем больше не подумалось, только вот об этом. От смеха внутри весело завертелся калейдоскоп из ярких разноцветных стеклышек. Прошло зябкое ощущение от тумана и сырости в непрогретой машине. Голдстон, похоже, тоже расслабился, что бы его там ни напрягало. Подмигнул ей.

— Помните, рассказывали мне про ген русского народа? Подумал — вдруг он хранится как раз там, куда мы едем? Представьте: в древнем, завешанном паутиной монастырском погребке стоит такой здоровенный, покрытый ржавчиной железный сундук. А внутри — холодильник с абсолютным вакуумом. В нем золотая капсула.

Самое странное, она и правда это представила. Так явственно, что из сундука-хранилища на нее снова ощутимо повеяло холодом.

— Думаете? Похоже на сказку про Кощея, которую я вам вчера рассказывала. Сразу после сказки об Илье Муромце.

— На Кощея скорее походил тот господин, что угощал нас самогоном. Кажется, нам вообще повезло, что мы оттуда смогли уехать.

Сима передернула плечами, припомнив Ивана Федоровича. Но вдруг тут же сказала с неожиданным воодушевлением, представляя при том красноватый, разбухший нос главы республики:

— Но он все-таки отпустил нас, правда? Будем за это благодарны... Его можно понять. Времена такие, что каждый за себя. Представьте только, с какими трудностями сталкиваются люди, живущие в этом городе! Просто Средневековые какое-то! Сколько сил нужно, чтобы оставаться человеком!

Джип свернул направо, огибая по периметру едва различимый в тумане земляной вал с кособокими деревянными укреплениями. Проехал, то и дело вздрагивая на ухабах, с пару километров и уперся в высокую железнодорожную насыпь, что словно еще одной стеной опоясывала городище. Поднырнув под нее, протиснулся через узкую каменную арку — и тут окончательно вырвался на свободу. В простор бесконечных, непонятно зачем придуманных полей, волнами откатывавшихся к горизонту по обе стороны от дороги.

* * *

Уже ближе к полудню, миновав без всяких встреч и приключений приличный отрезок пути, они съехали за Владимиром на Горьковское шоссе. Трасса эта выглядела мрачно, даже угнетающе. Когда-то именно по ней на протяжении месяцев шел основной поток беженцев на восток, а банды оборотней находили себе здесь постоянную поживу. Дорогу траурной каймой обрамляли с двух сторон брошенные автомобили — часто с пулевыми пробоинами, битыми стеклами и вспоротыми багажниками. Тут же, в придорожных канавах, мародеры сваливали ненужные им вещи — детские коляски, тюки с одеждой, пустые чемоданы. Все указывало на то, что для множества беженцев путешествие по этим местам оказалось последним. Сима смотрела через силу по сторонам — не могла себя заставить не смотреть. Трагедия, случившаяся здесь, до сих пор не

ушла отсюда. Тысячи людей оставили тут свою боль, унижение, отчаяние, страх. Как радиоактивная пыль все это осело на асфальт и излучало в пространство опасные, убивающие любую радость микрочастицы.

Но прошло полчаса, час. Случилось то, чего Сима сама не ожидала. Глаза мало-помалу привыкли к жутким декорациям. Теперь все сливалось в одну бесформенную массу, как на бесконечной свалке, где для обычного восприятия нет уже отдельных, имеющих ценность предметов. Лишь иногда взгляд цеплялся за необычные, выступающие из фона детали. Чудовищный и одновременно впечатляющий как останки динозавра скелет сгоревшего бензовоза. Красная то ли куртка, то ли пальто, флагом развевающаяся на остоле светофора. Грузовой вагон, непонятно как съехавший по склону с железнодорожного моста и наполовину перекрывший шоссе. Точно так же Сима заметила и самый первый бумажный листок. Белая точка, потом квадрат на стене обмазанного копотью придорожного магазина. Свеженький, ослепительно-белый, он походил на подснежник, сияющий посередине моря грязного, умирающего снега. Сима медленно проводила его глазами, без единой мысли о том, что это за бумажка и откуда она здесь. Но через пару километров им попался еще один, теперь на колонке заброшенной бензозаправки. Увидев третий, Сима не выдержала:

— Ворон, остановите машину!

Выскочив из джипа, подбежала к бетонной автобусной остановке и, задержавшись там на полминуты, аккуратно отклеила листок от стены.

— Что такое? В чем дело?

Командир был очень недоволен паузой в движении. Думал, женщине приспичило, а тут какая-то блажь. На неподвижную машину напасть — раз плюнуть. Даже стае бродячих собак.

Сима с нехорошей, нервной улыбкой протянула командиру бумажный лист. Черные, размазавшиеся от дождя буквы бесенятами заплясали в глазах у Ворона. В салоне запахло типографской краской.

— Думаю, вам тоже полезно почитать. Можно вслух и с выражением.

Ворон, наконец пробежав хмуро текст глазами, вслух читать не стал. За него это сделал Быков, которому он передал бумажку.

— Внимание, розыск! Канцелярия Верховного правителя России, уважительно именуемого в народе *Генералом*, объявляет награду в сто мешков муки по шестьдесят килограммов каждый за поимку пятерых преступников — троих мужчин, один из которых иностранец, подростка и женщины... Передвигаются на автомобиле «Тойота Ленд крузер» черного цвета... Проезжают через Московскую, Владимирскую, Нижегородскую губернии... Награда будет выплачена исключительно в случае, если передадут живыми и невредимыми... — Как гуманно! Хорошо, однако, что эти листовки пока не дошли до того, хозяйственного... Как его там звали? Иван Федорович, кажется... Сто мешков муки! Целое состояние!

У Симы даже не появилось мысли улыбнуться. Все остальные тоже скорбно, как на похоронах, молчали. Ворон утрюмо разглядывал приборную панель, Голдстон поочередно смотрел то на командира, то на физика, Колька сидел, раскрыв рот от удивления. Все понимали: кто-то их предал. Причем уже довольно давно, так как объявившие награду за поимку успели отпечатать листовки и заклеить ими всю округу.

— Типография имени Ленина города Ульяновска, — дочитал Быков листок до конца. — Тираж сто тысяч экземпляров.

Сто тысяч таких вот бумажек, расклеенных от Москвы до Урала. Сима представила их в виде мин — целых сто тысяч мин, спрятанных на огромном пространстве, способных взорваться где и когда угодно.

— Кстати, а кто этот Генерал-то?

Физик, кажется, наконец понял, что его ироничный тон никого не рассмешил.

— Оборотень самый главный, — по-взрослому ответил ему Колька. — Самый жестокий и кровавый.

Физик теперь тоже задумался. Потом высказал вслух то, о чем размышляли сейчас все сидевшие в джипе.

— Зачем мы нужны этому самому... Генералу? И откуда... все эти детали? Только номера машины нет!

— Наверное потому, что номера у нас нет вообще, — отозвался Голдстон, пытаясь поймать в зеркале отражение лица Ворона. — Поехали, через три часа стемнеет.

Остатка светового дня, и правда, едва хватило, чтобы добраться до места. Монастырь стоял на возвышении, холме, похожем на буханку хлеба, вытянувшимся на сотни метров вдоль реки. Белокаменный и безмолвный пришелец из Средневековья. Утяжеленный прицепом джип с трудом осилил крутой подъем грунтовок, и, слегка подрагивая, остановился у полукруглых ворот, с крестом на каждой половинке. Сима снова перехватила сложное выражение на лице Голдстона. Подумала скорее с тревогой — «Что же с ним такое сегодня?».

За воротами загребели железом. Створки начали расходиться, приглашая машину въехать в темное чрево за каменной стеной. Свет фар хаотично, кусками, как в театре теней выхватывал из темноты людские силуэты, углы бревенчатых зданий, распряженные подводы, кучи строительного мусора. Один из силуэтов, обернувшийся вертлявым, тощим монахом в черном одеянии, показал знаками, куда подогнать машину. Когда двигатель онемел, и все пятеро тоже в полном молчании вылезли из джипа, монах суетливо подбежал к ним и, безбожно растягивая на местный манер гласные, с искренней радостью сообщил:

— Слава Богу, доехали! А то мы уже вас заждались!

* * *

Голдстон не раз переспросил у самого себя — уверен в переводе? Ответил — да, уверен. Заждались, значит, знали, что приедут, и с нетерпением ждали. Ноги, пораженные странной немощью, отяжелели, стали как чугунные чушки. Может, совпадение? Монахи ждут, но кого-то другого. Или открывший ворота мог обронить фразу просто так. В том смысле, что каждый путник — желанный посланник небес... Мысли эти сновали туда-обратно неспроста. Накануне он затеял игру, которой человеческая гордость тешит себя с незапамятных времен. Смысл игры незатейлив: ты требуешь явить чудо, чтобы поверить. То, что заставит тебя милостиво согласиться: да, за моим появле-

нием в мире кроется не бесчисленное число биологических случайностей, а чей-то план, осмысленная воля. Когда накануне уезжали из партизанского лагеря, внутри что-то уперлось ногами и руками, засопровтивлялось. Животный страх вообще потерять себя, пусть и такого какой есть. Получить взамен непонятно кого. Тогда-то и пришла в голову эта затея. Полюбовный договор между прошлым и возможным будущим. Как понять, что то, новое, имеет бóльшую ценность? Пусть же с ним приключится нечто необъяснимое, что не вписать в реальность тем или иным процентом вероятности. Прежний Голдстон понимал: игра беспроигрышна, а потому с легким сердцем согласился. Напротив, Голдстон новый каждую минуту сомневался. Притаившись в засаде, следил за происходящим, ждал с замиранием сердца. Известие, что дорога завернет в монастырь, повысило градус этого изнурительного ожидания. Поездка в Новодевичий многое изменила в нем, даже перевернула. Чудо — пусть с точки зрения только Голдстона нового — было налицо. Если же теперь он просит о чуде более осязаемом и очевидном, не монастырь ли для того самое подходящее место?

Открывший ворота суетливый монах, назвавшийся Константином, без долгих прелюдий повел их в трапезную. Там гостей вдоволь накормили черствым, сладковатым ржаным хлебом, пустой похлебкой из гороха и салатом из овощей, который Колька, вспомнив слово, с придыханием назвал «винегрет». После ужина устроили на ночлег — сначала Симу, скользнувшую на прощание по Голдстону внимательным, даже тревожным взглядом, а затем и мужчин. И вот здесь, в просторной комнате для паломников, плотно заставленной по всей площади узкими железными кроватями, монах Константин внезапно обронил:

— Братья, того, кто из вас иностранец, хотел повидать старец Антоний.

Голдстон окаменел. За время ужина он лишь несколько раз произнес «спасибо». Как они признали в нем иностранца?

— Старец? — повторил непонятное слово Колька. — Это самый главный в монастыре что ли?

Ворон тут же вскочил на ноги, отчаянно скрипнув железной сеткой кровати.

— Откуда знаете, что среди нас есть иностранец? Сюда приезжали? Расспрашивали про нас?

Константин нехотя, словно говорил о чужой тайне, ответил:

— Неделю назад приезжали. Привезли листки, где про вас написано. Старец тоже один листок видел, показал ему кто-то из братии. А вчера утром, как хлеб и воду принесли, сообщил нам: так и так, должны путники эти через наш монастырь проехать непременно. С иностранцем, который в их числе, мне переговорить нужно. Как придут, ты их накорми, а потом иностранца этого ко мне води. В любое время.

И монах стремительно, словно отгоняя мошку, перекрестился.

— Просто чудеса и телепатия... — едва слышно пробормотал Ворон, кладя ладонь на правый бок, где под курткой пряталась пистолетная кобура. — Нет, не нравятся мне эти чудеса. Разводят всех по одному. Не ходите никуда, мистер. Если хочет поговорить, пусть сам сюда идет...

Голдстон уже навряд ли слышал его, тем более понимал. Как под гипнозом шагнул к низкой двери, видя перед собой только худое лицо монаха в черном клобуке. В последний момент все-таки осознал — надо что-то сказать Ворону и остальным. Повернулся, смог подобрать несколько слов:

— Я схожу. Не ждите меня, ложитесь спать.

* * *

Темнота, встретившая за порогом, показалась той самой первозданной, лишенной бытия тьмой, где не существовало еще ни материи, ни даже мысли. Провожатый в черной одежде, делая шаг вперед, норовил раствориться в ней, а потом, видимо вспоминая о Голдстоне и притормаживая, вновь возникал из ниоткуда, как волшебное, сказочное существо. Окружающие предметы Голдстон, можно сказать, вообще не видел, скорее угадывал внутренним локатором, ощущая их форму и размеры. Они прошли между двух плотно придвинутых друг к другу построек, потом слева материализовалась каменная лестница, видимо церковное крыльцо, еще чуть поодаль — огромный каменный крест. Все эти материальные объекты, появляясь в поле зрения, почти сразу

же и пропадали словно миражи, навеванные болотной дымкой, что наплывала на монастырь со стороны леса. Как оказалось, именно туда, в лес, они и направлялись. Вышли через невидимую в темноте, запирающуюся на ключ калитку в монастырской стене. Лес начинался тут же, в нескольких метрах. Чем дальше они углублялись в него, тем сильнее тьма сдавливала грудь, плечи, спину, а внутри поднималось истерическое желание увидеть свет, хоть малый его проблеск. В какой-то момент тяжесть стала такой неподдельно-настоящей, что он едва не закричал — «Света, дайте хоть немного света!». И вот тут яркая, лучистая звезда вспыхнула впереди после очередного поворота невидимой тропинки, которую можно было вычислить лишь по шороху шагов проводника. Монах внезапно остановился. Голдстон едва не уткнулся носом ему в спину. Где-то совсем рядом пронзительно крикнула птица, и от неожиданности у него дрогнули колени.

— Скит, — сказал монах незнакомое слово, махнув рукой в сторону огонька. — Место, где живет старец и куда к нему приходят... Хорошо понимаешь по-русски? А старец — то монах, который живет отдельно и все время молитву творит.

Избушка старца, поставленная зачем-то на сваи, возвышалась посередине крохотной лесной опушки. Похоже, у нее было одно-единственное окно, повернутое как раз к тропинке, и в нем, мерцающая, подманивая пламенем, горела одинокая толстая свеча. Константин замер у крыльца:

— Дальше не пойду. Стукнись в дверь, он откроет.

Голдстон оглянулся назад. Опять почувствовал темную, враждебную громаду ночного леса, кровожадно разевающую пасть.

— Как же я вернусь?

— До утра здесь останешься. Утром приходи на главные ворота, тебя пустят.

Монах развернулся и, словно по волшебству, немедленно исчез, испарился, будто и не стоял тут секунду назад. Голдстон, между тем, медлил, не поднимался по ступенькам. Таинственный старец пугал его не меньше, чем ночной лес. Прошла минута, две, три. Потом сверху раздался голос, недовольный, но при том странным образом ласковый:

— Чего встал как столб? Заходи давай!

Старец оказался совсем не таким, как Голдстон представлял себе монастырского отшельника. Не поражал длиной бороды, безумным видом, дурным запахом или же изношенностью одежды. Нет, был высок, худ и длинноволос, но волосы и короткая острая борода клинышком ровно подстрижены. Голос — сухой, шелестящий — под стать сложению. Монашеская хламида сидела на нем, если можно употребить это слово, даже элегантно, Голдстон помянул Ришелье¹ из романов Дюма. Пропорции нарушали только глаза — огромные, постоянно щурящиеся и немного уставшие, возможно, от созерцания греховности мира, которую им по необходимости постоянно приходится наблюдать. В комнате, единственной в доме, царил идеальный порядок. Хотя, по правде, добиться этого с таким количеством вещей было несложно. Узкая деревянная кровать, стол, стул, три большие иконы, несколько полок с книгами и старый, неработающий холодильник, что, скорее всего, исполнял роль шкафа для скудного провианта. Пахло травами, пучки которых свисали с потолка по периметру комнаты, а еще плавленным воском.

Выдвинув стул, старец повелительно указал на него:

— Садись, посмотри хоть на тебя.

Взял стоявшую на подоконнике свечу, переставил ее поближе, на стол, а сам присел на кровать.

Поначалу было неуютно под колючим, все считавающим взглядом этих больших, уставших глаз. Словно дятел дерево, старец обстучал его с ног до головы. Похоже, воспринимал происходящее не в пример серьезно.

— Ну, рассказывай.

Голдстон вздрогнул.

— Что именно?

— Сон мне привиделся. Призвали и говорят — так мол и так, жди. Та делегация, что повсюду разыскивают, к вам заявится скоро. И с иностранцем, который с ними, тебе поговорить надо. О том, о чем он сам захочет. Очень ему это нужно.

¹Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585–1642) представлен в романах Дюма-старшего как внешне весьма эффектный и элегантно одетый персонаж.

Голдстон попытался улыбнуться. Кажется, получилось что-то жалкое. Старец молча ждал.

— Я... попросил, чтобы произошло чудо. Загадал, как загадывают желания.

Вышло совсем по-детски. Словно оправдывался за какую-то провинность. Старец не улыбнулся, не отвел колючего взгляда. Был все так же серьезен.

— Чуда, значит, захотел? И зачем же оно тебе, чудо?

Он долго не отвечал — сидел и размышлял. О загадочной живой закваске внутри — разбухающей, распирающей тело, вытесняющей все прежнее. О том, что чувствует, как *расширяется*. Что чудо, наверное, нужно, чтобы принять все это, а не сойти с ума.

— Иногда сложно ответить на какие-то очень важные вопросы, — наконец осторожно сказал Голдстон, ощущая стеснение, которое обычный человек испытывает в кабинете врача, рассказывая, о кожных или венерических заболеваниях. — Нужен внешний толчок, чтобы найти ответ.

Хозяин избушки, тоже совсем как врач, кивнул понимающе худым, заостряющимся книзу лицом.

— Чудо — оно, да — вроде как лекарство от всех духовных болезней. Увидел — и сразу уверовал. Осознал, что не случайно на земле очутился и не в пустоту уйдешь после смерти. Но одна заковырка тут есть. Тайна пропадает. А тайна — это что? Обратная сторона свободы. Понимаешь? Без тайны нет свободы, на которой все бытие человеческое стоит... Явись Господь одновременно всем людям мира — и девяносто девять процентов уверуют немедленно. Но то уже не вера будет, а принуждение, что укажет на вторичность нашу... А Бог видит человека как равного, потому свобода наша для него первее всего. Понимаешь? Спросишь, конечно — почему же Господь явился апостолу Фоме? Почему меня, грешного, попросили с тобой увидеться? Зачем такая очевидность?

— Любовь... — пробормотал Голдстон едва слышно, аккуратно нащупывая правильный ответ. — Любовь Бога к человеку важнее свободы?

— Любовь не важнее свободы. Да и не живут они по отдельности, — покачал головой монах. — Любовь, свобода и вера —

это как Отец, Сын и Святой Дух. Троица и неразделимо. Не лезь в философию, все проще — *ты уже поверил*. И Фома Неверующий уже верил, когда требовал вложить персты свои в раны Господа. Разум его говорил — нет, не может быть такого, а вера в сердце жила. Чудо по вере случилось, не вопреки ей.

— Я? Поверил? В Бога?

— В себя самого прежде всего.

Отблеск пламени свечи, чем-то внезапно потревоженный, отчаянно заметался по лицу старца, высвечивая то одну, то другую его черту.

— Поверил, что не просто ты мешок из мяса и костей. Что впереди у тебя не тридцать-сорок лет земной жизни, а целое бессмертие. По большому счету, то и есть вера в Бога. Вера в себя такого, каким тебя создали по образу и подобию.

Тени от свечи все еще металась из одного угла избушки в другой, рисуя на стенах огромные, но совсем не страшные, скорее смешные фигуры. Когда замолкали их голоса, треск плавившегося воска становился единственным звуком, нарушавшим почти космическую тишину. Начисто исчезло чувство времени, Голдстон совсем не понимал, сколько прошло после его появления в избушке — десять минут, тридцать или час. Внезапно захотелось выпить. Он бессознательно помассировал пальцами пересохшее горло. Идея спросить монаха-старца о глотке спиртного почему-то не показалась дикой, но откуда здесь алкоголь? Ответил сухим, еле ворочающимся во рту языком, фиксируя взгляд на кончике пляшущего пламени.

— Последнее время чувствую себя ребенком, которого лет до пяти держали в комнате, и он считал, что комната и есть весь мир. А потом все оказалось немного больше.

Не говоря ни слова, старец встал с кровати и подошел к мертвому холодильнику. Когда же, открыв его, он извлек оттуда пол-литровую бутылку с прозрачной жидкостью, Голдстон едва не рассмеялся. Бесспорно, то было еще одно чудо.

— На, выпей, — налив самогон в стопку с потемневшим от времени стеклом, монах протянул ее гостю. — Господь с нами тоже пил. А я уж и подавно. Знаешь, кем в первой своей жизни был? Никогда не угадаешь... К семинарии и близко не подходил.

До тридцати пяти лет работал в институте, придумывал двигатели для ракет. А как Советский Союз распался — словно пелена с глаз упала. Вот она, никчемность нашей видимой жизни. Было большое, сильное государство — и не стало его, потому как люди перестали в него верить. Вера — то, чего увидеть и потрогать нельзя — оказалась важнее танков и атомных станций.

Пятьдесят грамм самогона Голдстон выпил, цедя огненную жидкость сквозь губы и с наслаждением ощущая, как тело с каждым глотком становится легче, воздушнее. Словно действительно наполняется *верой*, которая, как горячий воздух, несет его куда-то высоко вверх. Старец дождался терпеливо, пока закончится самогон, потом продолжил:

— Когда рождается человек — он всего лишь семечко. Крохотное, ничего не значащее, с одной лишь идеей о том, что из него может когда-то вырасти большое, красивое дерево. Вырастет или нет — никто не знает. Но первый шаг к тому, чтобы вырасти, это понять — ты зернышко. Ничтожное, маленькое. Здесь нет ничего унижительного. Напротив, огромная свобода, которая нам дана. Ощущать разницу между собой изначальным и тем, кем ты можешь стать. Иметь возможность пройти этот путь.

Простая аллегория с семечком почему-то сразу многое объяснила.

— Семечко, — повторил Голдстон неожиданно показавшееся крайне смешным слово. — Мы семечки... Знаете, я представил людей в виде деревьев. Все очень разной высоты. Кто-то цветет и покрыт зеленой листвой, у кого-то листья засохли и опали.

Монах улыбнулся. Теперь, после стопки самогона, можно было поймать расходящуюся во все стороны вслед за улыбкой теплую волну.

— Мы и правда словно деревья — только вот растем корнями вверх. Прорастаем в тот мир, вечный, пытаемся зацепиться за него, укорениться в нем. Есть человек физический, видимый и человек духовный, глазами которого не углядишь. И здесь люди точно все ростом разные... Человек же растет, когда постигает замысел Божий о себе самом. Замысел этот так велик, что, думаю, исполнив его целиком, каждый из нас по смерти своей мог бы запросто сказать: «Здравствуй, Господи, это я, созданный Тобой

и доросший до Тебя». И назваться, сказать свое имя, что Господь дал ему, когда вызывал из ничего, из пустоты...

Голдстон вздрогнул.

— Имя?

— Имя. Идея. Программа. Уникальный код. Называй как хочешь. И я так понимаю: чтоб мы сюда явились, Господь называет нас по имени. *Вначале было Слово*, помнишь? Мне иногда кажется — он просто сочиняет поэму. Каждый из нас, людей — в ней лишь одно из слов. Одно-единственное слово. Но ведь без него не прочитать правильно все целиком, да?... Так вот, Господь произносит имя — а дальше уже наш черед. Мы должны сами записать слово в поэму. Довести Божий замысел до конца. Весь смысл жизни нашей в имени этом заключен. Через него Господь всегда тебя признает и найдет место для тебя в творении своем.

— Как же узнать-то его? Свое... имя?

Старец прищурился хитро.

— А ты попробуй всю Божью поэму целиком услышать. Как заметишь, что слова не хватает, с рифмой что-то не так — сразу кричи криком: вот он я, Господи! Вот какое слово вставить здесь нужно, чтобы звучало благозвучней! Понимаешь?

Глянув с сожалением на пустой стакан, Голдстон выдохнул невпопад:

— Вам бы самому поэмы писать...

— Правда? — переспросил старец, как будто всерьез обдумывая такую перспективу.

— Да. Про семечко, про небо, куда мы растем. Про душу, про космос...

«Кажется я пьян. Очень пьян, — пронеслось у Голдстона в голове. — Дело, конечно же, не в самогоне. Просто устал. Пора спать».

Монах, не ответив, встал, прихватив свечу, подошел к окну и беззвучно распахнул его настежь. Потом одним коротким движением пальцев притушил пламя. Через минуту, когда глаза привыкли к ночной тьме, проем окна заполнился сияющими над опушкой звездами.

— Вот он, рай, — прошелестел старец из темноты, словно глас, вещающий из ниоткуда. — Все спорят, есть ли он и как вы-

глядит если есть. А рай на самом деле у нас над головой. Светит, переливается своей красотой неземной. Подними голову да посмотри!... Загадка непостижимая, которую, думаю, только через смерть разгадать можно, сколько теорий ни выдумывай! Вроде материально — но через материальное непостижимо, так как громадно и сложно до невообразимости. Вроде мертвое — но, на Земле по крайней мере, наполнено жизнью. Вроде холодное, пустое, пугающее — и тут же красиво, как ничто больше красиво быть не может... Знаешь, мне иногда жаль, что все еще живу. Думаю, давно уже мог там быть, среди звезд и туманностей, вышагивать по Млечному Пути... Самое же непостижимое — жизнь наша земная, ничтожная, видимо важна для этой вечности и бесконечности ...

Темное, расчерченное угловатыми звездными узорами пространство за окном затягивало в свои глубины. Неужели там, на просторах в миллиарды световых лет, действительно продолжается оборвавшаяся здесь человеческая жизнь?

— Через пару часов светать начнет. Ты ложись на мою кровать, а я за тебя помолюсь. Все равно после таких разговоров сон не идет.

Голос старца, земной и телесный, выдернул Голдстона из межзвездного пространства. Он снова сидел на грубо сколоченном деревянном стуле в избушке на окраине леса. Сразу стало зябко от открытого окна, но внутреннее тепло никуда не делось. Хотелось верить, что теперь оно не уйдет из него ни утром, ни через неделю, ни через год. Голдстон чувствовал себя сейчас пятнадцатилетним — или даже младше. Без опыта, убеждений, планов, лишь с одним только ощущением чего-то важного и удивительного впереди. Возможно, тем самым крохотным семечком. Жесткий, короткий топчан не доставил ему никаких проблем. Он засыпал под певучее бормотание монаха, а в голове, закольцевавшись, повторялось раз за разом: «Рай... хочу в рай...».

* * *

Колька дрых всю ночь без задних ног. Первое, что увидел, продрав глаза поутру, часов в девять, была хмурая, помятая физиономия Ворона. Тот, похоже, не сомкнул глаз, ожидая коварного

нападения. Лежал, смотрел в потолок, сжимая в кармане пистолет. Едва ли не в первый раз за время их длительного знакомства почувствовал Колька к командиру снисхождение. Даже ему, зеленому пацану, понятно — бояться тут нечего. Едва заехали в монастырь, внутри будто тиски разжались. Чувство опасности, не оставлявшее все последние три года, тотчас отпустило. Непонятно вот почему Ворон не просек? Теперь за глупость эту приходилось расплачиваться. Уже с утра партизанского командира, похоже, мутило от усталости.

— Поведешь сегодня машину, понятно? — сухо сказал командир, как только заметил, что Колька проснулся. Потом зло покосился на сладко храпящего физика. Наверное, чувствовал себя полным дураком.

— Где там носит нашего лорда? — помолчав с минуту, Ворон понял, на ком сорвать злость. — Или эти черти в черных халатах его за ночь обратили в истинную веру? И он уже у амвона поклонься бьет?

Тут входная дверь скрипнула, и на пороге, живой-здоровый, объявился только что недобро помянутый англичанин. Колька от неожиданности чуть не охнул — такой у него был светлый, сияющий вид. Улыбка фонариком подсвечивала все лицо.

— Вас, мистер, что, блинами с икрой накормили вместо свя-
тых молитв? — хмуро встретил его Ворон. Похоже, тоже был удивлен этим преображением.

Голдстон улыбнулся еще шире.

— Нет, блины, насколько я знаю, только еще будут. На завтрак. Хотя вот насчет икры не уверен.

Восхитительные блины из гречневой муки оказались с цветочным медом. Не пироги, конечно, но тоже мечта. Пахли так, что у Кольки чуть глаза из орбит не повылезали. Торопливо запивая еду травяным чаем, он один за другим таскал блины из высокой горячей стопки, каждый раз виновато оглядываясь на присутствующих, как будто испрашивая их разрешения на очередной разорительный рейд. То ли от блинов, то ли от чего еще всем, кроме Ворона, было поначалу страшно весело. Сима устроила Голдстону шуточный экзамен, допытываясь у него, как перевести на современный русский то или иное старославян-

ское слово. Англичанин долго и смешно отгадывал, что такое «вья» — «вымя» или «знамя». Узнав, что это «шея», долго хохотал вместе с Симой, подмигивая одновременно Кольке и показывая ему знаками, что, пожалуй, пора утащить еще один блин. Физик, соревнуясь с Колькой в скорости поедания, с отеческой заботой поглядывал на остальных, расслабленно улыбался и только изредка вставлял в разговор свои замечания, по большей части совершенно бессмысленные. Но прошло десять, двадцать минут, полчаса, и Кольке показалось, что каждый из сидящих за столом просто неосознанно пытается оттянуть момент отъезда. Сима — поддерживая уже потерявшую изначальную свежесть словесную игру, Голдстон — наигранной непонятливостью, Быков — геноцидом в отношении блинов. Ворон, вероятно, тоже уловил эти настроения, потому внезапно решительно встал и начал суетливо натягивать короткую кожаную куртку.

— Пойди, скажи им, что уезжаем, — бросил он Кольке через плечо. — Пусть ворота открывают.

Монахи провожали джип любопытными взглядами, видно тоже поминали наградные мешки с мукой, и несчетными крестными знамениями. Колька, очутившись впервые с момента начала путешествия за рулем, отирал то и дело потевший от свалившейся ответственности лоб. Ему предстояло вести автомобиль по грунтовке — пока не выедут на твердое покрытие. Идея Ворона на первый взгляд выглядела здраво — посадить новичка-водителя там, где даже опытный шофер будет тащиться еле-еле. Но практика сразу же разошлась с теорией. Едва просохшая после дождей каша из грязи и камней раз за разом основательно встряхивала джип, как норовистая лошадь пытаясь сбросить их на обочину. Колька, стиснув зубы, наваливался всем телом на руль, чувствуя себя самым настоящим ковбоем. В разгар схватки с дорогой-лошадью, не удержавшись, победоносно покосился вправо. Был уверен — Ворон с восхищенным лицом наблюдает за его водительскими подвигами. Командир, однако, обманул ожидания — смотрел, отвернувшись, в окно, размышляя о своем. О чем именно, стало понятно через пару минут.

— Что за человек этот самый... старец? — спросил Ворон, когда уже казалось, что разговор о вчерашнем загадочном исчез-

новении Голдстона так и не начнется. Слово «старец» произнес с усилием, как запретное.

Англичанин ответил сразу же, будто только и ждал, чтобы выплеснуть из себя пережитое.

— А вот ни за что не угадаете!

— Что, мафиози? Серийный убийца?

— Нет, что вы. Бывший конструктор ракетных двигателей.

Лицо Ворона и правда вытянулось.

— Решил, что в монастыре проще на небо попасть?

Голдстон улыбнулся в зеркале заднего вида той самой, утренней улыбкой:

— Кажется, он по-прежнему сильно увлечен космосом. Только хочет постичь его теперь иначе.

Замолчал, видимо посчитав, что рассказал о ночной встрече все, что нужно. Но Ворон не отставал. Продолжил как-то чересчур навязчиво.

— Ну а от вас-то чего он хотел?

— Да ничего особенного. Просто поговорить.

Даже Колька понимал: после такого ответа расспрашивать дальше неприлично. Но Ворону, похоже, приспичило по полной.

— Поговорить? — переспросил он, кажется очень на взводе. — О чем же? Что такого вы смогли ему открыть? Какое откровение подарить?

Тут Кольку осенило: позавидовал командир! Не просто злой, потому как не выпался — нет, позавидовал! Неверующий — а приревновал англичанина за то, что именно Голдстона, а не его, героя-партизана и заступника России, призвал к себе монах-отшельник.

Лицо Голдстона покраснело, тут же сделав белобрысые волосы почти белыми. Ответил он с заметно усилившимся акцентом.

— Так может, откровение было нужно мне?

Ворон поперхнулся смешком.

— Вам? Откровение?

— Почему нет? Откровение, как я понимаю, дается тем, кто его ищет. Вот у вас в жизни все ясно, все уже определено. Мне пока до такого далеко.

Ворон напоследок фыркнул натянуто, видимо изобразив издевку, и оставил разговор. Кольке отчего-то стало жалко командира. Не понять по какой причине — но жалко. Тот, в самом деле, сразу весь съезжился, собрался в один малопонятный бесформенный комок с угрожающе торчащей в разные стороны щетиной. Словно проиграл в чем англичанину и страшно переживал теперь это свое поражение. Колька все думал-думал — и тут до него дошло! *Откровение!* Вот в чем дело! Монах наверняка будущее может предсказывать! Как в глаза заглянет, сразу все расскажет на двадцать лет вперед! Расстроился Ворон, что обошла его такая халява. Глядишь, как на духу старец ему доложил бы — когда Россия снова из кусков срастется и заживет новой жизнью. С другой стороны, раз англичанин довольный такой от старца поутру пришел, значит, пророчество не напугало. То есть суждено ему пережить это путешествие — а, значит, и все остальные тоже, скорее всего, живыми из него вернутся...

Задумавшись, Колька не заметил очередную колдобину на дороге, и джип тряхнуло как от прямого попадания из миномета.

— Что, тоже об откровении размечтался? — злобно рявкнул Ворон, желая, видно, найти козла отпущения.

К его удивлению, Колька не запаниковал как обычно от командирского гнева. Широко улыбнулся белозубым ртом, ответил добродушно:

— Угадали, товарищ командир. О нем самом!

* * *

Теперь они ехали не строго на восток, а брали сильно южнее. В монастыре посоветовали по широкой дуге объехать Нижний, где у банды Генерала размещалось что-то вроде регионального филиала. Поначалу джип возвращался на трассу чуть ли не лисьими тропами. Третью ночь потому пришлось провести в лесу. Спали не вылезая из машины, едва приоткрыв окна для свежего воздуха. С утра на скорую руку разложили костер, вскипятили чаю, а потом, молча поев, снова двинулись в путь. За рулем сменяли друг друга каждые два часа: Ворон, англичанин, потом Колька. До конца светового дня командир надеялся достичь Ка-

зани. Там, рассказывали, царили тишь да благодать. Как началась вселенская заваруха, у власти закрепились исламисты, сумевшие быстро наладить жизнь в городе. Физик называл это заумным, но невероятно красивым словом — *теократия*¹. Со слов монахов, с бандой Генерала у казанцев отношения особо не сложились. На то и была надежда. Накануне, когда уже садились в машину, Колька ненароком подслушал, как монах Константин наставлял Ворона перед дорогой:

— Будем за вас молиться, чтобы доехали, получили в Казани кров и защиту. Пусть люди в другой вере живут, но зло причинять у них тоже грех, а путников привечать — добродетель! Только поезжайте на юг, через Арзамас. С Божьей помощью доберетесь!

До Казани еще пилить и пилить, а Кольке уже вовсю мерещится загадочное, волшебное ханство из сказок «Тысячи и одной ночи», которыми зачитывался он в довоенном детстве. Вот, на горизонте возникает частокол из тонких шпилей минаретов, как копыта пронзающих черное, заполненное бесчисленными звездами небо. Колька вдыхает горячий воздух, пропитанный острыми, пряными запахами. Слышит протяжные, без начала и конца, завывания мулл. А еще прямо перед ним — полупрозрачные, блестящие занавеси в окнах гарема. Манят, колышутся от ласковых поглаживаний ночного сквозняка, иногда приоткрывая едва различимые обнаженные женские силуэты. Колька шурится, почти до упора выкатывает глаза, пытаясь усилием воли проникнуть взглядом за занавеску... Тут в другой ощущаемой Колькой реальности, на дороге, что-то зацепило его внимание. Прямо по курсу, на голубом клочке между двух пушистых облаков, нарисовалась жирная, наглая точка. Еще секунда, и Колька осознал — точка движется.

«Птица. Здоровенная какая птица. Аист, наверное», — подумал он, лениво проведив точку глазами. Та, нырнув за деревья, исчезла на пару минут, чтобы затем появиться слева от шоссе. Теперь Колька уже чем угодно мог поклясться — это не птица.

¹ Форма правления, при которой власть находится в руках религиозного института.

— Ворон, — неуверенно толкнул он локтем в бок заснувшего командира. — Ворон, здесь самолет.

Когда командир, мыча спросонья, протер наконец глаза и глянул через лобовое стекло, уже четко можно было различить очертания парашюта — зеленое клиновидное крыло и под ним сидящего на сиденье человечка. Стрекот мотора был слышен даже при закрытом стекле. Командир никак не успел выразить своего мнения, а с другой стороны дороги появилась еще одна точка — второй, точно такой же летательный аппарат.

— Кто это такие? — прохрипел Ворон, видимо по-прежнему плохо соображая со сна.

— Точно не спортсмены. Скорее всего, разведчики.

От слов англичанина Ворон сразу проснулся. Заорал, начав отчаянно тыкать Кольку в плечо:

— Тормози, Головастик, тормози!

Едва машина, взвизгнув испуганно от Колькиного удара по тормозам, замерла на месте, уткнувшись криво в обочину, командир схватил свой «Калашников» и проворно выскочил наружу. Оба парашюта теперь кружили неподалеку друг от друга, словно совещаясь, что же им предпринять. Вскинув автомат на плечо и тщательно прицелившись, Ворон начал спокойно, как в тире, бить по ним короткими, сухими очередями. Казалось, порхающие в небесной вышине машины только насмеются над его тщетными усилиями. Но вдруг Колька увидел, как один из парашютов начал заваливаться на бок, а затем неожиданно под острым углом устремился камнем вниз. За линией деревьев что-то хлопнуло, а спустя полминуты оттуда потянулся вверх тонкий столб черного дыма. Ворон дострелял магазин до конца, но второй парашют, рассерженно жужжа, без всякого ущерба для себя сделал над ними еще один круг, а потом скрылся в том направлении, откуда они приехали.

— Вылезай, растяпа, — злобно бросил Кольке Ворон, проводив парашют глазами. — Почему не стрелял-то? Совсем раскис от всей этой поповщины?

Они торопливо перенесли из фургончика в джип тяжеленный мешок с заряженными магазинами и несколько автоматов. Разда-

ли всем оружие — даже Симе достался свой «калаш». Она взяла его очень серьезно, сказала тихо:

— Сомневаюсь, что смогу стрелять в живых людей.

Колька удивился, вспомнив перерезанное горло губернатора Москвы. У Ворона, похоже, удивляться уже не было времени.

— А представьте, что с вами парни из банды Генерала сделают — и сразу получится.

Ее лицо сморщилось, как от боли, став на миг некрасивым, почти старческим, и тут прежнее восторженно-нежное отношение к прекрасной незнакомке из автобуса нежданно-негаданно на секунду снова вернулось к Кольке. Ворон, запрыгнув на рулевое сиденье, едва слышно, но длинно выматерился — как молитву прочел. Сплюнул в окно, выжал газ. Поднимая столб еще свежей, весенней пыли, погнались насколько позволяли уже местами взломанная травой дорога и неприкаянно болтавшийся сзади фургон. До Казани было километров двести-триста. Все, на что оставалось надеяться — парапланы вовсе не посланы по их душу, а случайно залетели в эту глушь. Но даже Кольке эти высказанные физиком надежды показались наивными. У парапланов, если вспомнить их маневры, наверняка была радиосвязь друг с другом. Они точно высматривали, отслеживали добычу.

Прошло с полчаса гонки по ухабам — и стало окончательно ясно, что они попали. На одном участке, где дорога развернулась вдруг длинной прямой лентой, Колька увидел в зеркало заднего вида бесформенный сгусток пыли — словно мощный торнадо, настигая их, мчался по пятам. Ворон выматерился, уже не таясь. Остановил машину. У него, оказывается, был в запасе план на случай подобных природных явлений.

— Садись на мое место! И гони! — рывкнул он Голдстону, появившись из фургона с ручным пулеметом наперевес. — А ты — со мной!

Уже на ходу Колька запрыгнул в фургончик, напоминавший склад на колесах. Вдоль стен расставлены и тщательно закреплены канистры с бензином, ящики с гранатами, патронами и тушенкой. Ворон, больно стукнувшись по пути пару раз, подскочил к заднему оконцу фургона, с короткого размаха высадил прикладом стекло.

— Сюда иди! — крикнул Кольке, прилаживая широкое дуло к стенке фургона и начиная целиться в столб пыли позади них. — Только держи крепче! Трясет! Нас самих не перестреляй!

Потом Ворон еще что-то кричал, ругался, отплевывал залетавшую в рот пыль, но от грохота его пулемета и треска Колькиного «калаша» все сливалось в одну сплошную монолитную симфонию, почти музыкальное сопровождение для неотвратимо, торжественно надвигавшегося на них пылевого торнадо. Иллюзия развеялась, когда из облака пыли вальяжно вынырнуло пятистое пузо бронетранспортера, так и не вспоротое пулеметом Ворона.

— Почему они не стреляют-то?! — изумился Колька, пока Ворон, сделав паузу, зачарованно разглядывал надвигающийся заостренный нос БТР — тот словно намеревался просто-напросто разрезать пополам скорлупу фургончика.

— Живые мы им нужны, живые, — рассеянно пробормотал командир, отбрасывая бесполезный пулемет и шаря глазами по расставленным вокруг ящикам. — То есть не мы, а гребаный физик этот. Он всем нужен... Всем!

Нырнув в проход между штабелями, Ворон с минуту копошился где-то у Кольки за спиной. «Гранаты. В ящике», — догадался Колька, припомнив аккуратно разложенные по сотам-отверстиям огромные черные яйца. И верно — командир, зажав что-то в правой руке, метнулся обратно к окошку, заорав попутно Кольке:

— Давай на пол!

Захватив горлом побольше воздуха, будто собираясь нырнуть на глубину, Колька рухнул на пол отчаянно болтающегося из стороны в сторону фургона. Даже так звук взрыва молотком саданул по голове, заполнив ее бесконечными, разбегающимися от затылка кругами. Потом были еще два взрыва, уже приглушенные. И радостный, дикий вопль Ворона.

— Есть! — орал он. — Есть, мать его побери!

Именно в этот момент джип начал резко тормозить. Ворон, не устояв на ногах, рухнул сверху на Кольку, больно придавив ему щеку пуговицей. Когда же фургон остановился, Колька на время будто провалился в ватную, слегка подрагивающую в ушах тишину. Потом где-то сверху прохрипел лежащий на нем Ворон:

— Сволочь... Колонизатор поганый!

Не говоря ни слова, Колька выбрался из-под командира и на коленках подобрался к окошечку. Первое, что увидел — столб жирного, черного дыма метрах в ста позади. Там, съехав под заросший жизнерадостной, изумрудной травкой откос, несильно, как бы нехотя, горел преследовавший их БТР. Длинное дуло его пулемета беспомощно упиралось в кусты. Пылевая завеса еще стояла над дорогой, но из нее уже материализовались сразу четыре открытых армейских джипа, притормозившие вблизи от бронетранспортера и стоявшие сейчас оставленными и пустыми. Вокруг не было видно ни души, но Колька физически ощутил, что сидит здесь под прицелом не одного автомата и смерть находится от него ровно на том расстоянии, которое нужно преодолеть пальцу при нажатии курка.

— Пошли. Пошли отсюда!

На карачках они выбрались из фургона, подгоняемые зловещей тишиной, за которой может последовать только та самая смерть. Машина встала почти на вершине холма и отсюда было отлично видно, как впереди шоссе перегораживает многослойная баррикада, составленная примерно из десятка разнокалиберных автомобилей.

— Вот обложили, сволочи!

В интонации, с которой Ворон сказал это, проскользнуло восхищение, относившееся, скорее всего, к тому факту, что на их поимку потрачены невиданные по теперешним временам технические ресурсы. В глазах у командира был не страх, нет. Шизофренический задор и веселье — умирать так с музыкой!

— Сейчас отцеплю фургон, а ты отгони джип на обочину, — почти торжественно приказал Ворон вылезшему из машины Голдстону. — Иди обратно в машину, я просигналю.

Англичанин не двигался, молча переводил глаза с копошащегося под фургоном Ворона на баррикаду из автомобилей под горкой.

— Ты чего, русский забыл что ли? — командир, оторвавшись от прицепа, угрожающе потянулся к лежащему на земле «калашу».

Но Голдстон, похоже, пытался что-то рассчитать.

— Шансов немного, — сказал он наконец, видимо имея в виду план Ворона. — Хотя они есть. Дорога продавлена до колеи. Наверное, здесь раньше ездило много грузовиков. Только нужно аккуратно подтолкнуть фургон.

Лицо Ворона расплылось в улыбке, полусумасшедшей, полусамодовольной.

— Умный ты, оккупант! Таких бы как ты нам для генофонда побольше — никто с Россией совладать бы не смог!

Вскоре джип и фургон поменялись местами — фургон стоял впереди, а машина упиралась бампером прямо в его посеченный осколками гранат зад. Голдстон снова сел за руль, Ворон устроился рядом на переднем сиденье с автоматом в руках. Колька, запихнувшись назад, все еще непонимающе пялился в лобовое стекло. И только когда джип тихо и плавно тронулся с места, аккуратно подталкивая перед собой фургон, все для него прояснилось. Фургон — это огромная бомба, начиненная бензином и взрывчаткой. Они попробуют запустить ее с холма прямо в баррикаду из автомобилей, а потом взорвать. Едва Колька осознал это, его охватило то самое сумасшедшее, бесшабашное веселье, которому чуть раньше поддался Ворон. Вроде ты и мертвый уже почти, но еще есть отличная возможность оторваться напоследок, устроить такой адский цирк, что мама не горюй!

Сначала шел более-менее плоский участок дороги, потому джип вообще не отлипал от фургона, упрямо бодая его вперед. Но дальше начинался резкий спуск, потому грохоча и подпрыгивая на ямах, фургон с заметным удовольствием сам устремился со склона вниз. Кольке показалось почти фантастикой, что эта неуклюжая конструкция на колесах способна, никуда не сворачивая и не сваливаясь с шоссе, самостоятельно проехать метров двести, а то и больше. Но Голдстон, похоже, оказался прав. Продавленная тяжелыми грузовиками на асфальте колея не отпускала фургон, тот ехал как по железной дороге. Его скорость возрастала, тогда как джип медленно, на тормозах, спускался следом, сохраняя дистанцию. Высунувшийся в окно правой двери Ворон держал фургон на прицеле, а в самый момент встречи с баррикадой дал длинную, щедрую очередь из автомата.

Кольке показалось — прямо перед ними из земли выросла целая стена огня. Джип ударило взрывной волной, потом подбросило, тряхнуло, но он все-таки устоял. Более слабые взрывы часто пошли один за другим, шесть или семь. Потом все накрыла волна вонючего дыма. Его безобразные лохматые клочья лезли на лобовое стекло, вынуждая англичанина сдерживать идущую вслепую машину.

— Гони, гони давай, оккупант! — заорал, не выдержав, Ворон. — Просто жми на газ и не думай!

Мотор взревел, покрывки испуганно завизжали, и машина выстрелила, рванувшись в дымовую завесу. Через десять-пятнадцать секунд, когда они достигли самой зоны взрыва, началась дикая тряска, как на попавшем в турбулентность самолете. Что-то постоянно отскакивало от кузова, царапало его, стучало по колесам, мотая полутоннажный автомобиль из стороны в сторону словно пластмассовую игрушку. Похоже, они уже почти миновали баррикаду, но тут прямо перед ними из-за дымовой занавески выскочил охваченный пламенем силуэт грузовика. Голдстон резко перехватил руль — и вот теперь Кольке показалось, что они и правда взлетели. Джип на скорости выпрыгнул с дороги и, пропахав прилично по влажному земляному полю, на излете вырвался, наконец, из моря чада и дыма, уткнувшись носом в молодые деревца подступающего к шоссе леса.

* * *

Быков подозревал, что все до сих пор живы только благодаря ему. Это и вдохновляло, и тут же заставляло с тяжелым сердцем размышлять о приближающейся неминуемой развязке. Неестественность поведения загнавших добычу охотников, которые вытаскивали физика со спутниками из завалившейся на бок машины, только усугубляла это тягостное предчувствие. Хмурые люди в камуфляже вели себя шокирующе вежливо для подобных обстоятельств. Их не били, не унижали, даже не материли — просто жестко заломили руки и молча отвели к дороге, где посадили в армейский грузовик. Но глаза были недобрые, волчьи, словно «оборотни» только и ждали команды — наброситься, растоптать,

растерзать на части. Они, ощущавшие себя новыми хозяевами жизни, потеряли неприемлемо много людей, техники и времени, гоняясь по разбитым дорогам за какой-то пестрой гоп-компанией. Однако тот, кто мог дать команду растерзать, растоптать и так далее, находился в трех часах езды отсюда. В поволжском городе Чебоксары, куда вчера вечером изволил прибыть Генерал со свитой.

Внешне город казался вполне себе живым, что по нынешним временам выглядело почти чудом. Здания в центре щеголяли свежепокрашенными белыми или голубыми стенами, в окнах весело поблескивали целые стекла. Дороги выглядели очень даже сносно, аккуратно залатанные, с желтой разметкой, улицы идеально чистые, со скамейками и фонарями. Но, похоже, то была одна зловещая потемкинская деревня. Физик мог судить о том по животным инстинктам горожан. Заслышал рев моторов автомобильного кортежа, прохожие как по команде, не оглядываясь, дружно ныряли в какой-нибудь боковой проулок. Проехав по городу на сумасшедшей скорости почти до самой Волги, все пять или шесть автомобилей, включая их помятый джип, притормозили на просторной как футбольное поле площади перед бело-оранжевым зданием с помпезными колоннами и барельефами прыгающих муз на фронте. Как выяснилось чуть позже, местным драмтеатром. Быков даже через страх почувствовал, сколь сильно ущемлено его чувство прекрасного этим образчиком гипсового псевдоампира. Тем более что музы, даже если прежде и обитали здесь, ныне явно пребывали в позорном изгнании. Разминая ноги, физик прогулялся с охранником до стоявшей неподалеку афишной доски. Под ярко-красной надписью «Репертуар», рядом с афишей «Вишневого сада» Чехова, были также аккуратно наклеены зачем-то сразу несколько одинаковых свежееотпечатанных объявлений о расстреле пяти жителей Чебоксар, заподозренных «в краже продуктов питания из общественного универсама на Проспекте Ленина во время комендантского часа».

Листок сероватой, дешевой бумаги показался ему едва ли не главным артефактом русской жизни, переходящим из века в век несмотря на смену режимов и технологических укладов. Он смотрел на него и словно на машине времени переносился все дальше и дальше, безо всяких затруднений примеряя на про-

читанные слова эпоху за эпохой. Страх, не отпускавший Быкова с момента их пленения, обратился в тотальное, слепое отчаяние. Не доказательство ли перед ним, что основная масса людей, существуя в истории, отнюдь не становится лучше, а упрямо остается животными, подчиняющимися лишь коллективному насилию в лице государства? Готова под любым предлогом сбросить с себя как старую кожу тонкий налет иррационального милосердия к ближнему, собственно и делающий нас людьми? Значит, любые усилия видоизменить человеческую популяцию с помощью культуры, науки, религии обречены? Мысль эта так ужаснула его, что физиком тут же овладело страстное желание сорвать объявление с доски и топтать, топтать его ногами до тех пор, пока заключенные в нем слова не превратятся в ничего не значащую, безмолвную бумажную пыль.

— У вас в театре всегда такой репертуар?

Вопрос, заданный охраннику исключительно из желания немедленно что-то предпринять, получился злым, но беспомощным. Тот понял его по-своему.

— Да по-разному. Иногда из исламского подполья вешаем. Казанских шпионов. А бывает, кто-то из наших под раздачу попадет. Раз в неделю точно кого-то в расход пускают.

Уже когда пленников заводили в здание театра, Быкову вдруг спасительно пришло в голову взглянуть на объявление о расстреле мародеров с другой стороны.

«История из века в век помещает нас в схожие ситуации, чтобы понять, как мы изменились, — заключил, успокаивая себя, физик. — Испытывает каждое поколение, заставляя делать похожий выбор, иначе как можно определить, что человек в самом деле стал лучше?»

* * *

В здании, кажется, до сих пор топили. Еще на улице Быков отчетливо уловил приятный запах угольного дымка, а в фойе от нахлынувшей теплоты на него тут же напала зевота. Несмотря на все переживания, потянуло в сон. Внутри театра было на удивление безлюдно, они встретили от силы человек двадцать охраны,

расставленных шахматными фигурами по высоким, гулким залам и коридорам. Смутная догадка Быкова, что в драмтеатре расположился военный штаб Генерала, не подтвердилась. Но сам Генерал, да, был здесь. Сидел в кресле центральной ложи напротив сцены и с довольным видом озирался абсолютно пустой, но при том ярко освещенный массивной хрустальной люстрой вогнутый зал. Одетый, как ни странно, действительно в российскую генеральскую форму на молнии. Когда Быкова, отделив от остальных, провели к нему на балкон, оба одновременно с искренним любопытством взглянули друг на друга.

Грузный, полностью седой шестидесятилетний мужик с живыми черными глазами и округлыми серебристыми усами мало походил на заплечных дел мастера. Скорее и правда на высокопоставленного военного в отставке, доживающего в полном достатке свой век на правительственной даче. Погоня за таинственным физиком, за которого пообещали щедрую награду, изрядно позабавила Генерала, разбавив рутину скучных, однообразных будней. К тому же разбудила в нем коммерческий интерес. Почти сразу зародилось подозрение: физик может стоять вовсе не обещанный за его поимку миллион — а, скажем, десять миллионов евро. Философия самого Генерала прочно покоилась на фундаментальном убеждении, что человек есть материальный объект точно такого же порядка, как, скажем, автомобиль, и ему на лоб всегда возможно пришить соответствующий ценник. Правда, когда-то эта вера вышла боком. Генерал, служивший в Забайкальском военном округе в Сибири, заключил взаимовыгодное соглашение с одним влиятельным китайским бизнесменом. Если в военной части происходил несчастный случай, представители китайца могли тут же заполучить все внутренние органы погибшего солдата, которого затем отправляли домой в запаянном металлическом гробу. Очень скоро местные пограничные гарнизоны вышли на первое место в стране по числу «несчастных случаев». Десятками странных суицидов заинтересовалась военная прокуратура. Генерал тогда откупился от следователей, но должность пришлось оставить.

Прошло, однако, не так много времени — и жизнь вокруг устроилась в полном соответствии с его мировоззрением, что

человек есть прежде всего товар. Работоторговля стала важным элементом натурального обмена. Крепкого тридцатилетнего мужчину меняли на сто пятьдесят килограммов муки. Цена женщины зависела от ее назначения. Дороже ценились те, кто умел доить коров и печь хлеб, на порядок дешевле куколки для развлечений. В бандах был высок спрос на детей десяти-двенадцати лет. Из них воспитывались отличные бойцы, почти боевые киборги. В этом ассортименте Быков в глазах Генерала смотрелся весьма бледно, занимая одну из самых низших ценовых ниш. Физически бесперспективный, не готовый к строевой службе, он сгодился бы разве что для непыльной домашней работы. Цена в миллион евро явно происходила из какой-то иной жизни. Какой именно — Генерал, как ни пытался, не смог вообразить.

— Садись, — указал он Быкову на место рядом с собой и даже слегка оторвал грузное тело от кресла в знак приветствия. — Как зовут? Кажется Павел?

Физик кивнул. Было заметно, что он панически, до дрожи в мышцах боится Генерала. Так, что это мешает ему говорить. Хозяин ложи понимающе улыбнулся. Страх был естественным состоянием, которое испытывали в его присутствии. Что-то вроде утвердившегося этикета. Чтобы гость расслабился, начал разговор издалека.

— Скажи-ка мне, Паша, ты театр уважаешь? Я вот, честно говоря, без него просто не могу. Когда служил в Чите, ходил туда с семьей каждую неделю. Драма, опера, балет. Пересмотрел всю классику. Правда, балет так и не смог полюбить. Нельзя танцем выразить то, что нуждается в словах.

Быков, все еще не решаясь присесть, пролепетал запинаясь:

— Э... Предпочитал другие развлечения...

Генералу, попытавшемуся представить развлечения толстяка-физика, стало еще веселее. Он хохотнул, потом щелкнул громко пальцами и попросил тут же появившегося охранника принести коньяку с лимоном, что было немедленно исполнено.

— Зря, зря! Многое упустил ты в жизни. Дело не в культуре вовсе, которой пощеголять можно, бабам пыль в глаза пустить. Театр — это вся история человеческая в миниатюре. Психологическая! Кто-то историю мировую замеряет от фарао-

нов до Гитлера. Я иначе меряю! От Софокла до Чехова, условно говоря. Сейчас объясню почему!

Медленно и недоверчиво, как будто опасаясь подвоха, Быков опустил свое большое тело на мягкий, широкий стул через один от Генерала. Тот с ласковой улыбкой наблюдал за его осторожным маневром, а потом все так же напористо, словно торопился поделиться наболевшим, продолжил:

— Об истории древнегреческой трагедии наверняка слышан?

Быков неуверенно кивнул. Генералу оказалось того вполне достаточно для продолжения монолога.

— Песнь козлов¹... Козлов! Человек ощущал себя эдаким диким, безудержным козлом, резвящимся на лоне природы... Но что ж произошло в театре? Где дикие, необузданные оргии, коих от козлов можно было бы ожидать? Ан нет! Козлы куда-то пропали, а вместо них — быть или не быть, жить или не жить...

Генерал прервался, поинтриговал молчанием, разглядывая опешившего от подобного приема Быкова с вальяжной, купеческой улыбкой.

— Понимаешь теперь, зачем нужен был театр? Это такая площадка, где человека-животное, человека-козла приучали вести себя определенным образом. Надевать на себя в реальной жизни благообразные маски. Спросишь зачем? Чтобы смягчить конкуренцию, создать видимость, что все любят друг друга и готовы тебе последнюю рубашку отдать... Для более стабильного и поступательного развития... Вот Маркс — или Энгельс, уже и не помню, говорил, что человек — это животное, научившееся трудиться². Я тебе заявляю — человек это животное, научившееся притворяться! Казаться чем-то более совершенным, чем оно есть на самом деле. Ты же слышал — хороший актер так входит

¹ По одной из версий слово «трагедия» появилось от слияния двух греческих слов, «трагос», «козел», и «одэ», песнь. Предполагается, что речь идет о сатирах, входивших в свиту Диониса, а трагедия как жанр возникла, соответственно, в ходе трансформации бурных чествований бога виноделия.

² Мысль Фридриха Энгельса, высказанная им в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», 1876 г.

в роль, что часто забывает самого себя? Так и люди — надевая навязанные им маски, постепенно начинают верить, что облагородились, поднялись над природой... Но человек как был диким козлом, так им и остался!

Последнее, что ожидал Быков от этой встречи — философского диспута с главарем выследившей их банды. Однако Генерал столь выпукло и последовательно описал собственное мировоззрение, что физик просто не мог не пропустить его через голову, классифицировать и прикрепить подходящую бирку. Получалось вот что. Человек — животное, все человеческое в нем — маски, которые надеваются исключительно ради рациональной выгоды. Потому, похоже, насилие над человеком и оправданно, и даже полезно.

Генерал снова заговорил — и физик понял, что попал в десятку.

— Миром правят те, кто четко понимает — человек просто-напросто животное. Хитрое, изобретательное — но животное. Чтобы добиться от него результата, надо упираться именно на это! Все высокие материи — просто маска!

— Ницше...

— Что?

— Ницше говорил, что человек — самый жестокий из зверей.

Генерал смотрел на физика так, словно только сейчас заметил его присутствие через одно кресло от себя.

— Неужели? Нет, не знал... В общем, все с нашим братом, homo sapiens, понятно. Состоим из двух частей — искренней, животной, и фальшивой маски, которую прямо с рождения цепляет на нас среда. Жизнь наша — маскарад, который, правда, иногда прерывается. Как нам надоедает носить тесную обувь — так и человек порой массово срывает маску, когда совсем уж нет мочи притворяться, обнажает истинное лицо. Тогда и случаются войны, революции, варфоломеевские ночи и разнообразные геноциды... Ты вот смотришь сейчас на меня и наверняка думаешь — изверг такой-сякой, деспот, так?

— Ммм...

— Приму мычание за согласие. Позволишь? Мерси... Так вот, я просто-напросто реалист. Люди понимают не высокие слова,

а базовые инстинкты — страх, удовольствие, желание обладать, желание подчинить себе другого. Только используя эту мотивацию можно чего-то от них добиться... Заставить, к примеру, надеть прежние благополучные маски. Ты же, наверное, хочешь, чтобы этот конец света все-таки закончился?

Быков молча проглотил рюмку терпкого, самопального бренди. Философия Генерала, как и любые другие философии, представляющие человека исключительно млекопитающим на вершине пищевой цепочки, была легко уязвима. Но, кажется, Генерал не собирался дискутировать. Хотел высказаться — возможно, по причине отсутствия достойного собеседника на протяжении месяцев, а то и лет.

— Да-с, животное, обычное эгоистичное животное! — пафосно продолжил Генерал после задумчивой паузы. — Факт экспериментально доказанный! Знаешь, вот с этого самого места я нередко наблюдаю не только за спектаклями, что ставят лично для меня благодарные жители Чебоксар, но и за допросами разного рода отщепенцев. Мне крайне интересен процесс доведения человека до изначальной, не навязанной ему сущности! Поверь на слово, никакими высшими силами там и не пахнет! Инстинкты, одни сплошные инстинкты и ничего больше. Ради спасения собственной шкуры человек способен оговорить даже! А говорят — по образу и подобию!

Вкус коньяка перебила подступившая к горлу тошнота. Театр, осознал Быков, по совместительству является еще и пыточной камерой. Сцену, которую он видит, заливала не только бутафорская кровь. Умирали на ней тоже, скорее всего, по-настоящему. Страх, вступив в цепную реакцию с воображением, перешел в новое состояние — тяжелое, холодное омерзение. Бандит, истязавший людей для того, чтобы доказать их животную сущность. Ради чего? Чтобы удостовериться, что не было никакого образа и подобия?

— Какого же результата вы хотите добиться? Что построить, управляя людьми как животными? Свиноферму?

Быков, не выдержав, задал-таки давно вертевшийся на языке вопрос, с ненавистью разглядывая при том начищенные до блеска ботинки Генерала. Такие же чистые и такие же неестественные, как и весь увиденный им город Чебоксары.

— Да ничего не надо строить. История — просто биологический процесс. Одни виды людей борются с другими. Разве у природы есть какая-то цель? Война всех против всех. Смысл в контроле, здесь и сейчас. Кто и кого контролирует — соответственно, кто сколько потребляет. Что будет хотя бы через день после моей смерти — да плевать...

Озвученный Генералом манифест почти дословно был предсказан запрятанной в голову Быкова мощной вычислительной машиной. Это, с точки зрения физика, выглядело как чистой воды *антиистория*. Не чудесное превращение обезьяны в незапланированное природой сверхсущество путем ее кропотливого очеловечивания, а, напротив, постоянное разжигание в человеке животного ради того, чтобы иметь возможность относиться к нему соответствующим образом. Бить, если не слушается, и *потреблять* когда надо.

«Потребление, — размышлял с тоской Быков. — Вот главное проклятье человечества и человечности. Жажда потреблять все больше, измерять жизнь контролем за материальными вещами, их количеством и качеством. Изначально вроде бы безобидное стремление к бытовому комфорту. Но на уровне философском — желание превосходства, доминирования над другими, выраженного в размере твоей доли от общего потребления. Отношение к вещам заменяет отношение с людьми. А потом и люди вокруг тоже становятся вещами. Вся концепция этого выроodka происходит именно оттуда, из общества тотального потребления».

— Над чем таким монументальным задумались? — по-прежнему благодушно улыбаясь, Генерал взял со стоящего перед ним столика на колесах уже приготовленную для раскуривания сигару и щелкнул зажигалкой. — О судьбах России? Угадал? Через двадцать минут, кстати, начнется спектакль. Знаете какой? «Вишневый сад»... Хе-хе... Как там классик написал? Вся наша Россия — это вишневый сад... Н-да, вырубили его, вырубили под корень. Вот вам и судьба России...

Затянувшись сигарой, Генерал погрузился в изучение отпечатанной видимо специально для него программки спектакля. Потом, сладко улыбнувшись чему-то под седыми, плотными усами, налил себе еще конька, со вкусом выпил и медленно зажевал

слегка подвядшей полкой лимона. Сказанное следом, однако, прозвучало неожиданно сухо.

— А теперь без лирики, о деле. Рассказывай, дорогуша, почему мне за тебя предложили миллион евро. Ты, часом, не алхимик?

По тону Быков понял — собеседника действительно очень интересует данный вопрос. Он намеревается получить на него максимально исчерпывающий ответ. Потому, возможно, физику неудержимо захотелось ответить так, чтобы это наглое, откормленное, упоенное собственной мерзостью существо почувствовало, что отнюдь не все в мире находится в его власти.

— Ну спросите у тех, кто предложил. Думаю, им лучше знать, откуда такая цена.

Выпустив до максимально допустимых пределов глаза от удивления, Генерал положил дымящуюся сигару на край массивной пепельницы из зеленого камня.

— А вы того, интеллигент с характером? Ну что же, уважаю! Очень даже уважаю. Более того, готов пойти навстречу! Испытать, так сказать, границы *вашей* твердости.

Уже только от того, что Генерал перешел на «вы», Быкову физически подурнело. Но он знал — такого финала не избежать в любом случае.

— После завершения спектакля, то есть часа через два, мы с вами вернемся к этому разговору. Конечно же, портить столь ценный товар стоимостью в миллион — а может быть, и того больше — я не посмею. Но у нас есть ваши спутники, способные послужить, так сказать, материалом для эксперимента. Думаю, партизан и иностранец вас мало волнуют. А вот женщина и мальчишка как раз способны нам помочь... Начнем, я думаю, с женщины. Как насчет того, чтобы посмотреть отсюда групповое изнасилование на сцене? Если же вам это понравится, тогда продолжим с мальчишкой. Не знаю еще, что мы с ним сделаем, но, уверяю вас, будет душещипательно... Пока же идите, побеседуйте с друзьями. Расскажите, какие роли им придется ради вас сыграть на этой сцене... Еще коньяку? Ну как хотите... До скорой встречи!

Ноги разбухли, стали совершенно слоновьими. Он еле встал. Чувствовал в себе присутствие одного-единственного желания:

нажать на какую-то кнопку и просто перестать существовать. Откуда, почему в мире присутствует закон, по которому таким как Генерал позволятся безнаказанно насиловать добрых, но слабых людей, заставляя их становиться своими соучастниками? Вспомнив об оставшейся в ложе бутылке коньяка, физик с вожделением облизнул сухие до онемения, будто чужие губы. Надо было взять с собой. Попросить еще. Мертвецки, до дурноты напиться. Перейти в состояние ничего не требующего от тебя небытия и остаться там навсегда.

* * *

Его привели в крохотную комнатку, хранилище для театрального хлама, где в полутьме, похожие на сложную группу восковых фигур, устроились в полуразвалившихся креслах в разных позах его спутники. Когда дверь открылась, никто из них даже не шевельнулся, внушив Быкову безумную мысль, что, вероятно, их уже умертвили. На долю секунды это принесло облегчение. Раз мертвы, никто не сможет причинить им страданий. Иллюзия развеялась вместе с хриплым голосом Ворона.

— Били? — коротко спросил он с искренним любопытством.

Физик даже не понял сразу о чем речь. Думал только о том, как пересказать концовку разговора с Генералом.

— Н-нет... — выдавил он наконец. — Не били. Поили коньяком с лимоном...

Ворон присвистнул.

— Коньяком? Может, нам того... Остаться здесь на подольше? Что думает об этом наш коллега-оккупант?

Голдстону было не до балагурства командира. Вот уже минут пятнадцать он внимательно прислушивался к возне и разговорам в соседней комнате. Судя по силе звуков, стенка была совсем тоненькая, возможно заштукатуренная наспех фанера. Или же где-то здесь, под обоями, находится существовавшая прежде дверь. Зданию театра, судя по сталинскому ампиру, минимум лет семьдесят и переделок наверняка было немало. Помимо существовавшей в теории замурованной двери, Голдстона занимал вопрос, кто может находиться в соседней комнате. Помимо муж-

ских он отчетливо слышал и женские голоса, и это вводило его в замешательство.

— Актеры, — мертвым, механическим голосом ответил физик. — Наверняка актеры, что готовятся к выступлению. Сегодня здесь дают «Вишневый сад». Для одного-единственного зрителя. А потом будет продолжение, не написанное Чеховым. С нашим участием.

Конечно же, Голдстон не понял до конца, что за продолжение имелось в виду. Но неживой, словно доносящийся по инерции из уже умершего человека голос Быкова очень напугал его. Интуиция подсказала: дело в Симе. Он живо вскочил на ноги, сделал несколько осторожных шагов к перегородке. Прислонившись к ней ухом, попробовал медленно исследовать стенку, чтобы понять, есть ли разница в силе доносящихся звуков. Довольно скоро обнаружилось то самое «окно», существование которого он вычислил в теории. Уткнувшись щекой в старые, пахнущие пылью обои, Голдстон минут пять ловил отрывочные фразы актеров, после чего голоса стали удаляться, становиться глуше и, наконец, совсем стихли. Почувствовав рядом чье-то дыхание, он резко повернулся.

— Ты что задумал, оккупант?

В шепоте командира слышался тот самый задор безумца, с которым Ворон обсуждал, как лучше изготовить из фургона бомбу на колесах.

— Здесь дверь, — тихо ответил Голдстон и, не глядя на Ворона, начал пальцем буравить обои. Посыпалась труха, почти пыль, какое-то крупное насекомое щекотнуло палец противными холодными лапками. Голдстон с отвращением отдернул руку.

— Хочешь убежать? — хихикнул Ворон, засовывая ладонь под обои и исследуя внутренности фальшивой стены. — Думаешь, дверь эта открывается на городскую окраину? Или сразу в Екатеринбург?

— Я не знаю, что это за дверь. Но та, через которую нас сюда привели, точно ведет к смерти.

Снова издевательски хихикнув, Ворон, тем не менее, вроде бы принял его план, начав раздирать обои и складывать куски бумаги под ноги. Голдстон, поискав вокруг, вытащил из кучи хлама

искривленную железную палку и принялся ковырять ею спрятанную в стене дверь. Дело сразу зашпорилось. На их счастье, дерево почти сгнило. В ответ на каждое его усилие дверь выдавала фон-тан трухи и вызывавшие судороги отворачивания в районе спины потоки мигрирующих жучков. Пара минут, и железка, не встретив никакого сопротивления, прорвалась насквозь, проделав в дереве отверстие высотой почти в полметра. В комнату ворвалась струя воздуха, заполненная непонятной смесью запахов. Голдстону сразу вспомнилось: чудесный магазинчик из детства в Кентиш-тауне, где по десять пенсов продавались ненужное тряпье, поломанные старые сувениры и бумажная мишура. Когда перегородка подда-лась, они с Вороном замерли на мгновение в самых странных по-зах, изучая звуки за стеной. Но звуков не было. Голдстон вернулся к ковырянию деревяшки. Скоро в стене появилось отверстие, достаточное для того, чтобы в него мог протиснуться человек.

Первым в темный проем отправился на разведку Колька. Труха беспардонно осыпалась ему за шиворот, отчаянно лезла в глаза и рот. Все за исключением физика, по-прежнему безучастно си-девшего в стороне, сгрудились у пробоины в стене, нетерпеливо ожидая возвращения разведчика. Когда в ней внезапно снова пока-залась Колькина голова, Сима в испуге отшатнулась. Голову укра-шала нацистская каска времен Второй мировой, а в руках Колька сжимал короткоствольный «шмайсер». Конечно же, бутафорский.

— Костюмная! — осенило Голдстона. — Там костюмная!

— Костюмерная, — хрипло поправил Ворон, просовывая руку в проем и забирая у Кольки ненастоящий автомат. — Кажет-ся, перед смертью мы сможем как следует повеселиться. Уловил мою мысль, оккупант?

План — безумный, но при том бесшабашно веселый, карна-вальный — наверное как нельзя лучше подходил для людей, кото-рых с минуты на минуту собирались лишить жизни. Даже Быков, замороженный до того неподвижными зрачками смерти, гипно-тизировавшими его через глазницы Генерала, смог стряхнуть с себя болезненное оцепенение и торопливо расхаживал вдоль вешалок с костюмами, подыскивая себе подходящий размер. Все пятеро, словно ночные воришки в магазине, разбежались по просторной, пропахшей нафталином Комнате Перевоплощений,

из дверей которой можно выйти кем угодно. Когда встретились вновь через десять минут, поразились, каждый по-своему, как вольно обращается сегодня Вселенная с земными законами. Забавляется, играет, монтируя вместе, казалось бы, не совместимые по сюжету сцены. Здесь очевидно присутствовал неприкрытый, выпяченный гротеск. Очевидный намек на игры высшего разума. Калейдоскопом парадоксальных ситуаций тот хотел показать отчаявшемуся, потерявшему веру в спасение смертному — не унывай, любая логика событий может лопнуть как мыльный пузырь, оказаться миражом и условностью. Каждый сам волен написать для себя сценарий, стоит только захотеть. Их переодевание обернулось превращением. Надев маски, они заодно оставили и ту реальность, в которой играли роль ничтожных, безропотных жертв в лапах злодея Генерала, поменяли ее на другую, параллельную, а может, даже перпендикулярную. Только этим, ничем больше, Быков мог объяснить все произошедшее после.

Компания ряженных получилась словно на утреннике в детском саду. Сам физик, облачившийся в сюртук, бороду до пояса и белый накладной парик. Сима в черной, с золотыми блестками полумаске и пышном платье наполеоновских времен. Голдстон, закованный с головой в алюминиевые латы. Ворон в красном трико, носатой личине и рожками Сатаны на голове. Похожий больше на гнома Колька в шубе и колпаке Деда Мороза. Без напряжения и холодного пота, болтая о каких-то глупостях, они миновали несколько беззаконных коридоров и узких лестниц, очутившись вскоре в основных помещениях театра, где через каждые двадцать метров им попадались одетые в пятнистую униформу охранники из свиты Генерала. Те хмуро косились на вальяжно шествующих актеров, глупо улыбались, безразлично зевали — делали что угодно, только не задавали вопросов. Лишь у выхода, в пропахшем угольным духом холле, один из них все-таки удосужился поинтересоваться:

— А вы куда намылились, господа актеры?

Все так же легко, не испытывая и тени былого ужаса перед Генералом, физик отмахнулся от охранника:

— Господа актеры честно отыграли сцену и теперь им выходить только в последнем акте... День рождения у меня сегодня. Отбежим

по-быстрому домой, тут недалеко, пропустим по одной. Чтоб вдохновенья побольше было. Генерал — он же любит, чтоб с вдохновеньем играли. Понимаешь? В общем, пять минут туда, десять обратно...

Охранник, замороженный именем Генерала, ничего не возразил. Даже поздравил с днем рождения. Впрочем, Быков сам чувствовал — чудо рождения, явления в мир, теперь через побег от смерти, происходит с ним сейчас во второй раз. Свершилось оно, похоже, в тот момент, когда, обманув последнего цербера ада, пятеро вышли из театра через трехметровую, скрипящую как в доме привидений дверь. Огромная, пустая площадь перед зданием открылась им словно абсолютно свободный, заполненный бесконечным количеством возможностей и случайностей мир. Но опять — случайности выпадали именно те, что были нужны. У Ворона, к примеру, немедленно обнаружились запасные ключи от джипа, которые почему-то не отобрали при обыске вместе с двумя пистолетами и ножом. Впрочем, все оружие лежало тут же, на заднем сиденье автомобиля. У Быкова вдруг появилось странное, почти извращенное желание задержаться здесь еще ненадолго. На пять, десять минут продлить это недоступное обычному человеку ощущение неограниченной власти над событиями, которые происходят не с ними, а по их воле. Когда машина тронулась с места, физик с сожалением почувствовал, как сладкое наваждение, заколебавшись будто колпак из плотного, нагретого воздуха, пропускает их сквозь себя. Сказал наконец то, что хотел сказать едва они вышли на улицу, но молчал из страха спугнуть удачу.

— Похоже, никто из них не читал «Вишневый сад».

Повисла пауза. Потом сидевший за рулем рогатый Сатана-Ворон повернувшись к нему, улыбнулся зловеще, блеснул редкими, желтыми зубами:

— Им было не до того. Они его уже вырубали.

* * *

Чебоксары расстались с беглецами легко — без крови, даже без пота. Они не неслись сломя голову, не уходили от погони. Нет, неторопливо выезжали из города по какой-то окольной тропе и наблюдали, как тот постепенно мельчает, мало-помалу превра-

щается из каменного в деревянный, пока, наконец, все пространство вокруг не захватили безоговорочно одноэтажные домишки с приусадебными участками. Освобожденный от прицепа джип крутил колесами в разы веселее, словно тщился показать ездокам свою истинную мощь. Выезд на шоссе наверняка охранялся блокпостами, потому пришлось изрядно поплутать, удаляясь от города по сложной зигзагообразной траектории, которая, однако, в конце концов все-таки свела их со знакомой уже трассой М7. Совершив затейливую петлю, они вернулись на колею, что, разрезая поросшие лесками бесконечные степи, прямой линией уходила на восток.

Для Симы петля эта не прошла бесследно — стянулась в крепкий узел, отдававшийся внутри при каждом движении. Как и физик, она, наверное, тоже пережила что-то похожее на второе рождение. Вспоминала сейчас события сегодняшнего дня, минута за минутой, и понимала: ей удалось избежать чего-то гораздо более тяжелого, чем смерть. Уничтожения — физического и духовного — тупой, беспощадной силой, чей смысл заключен только в отрицании всех других смыслов и ни в чем больше. Но радости, облегчения не чувствовала — скорее растерянность. Спасение, пришедшее через Голдстона, было не просто дерзким, невероятным побегом. Здесь крылось еще что-то. Она ощущала это как ступеньку внутри себя, о которую продолжаешь спотыкаться, куда бы ни пошел. Поняла в чем дело, только когда уловила перемену в отношении Голдстона к ней. Теперь он часто касался ее лица осторожным, испуганным взглядом, словно проверяя — здесь ли она? Все ли с ней в порядке? Будто ехала рядом не женщина вовсе, а хрупкая фарфоровая ваза. То очевидно были отголоски, утасаживающие колебания пережитого за нее страха. Оттуда, из этого страха, догадалась Сима, и явилось чудо их спасения. Но еще до того, как дошла головой, на самом дне ее «я» — там, куда даже в моменты сновидений ей удавалось опускаться лишь в далеком детстве, загадочный источник энергии начал выделять теплоту. Теплые волны из глубин только достигли поверхности сознания, а все датчики уже отчаянно сигнализировали: на подходе цунами, вот-вот ее накроет с головой. Реакция — химическая, метафизическая — пошла и ее уже не остановить. Два элемента, она

и Голдстон. Что получится, если поднести их к друг другу и поджечь? Утопить в щелочи? Окислить? Что-то тяжелое и страшное, как плутоний, или же легкое и летучее, словно гелий?

Сима то и дело оглаживала рассеянно руками пышную золотистую юбку и упорно смотрела в окно, на однообразную, как декорация, изумрудную лесостепь, плотно придавленную сверху безупречно-голубым куполом неба. Казалось, природа выступает с ней заодно. День, чтобы влюбиться, выдался просто отменный. Погода была какая-то праздничная — солнечная, но при том почти мягкая на ощупь. В такие дни хорошо уже только оттого, что все вокруг пропитано распыленной щедро с небес радостью жизни. Мировое зло, олицетворенное Генералом, не пыталось настичь беглецов ни по земле, ни по воздуху, словно все еще пребывало в оцепенении и бездействии, замороженное чудом их исчезновения. И джип был уже не джип, а волшебный ковчег, переносящий своих пассажиров из мира необходимости и смерти в мир свободы и любви. Эта обретенная свобода казалась такой окончательной и бесконечной, что Симе всерьез захотелось предложить Ворону остановиться и устроить у обочины, на весенней, еще не успевшей заглубеть траве, маскарадный пикник. Ну когда, где еще такое получится? Голдстон — рыцарь. Она — прекрасная дама... Свободы было так много, что она легко перетекала из внешнего мира во внутренний, а затем становилась мыслью о том, что теперь возможно все. Вливалась в Симу широким, быстрым потоком, тут же превращаясь в жизнь, которая еще только будет, которую можно построить как новый дом, тщательно вырисовывая в плане каждую комнату. Главное — это окна, большие высокие окна прямо в пол...

— Хотите угадаю, о чем вы думаете?

Голдстон беспардонно вспугнул ее мечты. Сима вернулась обратно: вонь бензина, ветер, рвущийся в полуоткрытое окно, сотрясающийся на ямах каркас автомобиля, что, напрягая все свои лошадиные силы, мчит их в Казань. Прямо перед ней — сбившийся на бок бутафорский парик и красная, потная шея Быкова. Угадать? Вдруг и правда угадает?

— Ну попробуйте.

Губы сложились в снисходительную усмешку, но голос диссонансом прозвучал необычайно мягко.

— Вам захотелось остановиться. Просто посидеть немного на траве. Поболтать, погреться на солнышке. Так?

Она широко раскрытыми, детскими глазами в изумлении смотрела на него, будто ей только что показали невообразимый фокус.

— Я ведь угадал, правда?

Мальчишеское самодовольство, с которым Голдстон зафиксировал победу в их негласном пари, не вызвало никакого отторжения. Она по-прежнему разглядывала его почти с благоговейным ужасом. Вот оно, подумалось ей, я уже зависима. Уже открыта для него, и он может читать меня, как раскрытую книгу. Какой бы гордой и независимой женщина ни была, когда она влюбляется, то раскрывается как человек от удара в солнечное сплетение. Вопреки своей простой и ясной сущности, ей вдруг захотелось немного поиграть. Возможно, даже задеть его. Заставить смутиться, испугаться, застесняться — что угодно, только вывести из равновесия.

— Все элементарно, — с усмешкой пояснил тем временем Голдстон. — Мне тоже этого захотелось. Мы вообще с вами во многом очень схожи. Согласны?

Вместо ответа Сима молча вложила свою руку в его. Голдстон тут же сильно сжал ее ладонь, словно, обменявшись условным паролем, они наконец признали друг в друге равных и заключили секретный союз. Если бы кто-то захотел считать произошедшее взаимным признанием в любви, то у него, наверное, имелись бы для того все основания. В самом деле, ритуал, слова, место и прочее не имеют особого значения. Просто между двумя людьми случается нечто, что на самом деле происходит где-то высоко и при очень важных свидетелях. Сима вдруг вспомнила о том, что давно хотела спросить. Кажется, сейчас был подходящий момент.

— Откуда у вас такой блестящий русский? В Оксфорде точно не научат так гладко говорить. Тут явно какая-то тайна. Расскажите!

Голдстон ответил быстро, словно принял подачу. Кажется, уже был готов к этому разговору.

— Да, и страшная! В юности очень старался ее от всех скрыть. Мои бабушка и дед по материнской линии из России, я провел в их доме почти все детские годы.

— Зачем же это скрывать?

— В Англии в девяностые слово «русский» воспринималось почти как бранное. Все русские делились на бандитов и олигархов. Меня очень доставали в школе, потому к колледжу я решил, что заодно с детством пришло время расстаться и со всем русским в себе. Позже очень боялся поехать в Россию — чтоб не вернулось... Но от себя, как выяснилось, не убежишь.

Сима отвернулась в окно. Усмехнулась.

— Точно. Не убежишь... А «Войну и мир» с собой зачем таскаете? Как путеводитель оккупанта по России? Наполеон дошел, слава Богу, только до Москвы.

— Да, как путеводитель. По той самой загадочной русской душе. Толстой очень помогает. Столько разных героев и каждый по-своему русский. Рядом с ними начинаешь понимать самого себя.

Вернувшись взглядом к Голдстону, Сима попробовала представить его сначала в гусарском мундире, потом во фраке. И так, и по-другому смотрелось неплохо.

— И кто же вам из героев более близок? Болконский? Безухов?

— Только не смейтесь. Наташа Ростова.

Он почти прошептал это, но по тону было понятно, что не шутит.

— Вы? Наташа Ростова? Первый бал? Ха-ха!

Потом смех завял, выцвел — Голдстон начал отвечать как-то слишком серьезно, но при том медленно и с паузами, словно нащупывая путь.

— Помните — на охоте, в доме дядюшки? Наташа, почти иностранка в своей стране, выращенная на французской культуре, вдруг пляшет русский танец так, что все замирают. Никто не учил ее этому. Но в нужное время «русская душа», жившая до того непонятно где, проснулась, вышла наружу, и все дворовые люди, которые смотрели на Наташу, почувствовали, что она — своя, такая же, как они. Или тот момент, когда они оставляют

Москву и Наташа сбрасывает с подвод дорогие вещи, чтобы положить туда раненых русских солдат, которые ей совсем незнакомы, но при том гораздо важнее их имущества... У меня здесь что-то похожее случилось. Каждый русский, с которым разговариваю, словно близкий родственник, о котором прежде не знал. Сам не понимаю, как такое может быть... Хотите еще секрет? Моя бабушка — это и есть графиня Наташа Ростова. Самая настоящая, не персонаж романа. Ее отец, граф Ростов, успел вывезти все семейство в Англию перед революцией, она родилась уже там.

Сима посмотрела на него с таким восхищением, словно рядом с ней сидел сам Толстой.

— Не может быть, как в романе!

— Даже еще лучше. Только вообразите — моя бабушка, сестра милосердия Британской освободительной армии¹, выходила в оккупированном Берлине советского солдата, моего деда. Он влюбился в нее с первого взгляда, едва открыл глаза после операции. Спросил, как зовут. Она сказала — «Наташа Ростова». Но дед, увы, не ответил — «А меня Андрей Болконский!», потому как никогда до того не читал Толстого!

Тут они спустились обратно на землю после короткого и емкого слова, которое хрипло выдохнул из себя Ворон:

— Волга!

— Да, это Волга, — эхом отозвался Быков.

В Чебоксарах тоже была Волга — самая настоящая, могучая, похожая больше на море. Но именно сейчас она отчего-то показалась Симе той самой эпической Волгой, по которой ходили с баржами нарисованные Репиным изможденные бурлаки и про которую русский народ слагал протяжные, вышибающие слезу песни. Непостижимо, до рези в глазах, синяя, затягивающая и зовущая. Вот она, граница, поняла внезапно Сима. Видимый символ этого пограничного дня в ее жизни. Ведь смысл того, что случилось с ней — это исход из царства мертвых и возвращение в мир живых. С минуты на минуту им посчастливится пересечь

¹ British Liberation Army, название британских сил, сражавшихся в Европе после высадки в Нормандии в 1944 году.

Стикс¹ в обратном направлении, заплатив сумрачному, никогда не улыбающемуся перевозчику Харону один бронзовый обол за его вечную работу. Вскоре, за пробитым десятком пуль указателем «Казань» показался мост, показавшийся Симе таким же бесконечным, как и сама река, упиравшийся в ее дно громадными желтыми сваями, похожими на дорические колонны. Джип проехал по нему метров триста и остановился. Далеко-далеко, ближе к противоположному концу, виднелось какое-то заграждение.

— Блоки, кажется, — пробормотал Ворон, щурясь и всматриваясь вдаль. — Перегорожено все. Поедем? Что думаете?

Никто не поддержал разговор, не сказал — да, встанем здесь и обсудим, что предпринять. Каждый словно возразил молча: назад пути все равно нет. Там царство Аида, пристанище мрачных теней, юдоль скорби и отчаяния. Услышав в ответ тишину, командир выругался себе под нос и нажал на педаль газа.

Сима была совсем свободна от дурных предчувствий. Не было даже вялых шевелений страха внутри. Напротив, чем ближе к центру реки, тем, казалось, все вокруг становилось ярче и свободнее. Когда Быков, стащив со своей огромной головы белый парик, высунул его в окно, она не сразу поняла, что сделал он это вовсе не от беспричинной радости, которую разделял вместе с ней, а из предосторожности, вместо белого флага. Голдстон любезно предложил физику свой деревянный, обклеенный блестящей бумагой меч, и Сима, не удержавшись, заразительно рассмеялась.

— Комедианты... — голос Ворона звучал ворчливо, но без осуждения. — Хотя согласен... Лучше умереть в хорошем настроении, чем в плохом.

Заграждение оказалось сложенным из бетонных блоков лабиринтом. Проехать можно, но на черепашьей скорости. Через полминуты вспотевший от напряжения Ворон притормозил, остановив машину наискосок. Нервно вертясь ужом на сиденье, начал стягивать с себя красный дьявольский камзол, открыв сидевшим сзади расплывшееся по футболке здоровенное мокрое

¹ В древнегреческой мифологии река, разделяющая мир живых и мир мертвых.

пятно. Едва разоблачился, как услышал глухой, напряженный голос Кольки.

— Глуши мотор, командир... Глуши... — процедил тот, сползая телом вниз по сиденью.

— Ты чего это? — не понял Ворон, щуря уставшие, мутные глаза, но тут и сам увидел.

Там, где заканчивался мост, возникла невесть откуда толпа человек в пятнадцать — одетые в черное, темными балаклавами закрыты даже лица.

— Все... Приехали...

Командир оглянулся назад, будто хотел сказать укоризненно — я вас предупреждал. Не послушались вы меня. Теперь расхлебывайте.

Но Сима, всматриваясь в фигуры незнакомцев, не чувствовала в них ни напряжения, ни угрозы. Люди в черном скорее были похожи на группу актеров, что присоединяются к ним в заключительном акте сегодняшнего удивительного спектакля. Вот-вот наступит яркий, придуманный неведомым автором финал. Едва она так подумала, группа в черном остановилась, рассыпавшись полукругом. От нее отделился один человек — большой как медведь, широкоплечий, на плече автомат без приклада — дулом вниз. Вот он, перевозчик, осенило Симу. Страж, охраняющий границу между двумя мирами. Ощущение невероятной важности происходящего вскипело и обожгло ее изнутри. Как под гипнозом, она плавно нажала защелку, открыла дверь и выскользнула из машины. Рука Голдстона, попытавшегося ее остановить, скользнула беспомощно по золотистому подолу. Сима поймала его взгляд — спрашивающий, обеспокоенный, но при том отпускающий. Чтото несурзное выкрикнул Ворон, физик от неожиданности уронил парик с бутафорского меча. Все вокруг уже происходило как будто в прошедшем, давно для нее закончившемся времени. В настоящем же был только он — тот, кто вот-вот выпустит ее из клетки прежней жизни, вернет в мир живых. Перевозчик, чья черная фигура замерла в ожидании у границы бетонного лабиринта.

Если он вдруг обратился бы к ней с пространным приветствием на древнегреческом, она, кажется, совсем бы не удивилась. Но перевозчик спросил на чистом русском:

— Это про вас?

И вытащил из кармана сложенную вчетверо знакомую листовку Генерала.

Сима кивнула и ответила очень серьезно:

— Про нас.

Даже под маской было заметно, что человек широко улыбнулся.

— Тогда добро пожаловать в Казань. Враги Генерала — наши друзья.

* * *

В земной жизни перевозчика через Стикс звали Егор. Егор Ключков. Было у него еще и какое-то мусульманское имя, но он на нем не настаивал. Рыжий, веснушчатый парень лет за тридцать с широкими редкими зубами и добродушной улыбкой рубахи-парня. К удивлению Ворона, встретившие их на мосту через Волгу «исламисты» по именам в большинстве своем тоже оказались чистокровными русскими. Иванами, Андреями, Александрями.

— Для русских в исламе — единственное спасение. У русского человека в голове вечно каша: кто виноват, что делать? Христианство — оно для нашего человека, ленивого и испорченного, слишком мягко и необязательно. Чересчур много свободы дает. А русский со свободой своей совладать не способен. Ему нужно другое — жесткое, ясное, чтоб всегда в тонусе был. В исламе никаких шатаний и брожений нет, потому здесь русский преобразается. Когда я в мусульманство перешел, мозги сразу на место встали. Надо, чтобы люди в Бога верили, не пили, не распутничали, чувствовали себя одной семьей, тех же, кто по закону жить не хочет, были готовы заставить себя уважать. Вот рецепт счастья для русского народа. Сами увидите — здесь у нас почти рай по сегодняшним меркам. Преступность нулевая, народ не голодает, детсады и школы работают. Бабы рожают как на конвейере. Потому что появилась возможность растить нормальных людей. Дети эти — не только наше будущее. Всей России.

Глаза у Клочкова спокойные, умиротворенные. Даже, похоже, слегка светятся от удовольствия, что он разделяет такое вот замечательное мировоззрение. Вещает рыжий парень о русском мусульманстве медленно, торжественно, будто подстраиваясь под величественный ритм Волги, текущей за окном микроавтобуса, на котором их везут в Казань. Язык очевидно смакует прежде чужие слова: умма, тарикат, джамаат, мазхаб¹. О себе же рассказывает, напротив, сжато. Слова кладет плотно, без зазоров.

— Природа у меня такая, беспокойная. Хотелось что-то для людей делать, жизнь вокруг улучшать. Человек я, как поняли, русский. Пробовал сначала ходить в православный храм, найти там единомышленников для конкретных дел. К примеру, беспризорников занять чем-то полезным. Но батюшка до таких затей был не охоч, не знал, как от меня отделаться. Тут книжка мне подвернулась, как сейчас помню — «Революция пророков» Джемали². Там все ясно было, как по нотам. Даже еще лучше. Первый шаг, второй, третий. Готовая программа. Так и пошел я ислам принимать. Произнес шахаду — и словно в другой мир попал.

Так Клочков оказался в русской исламской ячейке «Белые волки». Собирались три раза в неделю в Дворце молодежи, занимались стрельбой из пистолета и карате, на теоретических занятиях лениво ругали шиитов³ и обсуждали «исламскую революцию», которая непременно победит когда-то в отдаленном будущем. Едва центральная власть пала и все начало погружаться в хаос, Клочков воспринял это как знак — будущее наступило раньше, чем ожидали. Собрал «белых волков», всего человек сто, и, помолвившись, отправился брать власть — квартал за кварталом. Когда, наконец, их стали признавать, из довоенного населения города в миллион двести тысяч осталась половина. Теперь они граждане провозглашенной в Казани мусульманской республики. Насильно в ислам никого не обращают, но те, кто его принял,

¹ Религиозная община, способ познания истины, мусульманское объединение, учение.

² Гейдар Джемаль (1947–2016) — российский исламский общественный деятель

³ Шииты — одно из двух направлений в исламе.

имеют серьезные льготы — могут владеть оружием и получают в пайке вдвое больше муки. Во главе республики — триумвират, двое татар, один русский. Каждый заправляет собственным «военным округом». Один — Казань, где верховодит Клочков, остальные два — нефтедобывающие промыслы. Нефть, бензин — главное местное богатство.

— Генерал нас ненавидит из-за нефти. Чистая экономика, никакой идеологии. К исламу он равнодушен. У него один бог — власть. С нашей нефтью смог бы до самого Урала все себе подчинить.

В голосе Егора слышится гордость: такой могущественный человек как Генерал — и ненавидит казанцев. Нефтяные месторождения на юго-востоке от Казани и два НПЗ¹ в городе — давний предмет его вожделений. Но у мусульманской республики очень приличная по численности и боеспособная армия. Есть танки, БТРы, даже несколько «Градов». Пока дело доходило только до стычек и обстрелов, хотя Клочков уверен — рано или поздно не избежать большой войны.

— Мы у Генерала как прыщ на носу. Руки сами чешутся, чтобы от нас избавиться.

От моста до Казани недалеко, с полчаса езды вместе с блокпостами. Пока они едут туда на чистеньком микроавтобусе, Ворон подробно обсуждает с Клочковым то один, то другой аспект обороны республики. Убеждается: все организовано грамотно и по делу. Главное, в войсках суровая дисциплина, в каждой роте свой имам-комиссар. Обсуждают они и разведку — раз Клочков самостоятельно поджидал джип на берегу, значит знал про беглецов.

В ответ на прямой вопрос их спаситель самодовольно ухмыльнулся. Да, есть чем похвастать:

— У нас везде свои люди. О вашем побеге из Чебоксар часа полтора назад доложили. Говорят, Генерал в бешенстве. Лично расстрелял для острастки человек пять из собственной охраны. В таком шоке был, что даже погоню отправлять не стал. Сдался. В первый раз про такое слышу, чтобы Генерал сдался.

¹ Нефтеперерабатывающий завод.

Вспомнив стеклянные, как у восковой фигуры, глаза Генерала, Быков передернул плечами. Отчего-то не верилось, что этот человек способен сдаться, отпустить добычу, которая уже бессильно трепыхалась в его пасти. Для таких весь смысл жизни заключен именно в ловле и пожирании других. Чем больше поймал и сожрал — тем выше вырос в собственных глазах. Ворон, пусть и не лицеизрел Генерала лично, тоже засомневался, услышав эту новость.

— Мы в Чебоксарах даже танки видели. Им ходу сюда — часа четыре. А у вас на берегу ничего тяжелого. Ни одного орудия. Мост что ли заминирован?

Егор снова улыбнулся. Кивнул утвердительно.

— Конечно заминирован. Последний мост через Волгу на триста километров вверх и вниз по реке. И у Генерала об этом знают. А с юга и севера у нас все прикрыто. Что-то вроде линии Мажино. Доты, окопы, минные поля.

Ворон откинулся на спинку обитого тканью сиденья. Вспомнил, разглядывая пейзажи за окном, их безумный побег. Может, и в самом деле Генерал проиграл? Скулит у себя в театре от бессилия, облизывается на близкую, но недоступную как луна Казань? Не помог ему неизвестный предатель. Даже боком вышло, такой удар по репутации. Только вот что же делать, если они все же до Ебурга доберутся? В листовке той, и правда, только номера джипа нет. Кто-то из службы безопасности Лукина их сдал. Гнилье, а не люди. Как с такими-то Россию заново отстраивать?.. Слева по ходу движения одна за одной выплывали из вечерних сумерек панельные многоэтажки. Мертвые, с безжизненными черными окнами. Похоже, спальные пригороды Казани. Справа тянулась пустынная набережная, маслянисто поблескивала бесконечно широкая Волга.

— Здесь у нас мертвый город, — Клочков показал пальцем на панельные джунгли. — Помните, как в Древнем Египте? Город мертвых и город живых. Все живые в старую часть Казани перебрались. И безопаснее, так как почти остров, и все удобства бытовые. Вода, электричество, отопление. Представляете?

Въехали на бетонный, с трамвайными путями мост. Впереди, словно символ грядущей, уже обращенной в мусульманство России, выступили, раздвинув сумерки отчаянной белизной, возне-

сенные на высокий земляной постамент стены Казанского кремля с прокалывающими небо четырьмя острыми, как заточенные карандаши, минаретами. Их подсвеченные вершины словно гигантские сапфиры наливались волшебным голубым светом. Едва различимый, поник безвольно на вечернем безветрии поднятый на квадратной башне ярко-зеленый флаг. Ворону от этого флага почему-то сразу подурнело. Только сейчас, наконец, дошло до командира, о чем увлеченно рассказывал в пути Клочков. За ним, этим флагом, не только сам Клочков и подвластная ему Казань. Нет, простая и, да, эффективная идея сделать русскому человеку духовное обрезание, лишить избыточной свободы, от которой он мучается уже не одну сотню лет. Даже социализм не посмел посягнуть на нее, размышлял Ворон. Несмотря на тоталитарную свою форму, допускал возможность полной свободы в будущем. Тогда, когда человек преобразится настолько, что сможет совладать с ней, обуздать ее как необъезженную лошадь на родео. Потому и рухнул Советский Союз — люди уже бредили этой свободой, что должна была на самом деле прийти через сто-двести лет, искали ее повсюду, порушили все, чтобы в итоге поменять власть дураков на власть денег. А вот государство Клочкова честно, с рождения, дает гражданам похожий на рельсы жизненный путь. Откуда, из чего произрастет сомнение? Обречено оно процветать и благоденствовать веками... Ворону, вопреки всему, вдруг страстно захотелось найти скрытый, серьезный изъян, что выявит у идеи «русского мусульманства» признаки мертворожденности.

— Казань — понятно. Тут всегда жили сами по себе. Даже налогов центру не платили. Но Саратов, Липецк, Воронеж, Москва? — допрашивал он с пристрастием Клочкова, когда микроавтобус въезжал в узкие ворота высокой, кособокой башни с часами и звездой на шпиле. — Думаете, русские люди так легко откажутся от тысячи лет истории? От своей культуры и религии?

Автобус, проехав по длинной, похожей скорее на проспект площади с брусчаткой, остановился у белокаменной церкви с лестницей, которая вела в храм сбоку, а не напрямую. На двери висел здоровенный, видимый даже издали замок. Неподалеку была видна еще одна средневековая башня — красно-кирпичная, идущая уступами вверх, на вершине крохотный полумесяц. Она

целилась в небо под сильным углом — вот-вот упадет. Ехавший за автобусом джип с Голдстоном за рулем притормозил рядом. Но Клочков все не двигался с места, видимо обдумывая вопрос Ворона. Наконец ответил:

— Давайте смотреть правде в глаза — прежнее сгнило на корню и рухнуло. Не может народ жить без единства, без согласия верхов и низов — рано или поздно погибает. Нет его больше, этого русского народа. Есть говорящие по-русски люди. Есть территория, на которой идет зачистка под новую историю, культуру, религию.

На ватных ногах Ворон выполз наружу, жадно начал втягивать в себя cedящими глотками сладковатый вечерний воздух. Ему было нехорошо. Тело беспомощно пошатывалось, словно Клочков одним точным ударом выбил важное основание, к которому командир успел прочно прикрепиться всей своей сущностью. Разминая ноги, Ворон сделал пару нервных кругов по брусчатке вокруг автобуса. Внимание его отчего-то привлек видимый из-за крепостной стены темный противоположный берег залива. «Здесь у нас город мертвых» — вспомнил командир слова Клочкова. Внутри стало совсем неприкаянно. На душе сгустилось что-то склизкое, холодное — дурное предчувствие без причины. Когда же по воздуху поплыло из ниоткуда протяжное, чужое пение муэдзина, Ворон понял, что, несмотря на полученную в этих стенах защиту, хотел бы сейчас очутиться как можно дальше отсюда. Не видеть вовсе этой новой, странной личины, уготованной для заблудившегося в духовных странствиях русского народа.

* * *

Когда намаз завершился, за ними пришли от Клочкова люди в прежней черной униформе. Выказывая всяческое уважение, какое явно не полагается пленникам, провели через кованые ворота к миниатюрному, почти игрушечному двухэтажному дворцу тоже с зеленым знаменем на флагштоке. Там, внутри, вежливо предложили переодеться, сменив театральные костюмы на привычный камуфляж. Через час в одном из залов был накрыт роскошный ужин — казан с пловом, свежий хлеб, творожный сыр и сладкий

медовый хворост. Лишь когда затянувшаяся трапеза уже подходила к концу, впавший в уныние Ворон вспомнил с удивлением — им до сих пор не задали ни единого вопроса. Кто такие, куда и зачем едут. Почему Генерал так жаждет их изловить и назначил за их поимку щедрую награду. Но дело, как выяснилось, было лишь в подходе. Возможно, Ключков полагал, что сытость расслабляет и способствует откровенности. Едва раздался усталый скреб ложки о пустое дно казана, дверь распахнулась и двое с автоматами на боку вежливо предложили Ворону пройти вместе с ними. Командир нехотя встал, накинул пятнистую куртку и поплелся следом. Его вывели на улицу, на прямоугольный пятачок площади перед дворцом, мощенный гладкими серыми плитами, и оставили здесь на пару минут — у неработающего, но заполненного водой фонтана, где уже плавала драгоценная россыпь ранних, вечерних звезд. Ворон, непонятно зачем, зачерпнул ладонью этой звездной жидкости раз, другой. Плеснул себе на лицо, словно то была живая вода, способная воскресить веру в свои силы.

Идти оказалось больше вверх, чем по земле. Командира проводили до той самой, лениво заваливающейся на бок башни, провели по нескольким пролетам лестницы. Под самым шпилем, на освещенной керосиновым фонарем тесной площадке с полукруглыми окнами запыхавшегося командира ждал Ключков. Он кивнул молча дозорным, и те исчезли. Потом, оперевшись на нижнюю часть бойницы, хозяин Казани безразлично отвернулся от Ворона и, казалось, целиком погрузился в созерцание противоположного, невидимого берега Волги. Снизу, от освещенной фонарями набережной, доносился легкий плеск воды, пару раз в черной тьме надрывно крикнула шальная чайка. Ворону опять стало не по себе. Что-то словно давило на него из темноты.

— Башне этой — пятьсот лет. Она шестьдесят метров высотой. Тогда построить такое было настоящим чудом. Впрочем, как и сейчас.

Ворон вздрогнул. Голос Ключкова раздался как будто сверху. Странная здесь акустика.

— Имя у нее смешное — Сююмбике. Так, говорят, татарскую царевну звали, которая попросила Ивана Грозного эту башню построить всего за семь дней. Он на ней жениться хотел, а она

взяла — и сиганула оттуда. Чтобы от веры своей не отречься. Красивая легенда, да? Я когда мальчишкой был, однажды ночью сюда пробрался, чтобы призрак ее увидеть. Говорят, видят его тут порой. До самого утра сидел вон там, у лесенки в церковь. И надо же — примерещилась мне белая фигура. Может, конечно, заснул я тогда на самом деле — а может, и нет. Не знаю.

Клочков снова надолго замолчал. Лирическая прелюдия подошла к концу, понял Ворон. Сейчас пойдут вопросы. Но вышло иначе.

— В Сибирь едете? К Лукину с посольством? — лениво обронил Клочков, все так же внимательно обозревая крошечную тьму через бойницу.

Ворон промямлил в ответ:

— С чего вы взяли?

Голос командира — неуверенный, натянутый — выдавал его с головой. Клочков, наконец, обернулся, одарил снисходительной усмешкой.

— Да ладно, глупо запирается. Все одно к одному, как пасьянс сошлось. Сначала Москву отвоевали, о чем мы тут уже слышали. Сразу стало понятно — переговоры начнутся. Не удержатся они здесь без Москвы. А потом и листовки Генерала подоспели. Все, понял, едут. Везут какую-то шишку из Берлина в Сибирь договариваться к Лукину. Сдавать Россию обратно. Генерал за ними гоняется, так как если центральное правительство в Москву вернется — его вольнице каюк.

У Ворона отлегло от сердца. Он просипел, стараясь удержаться от иронии:

— Зачем такие сложности? Такой риск? Не проще ли официально все сделать?

— Видно, не все в Берлине готовы к переговорам. Поэтому светиться не хотят. Послали человека по-тихому, на машине, без конвоя. Прощупать ситуацию... В общем, у меня предложение — и для тебя, и для Лукина. Понял уже какое?

Ворон промычал — озадаченно, предчувствуя подвох:

— Какое же?

— Смотри — договориться с европейцами он сможет о чем угодно. Те уже навоевались, мечтают сбежать отсюда поскорее.

Год, полтора — и нет их здесь. Но вот что потом? Что Лукин делать будет с этим наследством? Это же миллионы квадратных километров. Сотни банд, которые уже освоились, корнями в землю проросли. Главное — нет у него идеи, чтобы зажечь, объединить людей. Он ведь просто кремлевский интриган и ворюга. Один раз страну ...

Окончания фразы Ворон уже не слышал. Гнев, страх, ненависть, растерянность — вместе, единым ударом, отправили его в новый нокаут. Почти физически он ощущал, как съеживается, сжимается в размерах, превращаясь в лишнего персонажа. Все, ради чего он жил последние годы, рисковал жизнью, отправлял других на смерть, собрались у него нагло отобрать и присвоить. Вот этот рыжий, нахрапистый парень с редкими зубами. Чтобы предотвратить такую несправедливость, Ворон сейчас был готов, пожалуй, даже на крайнее безрассудство. Правда, прикинув здраво в уме, удастся ли подхватить Ключкова за торс и вытолкать затем наружу через бойницу, понял: нет, не выйдет. Не та весовая категория.

— Идея, которой поверят и за которой пойдут — вот что нужно Лукину. С идеей он соберет любую армию, хоть миллион человек. Спросишь, какая у меня идея? Возрождение России под знаменем ислама. Все новое, с нулевого цикла. Новый русский человек — здоровый, не пьющий, хорошо работающий. Новая русская нация, которую боятся и уважают во всем мире. Русские, что не стыдятся друг друга, а готовы помогать другим русским. Новая экономика, где нет богатых и бедных, а есть труд ради общего блага. Завтра возьмем машину, поедем по окрестностям. Посмотришь, что и как тут устроено. Чтобы смог убедить Лукина — это не просто слова. Мы сможем отстроить новую Россию. А до того быстро расчистить место для стройки.

Ворон, не выдержав выражения спокойной силы на лице Ключкова, отвернулся. Сделал вид, что смотрит в бойницу.

«Зеленый бульдозер. Огромный! В сотни тонн! Гусеницы, колеса, отвал — все зеленое! Пропашет территорию от Украины до Сибири, зачистит от хлама тысячелетней истории. Кому какое дело, что будет это называться имамат или халифат. Главное — все по справедливости, по закону. Есть только одна загвоздка.

Это будет уже не прежний русский человек. Черт знает какой, но точно не русский!».

Здесь до ушей командира донесся странный, фыркающий звук. Словно где-то поблизости чудесным образом материализовался тот самый бульдозер, о котором он сейчас размышлял. В первый момент было непонятно, откуда пришла звуковая волна. Кажется, со стороны залива, что время от времени обдавал башню волнами неприятно пахнущей ночной сырости. Чувство скрытой опасности снова как в тисках зажало внутренности. Он уже не слушал Ключкова. До рези в глазах всматривался в темноту, пытаясь разглядеть, что же происходит на другом конце моста. Словно загипнотизированная его напряженным взглядом, непроглядная тьма вдруг полыхнула красным и зеленым, осветив на мгновение часть горизонта и облака над ним. Тут же, кажется еще до звука выстрела, раздался знакомый, переходящий в тяжелый гул свист.

* * *

— Ложись! — заорал Ворон, прыгая на Ключкова уже в тот момент, когда пролетевший мимо башни Сююмбике снаряд рванул где-то в городе.

Тот, освободившись из его объятий, подполз на коленях к бойнице, выглянул наружу.

— Не понимаю. Ничего не понимаю. Как они смогли пройти через мост? Через блокпосты?

И длинно, крепко, чисто по-русски выматерился.

До Ворона дошло — случилось страшное. Танки Генерала, перейдя через Волгу, обстреливали Казанский кремль с другой стороны залива.

Не говоря больше ни слова, Ключков сорвался с места и застучал берцами вниз по узкой извилистой лестнице. Ворон едва поспевал следом. Оставалось еще два пролета, когда вновь раздался торжествующий свист, а затем страшный грохот, и все вокруг заходило ходуном как от землетрясения. Не удержавшись на ногах, оба кувырком покатались по ступенькам, встретившись друг с другом в самом низу.

— Жив? — процедил Клочков, отплеываясь и ощупывая шею.

— Вроде жив.

Но Ворон при этом хорошо понимал: сейчас, конечно, они живы — а вот через час или два, скорее всего, уже не будут.

Клочков опять пощупал шею, а потом сказал неожиданно будничным голосом:

— Пойдем, командир. Посмотрим, что там творится.

Они выскочили на улицу, когда третий снаряд, выпущенный танком с моста, просвистел у них над головой и, судя по всему, разорвался у въезда в кремль. Отбежав несколько шагов, Ворон оглянулся — почти весь шпиль башни Сююмбике как ножом срезало.

— Повезло, — бросил на бегу Клочков. — Чуть пониже — и нас бы завалило.

Ворон вспомнил легенду про татарскую царевну, пробормотал:

— Жалко башню. Надо будет восстановить после войны.

Но Клочков, раздававший одновременно по радиации и вживую приказы, не услышал странную ремарку. Вокруг уже закрутилась, завертелась хорошо знакомая Ворону повседневность войны. Образуя там и здесь живые потоки, бойцы в черном ловко, как обезьяны, карабкались по лестницам на стены, занимая ячейки позади белых каменных зубцов. Все поразительно напоминало штурм средневекового города. Так, что Ворон вдруг почувствовал себя полностью затерянным во времени и пространстве. Но уже через минуту это безвременье раскололось от треска начавших работать автоматов. Они же с Клочковым, разогнав бойцов по позициям, поспешили обратно, к обращенной на залив стене кремля. Забрались по лестнице на верхний ярус широкой квадратной башни с остроконечной крышей. Здесь уже сидели пять или шесть человек, которые через окошки-бойницы прицельно, короткими очередями, били по мосту.

— Далеко встал. Из РПГ¹ не взять, — сказал один из них, оборачиваясь к Клочкову.

¹ Ручной противотанковый гранатомет.

Тот, высунувшись в бойницу, подождал, пока танк выстрелит снова. Ворон, стоя у него за спиной, успел заметить плоский силуэт боевой машины в начале моста и фигурки бегущих в сторону кремля людей. В этот момент еще один танковый выстрел грохнул откуда-то справа. Снаряд рванул прямо за ними.

— Окружают со всех сторон, — процедил Ключков, переговорив с кем-то по рации. — Затягивают удавку. Через час совсем затянут.

На другой стороне залива, словно в подтверждение его слов, фыркнув пару раз, взревел мотор. Потом звук начал приближаться. Через минуту по внешней стене башни певуче полоснула автоматная очередь, следом еще одна. Один из бойцов Ключкова, видимо устав от бездействия, высунул в бойницу толстый наколочник гранатомета и, прикинув глазом к оптическому прицелу, начал тщательно наводить оружие. Раздался хлопок, реактивное шипение и красноватая вспышка полыхнула на мосту.

— Недолет, — выдохнул стрелявший. — Вот...

Договорить он не успел. Страшный грохот заложил уши Ворона, от сильного толчка под ногами он покатился по полу. Кажется, танк попал в стену где-то слева от башни.

— Хреново, очень хреново, — прохрипел в ухо Ключков, помогая подняться на ноги. В тусклом свете фонарей, редко расставленных по набережной, уже отчетливо был виден приближающийся приплюснутый танк на мосту и жмущиеся к нему фигурки людей с автоматами. — Надо посольство ваше выручать. Оно для меня сейчас важнее, чем город. Город мы с подмогой вернем через пару дней. А отсюда надо вырываться, иначе хана.

Роскошные интерьеры дворца словно поблекли, выцвели от звуков выстрелов и разрывов. Спутники Ворона сидели вокруг стола в том же зале, где он их оставил. Голдстон неподвижно смотрел в одну точку, лицо Быкова выглядело бледным и испуганным. Сима с каким-то вызовом глянула на вошедшего Ворона, как будто собираясь истерично спросить — когда же закончатся эти погони, обстрелы, переезды и начнется что-то хорошее, доброе, человеческое. На столе вместо казана с пловом красовался ярко-красный фарфоровый чайник-мастодонт, и Колька, несмо-

тря на обстрел, с сосредоточенным лицом жевал сладкий хворост, запивая его короткими глотками чая.

— Приятного аппетита, — не удержавшись от улыбки, сказал ему Клочков, и в это время за окном бухнул очередной взрыв, слегка покачнувший здание. — Возьми с собой на дорожку. Отправляемся прямо сейчас.

Колька, не отрывая глаз от вошедших, начал меланхолично распахивать хворост по карманам. Через минуту все молча, без единого вопроса, вышли из зала следом за Клочковым. На улице уже можно было оглохнуть от отбойного грохота автоматных очередей, трамбовавших со всех сторон и без того спертый, пахнущий гарью и сгоревшим порохом воздух. Джип оказался цел и невредим, хотя церковь с голубыми куполами, у которой его оставили, наполовину разворотило прямое попадание танкового снаряда. Клочков сел за руль, и, так как теперь их стало шестеро, Кольке пришлось пристроиться почти что на коленях у физика. Пока устраивались в джипе, тоже молчали. Только перед тем, как тронуться с места, Клочков сосредоточенно произнес:

— Едем в Альметьевск. Там им нас не достать. Оттуда с нашей охраной отправим вас в Екатеринбург. Помогите нам Аллах!

Звучало это, по мнению Ворона, как ненаучная фантастика. Чтобы попасть в Альметьевск, нужно выбраться из Казани, уже, похоже, занятой войсками Генерала. Даже так — для начала просто живыми и невредимыми выехать из кремля, который теперь начали обстреливать из танков еще и с севера, со стороны города. Едва джип проехал с десятков метров, по ушам вновь хлестанул прежний свистящий звук и за спиной оглушительно гроыхнуло. У белой башни с часами, через которую заезжали в крепость, тоже шел бой. Засев за зубцами стен, бойцы огрызались очередями из автоматов по наступавшему врагу. Притормозив у самых ворот, Клочков выскочил из машины и, закинув автомат за спину, начал остервенело карабкаться по лестнице на стену.

— Он сумасшедший. Это самоубийство.

Ворон, оглянувшись на Симу, встретился с ее стеклянным, застывшим взглядом. Сказал зло:

— Есть план получше? Давайте, предлагайте пока не поздно.

Наверное, он и сам особо не верил рассказам про Альметьевск. Но точно знал: Клочков не сумасшедший. Сделает все, чтобы они выбрались отсюда.

Вскоре тот вернулся и молча сел за руль, мельком взглянув на часы. Еще через две минуты подъехали два джипа, черные «гелики» с приделанными сзади, как у тачанок в Гражданскую войну, ручными пулеметами. Один встал впереди них, другой сзади. Клочков вдруг повернулся и глянул на Кольку. Смотрел на него довольно долго, словно вспоминая что-то.

— Н-да, угораздило же тебя родиться в такое время, — пробормотал он наконец и нетерпеливо дал длинный звуковой сигнал.

Откуда-то послушно прибежали человек десять в черном. Трое принялись здоровенными молотками выбивать заложенный в пазы деревянный брусок, закрывавший ворота. Секунда, другая — и ворота распахнулись. Передний джип, завизжав колесами по брусчатке, почти выстрелил с места. Клочков вдавил педаль газа и понесся за головной машиной — по прямой, никуда не сворачивая. Скорость была километров сто в час. Безлюдную улицу освещали романтические пушкинские фонари — но холодно-желтым, кладбищенским светом. Как только проскочили придавленную огромной фигурой-памятником площадь перед кремлем, звуки стрельбы сразу остались позади, но лицо Клочкова по-прежнему было напряжено так, словно он тягал пудовую гирию. Как оказалось, не зря. Ворон даже не понял сначала, что случилось. Передняя машина, которая шла метрах в тридцати от них, вдруг отчаянно зажгла стоп-сигналы. Клочков тоже ударил по тормозам и, уходя от столкновения, начал уводить автомобиль влево. В голове у Ворона пронеслась безумная мысль про женщину с коляской. Но тут краем глаза он успел заметить, как из прикрытой желтым особняком боковой улицы на дорогу высовывается дуло танка, который, по всей видимости, намеревался свернуть на ведущую к кремлю дорогу. Потом истеричный визг покрышек по асфальту, зигзаг красных фонарей и металлический удар, после которого, скорее всего, джип охраны превратился в смятую консервную банку. Что именно там случилось, Ворон так и не узнал. Клочков все-таки чудом сумел вывернуть руль, свернуть влево. Джип нырнул между двух столбов в распахнутые

ворота, ускользнув в подворотню. Потом с апокалиптическим грохотом въехал прямо в стеклянные двери какой-то проходной, срезая под корень на своем пути металлические барьеры и турникеты. Только здесь, уже частично погасив скорость, машина освободилась от власти водителя. Как снаряд пробив насквозь препятствие, взмыла свободно вверх и, приземлившись обратно на колеса, не удержалась, завалилась на бок.

* * *

Уезжая из партизанского лагеря, Голдстон пожелал себе на дороге одного-единственного чуда. Но чудеса, однажды начавшись, сыпались как из рога изобилия. Вот и сейчас непонятным образом все остались целы и невредимы. Если не считать, конечно, машины. Несколько ударов, смявших капот, стали для нее повреждениями, несовместимыми с жизнью. Но общий итог был все-таки в их пользу. Танк, с которым джип едва не встретился лоб в лоб, прогрохотал совсем близко, но все-таки проехал мимо, пока они, беспомощные как котята, выбирались по очереди из лежащего на боку автомобиля. Голдстон, помогавший Симе карабкаться через дверцу, почувствовал, как дернулась от этого звука ее ладонь. В суматохе, но без паники, разбирали и паковали по рюкзакам поклажу. Потом довольно бестолково пытались решить, как поступить дальше. В конце концов, все опять взял на себя Ключков. Голдстону он показался помесью осла и вечного двигателя. В их случае скорее плюс, чем минус.

— Пошли за мной, — почти приказал Ключков, когда все, что можно было вытащить и унести, разместилось у них за плечами.

— Куда? — неуверенно то ли спросил, то ли возразил Ворон, но Ключков его словно не услышал. Пошел вперед быстрым шагом не оборачиваясь. Замявшись на секунду, они припустились следом по пустынным, вымершим улицам. Минут через сорок блужданий Ключков привел их на железнодорожный вокзал. Здание из красного кирпича со множеством башен и шпилей стояло посередине пустой затемненной площади. Несколько окон были освещены — неестественно ярко, даже вызывающе. Где-то поблизости раздался свисток локомотива, потом проехал на большой

скорости, видимо спасаясь бегством из центра города, крытый фургон с надписью «Почта». Танковые выстрелы долетали сюда со стороны Волги, но звучали не страшно, будто раскаты уже отбушевавшей, прошедшей стороной грозы. Внутри вокзала было темно, тихо и величественно, словно в сказочном заколдованном дворце. Одиноким охранник, напуганный мужичонка с запорожскими усами, похоже сначала принял их за боевиков Генерала. Отерев лоб, выдохнул с облегчением:

— Пустой вокзал уже. Разбежались все, кто был. Только дежурный один.

Клочков мотнул головой:

— Веди к нему.

Дежурный сидел за широким, как перрон, письменным столом, едва помещавшимся в крохотной, но с высоким потолком комнатке, и писал при свете зеленой настольной лампы. Подняв рассеянный взгляд на припозднившихся гостей, полноватый, добродушного вида дядька лет шестидесяти с широкой бороздой лысины на круглой голове, вдруг засмутился и быстро прикрыл листком свою работу. Голдстон случайно успел заметить, что текст, кажется, шел столбиками. Некоторые строчки в столбиках были жирно вымараны.

«Неужели стихи?» — удивился он.

Танки Генерала штурмовали город, а этот человек сидел здесь и сочинял стихи.

— Знаете, кто я такой? — требовательно спросил Клочков дежурного, взиравшего на него почтительно-отсутствующим взглядом.

Тот молча кивнул и медленно встал со стула. Росту оказался небольшого, и во всем сложении присутствовала та же самая удивительная округлость, подмеченная Голдстоном в его голове.

— Мне срочно нужен тепловоз с вагоном, который бы мог доехать до Екатеринбурга. Ну или просто тепловоз.

На лице дежурного мелькнул то ли испуг, то ли недоверие. Он покосился на перевернутые листки бумаги, затем пробормотал смешным, хрюкающим голосом:

— В Ебург? Да мы дальше Можги уже как пару лет не сеемся. А до Ебурга тысяча верст. Даже не знаем, осталась ли там колея.

Клочков помотал головой, упрямо отгоняя от себя это взвешенное, разумное мнение. Не время для таких мнений.

— Может, и не осталась. Без разницы. Надо отвезти их как можно дальше отсюда.

Дежурный, почесав щеку, снова скользнул взглядом по столу. Обдумывает, понял Голдстон, никак не дающуюся в руки рифму. Потом, будто вспомнив об их присутствии в кабинете, он спохватился:

— Никого из машинистов, думаю, уже здесь нет. Обычно кто-то остается на ночь в депо. Но когда стрельба пошла, наверняка все разбежались как зайцы по лесу.

Про зайцев дежурный сказал по-особенному, тепло и живо, смакуя каждое слово. Голдстону сразу же представились черные, перепачканные сажей машинисты, стремительно убегающие в разные стороны. Клочков метафору не оценил. Молча достал из кобуры серебристого цвета пистолет. Грохнул его на стол.

— Или находишь мне через полчаса машиниста и отправляешь вот этих людей в Екатеринбург, или я отправляю тебя туда, откуда уже не возвращаются! Все понятно?

Голдстон мог поклясться: главной проблемой для дежурного по-прежнему было то, что назойливые, размахивающие пистолетами гости никак не дают подобрать столь мучившую его рифму. Рассеянно, будто не понимая что это, он глянул на лежавший перед ним металлический предмет с дулом и ответил:

— Хорошо. Сам тогда поеду. Десять лет, правда, как в кабину не поднимался. Но с машиной полажу, не сомневайтесь.

Клочков кажется смутился, не ждал такого быстрого разрешения вопроса, забрал суетливо пистолет обратно.

— Очень хорошо. Как зовут-то тебя?

— Павел Федорович Черемша. Съедобная у меня фамилия.

— Семья есть?

Дежурный со съедобной фамилией покачал головой.

— Дети в Новосибирск переехали в прошлом году. С тех пор ничего о них не слышал. А жена умерла лет пять как. Инсульт случился.

Клочков кивнул согласно, то ли соболезнуя, то ли, напротив, радуясь за жену, не увидевшую тяжелые времена.

— Видишь, как складно выходит. Может, и до Новосибирска доберешься, детей повидашь... Когда отправиться сможешь? Каждая минута на вес золота!

Черемша начал торопливо сгребать со стола листки синеватой бумаги, стараясь не показывать написанного. Кое-как сложив, быстро затолкал их в потрепанную кожаную сумку.

— Сейчас и поедем. В депо всегда стоит резервный тепловоз, заправленный и готовый к отправлению. В Можге дозаправиться надо будет. Предупредите тогда, чтобы нас ждали.

Охранник на входе в вокзал куда-то исчез. Видимо решил, что охранять здесь больше нечего. На улице воздух казался каляным из-за враждебной, угнетающей тишины, которую изредка с треском разрывали одиночные автоматные очереди. Город уже не сопротивлялся. Бойцы мусульманской республики, рассыпавшись по укромным местам, затаились до прихода подкрепления с юга. Пока ждали на выезде из депо тепловоз, Клочков, отведя в сторону Ворона, шепотом, сорванным голосом давал последние наставления.

— Екатеринбург сейчас вольный город. Народ — в основном беженцы и всякие отморозки. Там у нас свой человек есть, Ахмет. То ли казах, то ли киргиз. Живет, держит кафе для виду. А так — подыскивает нужных людей, чтобы выступить когда надо. Найти его легко — кафе называется «Чайхана у верблюда». Перед ним, мне рассказывали, верблюд с ишаком пасутся. Скажете, что от меня — он для вас все сделает...

Тепловоз с зажженными фарами, расслабленно тарахтя, выплыл из темного кирпичного свода депо как неведомый зверь, исторгнутый из чрева сказочного чудища. Медленно подполз и застыл, приглашая пассажиров забраться наверх. Раздался более громкий тарахтящий звук, и две струи едва различимого едкого дыма нетерпеливо вырвались откуда-то из крыши.

— Всё! По вагонам! — заорал Клочков и на прощание похлопал Ворона по плечу.

Голдстон, Ворон и Черемша оказались в передней кабине машиниста, которую Клочков обозвал «первым классом». Сима, Колька и Быков — в задней. Клочков махнул им в последний раз на прощанье и, придерживая рукой автомат, большими прыжка-

ми побежал обратно в сторону вокзала. Скорее всего, торопился залечь где-нибудь на дно. Тепловоз, неторопливо пересчитывая стыки, медленно пополз по рельсам.

— Шангри-Ла, — прошептал Голдстон по-английски, растягивая слова. — Мы едем в Шангри-Ла. Ла-ла-ла...

— Что? — не расслышал стоявший рядом машинист.

— Нет-нет, я о своем... Какой у нас план?

— Сейчас обогнем город — и сразу двинем аллюром на северо-восток, — затараторил Черемша, словно сам очень хотел обсудить маршрут. — В Можге будем часов через шесть. Там, думаю, топливом и маслом разживемся без проблем. А вот дальше... Слушайте, мужики, у вас табаку нет случаям?

Никогда в жизни не куривший Ворон молча вытащил из рюкзака пачку трофейного «Кэмела». Как и многое другое носил «на всякий случай». Машинист благоговейно выдохнул. Посмотрел на командира снизу вверх. Пробормотал, как будто оправдываясь:

— Я просто так спросил-то. Уж и не помню, когда в последний раз что-то нормальное курил.

Ворон нетерпеливо мотнул головой.

— Чего уж там, бери. Да не одну... Бери пачку целиком! Травись...

Запах солянки и пота вскоре смешался со сладковатым ароматом табака. Затянувшись с наслаждением, машинист на время замолк. Минут пять тишину нарушали лишь звуки жизнедеятельности тепловоза и щелчки тумблеров на пульте управления. Но потом где-то неподалеку от дороги опять затараторили автоматы. Хорошо так, сразу дружной компанией.

— Долго еще по городу-то? — нервно спросил Ворон, всматриваясь в темноту вокруг.

Черемша, не меняя блаженного выражения лица, кивнул.

— Прилично. Сейчас только Вахитово будет. Здесь петля закручивается, которая нас выкинет на запад. Минут через двадцать как раз напротив кремля окажемся. Километров шесть, не больше, по прямой.

Ворон нервно сглотнул. Попытался приладить к открытому окну ручной пулемет. Машинист, оглянувшись на шум через плечо, мечтательно улыбнулся. Обратился к Голдстону:

— Почти бронепоезд, да? Видите, какой финт история выкинула ровно через сто лет? Все один к одному — махновщина, разруха, интервенты. Мне вот интересно спросить — история почему повторяется? Потому как в первый раз люди урок не усвоили? Так что ли получается?

Кабину залило зловещими, кровавыми отблесками. Слева показалось колыхающееся алое зарево, отблеск грандиозного пожара.

— Кремль? — ужаснулся Голдстон, подумав о том, что они были там пару часов назад.

— Он самый, — спокойно ответил Черемша, словно говорил о чем-то заурядном. — Горит. Как Рим при Нероне. *Sic transit gloria mundi*¹.

— Мне кажется, вы должны писать стихи, — сорвалось у Голдстона с языка.

Черемша хрюкнул, скорее довольнo. Значит, тема не была запретной.

— Так, балуюсь... Настоящие стихи все уже Пушкин написал.

— О чем же пишете?

— Об одном и том же, о ней, — с готовностью отозвался машинист.

— О любви?

— Да нет же! О гармонии. Все поэты только о ней и писали! Голдстон едва заметно улыбнулся.

— Расскажите. Первый раз слышу.

Черемша задумался на мгновение, кажется, пытался удержать в голове все вместе — неподатливую рифму, разговор, управление машиной. Сказал уверенно:

— Нет, конечно же, никто не пишет в лоб — о, вселенская гармония, сейчас тебя я воспою! Напротив, хороший стих обычно рождается из чего-то заурядного...

— Из детали?

— Из детали, из момента. Камень странной формы лежит на дороге, непонятный звук раздался за окном, солнце, которое на минуту вырвалось из плена облаков... Тыловишь этот самый

¹ Так проходит земная слава (лат.).

момент. Хватаешься за него — и как клубок начинаешь раскручивать. Размышлять в поэтической форме — ну почему же, отчего этот камень привлёк внимание? Ну лежит себе и лежит. Таких камней миллионы! И вот тут, с клубком, столько всего вытягивается! Оказывается, камень этот не сам по себе! Он часть сложной конструкции, где одно завязано с другим. Тут и дорога, и солнце, и небо... И мы через камень постигаем это большое и сложное целое. Словно в замочную скважину заглядываем. Видим через нее уже будто картину неизвестного художника... А не будь камня, ничего бы и не заметили!

— Очень интересно. Получается, частное нужно для того, чтобы постичь общее?

Черемша переключил пару каких-то тумблеров и согласно качнул в ответ головой.

— Поэзия именно так и устроена. Замечаешь камень, пытаешься понять, что же в нем такого особенного, и оказывается — да ничего! Смысл — в сочетании. Той самой вселенской гармонии. Когда же все по отдельности — будто по полю кирпичи разбросали, что никогда уже не станут зданием... Знаете, о чем часто думаю? Что поэзия — никакая вовсе не забава для улаживания слуха. Нет, секретный код, который помогает влиться в эту общую вселенскую гармонию. Делает так, чтобы ритмы — наш внутренний и Вселенной — совпали...

— Но далеко не каждый может стать поэтом. Как же быть остальным? Жить без вашей гармонии? — спросил Голдстон то ли машиниста, то ли себя самого.

Черемша улыбнулся — мягко, почти застенчиво.

— Что вы, нет конечно! Ключей тысячи! По большому счету, каждый отдельный человек — такой ключ! Глядишь на него часто — вроде ничего особенного, один из миллиардов. А как копнешь, такие глубины открываются... Вся Вселенная, как в зеркале, душой отражена. Смотри, любуйся...

Пока они переговаривались, пожар зажег почти весь горизонт слева от тепловоза. Зарево было таким ярким, что свет от него, ровный и мощный, походил на подсветку прожекторами. Голдстон, вглядываясь в эту живую апокалиптическую картину, чувствовал почти священное благоговение перед человеком,

способным видеть за гибнущей жизнью вокруг величественные картины совсем другого бытия. Ему представилась целая связка ключей на здоровенном железном кольце, прикрепленном к поясу машиниста. И бесконечное множество дверей, которые на самом деле ведут в одно и то же место. Чем-то похоже на его детские воображаемые путешествия по подаренной дедом елочной игрушке.

Упорство Ворона, который последние минут пятнадцать пытался поудобнее пристроить у окна ручной пулемет, наконец-то было вознаграждено. Слева от путей заматались суетливо темные фигуры. Пучок света, выпущенный фарами тепловоза, выхватил из черноты ночи знакомые пятнистые камуфляжи боевиков Генерала. Партизанский командир, издав вопль ирокеза, полоснул темноту щедрой пулеметной очередью. Ему ответили надрывным человеческим вскриком и пулями, зацокавшими по железному телу тепловоза. Одна прошла наискосок боковое стекло и впечаталась в потолок. Голдстон плашмя бросился на пол. Черемша даже не пригнулся.

— К черту философию! Прибавь ходу! — заорал Ворон, продолжая азартно срезать короткими очередями кусты у какого-то кирпичного склада. Тепловоз, повинаясь пальцам машиниста, прибавил, и вскоре преследователи отстали. Зарево пожара мало-помалу начало тускнеть. Город все-таки отпуская их из своих душных объятий.

Вырвавшись на свободу из лабиринтов многоколейки транспортного узла, тепловоз сразу же воодушевился, разогнался, помчался с такой скоростью, что Голдстон иногда тревожно косился на спидометр.

— До Можги дорога в порядке, можно ехать без опаски, — ответил Черемша. — А вот дальше как русская рулетка. Или пан, или пропал.

Ворон вскоре сдался, прикорнул в углу кабинки в обнимку с пулеметом. Голдстон сидел на рюкзаке рядом, чувствуя спиной железную вибрирующую стенку. Сон не шел. В голове каруселью вертелись слова, образы, ощущения — в общем, смысловой шум и мусор. Потом, уже почти в час ночи, все в одно мгновение улеглось и затихло. Он бодро вскочил на ноги и подошел к машинисту. У того, похоже, не было сна ни в одном глазу. Изо рта

по-прежнему торчала сигарета, правда не зажженная, по лицу гуляло умиротворенно-добродушное выражение.

— Не спится? — спросил Черемша, понимая улыбнувшись, будто доподлинно знал обо всех размышлениях Голдстона за последний час. — Будь я на вашем месте, мне бы тоже не спалось. Чужая страна. Новые места, новые люди. Страшно, конечно, все это. Но интересно при том... Знаете, я все-таки додумал рифму...

От машиниста в самом деле исходили физически ощутимые волны счастья. Еще бы, распахнуть ту самую заветную дверцу в гармонию миропорядка, оставив где-то там, далеко внизу пораженный хаосом мир... Голдстону вдруг захотелось откровенно рассказать, о чем ему часто думалось в последние дни.

— Знаете, — начал он, тщательно подбирая слова, — пару месяцев назад я побывал в одном монастыре. Там мне удалось подняться на колокольню, где висел большой, старинный колокол. С высоты открывался вид на много километров вокруг — руины, разруха... И тут в голову пришла... необычная мысль. Показалось, что колокол этот — волшебный. Если ударить в него, время повернется вспять. Смерть превратится в жизнь, все станет как было. Головой, конечно, я понимал, что это иллюзия. Но ощущение было таким сильным, что позже появилась другая странная мысль — может быть, существует некий закон, позволяющий... возвращать порядок в человеческую жизнь?

Машинист опять не удивился. Возможно, просто не умел. Или же, напротив, жизнь постоянно казалась ему столь удивительной, что вопрос выглядел вполне себе заурядным. Переспросил с интересом:

— Колокол? Слышал, что по православному поверью он способен разгонять злые силы. Но про законы ничего не знаю. Образование не то. Вырос в семье рабочего и учительницы. Учился в техникуме, водил тепловозы. Никуда дальше Москвы не ездил.

Голдстон кивнул:

— И все же?

Черемша заметно смутился. Наверное, боялся ответить что-то не то, разочаровать дотошного иностранца. Зажег наконец сигарету.

— Жизнь очевидно подчиняется разумному порядку. Такая всеобщая, ни на секунду не останавливающаяся стройка. Есть ли у нее конечная цель? Не знаю. Скорее да чем нет, хотя мы пока не в состоянии ее постигнуть. Но вы, я, все остальные люди определенно появились на свет только потому, что нужны этому вселенскому строительству. Не будем в нем участвовать — останемся теми самыми разбросанными по полю кирпичами. Разница между отдельным и целым, как я понимаю, и есть разница между смертью и жизнью.

Голдстон потер в странном возбуждении щеку:

— То есть порядок этот и есть жизнь? А все остальное — ни-что, смерть?

Машинист вздохнул, будто проговорился, выдал ненароком страшную тайну, о которой никому не разрешено было рассказывать.

— Получается, что так... Может, поспите все-таки? Вам бы отдохнуть после таких-то переживаний...

Черная тьма за окном, которую до того с натужным усилием расталкивали в стороны фары тепловоза, неожиданно отступила, раздвинулась. Черемша, не сказав, кажется, ничего особенного, словно взял Голдстона за руку и великодушно провел вместе с собой через заветную дверь, соединяющую земное человеческое существование с обитающим где-то еще его смыслом. Картина мира, похожая прежде на серый карандашный набросок, вдруг получила объем, цвет, вздрогнула как от волшебного прикосновения и ожила.

* * *

Путешествие из Казани в Екатеринбург показалось Кольке едва ли не самым беззаботным отрезком их путешествия. Едва выехали на колею, как сморил его тот самый сон, что не без причины называют мертвецким. Спал он в общей сложности более двадцати часов. С коротким перерывом в Можге, когда его разбудил Быков, который принес с вокзала горячего сладкого чая и свежего, пахнущего теплотой и подмешанными травами черного хлеба. Колька как в беспамятстве пожевал мякиш, сделал

несколько мелких, обжигающих глотков, а потом снова ничком рухнул на кучу рюкзаков на полу. Уже погружаясь во что-то податливое, обволакивающее со всех сторон, услышал тоже непривычно мягкий голос Быкова:

— Спи, спи. Тебе ведь еще расти и расти.

А потом кто-то погладил его по голове. Он скорее почувствовал, чем понял, что это рука Симы. Та самая, которая без лишних раздумий полоснула финским ножом по горлу генерал-губернатора. Колька вздрогнул, отстранился инстинктивно, как бывает от испуга. Неудивительно, что первый сон приснился ему именно про Симу. Но, напротив, совсем не страшный, а легкий, искристый, как ее взгляд. Что там было, в этом сне, по пробуждении вспомнить он не смог. Осталась лишь теплота внутри как после встречи с близким человеком. Словно водки грамм пятьдесят выпил — только голова ясная. Кое-как оклемался Колька на дальних подступах к Екатеринбургу. Уже пошли пригородные станции, обитаемые и живые. В окнах домов мелькали кактусы и фиолетовые герани, лениво развевалось на ветру стираное белье, пахло сгоревшей прошлогодней травой. Колька жадно вертел головой по сторонам — как на машине времени прилетел то ли в прошлое, то ли в будущее. Каждый по-своему выказывал радость по поводу благополучного прибытия в Екатеринбург. Физик с англичанином, спустившись из тепловоза на вокзальную платформу, пожали друг другу руки, а потом крепко, искренне обнялись. Машинист блаженно курил одну сигарету за другой и степенно вел разговоры с парочкой засыпавших его расспросами о Казани служащих вокзала в форме. Ворон время от времени радостно хлопал себя по ляжкам, но при том постоянно тревожно оглядывался по сторонам, будто кого-то ждал. Что до Симы, вела она себя, на взгляд Кольки, совсем по-бабьи. То плакала, то хохотала, а в перерывах с вопросом поглядывала на англичанина, заросшего за время пути густой рыжей щетиной. Колька, перехватывая эти взгляды, почему-то жалел, что у него самого на лице пока не вылезает ничего кроме прыщей.

Вскоре тепловоз был продан на импровизированном аукционе подоспевшим местным коммерсантам. Вырученная сумма не составляла, наверное, и трети от настоящей стоимости, но ее с лихвой хватало, чтобы Черемша смог добраться до Новоси-

бирска и обустроиться на новом месте. Попрощавшись с машинистом, они поймали на пустынной площади перед вокзалом такси и отправились разыскивать какую-то чайхану с пасущимся рядом верблюдом. Сам город, серый и неприветливый, Колька запомнил плохо. Но удивительным, почти волшебным было ощущение нормальной жизни. По улицам ходили люди и ездили автомобили, работали продуктовые магазины и кафе, на домах развевались российские триколоры с силуэтом золотого медведя — флаг Сибирской республики. Чайхану искали долго, часа полтора, таксист раза три останавливался и спрашивал дорогу у местных. Колька, что почти ничего не ел с ужина в Казанском кремле, сидел, глотая слюну. Когда, наконец, прибыли куда надо, Ворон и физик что-то долго выясняли с хозяином — толстогубым пузатым киргизом с обвисшими щеками, похожим на важного татаро-монгольского хана. Точно не меню обсуждали. А после долгожданного обеда, состоявшего из глубокой тарелки мясного борща и щедрой порции пельменей со сметаной, физик, проживший в юности в Екатеринбурге два или три года, неожиданно предложил прогуляться по городу. Из всех поначалу отозвался только англичанин. Пусть еле языком ворочал от усталости, но, видно, решил поддержать товарища. Колька, отоспавшийся на неделю вперед, в конце концов тоже увязался за ними. Прогулка, как вскоре выяснилось, имела конкретную цель. Часа через полтора неторопливой ходьбы вдоль сонных, заросших тополями окраинных улочек физик сообщил загадочно:

— А вот и он, небесный глаз. Ходил сюда по ночам почти каждую неделю.

— Как романтично, — отозвался Голдстон. — Словно о доме любимой девушки.

Из гущи подрезанных деревьев как гриб из травы торчала желтая кирпичная башня, накрытая сверху состоявшим из двух половинок круглым металлическим колпаком.

«Обсерватория, — догадался Колька. — Физик на звезды здесь смотрел».

По выложенной кирпичом, но едва приметной в молодой траве дорожке подошли к башне. Дверь, сорванная с петель, упокоилась неподалеку от входа. Черная сетка граффити мерзкой

паутиной снаружи и внутри покрывала стены. Пол был почти невидим под слоем бумаг и мусора. Но посередине этого разора, высокомерно поблескивая металлом и любуясь своими совершенными формами, возвышался на мощной станине телескоп с короткой трубой.

— Спасибо, что не устроили здесь общегородской сортир, — зло обронил физик, вытаскивая из кучи хлама толстенный талмуд. Разбухший от сырости атлас звездного неба.

— К тому же телескоп, кажется, вполне исправен, — с радостью скряги, обнаружившего свои деньги в неприкосновенности, сообщил он через пару минут, осмотрев нижний конец полированной трубы. — То есть примерно через час мы сможем заняться ночными наблюдениями. Только придется вручную сдвинуть купол.

Забравшись по ажурной, почти невидимой лесенке к основанию металлического купола, Голдстон и Быков с помощью здорового, в рост человека колеса, пыхтя и охая, сдвинули щель в куполе так, чтобы телескоп глядел именно в нее. Потом, расставив стулья у подножия удерживающей трубу многотонной чугунной тумбы, благоговейно уставились в постепенно темнеющую полоску неба наверху. Долго-долго было тихо, наконец англичанин сказал:

— Помните Канта? Никогда не думали, что это одно и то же? Космос и вселенная внутри нас?

Физик, видимый Кольке уже только как похожий на гору силуэт, взвыл в ответ:

— Опять чертова философия, Джон! Почему бы просто не полюбоваться звездным небом? Когда в последний раз вы это делали?

Первые звездочки как кончики бесчисленных игл, проткнувших небесную твердь, уже поблескивали на небе, цвет которого легко и незаметно перетекал из сине-стального в иссиня-черный. Кольку охватило загадочное, торжественное волнение, отдававшееся в кончиках пальцев слабыми электрическими уколами. Звездную бесконечность над головой после слов англичанина Колька, вот странность, тут же ощутил и у себя внутри — только сжавшуюся до состояния одной-единственной точки. Ношей, однако, эта точка оказалась невыносимо тяжелой — казалось,

вот-вот разорвет тело, чтобы вырваться на волю, соединиться с породившим ее небом. Напряжение все усиливалось, росло. Колька не выдержал, подал голос, чтобы развеять это изводящее душу пребывание лицом к лицу со Вселенной.

— Сколько... сколько всего звезд? Миллионы?

Темная фигура физика испустила вздох непонятого содержания. То ли сожаление по поводу прерванной тишины, то ли благоговение перед размерами мироздания.

— Нет. Только в одной нашей галактике сто миллиардов звезд. И таких галактик тоже миллиарды. Теперь просто перемножь все цифры одна на другую.

Колька почти услышал, как заскрипели извилины, обрабатывая эти числа.

— Как же такое возможно?

Усмехнувшись невидимкой, физик прошептал:

— Не знаю, юноша. Точно так же пытаюсь постичь, как такое возможно. Только начал немного раньше.

Колька сидел и какое-то время упорно пытался сосчитать количество звезд. Сто миллиардов на сто. Что там после триллионов? Кажется, квадриллионы... А за ними? Но вскоре сдался, не в состоянии вместить бесконечность полей. Вернулся взглядом и мыслями к покрытой серебристой пылью темной полоске неба над головой.

— По поводу вашего вопроса, Джон, — тем временем снова заговорил физик, вдруг решительно встав со стула и подойдя к телескопу. — Лично я считаю, что все лучшее в человеке — мораль, идея высшего мира, тяга к познанию, философия и наука, все появилось исключительно от созерцания звездного неба. Это, кстати, совсем не противоречит теологии. Изгнанный из рая после грехопадения человек постепенно вспоминал свою прежнюю сущность, глядя по ночам на звезды. Наблюдая место, куда ему предстояло вновь подняться. Так что в этом смысле версия о синхронизированности внешней и внутренней вселенных звучит совершенно правдоподобно. Внутри нас живет отражение того, что мы видим над головой. Те отблески, по которым можно судить о рае, утраченном человечеством.

Голдстон с готовностью отозвался:

— Космос по-гречески означает «красота». Еще с детства помню.

Кажется, разговор по непонятной для Кольки причине начал волновать физика. Он прошелся туда-обратно по захламленному полу, словно обдумывая что-то, и только потом ответил:

— Именно. Высший порядок и красота. Как идеал. Как источник вдохновения. Как пространство, куда нужно стремиться и в буквальном смысле, и в переносном...

Потом замер на месте рядом с Колькой.

— Что это у нас там? Вега? Она мне всегда нравилась больше других звезд. Не самая яркая. Но цвет, какой божественный цвет!...

Колька сразу понял, о чем речь — в щель между половинками купола заглянула сияющая хрустально-голубым светом яркая звезда. Он тоже влюбился в нее с первого взгляда. Пока физик наводил телескоп, глядел и глядел, не в состоянии отвести глаз. Вместе со странной звездной любовью чувствовал заодно недоумение. Почему уже четырнадцать лет живет под этим самым небом, но никогда прежде не замечал его? Прислонив же глаз к холодному, жесткому окуляру телескопа, едва не отпрянул от неожиданности. Посередине черного круга сияла, почти не мерцая, звезда, чье прекрасное свечение, собранное толстыми линзами, было усилено в сотни раз. Теперь ее цвет можно было назвать скорее ослепительно-белым, чем голубым. Вспомнив про бесконечность космоса, Колька выдохнул с разочарованием в межзвездную пустоту.

— До нее, наверное, ужасно далеко...

— Прилично, очень прилично, — тут же с готовностью отозвался Быков, которому замечание вовсе не показалось риторическим. — Двадцать пять с копейками световых лет. Один световой год — это девять с половиной триллионов километров. То есть всего двести сорок триллионов. Но, в конце концов, все зависит от скорости, с которой вы двигаетесь. Если иметь в виду имеющиеся ракетные двигатели — путешествие займет где-то двести пятьдесят тысяч земных лет. А, к примеру, фотонный двигатель, использующий энергию взаимодействия материи и антиматерии, доставит туда всего лет за тридцать-сорок.

Тема космических путешествий, видимо, серьезно занимала физика. Через пару минут, пригласив к телескопу Голдстона, он уже сам к ней вернулся.

— Почему мы еще здесь, а не там? Кто в этом виноват? — запальчиво спросил Быков непонятно кого, помогая англичанину настроить резкость в окуляре. — Только наши собственные эгоизм и ограниченность! Полет на Марс технически был возможен еще в конце прошлого века. Но пожалели денег. Экономически неоправданно! Решили потратиться на что-то *полезное*. Потрапились? Принесли пользу? Весь мир лежит в руинах!

Голдстон улыбнулся:

— В детстве у нас была собака, которую кормили раз в день. Когда я ее подкармливал со стола, то отец мне говорил: голодная собака — здоровая собака. Уверен, сама собака пользу для себя понимала иначе.

— Вот-вот. К человеку это тоже относится. Голод порождает любопытство. Любопытство подталкивает к развитию.

Отстранившись от телескопа, Голдстон ослепшим глазом едва различил в загустевшей уже темноте силуэт физика — подобно памятнику, Быков неподвижно стоял на месте, задрав голову вверх. Когда он снова начал говорить, подумалось — наверное, читает появляющуюся на небосклоне звездную бегущую строку.

— Да, согласен — страсть к экспансии, которая присуща нашему виду, зачастую выливается в агрессию и войны. Но другая крайность не менее опасна. Сытость и безделье ведут к развитию пороков вроде бы куда более приемлемых, но на самом деле точно так же смертельных для человеческой сущности. Эпоха благополучия после Второй мировой войны выглядела привлекательнее, чем газовые камеры. Но когда мы перестали замечать что-то, кроме корыта с кормом, у себя под носом, результат, как видите, оказался не менее плачевным. Человеку нужно движение! Он просто перестает быть человеком без ощущения, что сделал еще один шаг в познании мира — открыл новый закон физики, победил прежде смертельную болезнь, высадился на другую планету. Речь, я бы сказал, о тщеславии в хорошем смысле слова. Подсознательной попытке доказать Творцу, что творение

тоже кое на что способно. Космос в этом смысле предоставляет просто безграничные возможности.

Голдстон слушал, старясь дышать через раз, словно избыточные звуки могли спугнуть мысли Быкова. Потом его осенило: совсем недавно он видел и слышал что-то похожее. Призванная воображением, рядом с физиком нарисовалась серебристым контуром фигура старца из нижегородского монастыря. Космос как возможность движения навстречу друг другу Бога и человека. Место их физической встречи.

— Тот старец, с которым я проговорил всю ночь в монастыре... Он всерьез полагает, что космос — это и есть рай. Место, где человек получит в свое распоряжение самые неограниченные возможности. Мне, как заядлому материалисту, такая точка зрения показалась чертовски привлекательной. Рай, куда можно попасть еще при жизни.

Быков, кажется, был совсем не против такого поворота.

— Да? Вполне допускаю. Не исключено, что за пределами нашей галактики, а возможно, даже Солнечной системы, известная нам физика просто заканчивается.

— Значит, когда-то станет возможным просто сесть на звездолет и отправиться в рай?

— Почему бы и нет? Но, думаю, для того люди должны сильно измениться. Тогда просто-напросто внутренняя вселенная человека станет соответствовать внешней и соединится с ней. Вообще не исключаю, что постижение каких-то научных истин станет возможно только при определенной духовной трансформации человечества.

Попыхтев еще немного с телескопом, физик объявил голосом конференсье:

— Туманность «Кольцо» в созвездии Лиры. Газовая атмосфера красного гиганта, что превратился в белого карлика. Лучше всего видна в этих широтах летом, но и сейчас выглядит весьма эффектно.

Теперь Колька узрел в очерченном трубой круге желто-розовое светящееся колечко, легко, бабочкой парящее в черной пустоте космоса. Волнообразные колебания атмосферы только усиливали это воздушное, порхающее впечатление. Вспомнив странный

разговор физика и англичанина, Колька подумал внезапно с непонятным восторгом: а может и есть это вход в рай? Ворота, через которые полетит звездолет, отправившийся на его поиски?

— О чем задумался?

Услышав голос Голдстона над самым ухом, Колька вздрогнул, а потом густо, пусть и незаметно в темноте, покраснел. От радости, что о нем вспомнили. От страха сморозить какую-нибудь глупость. Сказал, запинаясь, про ворота. Но Голдстон мысль его неожиданно оценил.

— Ворота в рай? — переспросил он с таким интересом, как будто уже планировал экспедицию в созвездие Лиры. — Почему бы и нет? Будь помощнее телескоп — может, и апостола Петра с ключами увидели бы!

Часа в три ночи, собрав посередине круглой площадки целый стог из раскиданных повсюду бумаг, они улеглись спать, завернувшись поплотнее в теплые камуфляжные куртки. Снились же Кольке гигантские кольца из разноцветного газа в межзвездной пустоте. Пролетая через них на огромной скорости без всякого космического корабля или даже скафандра, он чувствовал каждую секунду, как внутри него поднимается волна запредельного, наивысшей пробы счастья.

* * *

Когда отправившаяся на экскурсию по городу троица не вернулась ночевать в чайхану, Сима растерялась. Нет, волнения не было. Она знала о возможном ночлеге в обсерватории. Но вдруг почувствовала себя исправной деталью, которую вероломно вытащили из споро работавшего механизма и забросили в ящик с запчастями. Целую неделю ее без зазоров соединяла с остальными простая, понятная цель — добраться до места живой. Одни на всех страх, радость, вонь бензина, холод, дорожная тряска сплели их вместе, таких разных, как огонь соединяет до того безразличные друг к другу металлы. Потому, наверное, любое растяжение связей между участниками этого сплава вызывало ломку, почти физически ощутимую. И правда, отпустило только на следующий день, когда компания астрономов-любителей заявила обратно. Дело

как раз шло к обеду. Ворон и Сима сидели на пахнущей свежим деревом, недавно сбитой летней веранде и молча, не глядя друг на друга, распивали из выцветших, с отбитыми краями пиал чай с молоком. Симу сразу же удивил вид Кольки — он шел рядом с Голдстоном и, что-то тараторя, искренне, от уха до уха, улыбался. Потом она удивилась во второй раз: подойдя к столу, Колька громко поздоровался и улыбнулся в ее сторону. До того, за все время путешествия, она ловила от него лишь косые, непонятного содержания взгляды. Вчера, когда хотела погладить сонного по голове, он дернулся, отстранился, будто дикий, недоверчивый зверек. Объяснение у Симы нашлось лишь одно: презрительное отношение к женщинам, наверняка воспитанное у парнишки в партизанском отряде. Что за перемена приключилась с ним ночью?

— Развеялись? — хмуро спросил прибывших Ворон, счищая хлебные крошки со своей жидкой бороденки. — Осмотрели достопримечательности?

Физик зевнул, затем подмигнул Симе:

— И земные, и небесные. А вы тут, гляжу, засиделись без приключений, команданте? Не терпится в дорогу?

Ворон мотнул головой — мол, времени на шутки нет совсем.

— Что дальше? Куда отправимся?

Физик, пододвинув себе стул, сел напротив. Стул жалобно заскрипел, и на лице Быкова от этого звука появилось смешное озадаченное выражение. Голдстон присел рядом. Лицо его, напротив, выглядело словно маска. Как выяснилось, в ожидании не самого приятного разговора с Вороном.

— Командир, мы очень вам благодарны... — начал он с совершенно понятной интонацией. — Но дальше, как и договаривались, отправимся сами.

Рука Ворона, методично вычищавшая бороду, окаменела.

— Не очень-то благородно с вашей стороны, уважаемый лорд-оккупант-интервент. Куда ж мне теперь податься — без машины, да еще с боевиками Генерала на хвосте? Или я для вас — отработанный порода? Пора сбросить балласт?

Физик и Голдстон быстро переглянулись.

— Мы попросим Ахмета. Он поможет вам вернуться, — сказал Голдстон после затянувшейся паузы.

— Ахмет не джинн из бутылки, — спокойно возразил Ворон, вооружившийся теперь зубочисткой. — Возможно, найдет для меня машину и оружие. Но возвращаться сейчас — форменное самоубийство. Если на меня наплевать, пожалуйста хотя бы его.

И качнул медленно головой в сторону Кольки.

Голдстон тоже посмотрел на Кольку — испуганно, растерянно. словно только сейчас спохватился, осознал, что, расставшись с Вороном, они прощаются заодно с его ординарцем. Колька ответил детской, жалостливой гримасой — еще немного и расплачется. Сима закрыла глаза. Почувствовала, как внутри натягиваются те самые канаты, которые раздирали ее вчера. Да, с первой минуты их знакомства ей не нравился Ворон. Но он уже стал своим. Она за него отвечает — так же, как и за Кольку, за Голдстона, за физика. Оставлять его на полпути кажется и странным, и рискованным.

— Думаю, нам надо держаться вместе, — примирительно вступила она в разговор, понимая, что Ворон уже выиграл. Пытаясь, скорее, смягчить поражение для Голдстона.

Молча, даже без просьб передать соль или хлеб, они пообедали. Молчание оказалось чем-то вроде ритуала, которым окончательно похоронили, присыпали землей прежний спор. Отодвинув тарелку, физик сказал как ни в чем не бывало:

— Дальше полетим на самолете. В тайгу.

Глаза Ворона остекленели.

— Самолете? — переспросил он, будто вообще был не в курсе, что это такое.

— Именно, — ответил Быков, делая знак официанту убрать тарелки со стола. — А вы что, боитесь летать? Или вас укачивает в воздухе? Поверьте, если отправимся гулять по тайге пешком, это доставит гораздо меньше удовольствия. Воздух там, конечно, полезный, спору нет. Но вот дорог никаких. Да и комары уже открыли сезон охоты.

Кажется, Ворон растерялся. Не предвидел вообще такого поворота.

— Какой... самолет вы ожидаете здесь найти? Рейсовый «до тайги»? Или бизнес-джет?

— Нужен обычный «кукурузник». С запасом топлива должны дотянуть.

Но Ворон не сдавался. Ощупав глазами физика словно в поиске слабого места, спросил насмешливо:

— Если даже и достанем с помощью Ахмета самолет, кто поведет? Сомневаюсь, что здесь бомбят воздушные таксисты!

Быков, отхлебнув огненного чаю с молоком, зажмурился от удовольствия, причмокнул. Открыл глаза, осмотрелся. Все терпеливо ждали от него ответа.

— Я и поведу, — сказал он наконец, отерев ладонью от пота покрасневшее разом лицо.

— Что? — выдохнул Ворон с издевательской улыбкой. — Автомобильных прав нет, а поведете самолет? Или в компьютерные игры переиграли когда-то?

Физик беззлобно и деловито ответил:

— Прав автомобильных да, нет. Но на самолетах летал. Больше трехсот часов налет.

Запал Ворона, похоже, иссяк.

— Там, куда летим, хоть есть аэродром? Или с парашютами прыгать будем? — спросил командир скорее для того, чтобы закончить с разговором на высокой ноте без очевидной для себя капитуляции.

— Есть. Почти целый аэропорт, — улыбнулся Быков, и в его бесцветных, обычно холодных глазах вспыхнуло что-то хулиганское. — Главное рассчитать с топливом. И чтобы ветер попутный. Придется ждать погоду.

Ахмет просьбе о самолете не удивился. Похоже, он вообще обходился по жизни без эмоций. Его рыбье лицо с узкими щелками глаз и отвисшими щеками-жабрами монотонно покачивалось вверх-вниз в такт разговору, не выдавая ни малейших перепадов настроения. Выслушав до конца, киргиз отошел позвонить кому-то по телефону. Вернувшись через час, выдал исчерпывающее заключение:

— Самолет будет. Топливо в нем будет. Только взлетать опасно будет. Могут пристрелить.

Следующая неделя пролетела на одном дыхании. Если вычесть время на сон и еду, все ушло без остатка на то, чтобы до малых мелочей разработать план отлета. Люди Ахмета пригнали на один из

городских пустырей военный грузовик с фургоном — тот должен был изображать «кукурузник» Ан-2, трехтонный одномоторный самолет, который подкупленный Ахметом служащий аэродрома подготовит ранним утром для побега. На пустыре они впятером раз за разом бежали с рюкзаками и автоматами стометровку к грузовику, а затем карабкались в фургон по вихлявой железной лесенке. Потом, уже на пути в чайхану, их медленно провозили на машине вдоль бетонного забора летного поля, заставленного кучей старого крылатого хлама, половина из которого уже никогда не поднимется в небо, и показывали то самое место, где надо будет прорываться на аэродром. Вечерами же физик отдельно занимался с Голдстоном, задумав сделать из него запасного пилота. Поужинав бараньей похлебкой с киргизскими чабатами и прихватив с собой оббитый где только можно фарфоровый чайник с миской печенья, они удалялись в комнатку Быкова с пыльными, не раздвигающимися шторами, где до часу-двух ночи штудировали руководство по эксплуатации «кукурузника», учились рассчитывать центр тяжести самолета с загрузкой и определять влияние ветра на скорость и дальность полета.

Симу вся эта бесконечная, закольцованная суматоха доводила до незаметных, к счастью, внешне приступов какой-то психической судороги. С утра до вечера вокруг толкались чужие люди, тратившие, сами того не подозревая, ее бесценное, утекающее меж пальцев в пустоту время. Может быть, *самое последнее время*. Она исполняла все, о чем просили, но внутри ее корежило от того, что нет никакой возможности поговорить с Голдстоном *пока не поздно*. Мысль эта стучала в висках, не стихая ни на минуту, предчувствия же говорили только плохое. Раз им так невероятно везло в первой половине пути, значит, теперь будет опаснее, труднее, беспощаднее. Потому-то надо без промедления все разрешить, закончить разговор, начатый в день побега из Чебоксар. Их быстрое, жадное рукопожатие вспоминалось как тайный знак, непременно требующий дальнейших действий. Но что же она должна сделать? Подойти в перерыве между потными забегами в грузовик и обронить — «Кстати, как насчет того, что я тебя люблю»? Все внутри сопротивлялось такому продолжению чуда, случившегося с ней на пути в Казань. Она ведь тогда ничего

не придумывала, не делала сама — только оседлала вздыбившуюся в себе волну, поднявшую ее высоко-высоко, где они с Голдстоном и встретились, наконец, по-настоящему. Теперь приходилось ждать, когда сила эта вновь даст знать о себе. Внушит, куда пойти, что сказать.

Помощь небес пришла к ней, когда Сима уже почти отчаялась. Помог Колька, вернее его четырнадцатый день рождения, о котором Голдстон случайно узнал во время похода в обсерваторию. Ему немедленно захотелось устроить своему новому другу праздник — настоящий, почти семейный. Правда, как именно исполнить свой замысел, он совсем не представлял. Но вот Сима, по его мнению, вполне могла представить.

— Надо попросить Ахмета испечь большой пирог с яблоками или ягодами, — действительно тут же предложила она. — Сходить в ближайшую церковь и купить там восковых свечек. Потом поискать на толкучке кожаную куртку. Мне кажется, ему очень хочется такую же, как у командира. Главное, все сделать в полной тайне. А вечером, после всех тренировок, просто попросить его спуститься вниз... Как план?

Голдстон смутился. Похоже, не ожидал, что все так быстро устроится.

— Просто чудесный. Я сам никогда бы не придумал.

Лицо Симы смягчилось, ожило:

— У Боссю была куча племянников и племянниц, которых он просто обожал. Десять лет подряд я придумывала, что дарить им на Рождество и дни рождения.

Голдстон спохватился.

— Кстати, о Боссю... Николя думал, что... ты... Удивительно, но этот вопрос очень его волновал. Даже не могу объяснить почему.

Теперь все стало понятно. Косые взгляды, нервная дрожь от ее прикосновения. Не мог осознать, как она, такая правильная и красивая, способна перерезать кому-то горло. Добрый, хороший мальчик.

— Ты тоже поверил, когда узнал? Да?

Она нервно, с хрипотцой, рассмеялась. Добавила совсем тихо:

— Но ведь ты действительно из-за меня едва не погиб.

Голдстон развел руками.

— Разве не чудесный повод для знакомства?

Он шагнул навстречу, обнял ее и медленно, как будто опасаясь пропустить что-то ценное, прижал свои сухие, почти колючие губы к губам Симы. Поцеловал неловко, как школьник. Этот их первый поцелуй тоже выглядел как тайный знак. Был не от мира сего, а оттуда, где поцелуй если и есть, то, как у христиан, существуют исключительно для передачи духовной энергии. Потом, уже сделав все приготовления к празднику, они сидели на полуценной веранде — удивительно пустой, залитой солнцем, продуваемой со всех сторон и говорили. Полчаса, час, два. Столько, сколько она не отводила себе вчера даже в самых смелых мечтах.

— Почему ты так сказал? Про повод для знакомства?

Голдстон, пригубив бокал с приторно сладким бордовым пойлом, которое у Ахмета подавали под видом неведомого «сибирского вина», пожал плечами:

— Понятия не имею. Но можем красиво порассуждать об этом. Как тебе такое? Грань между жизнью и смертью заставляет на все взглянуть иначе. Если тебя пыталась убить умная и красивая женщина, ты непременно попробуешь разобраться в ней. Залезть ей не только под юбку — но и в душу. Так это по-русски говорят?

Сима вздохнула:

— Сколько у тебя было женщин, Джон?

— Много. Очень много и почти ни одной.

— Почти?

— Ее звали Ева. Она тоже училась в Оксфорде. Была полькой, ревностной католичкой. Почти что крестилась после каждого поцелуя. Потому мы только целовались — и больше ничего. Но я ее запомнил лучше остальных. В ней было это... Ради чего можно все бросить, сорваться с места, уехать на край света. Совсем как сейчас.

— Разве ты приехал сюда ради меня?

— Зачем я приехал, только Бог, наверное, знает.

Голдстон сказал это очень серьезно. Словно действительно имел на днях разговор с Богом и тот недвусмысленно намекнул, что, да, он в курсе. Сима оглянулась по сторонам, очевидно, по-

чувствуя чье-то присутствие. Нет, по-прежнему никого. Только прикрывающие вход кофейного цвета занавески слегка колыхнулись в ответ на ее взгляд, будто кто-то невидимый то ли вошел, то ли ускользнул с веранды.

— Тогда, двадцать лет назад, я испугался. Можно сказать — осторожность. Но то был именно страх. Я боялся самого себя. Решил, ужасная русская генетика — сорваться, уехать черт знает куда. Она хотела жить только в Польше. Что я бы стал делать в Польше? Преподавать английский? Но сейчас смотрю назад и становится понятно — жизнь пошла бы иначе. Тот страх вошел в привычку. Принимая важные решения, я снова и снова переживал его.

— Боялся превратиться в русского?

— Скорее стать не тем, кем должен. Не сделать карьеру, быть не похожим на настоящего англичанина. Но когда отказываешься от того, что чувствуешь своим, в конце концов теряешь самого себя.

— Вы переписывались?

— Нет.

Фальшивое вино, смесь спирта и сиропа, было давно допито, и темный, состоящий из черных точек осадок быстро выпаривался на солнце. Веранда начала заполняться посетителями. Небритые люди в камуфляже, некоторые с оружием, загруженные пакетами покупатели с расположенного неподалеку рынка, пропитавшиеся потом строители-киргизы, заскочившие на короткий обеденный перерыв. Ни одной женщины, кроме Симы.

— Мне надо тебе кое в чем признаться, — сказал Голдстон в самом деле с заметным усилием. — Этот самый страх разъел меня как ржавчина. Я стал психом. Когда все рухнуло, мне начал сниться один и тот же сон — стена, которая меня убивает.

Она непонимающе смотрела на него. Зачем он говорит это именно сейчас?

— Стена?

— Да. Быков считает, она существует на самом деле, у нас внутри. Мы сами строим ее, из-за своих страхов, а потом сидим в этой клетке и страдаем по поводу того, каким же убогим создан мир.

Представив рядом с ними за столом грузного, высоколобого физика, непринужденно и без предупреждения переходящего границы возможного, Сима улыбнулась.

— Ты даже не пробовал сбежать?

— Надо ведь знать, куда бежать? Но теперь у меня появилась путеводная звезда.

— После визита в обсерваторию?

— Нет, раньше. Звезда Серафима.

— Никогда о такой не слышала. Куда же она тебя направляет?

— Думаю, ко мне самому. Из-за нее я наконец начал делать то, что считаю своим.

Сима снова улыбнулась рассеяннo, покачала головой. Вот тебе и разговор о любви. Я нашел тебя для того, чтобы узнать себя настоящего. И что же случится потом, после того, как она возьмет его за руку и приведет туда, куда надо? Через минуту на веранде возник деловитый, но заметно довольный физик. Только присев рядом на стул, он понял, что, кажется, прервал какой-то важный разговор.

— Извините... — промямлил Быков, уткнувшись взглядом в пустые бокалы. — Ветер... Я смотрел прогноз погоды. Ветер с запада. Завтра летим.

Вечером они устроили Кольке в чайхане настоящий день рождения — с задуванием свечей, малиновым пирогом и хорошим распеванием Happy Birthday¹. Даже Ворон подпевал хрипловатым, козлиным фальцетом. Сима в первый раз за месяцы, а то и годы думала только о том, о чем хотелось — и ни одной мысли что, когда и почему.

* * *

Люди Ахмета привезли их к огороженному бетонными плитами и колючей проволокой аэродрому к пяти утра. Сима даже не пыталась уснуть, размышляла, спрашивала себя, стоило или нет ухватиться за тот невинный поцелуй, пойти дальше. Теперь ее неудержимо, до полной отключки, затягивало в сон. Чтобы не

¹ С днем рождения (англ.).

провалиться в забытье, она пробовала в машине говорить с сидевшим рядом физиком. Но не смогла вытянуть из него и десятка слов. Тот, похоже, изрядно переживал за исход их авантюры. Уже светало, хотя от тьмы было окончательно очищено одно лишь донно-синее, с лиловым отливом небо. План Ахмета выглядел таким же незамысловатым, как намерение украсть пару батон-ов хлеба в супермаркете. Где-то на другом конце летного поля, рядом со зданием аэропорта, похожим шпилем на высотку МГУ, один за другим, с разницей в десять минут, произойдут три взрыва. Три стоящих на вечном приколе самолета в последний раз поднимутся в воздух. Отвлекающий охрану маневр, что позволит им перебраться с пожитками через ограду, забраться в самолет и запустить его. Правда, это в теории. Обсуждая план с Ахметом, Быков лирично сравнивал «кукурузник» с капризной бырышной, которая всегда найдет массу поводов, чтобы вам отказать.

Первый взрыв прогремел как-то слишком буднично. Хлопок, не более того. Адреналин никак не хотел поступать в кровь. Сима все равно до конца не проснулась. Все, что с ней происходит — скорее сон по мотивам одной из тренировок на пустыре.

— Пошли, пошли! — главный из людей Ахмета, их инструктор, как всегда держит в руках секундомер. Он должен доставить их на летное поле. Все, что произойдет потом, его уже не касается. Первыми к стене подбежали киргизы-проводники — двое с раздвижной лестницей, третий со специальными кусачками для проволоки. Несколько едва уловимых движений — и кусок колючего железа шириной в метр полетел вниз. Еще два укуса — и путь свободен. Чтобы не тормозить остальных, человек с кусачками тут же прыгнул вниз. Вскрикнул, подвернув неудачно ногу. Перед Симой, сплевывая сквозь зубы матерные слова, по лестнице карабкается Ворон. Его рюкзак угрожающе нависает и болтается у нее над головой. Через стену уже перекинута веревка. Трое людей Ахмета, будто играя в перетягивание каната, держат ее, пока они по очереди, упираясь в бетонную плиту ногами, спускаются на ту сторону.

Самолет стоял метрах в ста от забора — серебристый, слегка раскорячившийся, с ярко-красной полосой вдоль корпуса и надписью «АВИАЛЕСООХРАНА». Голдстон, как будто в нерешитель-

ности, застыл у дверцы с иллюминатором. Физик, несмотря на свою грузную комплекцию, еще стремительно неся к самолету, упрямо наклонив по-бычьей голову. Пока Сима добежала до «курузника», они уже скрылись внутри.

— Встаем по периметру¹ — заорал, сбросив рюкзак, хватаясь за автомат Ворон.

Они встали в треугольник — кабина и два крыла. Тут подоспел второй взрыв, почему-то он показался Симе на порядок мощнее и разрушительнее предыдущего. Похожий на торнадо столб черного дыма взвился на другом конце аэродрома. Тут же у нее под ухом громко чихнуло, из-под кабины вырвался газовый выхлоп с пламенем. Машина вздрогнула, начала возбужденно вибрировать, заполняя все недовольным, оглушительным треском двигателя, который то прибавлял, то сбавлял обороты. Винт крутанулся — сначала нехотя, потом все азартнее и азартнее, разогнавшись в конце концов так, что лопасти казались застывшими неподвижно в воздухе. Третий взрыв, который тоже наверняка был, она вообще не услышала. Прошло, наверное, минут пятнадцать — невероятно длинных, почти бесконечных, прежде чем в проеме дверцы возникла худая, согнутая фигура Голдстона, машущая им рукой. Схватив свой рюкзак, Сима со всех ног побежала к нему — так, словно боялась, что самолет улетит без нее.

Почти все пространство то ли пассажирского салона, то ли грузового отсека занимали опутанные ремнями белые бочки с топливом, по три с каждой стороны. Одна бочка, знала Сима, почти двести литров топлива. Лететь придется в два приема. Первая посадка — непонятно где, посередине тайги. Там дозаправка — и снова в воздух. Впрочем, дай Бог им сейчас вообще взлететь... Она увидела спину пробирающегося через дебри из бочек и ремней Голдстона в наушниках на голове. Он запутался в ремнях, чуть не упал, пытаясь втиснуться за зеркальную перегородку в кабину пилотов. Едва Ворон захлопнул дверцу, самолет дернулся и поехал. Побросав кое-как вещи, они втроем заняли небольшой свободный пятючок на полу. Сима прижалась спиной к холодной бочке, закрыла глаза. Никогда не любила летать, но сейчас, похоже, предстоял самый неприятный полет в жизни. Напряжение внутри было так велико, что когда самолет, дрожа и подпрыгивая, тяжело оторвал-

ся от земли, ей показалось, это она усилием воли забросила его в воздух. Так, как одним движением руки запускают в полет склеенные из бумаги и дощечек планеры. Не выдержав собственного страха, приподнялась, оперевшись на бочку, выглянула в круглое окно. Там быстро уходило вниз геометрически расчерченное свежее поле аэродрома с чающими черными пятнами.

— Все, хеппи-энд?

Бородатое, неопрятное лицо Ворона светилось каким-то радостным безумием. Командир говорил ей прямо в ухо, перекрывая голосом шум от двигателя. Сима скользнула по нему безразличным взглядом, снова вернулась к иллюминатору. Но Ворон, похоже, хотел втянуть ее в разговор. Через час, оторвавшись от дверного иллюминатора, спросил:

— Куда мы летим по вашим ощущениям?

Она пожала плечами:

— Куда-то в тайгу. Все, что я знаю.

— Да нет, я про направление. Если судить по солнцу, то северо-восток. Предел дальности для этого самолета — тысяча километров. Плюс дозаправимся. Значит, полторы-две тысячи километров от Ебурга.

Она повернулась к нему. Что-то подсказало — разговор этот не к добру.

— Какая разница, северо-восток, север, восток?

Ворон ухмыльнулся. Он выглядел как человек, чей план, вопреки ожиданиям всех окружающих, наконец-то начал работать.

— До поры до времени ничего вам не рассказывал. Но сейчас, видимо, уже пора. Я позвал вас с собой, так как рассчитываю на вашу помощь. У наших пилотов свой план, у нас свой. Надо выяснить, куда и зачем они едут. Сообщить об этом в Новосибирск. Там ждут нашего сигнала.

Волна жара обдала ее с головы до ног. Она догадывалась, даже скорее знала, но все равно это прозвучало чудовищно. Пробормотала какую-то бессмыслицу.

— Зачем... зачем это надо?

Видимо, Ворон совсем не ждал от нее такого вопроса.

— В чем дело? — требовательно спросил он, поглядывая на ее лицо черными глазами-буравчиками. — Да, я заметил, что

Голдстон вам, кажется, нравится... Но тут речь, поверьте, о чем-то крайне важном. Есть основания полагать, что физик намерен передать ему данные о перспективном научном открытии. Возможно, оно имеет отношение к созданию нового мощного оружия. Понимаете?

Сима отвернулась. Под самолетом уже расстился бесконечный серо-зеленый ковер. Миллионы, миллиарды одинаковых спичек-деревьев. Ее мутило — то ли от тряски, то ли от безысходности. Опять разрезать себя надвое. Выбирать в себе одну половинку из двух. Жить наполовину чужой жизнью.

— Детали, конечно, неизвестны. Но что, если это открытие может решить исход войны? Предоставить аргументы столь же весомые, как и ядерные боеголовки, которых нас лишили? Я уважаю ваши личные симпатии. Но тут, поверьте, игры совсем другого масштаба...

Симе думалось о чем-то странном. О том, что люди из века в век живут вопреки своей доброй и правильной природе. Хотят одного — свободы, любви, счастья. А вместо того из раза в раз меряются средствами уничтожения себе подобных и так выбирают себе вожака. Да, слова Ворона звучали понятно и справедливо. В них была железная историческая логика. Но как раз только потому, что человечество, свернув однажды не туда, упорно продолжало бежать по замкнутому кругу.

— Вы что — всерьез мечтаете о мировом господстве? Ради чего? Что мы можем дать другим, если разворовали и довели до ручки собственную страну?

Командир дернул ее за рукав куртки. Лицо его, злое и одновременно растерянное, покраснело.

— Ненужная дискуссия, честное слово! История не терпит толстовщины! Преимущество всегда было у тех, кто получал в свое распоряжение новые технологии — колесницу, порох, атомную бомбу. Если мы не подсуетимся, подсуетится кто-то другой... Неужели мучились подобными вопросами перед покушением на генерал-губернатора?

Самолет тряхнуло сильно в воздушной яме, и успевший уже закемарить Колька на мгновение открыл глаза, наивные и удивленные. Потом снова сладко засопел, приладившись получше

спиной к куче рюкзаков. Симу опять окатил озноб, как будто заблуждение Ворона на секунду оказалось правдой.

— Я никого не убивала. Меня подставили.

Ворон едва расслышал ее слова, но ответ, кажется, сразил его.

— Что? — выдохнул он. — Шутите?

— Нет. Думаю, его убили по приказу начальника службы безопасности Свенссона. Скорее всего, он подозревал, что я связана с взрывом газопровода, однако все покрывал, так как Боссю был его любовником. Потом запаниковал.

Ворон молчал. Похоже, пытался рассчитать заново свои шансы. Наконец сухо ответил, переварив все до конца:

— Я вас услышал. Прошу тогда хотя бы не мешать. Тем более, что вы мне обязаны. Вас ведь, кажется, собирались повесить? Физик может и умница — но при том сам не понимает, что делает. Ученые — прирожденные космополиты. Будут работать на того, кто оплатит их чертовы опыты. Они верят, что научные открытия, к кому бы ни попали, чудесным образом преобразят все вокруг. Но жизнь, увы, устроена не так...

Сима, сама себе удивившись, испытала внезапно навязчивое желание распахнуть дверцу и вышвырнуть Ворона вон из самолета, чтобы прервать поток этих поучений.

— И как же она устроена?!

Не вопрос. Точка в споре, в разговоре, в отношениях. До Ворона, наконец, дошло. Он прекратил свои попытки, отполз на четвереньках от Симы. Вернулся только часа через три презрительного молчания. Ткнул торжественно пальцем в иллюминатор:

— Вот как устроена жизнь. Дырка в тайге. И то, что ее проделало. Все. Извините, никакой романтики.

Не ответив ему, Сима привстала с пола и, перебирая руками в поисках опоры, как загипнотизированная начала пробираться к другому борту. По коже все еще гулял неприятный, крапивный озноб. В иллюминатор открывалось нечто невероятное, почти инопланетное — огромный, тянущийся на километры, даже не видимый целиком кратер в тайге из поваленных деревьев. Наверное, она почувствовала то самое, о чем говорил Ворон, хотя и по-своему. Появилось предчувствие — нет, даже уверенность —

отсюда, из этого кратера волнами разойдется во все стороны неведомое, никем еще не предсказанное будущее.

Снова проснулся Колька.

— Чего это вы? — ошалело спросил сквозь сон, увидев сидящую совсем рядом Симу.

— Спи, спи еще. Пока не прилетели.

Зеркальная дверь, разделявшая салон и кабину пилотов, вздрогнула и отъехала в сторону. На пороге, согнувшись, стоял Голдстон. Осунувшийся, взъерошенный, заросший щетиной, но при том совершенно счастливый. Сима, встретившись с ним взглядом, легко прочитала в его глазах: он думает сейчас только о ней. О том, что все-таки смог сохранить, вывезти из того ада, где не было ни единого угла, чтобы прикорнуть, перевести дух. Огромный, подавляющий все размерами и тайным смыслом кратер в тайге для него сейчас просто не существовал. А заодно и философия Ворона — логичная, как математическая теорема, но при том построенная исключительно на нечеловеческом в человеке.

* * *

Двести километров в час при попутном ветре. Зная крейсерскую скорость «кукурузника», Ворон то и дело прикидывал в уме проделанный путь. По солнцу и часам пытался следить за курсом. Когда горячее, согласно его прикидкам, уже было на исходе, самолет, в самом деле, начал планировать вниз, на вытянутую почти строго с юга на север проплешину-просеку в бесконечном океане деревьев. Похоже, физик знал о ней заранее, даже прежде садился здесь. Посадка прошла без сучка и задоринки, только пару раз шасси трянуло на колдобинах. Из самолета они вылезли, не вышли — уставшие, опустошенные, перегоревшие от эмоций. Завалились спать прямо на молодой, пахнущей будущим медом траве. Ворону, вдыхавшему жадно пьяный травяной запах, счастливо подумалось — вот она, точка невозврата. Все-таки удалось сбежать из жуткого парка юрского периода, где формы бытия определяют Генерал и ему подобные. Если самим не перекинуть мостик обратно, в пораженный проказой мир, никто не придет сюда унижать, мучить, убивать.

Но почти сразу, наблюдая через полуприкрытые веки за засыпающими спутниками, командир жестко одернул себя. Нет, все это благостные иллюзии. Линия фронта, прежде окружавшая их по периметру, теперь прошла между ними. Главное — не торопиться, правильно рассчитать момент, чтобы эту линию обозначить. До тех пор — затаиться и наблюдать. С Колькой, ожегшись на Симе, душещипательные разговоры говорить он не будет. Когда дойдет до дела, на вопросы просто не останется времени. Сработают рефлексы, которым обучили в отряде. Свой-чужой, стреляй-беги. Колька все сделает как надо, в нем он ни секунды не сомневается. А вот в том, что произойдет потом — даже очень. Дело придется иметь с демагогом и подлецом. Трусом, который однажды все уже слил. Мутная история с листовками только усиливала дурные предчувствия Ворона. Кто-то в окружении Лукина, похоже, выдал их Генералу. Гнилья там не меньше, чем когда-то в Кремле. Надежда одна — апокалипсис не прошел для Лукина бесследно. Изменилось время, изменились люди. Это не тот человек, с которым Ворон встречался десять лет назад.

Тогда он, наивный еще, молодой журналист, написал Лукину умное письмо о том, как наконец сделать русский народ культурным и непьющим. Случилось невероятное: Лукин лично позвонил, пригласил поговорить. На встрече полчаса молча слушал план Ворона по «спасению России», который тот, сверяясь по бумажке, излагал дрожащим от волнения голосом. Потом махнул кокетливо рукой, блеснув дорогими часами, ответил со скучным лицом: «Ваш пыл, конечно, похвален, однако, увы, бесполезен. Вы совсем не понимаете, что такое народ. Не видите картину целиком. Человек — это одно существо. Сто человек — совсем другое. Миллион — уже третье. Невозможно разговаривать с народом так, как мы сейчас разговариваем с вами. Вывать к нему стать добрее, лучше, работающее. Народ — по определению тварь бессознательная. Управлять им нужно точно так же — через рефлексы, выбирая наименее разрушительные и даже полезные для общего блага. Что интересно сейчас нашим людям? Разбогатеть, вылезти из советской нищеты. Из этого можно выжать очень хороший крутящийся момент. Разогнать экономику, создать класс людей с собственностью, которые, в отличие от безродных ни-

щebroдов, будут стремиться улучшать среду своего обитания — и заодно общую. Ваши же проповеди ни к чему не приведут. Человека нельзя улучшить. Его можно жестко или мягко подчинить, заставив жить так, как вам этого хочется». У Ворона, когда он вышел из кабинета Лукина, оставался только один вопрос — зачем его позвали? Догадка выставляла могущественного главу президентской администрации в непозволительно гротескном виде — покрасоваться, показать швейцарские часы и сшитый на заказ костюм, потоптаться на мечтах никому не известного журналистки. Позже, вспоминая ту встречу, Ворон снова и снова болезненно переживал собственное бессилие перед лицом хилого, самовлюбленного «кремлевского стратега». Но теперь он придет на встречу не с тремя листками бумаги. Нет, с той штукой, что пробила дырку в тайге. Лукину придется его выслушать.

Когда Ворон проснулся, было уже далеко за полдень. Жизнь кипела вокруг — радостная, хлопотливая. Трещал костер, в котелке оптимистично бурлило и хлюпало, Сима резала еду, остальные весело выкатывали из самолета металлические бочки с горючим. Ворону внезапно очень захотелось быть здесь, с ними, на заросшей свежей травой лесной прогалине. Но не получалось. Голова, помимо желаний, производила прежние, не ведущие к результату калькуляции — кто с кем, где и когда произойдет развязка. Потом, через одиночество, пришла злость. Все думают черт знает о чем, пока он, еле живой, тащит на хилых плечах ношу ответственности за будущее. Не свое личное, заметьте. Огромной страны. Они же каждый о своем. Быков безмерно счастлив, что заманил в тайгу возможного инвестора, который задорого приобретет его изобретение. Голдстон и Сима натурально похожи на накурившихся хиппи. Им вообще не до чего, одна забота — уединиться, предаться гормональному безумию. Колька, как щенок, радуется за компанию — потому что веселятся все вокруг. Обед — густая, похожая скорее на кашу похлебка из тушенки и овощей — не исправил мрачный настрой командира. Напротив, впервые за путешествие он сошелся лоб в лоб с физиком. И был вчистую, в пух и прах им разгромлен.

Началось с интересующего всех рассказа о том, какими судьбами физик двадцать лет назад очутился в тайге и что там делал.

В лихие девяностые, закончив институт, Быков обрелся в Институте ядерной физики в Новосибирске, где его зарплаты едва хватало на скромные обеды в институтской столовой. Однажды, в лучших традициях шпионских романов, к нему привязался на улице какой-то тип, предложив «работу по специальности за достойные деньги». Сначала Быков принял его за сводника, что оптом переправляли тогда физиков-ядерщиков в Китай и Северную Корею. Но после пары встреч все обернулось очень неожиданным предложением. Официально прикрытый в начале девяностых, но, тем не менее, выживший город-ящик¹ в Западной Сибири. Скорее даже поселок, ученые и военные с семьями. После упразднения Союза некоторые решили остаться в тайге на положении «робинзонов», пока в стране все не утрясется. Потом случилось чудо: про общину физиков-отшельников узнал один из новоиспеченных олигархов, выпускник МФТИ, и загорелся странной идеей — возвести в Сибири город-утопию, где, вдали от торгашеско-потребительской цивилизации, талантливым ученым можно спокойно заниматься наукой в чистом виде. Возможно, то было искупление за разворованную советскую собственность, за расстрелянных в разборках конкурентов. Настоящие мотивы этого человека, которого Быков видел за все время вживую всего пару раз, так и остались для него загадкой. Но город, действительно, обрел новую жизнь, даже лучше первой. Сюда приезжали те, кто устал от суеты, простоты и пустоты новой эпохи. Кто-то в шутку прозвал поселок Городом Солнца, позаимствовав имя из утопического романа Кампанеллы², и этот плагиат быстро прижился. Появилась даже красивая легенда: Sun City — антипод Sin City³, той жизни, которую они оставили, отправившись в тайгу. Даже указатель такой поставили на въезде, две стрелки, два мира. В поселке жили не только физики — биологи, химики, инженеры.

¹ Закрытые города в СССР (обычно с расположенными там секретными объектами) называли «почтовыми ящиками», так как их адрес не указывался, только номер почтового ящика.

² Томмазо Кампанелла (1568–1639) — автор утопического трактата «Город Солнца», мыслитель позднего Возрождения.

³ Город Солнца — Город Греха (англ.).

Впавший в институтскую ностальгию олигарх долго потом смеялся: потраченные на утопию деньги принесли несколько тысяч процентов прибыли. Разработанные в тайге патенты продавала зарегистрированная в Люксембурге фирма SunCity, венчурная компания, которая, как считалось, принадлежала китайцам.

— Бомба, — не удержалось, вырвалось у Ворона. — Вы же сделали и испытали какую-то бомбу нового типа? Я про те деревья в тайге!

Сидевший напротив в позе лотоса физик — до того живо, с юмором рассказывавший историю Города Солнца — окаменел. Кажется, от вопроса у него здорово испортилось настроение.

— Зачем вам бомба, Ворон? Вы вот Россию порываетесь все время спасать — так и спасайте себе на здоровье. Но бомба-то зачем?

Командир знал: бесполезно, даже опасно ввязываться в спор. Никого он ни в чем не убедит. Но все равно прохрипел, упершись взглядом в костер:

— Бомба зачем? Историю читали? Только атомная бомба и спасла Советский Союз от уничтожения. Без бомбы никто бы из здесь сидящих вообще не родился! Или будете отрицать, что Штаты собирались нас закидать, как Хиросиму?

Быков прищурил водянистые глаза.

— Не буду. Собирались. И хорошо, что наши бомбу сделать успели. Но что дальше? Расскажите-ка нам, будьте добры!

Ворон, как собака, насторожился, наострил уши, предчувствуя ловушку.

— В смысле — дальше?

— Как в итоге люди придут ко всеобщему миру и счастью? Можете назвать это для удобства коммунизмом... Сами по себе, или что-то надо делать?

Командир дернулся внутри туда-сюда, выругался неслышно — зачем полез на рожон? Но отмолчаться уже не выходило. Все смотрели в его сторону. Колька даже жевать перестал, что означало высшую степень внимания.

— Ну... надо наверное...

— Бомбы новые изобретать?

Ворон молчал. Не знал, чем крыть. Наконец сказал едко, скрывая под юродством неуверенность:

— Просветите дурака! Сделайте милость!

— Вас уже две тысячи лет как просветили. Давно все сказано. Кесарю кесарево, Богу богово¹.

— Неверующий я. Семинарий не кончали, простите...

Быков вздохнул, словно тоже уже пожалел, что ввязался в разговор.

— Тут религии ноль. Философия в лучшем случае. Да и та житейская. Смотрите, человек живет в мире необходимости. Вернее, даже выживает. Это и есть мир кесаря — с вашими бомбами, войной за ресурсы и прочей мышинной возней. Но разве мы ему принадлежим, пусть и живем в нем? Не кажется ли вам, что главный человеческий, так сказать, функционал — напротив, преодолевать необходимость везде, где только можно? Уйти от всех ограничений материального мира? Победить голод, болезни, неравенство, пространство, время? Создать мир полной свободы?

Голос Быкова — спокойный, сильный — беспрепятственно вливался в голову Ворону, создавая там сильные радиопомехи. Четкая, давно принятая командиром за эталон картина жизни начала дергаться и плясать, теряя всякую осмысленность. Ворон злился и оттого у него еще хуже получалось формулировать что-то путное.

— Шизофрения какая-то! Раздвоение личности! Мир свободы, мир необходимости... Голова не закружится? То там, то здесь...

Физик пожал плечами:

— А вы старайтесь чувствовать и думать прежде всего той вашей половинкой, которая про свободу, а не про необходимость. Уверен, тогда вам не придет первым делом в голову мысль о бомбе. Чем чаще так будете делать, тем быстрее ваш коммунизм и построим!

— Считаете, в Берлине вдохновятся такими вот проповедями? Очень сомневаюсь!

— Хороший пример, как ни странно, заразителен. По той причине, о которой я уже говорил. Человек буквально запрограммирован преодолевать условности бытия. Попробуйте пред-

¹ Изречение Иисуса Христа, описанное в трех книгах Евангелия.

ложить вместо нового оружия более эффективный источник энергии — и сможете увлечь за собой даже тех, кто изначально думал только о бомбе.

Командир улыбнулся криво. По-прежнему в костер, мимо Быкова:

— Совсем не понимаете человеческую природу... Не изменить вам людей поодиночке. Государство должно создать нужные социальные условия. Устранить неравенство. Притушить дарвинизм и потребительские инстинкты...

— Придет правильный кесарь и все устроит? А если за ним неправильный? Опять все насмарку?

Ворон молчал. Со стороны все выглядело как партия в шахматы. Быков загнал командира в угол доски. Куда ни сунься, всюду мат. Ворон, наконец, решился капитулировать. Тем более что его ординарец сидел с открытым ртом и наблюдал за интеллектуальным унижением командира.

— Чего привязались к этой самой бомбе? Повоевали бы с мое, тоже о бомбах бы мечтали. Колька вон поест не может нормально... Ешь, чего устался!

Но физик, похоже, хотел довести до конца мысль, которую уже начал развивать. Может, самому стало интересно, куда она приведет.

— Ворон, вы же человека не видите в упор! Даже самого себя — не видите и не знаете! Только вот эту абстракцию, которую с придыханием именуете государством. А человек — настоящий, живой — он для вас простейшее! Эдакая дрессированная амeba, строительный материал для больших форм. Сто тысяч таких амeb организуются в город. Десять миллионов — в государство. Сто миллионов — в цивилизацию. Но ведь цель истории — не совершенное государство, а совершенный человек! Освободившийся, среди прочего, и от государства, этой вынужденной формы совместного существования несвободных людей.

Последний аккорд неожиданно оказался самым болезненным. Ворон даже не сразу понял, куда попало.

— Самого себя не знаю?

— В том-то и дело! Не знаете! Только эти химеры, что внутри вас поселились! Они наверху, внешним слоем, потому и видны

сразу. А вы возьмите отверточку, раскрутите себя на детали. Рассмотрите каждую внимательно. Каким вы были в детстве? Кем стали сейчас? Что сделали в жизни? Какой в вас заключен смысл? Как он связан, извините за высокий стиль, со смыслом общим, со всей Вселенной?

«Абстракции. Словоблудие интеллигентское. Сартровщина»¹. Командир подыскивал хлесткую фразу, чтобы с размаха бросить ее Быкову в лицо. Но все выходило вяло, без особого чувства. Шок никак не проходил. Эхо повторяло в голове вопросы физика. Кто он такой? Что делает в жизни? Чего на самом деле хочет?

— Общаетесь со Вселенной? Ну-ну... — пробормотал Ворон только затем, чтобы оставить за собой последнее слово.

Вздыхнув, физик поднялся на ноги. Посвистывая пошел в сторону леса. То ли по нужде, то ли, скорее, хотел удержаться от продолжения разговора. Ворона по-прежнему душевно мутило. Он сидел, уперевшись взглядом в костер, не решаясь посмотреть на спутников, словно каждый теперь мог сказать ему: «Да кто ты такой вообще? Сам не знаешь!» Пытался ощупывать себя осторожно изнутри чтобы понять, все ли на месте из того, к чему привык, во что верил. Начинать в сорок лет с нуля? Идти на поклон к таким, как физик? Учиться у них уму-разуму? Мысль-издевка признать Быкова высшим существом оказалась спасительной. Полоснула больно по самолюбию, вернула злость — уже холодную, расчетливую. Три года по лесам, под пулями. Смерти, свои и чужие. Кремль и Москва. Та самая «мышинная возня»? Без ценности, без высшего смысла? Да пошел он! Хочет заодно со Вселенной искать мир свободы — пусть ищет. Может себе позволить. От него, от физика, ничего не зависит. А вот от Ворона — даже очень. Он способен все изменить. Ни много ни мало — историю целой страны. Потому надо делать, что задумал. Следовать плану. Жалко вот нельзя уши воском заткнуть — Быков распевает песни почище всяких сирен.

¹ Жан Поль Сартр (1905–1980) — французский философ-экзистенциалист. В данном контексте отсыл к его имени скорее всего выражает представление героя о работах Сартра как многословных и бессмысленных.

Когда физик возвратился минут через двадцать с лесной прогулки, Ворон встретил его назойливым вопросом:

— Не хотите все-таки рассказать нам, что за чудо научной мысли проделало такую дырку в тайге?

Быков мотнул огромной головой — будто желая, чтобы Ворон куда-нибудь наконец сгинул, перестал его донимать.

— Если завтра долетим, все узнаете. Ничего скрывать не будем.

Утром долго заправляли прожорливый «кукурузник» бензином и маслом, гоняли беспощадно двигатель. Когда залезали по лесенке в тархтящий самолет, командир стиснул сзади Колькино плечо, спросил негромко, когда тот повернулся:

— Мы же с тобой вместе? Да, Головастик?

Колька, не понимая о чем это, быстро-быстро кивнул.

«Я ему как отец, — подумал Ворон с удовольствием. — Он ради меня что угодно сделает».

Летели снова часа четыре с хвостом. Теперь Ворон уже ничего не прикидывал, не считал, погруженный до оцепенения в свои мысли. Лишь иногда поглядывал на часы и тупо смотрел в иллюминатор. Когда командиру уже начало казаться, что он начинает слепнуть от зеленой бесконечности тайги, внизу миражом замелькали какие-то геометрические фигуры. Он даже не сразу понял, что там такое.

— Ворон, дома! Улицы!

Колька орал восторженно, как колумбовский матрос при виде долгожданной земли. Город Солнца с высоты птичьего полета походил на сонную и спокойную альпийскую деревню. Красные черепичные крыши. Сложенная будто из спичек деревянная церковь. Сетка асфальтовых дорог и тропинок. Зеленые прямоугольники футбольных полей и аккуратные черные квадраты распаханной пашни. Ворон с непонятным волнением вглядывался в эти узоры, пытаясь разгадать зашифрованное послание о том, что же ждет его внизу. Потом пошел адреналин, пришло возбуждение как перед началом боевой операции. «Кукурузник», сделав несколько кругов над городом, пошел на посадку. Земля приняла самолет мягко, бережно, словно подхватила на руки еще в воздухе и аккуратно поставила на подстриженную траву летного поля.

Когда двигатель, наконец, заглох, никто не тронулся с места. Все как будто ожидали знака. Потому, наверное, никто особо не удивился, когда англичанин, выставив голову в красных наушниках из кабины пилота, торжественно и очень серьезно объявил:

— Добро пожаловать в Шангри-Ла!

* * *

Шли дни — медленно, без смысла. Прежние приступы беспричинной тревоги разрослись в напряжение, не отпускавшее даже ночью, в настоящий психоз, который оставлял на рабочем столе Лукина следы в виде жестоко переломанных пополам простых карандашей и препарированных, распрямленных скрепок. За целый месяц случился только один короткий миг облегчения. Боевики Генерала перехватили джип с физиком и его спутниками где-то под Чебоксарами. Согласно плану, Быкова должны были отделить от остальных и препроводить с охраной в Екатеринбург. Оттуда, обменяв на кейс с деньгами — на поезде в Новосибирск. Но спустя сутки, когда люди Лукина уже вылетели встречать физика, пришло новое известие. Сделка пока отменяется. Пленники загадочным образом ускользнули из заточения, сбежали, растворившись в бесконечных степях между Волгой и Уралом. Лукин тогда с ужасом понял: его предположения полностью подтверждаются. Люди вполне заурядные, без всякой спецподготовки, смогли обвести вокруг пальца матерого головореза Генерала. Налицо явный заговор бытия. С тех пор загадочный физик и его упрямое движение на восток круглосуточно поглощало все мысли Лукина. Он живо представлял себе забрызганный грязью, побитый, с пулевыми дырками черный джип. Лица людей, которых никогда не знал. Восторженно-идиотскую физиономию Ворона. Жесткий, сухой профиль помощницы генерал-губернатора. Толстого, постоянно потеющего физика. Затянутого в черную форму чопорного, худощавого англичанина. Порой психоз обострялся настолько, что Лукин был готов сорваться с места, сесть в машину и гнать неизвестно куда, только бы не сидеть в бездействии на одном месте, пропуская через себя плотные, тягучие минуты. Врач начал давать ему антидепрессанты, но от них тянуло в сон.

В тяжелую дремоту без видений, не способную облегчить поедающее изнутри беспокойство. Приходилось добавлять самолечения. Вечерами прикладываться к бутылкам, прежде пылившимся без дела в мини-баре. Деградация казалась хоть каким-то выходом. Чем отвратительнее он был себе, тем меньше чувствовал ответственности за ход событий. Лукин непонятно почему был уверен: происходит нечто крайне важное, имеющее к нему самое прямое отношение. Но все равно вечерний звонок начальника службы безопасности застал его врасплох.

Лаврентий, привычно сопя в трубку, сказал обыденно:

— Вам звонит Генерал.

— Какой генерал? Ты о чем? — не понял сразу Лукин.

— Тот самый. Который ловил физика. Из Екатеринбурга звонит.

Лукину сжало горло, он с треском рванул ворот рубашки.

— Что он там делает?

— Похоже, прибыл с частным визитом. Без армии, надеюсь. Границы там нет, кто хочет, тот и ходит. Будете говорить?

Сглотнув сухой комок в горле, Лукин пошарил по столу и окрестностям глазами в поисках какой-нибудь жидкости. Ничего. Только пустая бутылка из-под виски на полу.

— Давай. Поговорю, раз звонит.

Звериное сопение Лаврентия сменило сухое потрескивание. Словно идущие по кабелю электрические сигналы толкались и переругивались друг с другом. Потом в их спор вмешался человеческий голос — спокойный, звучный, но вместе с тем вызывающий недоверие.

— Господин Лукин? Спасибо, что согласились пообщаться со мной. Постараюсь отплатить вам хорошей новостью.

«Нужно собраться, — сказал себе Лукин, пытаясь вспомнить, сколько сегодня выпил. — Расставить акценты. Кто есть кто. Иначе я попал».

— Смогли наконец-то... задержать? — деловито спросил он, словно это был один из сотни вопросов, притом не самый важный, из тех, что роятся у него сейчас в голове. Намеренно сказал официальное «задержать», хотя имелось в виду «схватить, поймать, настигнуть».

Генерал хмыкнул. Развязно, снисходительно. Как будто сразу раскусил все расклады. Походил на дьявола, что насквозь видит торгующегося за душу доходягу-грешника.

— Увы, нет. Этим мерзавцам чертовски везет. Но появился план, как их поймать. Предлагаю обсудить на личной встрече. Слишком непростой и долгий предмет для телефонного разговора. Насколько вы свободны, к примеру, завтра?

Лукин подвис на полминуты, снова бессознательно исследуя взглядом стол в поисках жидкости, способной придать его окостеневшему горлу гибкость, необходимую для поддержания разговора. Чувствовал себя сейчас как наркоман, которому только что позвонил дилер. Желание, даже вожеление и ощущение опасности — холодная, невидимая стена, такая близкая, что отражает дыхание.

— В чем дело? — не выдержал Генерал. — Думаете, эта встреча вас скомпрометирует? В таком случае, до свиданья.

Блеф, понял Лукин. Обладатель величавого, но неприятного голоса блефует. Иначе все сделал бы сам. Видимо, не может в одиночку совладать с таинственным физиком. В самом деле, Генерал не вешал трубку. Дождался.

— Хорошо. Встретимся. Только не в Новосибирске. В Екатеринбурге. Место встречи с вами обсудят позже.

* * *

Лукин и Генерал, сухо поздоровавшись, молча сидели напротив друг друга в пустынном, закрытом для посетителей ради их встречи ресторане гостиницы «Ермак». Пахло крахмалом и деревом. Через приоткрытое окно доносился шум улицы, далекий и смазанный. Зал выглядел слишком помпезно и громоздко. Просторный, как средневековый собор, с многометровыми потолками и окнами, отделанный где-то там, уже высоко-высоко, вычурной лепниной. Столы на десяток персон застланы негнушными, белоснежными скатертями. Лукин чувствовал себя Гулливером, попавшим в страну великанов. Размеры зала угнетали, заставляли еще больше нервничать. С того самого момента, как он вошел сюда, его трясла мелкая, едва ощутимая, но все равно сбивающая

с нужного настроения дрожь. Потому, наверное, он поторопился сесть за ту часть стола, на которую через окно лился тяжелый, цвета золота свет закатного солнца.

Генерал, одетый в форму защитного цвета, тучный мужик с седыми усами, в отличие от Лукина, окруженного толпой телохранителей, приехал на переговоры один. Но именно он выглядел здесь хозяином — вальяжным, наглым, уверенным в себе. Закурил, не спросив разрешения, сигару. По-вельможному подозвал официанта и потребовал принести лучшего коньяку с лимоном. Лукин только молча успел мотнуть тому головой — нет, мне ничего не надо. Молчание Генерал тоже в конце концов нарушил первым. Спросил расслабленным, скушающим голосом, внимательно разглядывая лицо Лукина из-за дымовой завесы.

— Зачем вам этот самый физик?

Прокашлявшись, Лукин выдавил из себя:

— Не понял...

Генерал, ухмыльнувшись фамильярно, повторил.

— Вроде по-русски говорю, так? Зачем он вам нужен? Я должен знать. Иначе никак не договоримся. Понятно это?

Рука Лукина потянулась ко лбу, что в секунду покрылся противной испариной. Корчась, мучаясь, он все же проглотил склизкий комок оскорбления. Ответил заготовленное.

— Физик, по нашим данным, может располагать информацией о важном научном открытии. Ради него в Москву прилетел из Берлина специалист европейского Министерства вооружений. Они обсуждали что-то в течение двух недель, а затем решили вместе отправиться в Екатеринбург.

Без всякого выражения эмоций Генерал кивнул головой.

— А лохматый этот? С безумными глазенками?

Лукин наморщил лоб. Потом до него дошло.

— Ворон. Командир партизанский. Наш человек.

— Ваш, значит? Из пулемета пятерых моих людей завалил. И БТР подорвал, сволочь.

Отведя взгляд в сторону, Лукин кашлянул в кулак. Новость о том, что Ворон стал причиной проблем для Генерала, доставила заметное удовольствие.

— Он не в курсе наших договоренностей. Его задача — довезти физика до Екатеринбурга и передать моим людям.

Генерал пыхнул задумчиво сигарой:

— Думаю, уже в курсе. Добрались они сюда. Но, как я понимаю, на связь с вашими людьми никто не вышел.

— Вы уверены, что добрались?

Генерал не ответил. Начал медленно оглядывать зал, потолок с лепниной, роскошную многоэтажную люстру с золотистым отливом — как будто только сейчас понял, где очутился. Потом спросил:

— Откуда этот физик ваш вообще взялся? Забавный он. Витает в высших материях.

Лукин почувствовал укол ревности. Со всеми успел уже поговорить — кроме него.

— Осенью прошлого года он появился в Новосибирске, похоже приплыл на лодке из тайги. Записался на прием в моей общественной приемной. Там сообщил, что располагает секретом спасения человечества. Оттуда его, понятное дело, отправили в психиатрическую лечебницу. А потом... по ошибке передали европейским спецслужбам как партизанского вербовщика, якобы пойманного в Екатеринбурге. У нас соглашение с ними...

Вытащив из рта сигару, Генерал задумчиво уставился на ее тлеющий конец. Движение воздуха из окна слегка шевельнуло идеально уложенные пробором седые волосы.

— Вот оно значит как, — процедил он, не глядя на Лукина, словно разговаривая сам с собой. — Из тайги. Туда и подались наверняка.

Встретив непонимающий взгляд, пояснил:

— Самолет они тут, похоже, угнали. «Кукурузник». Ему предельно лететь — тысяча верст. С запасом топлива — полторы.

Принесли коньяк. Генерал сам вызвался налить его себе в пузатый хрустальный фужер, радостно подставлявший граненые бока солнечным лучам. Потом зажал фужер широкой ладонью, помотал из стороны в сторону, поиграл с янтарной жидкостью. Лукин украдкой разглядывал Генерала, его большую загорелую ладонь, державшую бутылку, свежестриженные усы, бледный шрам на левой щеке. Подумалось с сарказмом: пожалуй, напими-

нает он сейчас со стороны бездомную собаку, что внимательно приглядывается, принюхивается к подобравшему ее на улице хозяину, пытаясь угадать свое будущее. Да, связываться с такими людьми безрассудно. Хозяин и прибьет, и на улицу выгонит, и запытать может до смерти, если блажь такая найдет. Но не получится, похоже, выиграть иначе эту партию. Если физику так бесстыдно помогают, ему тоже нужен помощник.

Генерал опустошил фужер в одно мгновение — как от яблока откусил.

— Предлагаю вместе выследить их в тайге. Поохотиться. Вы любите охоту?

Лукин прищурился. Показалось, что Генерал тоже уж слишком близко принимает к сердцу историю с физиком. С чего бы?

— Откровенность за откровенность. Зачем вам это? Миллион евро не такая уж и большая сумма, чтобы ради нее вам снаряжать экспедицию в тайгу.

Лицо Генерала скривилось. В глазах промелькнуло что-то звериное.

— К черту ваш миллион. Оставьте себе. Для меня это дело чести. Они слишком меня разозлили. Только в Казани я потерял двести пятьдесят человек и пять танков. Просто так. Пришлось уходить через два дня.

— В Казани? — удивился Лукин.

— Из Чебоксар они убежали в Казань, к местным исламистам. Я штурмом брал город.

Новость сильно впечатлила Лукина. Втянув носом воздуха, он откинулся на спинку стула. Едва не захохотал истерично в голос. Сколько же людей и событий притянуты к траектории этого вроде бы заурядного путешествия!

— К черту деньги, — зло повторил Генерал, не дождавшись ответа. — Мне не деньги нужны, а дичь загнать. Физика, так и быть, отдам вам. Остальные четверо — мой приз. Договорились? С вас воздушная разведка и транспорт, с меня сотня людей. Можете взять еще своих, я не возражаю.

Генерал не возражал. Но в голове у Лукина к этой минуте уже сложилась понятная схема будущего, потому самолюбие молчало. Ему понадобится универсальный исполнитель. Человек, готовый

вместе со своими людьми исполнить любой приказ. Если там, наверху, решили играть против Лукина сразу с двумя ферзями, какой резон вообще соблюдать правила? Он натравит это чудовище на след физика. Использует сначала как охотничью собаку, а потом, если понадобится, и как чистильщика. Неизвестно, что такое они обнаружат в тайге.

Щелкнув довольно пальцами, Лукин попросил себе фужер для коньяка. Первый глоток получился слишком большим, и он надрывно закашлялся. Генерал глянул на него с тонкой, заточенной улыбкой. От нее сразу представилось что-то извивающееся и опасное.

— Мы нужны друг другу. Вы уже это поняли?

Лукин молча кивнул, а потом залпом допил коньяк.

* * *

Давным-давно, еще в колледже, Голдстон пытался представить место, откуда ему никогда не захотелось бы уехать. Необитаемый остров в Полинезии с белым песчаным пляжем? Дом посредине обширного, старого виноградника в Южной Франции? Провинциальный итальянский городишко, почти не постаревший со времен Медичи? Уже и не вспомнить, на чем остановился. Но затерянный в сибирской тайге научный городок точно не присутствовал в том списке. Сейчас, поселившись в Городе Солнца, Голдстон удивлялся по несколько раз на день: нигде прежде он не ощущал такого спокойствия и свободы. Да, помогло, наверное, само путешествие. Чем сильнее сопротивление на пути к цели, тем больше удовольствия после ее достижения. Физик говорил — шансы добраться один к трем. На самом деле здорово преувеличил. Но все равно, разве он так счастлив здесь лишь оттого, что его раз пять могли убить, да так и не убили? Или все-таки дело в том, что сюда приехал уже не тот Джон Голдстон, который проиграл пари про чудо? Тот, прежний, слез по дороге как шелуха, зачищенный плотным встречным потоком событий, слов, мыслей. Хотя разница между ними, пожалуй, только в одном. В диапазоне чувствительности к жизни. Как и тогда, сразу после контузии, он похож на антенну, способную улавливать гораздо

более слабые сигналы извне и изнутри. Причем слышит их все разом — как единую мелодию, сыгранную по своим, особым нотам. Когда же Голдстон нашел для себя ответ, что это за мелодия, то сначала подумал — неужели все-таки свихнулся? Хотя других вариантов не было. Истина. Объективная сущность жизни или гармония, о которой говорил с ним машинист Павел Федорович Черемша. Она существует, материальна и как невидимое излучение пронизывает все вокруг, выстраивая в четкий порядок составляющие жизнь элементы. В Городе Солнца эта мелодия, не пресыщая, звучала повсюду. Люди были открыты ей, получали от нее удовольствие, потому, наверное, одновременно работали как ретрансляторы. То наивное, никогда невозможное по причине человеческого несовершенства будущее, о котором рассказывал Быков во время первой их встречи, внезапно образовалось вокруг Голдстона. Он очутился в самой настоящей утопии, влюбившись в нее беззаветно и с первого взгляда. По сравнению с этим тайна кратера в тайге выглядела лишь интригующей технической деталью, не более того. Возможно потому Голдстона и посвятили в нее буднично, по-деловому, заодно с поездкой на местную молочную ферму и визитом в Дворец творчества, где в это время занимались в секциях примерно триста детей от пяти до пятнадцати лет.

По Городу Солнца и окрестностям они передвигались в усеченном составе, без Быкова. Их водил повсюду веселый, разговорчивый дед Олег Иванович Казаков, кажется, главный местный физик. Среднего роста, худощавый, живой и подвижный как электрон. Коротко подстриженные благородные усы придавали его лицу пропорциональность леонардовского золотого сечения. Лицо это, как у ликов на иконах, все время лучилось от какой-то непрекращающейся, внутренней радости, с которой он мог рассказывать о самых разных вещах — от устройства городской канализации до Стандартной модели, описывающей мир элементарных частиц. Голдстону Казаков казался святым из Средневековья — погруженный в постижение тайны мироздания, но при том открытый для любой, даже самой малой детали материального мира, как разговаривавший с птицами Франциск Ассизский.

— Да, кстати, — опомнился Казаков часам к четырем, когда они обошли уже половину городка и съездили на машине осмотреть

поля зерновых, нефтепромысел, ферму и Дворец творчества. — Вам же надо показать коллайдер. Вы ведь из-за него сюда столько времени добирались? Сейчас пообедаем — и сразу туда. Хорошо?

Кивнув рассеянно в ответ, Голдстон случайно схватил взглядом выражение лица Ворона. Тяжелое и напряженное, словно дурное предзнаменование.

Обед в ресторанчике «Три медведя», двухэтажном рубленом доме — пахнущем деревом, расписанном внутри сценами из русских народных сказок — прошел в неторопливом разговоре о том, как организованы в Городе Солнца товарно-денежные отношения.

— Когда еще держалась связь с Большой землей, то, конечно, здесь рубли ходили, — рассказывал Казаков, по-прежнему улыбаясь и прихлебывая из высокого бокала светлое пиво. — Правда, цены во многом были условностью. Люди сюда не зарабатывать приезжали, а жить. Понимаете? Заниматься любимым делом. Пить чистую воду, воздухом здоровым дышать. Общаться каждый день, повсюду, с умными, порядочными людьми. Когда внешний мир отключился, то рубли, понятное дело, вообще всякий смысл потеряли. А собственные дензнаки мы решили не вводить. Начали почти что коммунистический эксперимент. Распределяем материальные блага по потребностям. Человеку на самом деле много-то не надо. Особенно если не возбуждать его все время рекламой — это же своего рода наркотик, понимаете? Параллельно ввели, конечно, учет того, кто сколько работает. Считаем трудочасы. Мотивация у всех простая: если не работать, мы тут просто не выживем. Еда нужна, бензин нужен, электроэнергия нужна. Если кто начинает отлынивать, то сразу заметно. И мы готовы помочь — объяснить, воодушевить...

Ворон, до того слушавший рассказ о деньгах почти с детским любопытством, прищурился недобро. Переспросил:

— И как? Получается воодушевить? Может, лучше в тайгу отправлять на перевоспитание к медведям?

Казаков, деликатно не заметив мрачного скепсиса, кивнул согласно головой:

— Конечно получается! У каждого бывают периоды нестабильности. Важно поддержать человека в такие моменты. Даже машине тонкая настройка нужна, а человеку и подавно.

Голдстон, испытывая перед Казаковым стеснение, как будто привел к нему в гости плохо воспитанного ребенка, замер напряженно, ожидая от Ворона порцию рецептов, как лучше делать такую настройку, но тот, к счастью, уgomонился. Мерно двигая бородашкой, принялся тщательно пережевывать слегка пережаренный кусок свинины.

— Да, деньги при капитализме перестали играть роль средства обмена. Превратились в вещь в себе, в культ. Но, согласитесь, ваш опыт сложно повторить в масштабе даже небольшой страны, — торопливо сказал тогда Голдстон, чтобы подтолкнуть разговор на прежнее нейтральное русло. Глотнул, наконец, плотного, с медовым вкусом пива. Тут же почувствовал приятный легкий шум в голове.

Казаков радостно замахал руками. Кажется, так выглядела его привычная манера вести разговор — во всем соглашаться с собеседником.

— Конечно, конечно! Мы здесь в первую очередь занимаемся точными науками. Но уж так повелось, что э... побочные продукты наших научных изысканий часто представляют интерес и для экономики. Собственно, об этом и хотелось поговорить. Сегодня в лаборатории как раз нерабочий день, поэтому нам никто не мешает. Что делать... Экономим энергию, запускаем оборудование только три раза в неделю.

Покончив с обедом, снова уселись в машину, выдавший виды, но ухоженный японский мини-вэн. Казаков, сделав по городу еще одну медленную экскурсионную петлю, выехал на грунтовку, ведущую прямо в тайгу. Впрочем, ехать оказалось недалеко, километров десять. Сначала Голдстон увидел старое, видимо еще советское ограждение из колючей проволоки, соединявшей покрашенные зеленой краской деревянные столбы. За ограждением, правда, все было то же самое — толстые, вековые, позеленевшие корой от времени деревья. Потом на весьма скромной по размерам прогалине показался заросший свежей травкой холм, очень похожий на натуральный, если бы не крашенные зеленые двери сбоку и широкие железные ворота, способные пропустить, пожалуй, даже танк. Никаких наземных построек. Огромный,

в километры длиной коллайдер¹ закопан глубоко под землей, решил Голдстон. Однако как это удалось сделать, не потревожив многовековой лес, он так и не понял. Вокруг не было видно ни души. Казаков, что-то весело насвистывая, ввел код в электронный замок и распахнул одну из дверей. Внутри все выглядело как классическая секретная военная лаборатория — похожие на тоннели коридоры, железные двери без табличек, только с номерами, лампочки, реагирующие на движение и вспыхивающие прямо в лицо как фотовспышка. Смесь советского армейского дизайна и более поздних технологических наслоений в виде плазменных панелей и видеокамер. Как и ожидал Голдстон, предстоял спуск вниз — на десять лестничных пролетов, то есть метров тридцать в глубину. Там, миновав несколько поворотов, свернули в широкий, метров десять в поперечнике бетонный тоннель. Тот упирался в одинокую бронированную дверь с лаконичной и понятной надписью «Коллайдер».

Их путешествие вот-вот должно было завершиться. Голдстон вдруг понял, как жалко ему с ним расставаться. Оно вышло цельным и настоящим, совсем как отдельная, прожитая заодно жизнь. Сможет ли он когда-то повторить такое? Он оглянулся — хотел увидеть Симу, ее лицо, понять, что чувствует сейчас она. Но перехватил прищуренный взгляд Ворона — тот через плечо Казакова пытался, кажется, разглядеть цифры, которые тот вводил в электронный замок.

«Господи, — ужаснулся Голдстон, осознав, что расслабился, упустил из виду нечто важное. — Нужно поговорить о нем с Быковым и Казаковым. В конце концов, он повсюду таскает с собой пистолет, даже, кажется, два».

Тут же, словно в подтверждение его страхов, Ворон спросил, облизнув щетину над верхней губой:

— Что, совсем никакой охраны? Рискованно!

Казаков пожал плечами:

— Да от кого тут охранять? От ваших медведей из тайги?

Зал с бетонными стенами, невысокий, но вытянутый метров на шестьдесят, едва освещался редко расставленными лампами.

¹ Коллайдер — ускоритель элементарных частиц.

Его почти целиком занимала опутанная проводами и утыканная датчиками гигантская железная бочка.

— Вот здесь мы, как боги, создаем и разрушаем Вселенные. Только на микроуровне, — любовно глядя на бочку, громко провозгласил Казаков. — Зовем ее Дуся. Просто Дуся. Большая такая, добрая русская баба. Смешно, да?

Заметив, что Голдстон с недоумением разглядывает бочку с проводами, хитро подмигнул ему:

— Хотите сказать, что хороший, добротный коллайдер должен быть в длину километров эдак тридцать? Дело в том, что это коллайдер другого типа. Не электрон-позитронный, а плазменный. Частицы разгоняются совсем по иному принципу, электрические поля создаются при помощи плазмы¹... Знаете, это как с телескопами. Сначала строили только телескопы-рефракторы, с прямым движением света через линзы, и там сила увеличения зависела от длины трубы. Кажется, кто-то в итоге построил телескоп со стометровой трубой, где девяносто процентов света терялось по пути. А потом взяли и просто начали использовать несколько иной принцип преломления света. И появились рефлекторы, в десятки раз более компактные...

Казаков, похоже, пытался рассказать о коллайдере так, чтобы понял даже Колька. Потому все получалось просто и без затей: пучок электронов расталкивает ионы и электроны, из которых состоит плазма, в результате возникают огромные электрические поля, ускоряющие частицы до гигантских скоростей. Энергия разгона в тысячи раз превышала возможности «традиционных коллайдеров». Потому отпала необходимость в безумно дорогих многокилометровых трубопроводах. Идею впервые озвучили еще в середине двадцатого века, но не хватало «нескольких чисто технических решений». Собственно, с советских времен здесь и пытались их найти. Казаков приехал сюда в восемьдесят пятом. Коллайдер удалось впервые запустить ровно десять лет назад.

— Почему вы не ничего не сообщили об этом российским властям? — сухо поинтересовался Ворон.

¹ Плазма — частично или полностью ионизированный газ, образованный из нейтральных атомов и заряженных частиц.

Вопрос вызвал у Казакова очередной приступ веселья.

— Вы представляете, что бы они тут же сделали? — спросил он, ухмыляясь в седые усы. — Немедленно прислали сюда какую-нибудь комиссию, которая бы тут же все прикрыла. При желании могли вообще обвинить черт знает в чем — помощи террористам, подготовке переворота. Вы же знаете наши национальные традиции... Нет, здесь намеренно все делалось в строжайшей тайне. Имело смысл раскрываться лишь тогда, когда мы могли бы предъявить научному миру что-то действительно существенное. Однако это удалось сделать уже после начала войны, два года назад. Что именно? Идите за мной.

В углу зала была устроена малоприметная лифтовая шахта. Они кучно набились в небольшой лифт, уместившись там за один раз. Пока кабина плавно опускалась вниз, внутри у Голдстона словно заработал мощный насос: в голове стучало от прилива крови, сердце начало скакать как перевозбуждившийся жеребец. Уже здесь, в Городе Солнца, когда Голдстон надышался этим доступным, ежедневным счастьем, привык к нему, его не раз посещала парадоксальная мысль: он не хочет видеть то, ради чего сюда приехал, не желает ни о чем узнавать. Потому что нельзя будет просто посмотреть, сказать «Ничего себе!» и уйти. Придется взвалить эту ношу на себя, принять ее у Быкова и Казакова.

— Везете нас к центру Земли? — ненатурально хохотнул тем временем Ворон. Сцепленные в замок руки командира мелко тряслись, как будто он пытался справиться с нервным припадком. Возможно, не стоило брать его сюда, с досадой опять подумал Голдстон.

Внизу, под колайдером, располагалось что-то, похожее на укрепленное хранилище. Все было из некрашеной, тускло отсвечивающей стали. Почудилось, что сильно уменьшившись в размерах, они очутились внутри банковского сейфа. Одна из стен, разделенная на огромные ячейки, походила на автоматизированную камеру хранения для багажа. Рядом с каждой из ячеек светился в темноте голубоватый экран для дактилоскопии. Казаков, зевнув, положил правую ладонь на экран, где ее тут же обрисовала красная линия. Через пару секунд похожая на трехметровый ящик письменного стола ячейка начала медленно выдвигаться

из стены. На толстой металлической пластине, густо оплетенной проводами, был закреплен металлический ящик. Казаков как-то неожиданно почтительно приблизился к нему и указательным пальцем отколупнул небольшое окошечко посередине контейнера. Поманил к себе. Они вчетвером сгрудились вокруг. За толстым, телескопическим стеклом парила в воздухе крохотная, едва видимая глазом точка вещества голубоватого цвета.

— Это... — начал Голдстон не в состоянии закончить то ли вопроса, то ли утверждения. Несмотря на прохладу подвала, стало невыносимо душно. Плыла, как на каруселях, голова.

— Магнитное поле? Так? Неужели антиматерия? — хрипло завершил вместо него Ворон, зачарованно опускаясь на колени, чтобы глаза оказались как раз вровень с каплей. — Да, не зря мы жизнью рисковали!

Произнесенное Вороном слово действовало на Голдстона словно темное заклинание, лишив последних сил. Ноги подкосились, он оперся немеющей рукой на контейнер, а потом, уже теряя сознание, сполз по нему вниз, на холодный бетонный пол.

* * *

Голова раскалывалась, как от похмелья. В стареньком холодильнике, который стоял в его комнате и прежде не удостаивался внимания хозяина, Голдстон раскопал трехлитровую банку прозрачного, с зеленоватым отливом березового сока. Вкус показался искусственным, с примесью железа. Но выбора не было, потому что не было сил идти куда-то еще. Он сел к окну и начал методично, как больной по предписанию врача, поглощать сок стакан за стаканом, тупо разглядывая местные пейзажи. Их поселили в просторном деревянном гостевом доме, который, несмотря на очевидное отсутствие гостей в городке в последние годы, поддерживался в приличном состоянии. Дом стоял на пригорке, на самом отшибе. Из двух больших окон открывался панорамный вид на уходящий к горизонту зеленый таежный океан. Удивительно, но лес шел будто разноцветными полосами. Сначала монолитная, тяжело-зеленая линия, без намека на примесь или оттенки. Потом зеленый цвет исподволь вступал в едва заметную

связь с клубящейся синевой, что мало-помалу брала верх. И только там, где земля соприкасалась с тоже голубым небом, синее почему-то снова отступало, возвращая деревьям их первородную зелень. Через час после начала лечения Казаков застал Голдстона точно в такой же диспозиции: потягивающим неторопливо из стакана березовый сок, разглядывающим через открытое окно полосатую бесконечность тайги. Ровно в десять физик трижды постучал в дверь костяшками пальцев. Даже стук у него был жизнерадостный, энергичный, перехлестывающий через край. Будто удары голодного дятла клювом по дереву.

— Как самочувствие? — заботливо поинтересовался Казаков, переступая через порог и с любопытством оглядывая жилище, словно ожидая обнаружить тут нечто неожиданное. Это была просторная, метров в сорок, комната с минимумом мебели и рассохшимися дощатыми полами, тревожно скрипевшими при каждом шаге. Пожав Голдстону руку, физик усадил его обратно к окну, а сам отправился в экспедицию на поиски свободного стула. Пока он бродил по комнате, Голдстон, сам не зная зачем, стеснительно задвинул за занавеску уже почти пустую банку с соком.

— Прошу... прошу прощения за то, что со мной произошло. Наверное, слишком устал...

Установив с грохотом стул, Казаков, одетый в зеленоватый пиджак и темные брюки, идеально отглаженные, с острыми как бритвы стрелками, расположился напротив. Рассеянно улыбнулся, словно пытаясь вспомнить, о чем речь. Ответил торопливо:

— Нет-нет, я вас вполне понимаю. Вы столько всего перенесли по дороге. Павел Юрьевич рассказывал. А тут такое...

Голдстон отвернулся, снова тоскливо занырнув взглядом в тайгу.

— Какое?

— Любое большое открытие имеет шансы серьезно повлиять на ход истории. Особенно связанное с управлением энергией. Паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, расщепление атома. Мне, наверное, не надо читать вам лекцию о том, как это изменило жизнь людей. Потому, признаюсь, мы несколько месяцев взвешивали все «за» и «против», но все-таки решили: надо рассказать о том, что у нас есть. Можно сказать — сейчас

не лучшее время для научных открытий. Но, может быть, как раз наоборот? Кто знает?

Голдстон вздохнул. Какое же искушение взять и ответить — да я просто турист. Живу в гостевом домике. Осматриваю достопримечательности. Любуюсь тайгой. Жду обратного самолета в Берлин.

— Взрыв в тайге — не случайность? — пробормотал он, косясь на своего гостя. Березового сока ему предложить что ли?

Казаков кивнул.

— Было понятно, что поваленный лес увидят со спутника. Жалко, конечно, этот самый лес. Животных жалко, птичек. Но ведь сработало.

Голдстон кивнул:

— Моему шефу, еврокомиссару Кнеллу, сразу пришла в голову схожая идея. Но зачем тогда Быков пытался встретиться с Лукиным?

Казаков покивал головой, словно полностью соглашаясь с уместностью подобных вопросов.

— Взрыв в тайге был «вариант Б». Демонстрация возможностей. До того мы отправили группу во главе с Быковым в Новосибирск. Как и вы, они летели на самолете. Но прошло полгода, а от Быкова не было ни слуху ни духу. Как оказалось, самолет после первого перелета вышел из строя, им пришлось поплутать по тайге, а потом подниматься на лодке вверх по Оби... Возможно, наши надежды на Лукина кажутся наивными. Но... мы выбирали из того, что есть. Впрочем, то хорошо, что хорошо кончается.

«Кончается? Еще даже не начиналось, — подумал Голдстон, снова чувствуя, как его начинает мутить. — Начнется в тот самый момент, когда мы вытащим эту голубую каплю отсюда. Наружу. Во внешний мир. Надо это объяснить. Кажется, они здесь совсем не понимают, что там происходит. Казакову даже сложно вообразить себе таких типажей, как Свенссон и Генерал. Еще труднее представить, что именно они сейчас доминирующий вид».

— Знаете, — осторожно начал он, — я хотел бы предостеречь вас от иллюзий по поводу людей, которые принимают решения в Берлине. Боюсь, ваше открытие однозначно будет воспринято

как шанс долговременного военного и технического доминирования над остальным миром.

Казаков только пожал плечами.

— Любое действие всегда лучше бездействия. В том смысле, что гораздо чаще ведет к позитивному результату, чем к энтропии. Это, если хотите, пока еще не доказанный закон физики. Иногда мне кажется, что Вселенная устроена именно так, чтобы все заканчивалось хорошо. И только бездействие человека мешает этому осуществляться.

Кажется, подумал с мрачной иронией Голдстон, его вот-вот перевербуют. Отправят с миссией обратно в Берлин. И он даже согласится, причем из самых искренних побуждений.

— Да, — спохватился тут Казаков, — этот ваш Че Гевара из Подмоскovie немного ошибся. Это не антиматерия. Возможно, до нее не так уж и далеко, но все-таки следующий шаг. Вы видели кварко-глюонную плазму. Слышали о ней? До войны было очень модное направление в ядерной физике. Создать что-то вроде первичного состояния Вселенной. Эдакую кашу из первочастиц. И посмотреть, что произойдет потом. Мы, в принципе, занимались тем же самым, что и остальные. Просто удалось продвинуться чуть дальше. Получать ее на довольно низких энергетических уровнях, стабилизировать и научиться управлять последующим фазовым переходом. При этом выделяется энергия — где-то на три порядка больше, чем при ядерном взрыве.

Голдстон снова со стыдом вспомнил свой обморок, спрятался взглядом в тайгу.

— То... что мы видели вчера... Вы взорвали в тайге?

— Да. Мы сделали два устройства. Две бомбы, если хотите. Вторую про запас. Два взрыва подряд сложно было не заметить, пусть за последние годы группировка спутников наверняка сильно поредела. Устройство доставили в точку на радиоуправляемом аэростате. Взорвали на высоте сто метров для того, чтобы последствия были не столь драматичны.

Не антиматерия. Плазма. Но название, если честно, мало что меняло.

— Как вам удалось ее получить? — спросил Голдстон после пары минут молчания, чтобы просто хоть что-то сказать.

— Да ничего особенного, — с готовностью тут же отозвался Казаков, вскочил на ноги, извлек из пиджака листок бумаги, ручку и принялся вычерчивать на подоконнике рисунок какой-то трубки. — Смотрите. Атомы состоят из протонов, нейтронов и электронов. Протоны и нейтроны — каждый из трех кварков, все три разные, со своими свойствами, и глюонов, которые отвечают за взаимодействия этих кварков. Ядерная реакция, как вы понимаете, это процесс расщепления ядра атома, состоящего из протонов и нейтронов. А вот попытки разделить протон на первичастицы — кварки и глюоны — не удавались. Чем больше увеличивалось расстояние между кварками, тем сильнее становилось взаимодействие между ними. Кто-то из физиков даже шутил: вот она, святая троица. Первооснова бытия. Потому решили не разделять, а достичь предшествующего состояния — кварко-глюонной плазмы. Эдакой каши из первичастиц, что варилась при температуре в несколько триллионов градусов по Цельсию. Она, как считается, появилась через секунду после Большого взрыва. После чего началась адронизация Вселенной. Пардон, образование вещества... Так вот, впервые кварко-глюонную плазму удалось получить лет пятнадцать назад в Штатах — оказалось, что это идеальная жидкость, почти не имеющая вязкости. Для этого в коллайдере сталкивали два пучка атомов золота, которые разгоняли до скорости света. Вот, смотрите...

Голдстон понял, что переоценил собственные способности к восприятию постулатов ядерной физики, однако терпеливо выслушал до конца все, что ему рассказали, хотя почти ничего и не понял. Когда запал Казакова, наконец, иссяк и тот перестал сыпать терминами и формулами, Голдстон встал с места и прошелся по комнате.

— А что вы сами ожидаете от своего открытия?

Казаков пожал плечами:

— Точно не Нобелевскую премию. Почти все изобретения делались исключительно из любопытства. От желания проникнуть туда, где еще не ступала нога человека. Тут есть, скажем так, разделение труда. Мы изобретаем. А потом приходит кто-то, чтобы встроить наше изобретение в обычную жизнь.

Встроить. Одно короткое слово. Но означать может очень много времени, сил, денег. Прямо сейчас, отсюда, ему видится только один более-менее реалистичный вариант. Организовать переброску части ученых и оборудования куда-нибудь на предприятия министерства в Чехии. Создать им там условия для работы. А потом ждать — возможно годы или даже десятилетия — смены приоритетов. Без всякой гарантии, что это на самом деле произойдет.

— Я не привез с собой никакого решения, — словно оправдываясь, нехотя сказал Голдстон. — Думаю, мне стоит вернуться в Берлин, рассказать обо всем еврокомиссару Кнеллу, который отправил меня сюда. Он очень просвещенный человек. Кроме того, испытывает большую симпатию к русской культуре. Возможно, мой рассказ наведет его на какие-то мысли. Вот и все, что я могу вам пообещать.

Казаков молча встал, крепко пожал ему руку. Сейчас он уже не улыбался. Но в спокойных серых глазах не было заметно разочарования. Очутившись снова в одиночестве, Голдстон вернулся к прежней диспозиции. Банка березового сока, скрипучий стул, таежный океан за окном. Хотя нет, что-то изменилось. Он вспомнил: Вселенная хочет, чтобы все кончалось хорошо. Если так, осталось немного: захотеть этого самому.

* * *

Через час в дверь опять постучали — заботливо, почти нежно. Теперь это оказался Быков. Одет был почти как Казаков, только тона посветлее. Голубая рубашка, серый пиджак в синюю клетку, тоже отутюженные так, что можно порезаться, брюки. Сейчас он еще меньше походил на ученого, чем во время первой их встречи. Скорее на довольного жизнью гангстера времен Великой депрессии откуда-нибудь из Детройта. Едва физик вошел в комнату, Голдстон, кажется, почувствовал возмущение магнитного поля. Потом вспомнил, что не оставался с Быковым один на один с момента их отъезда из Москвы.

— Со мной все в порядке! Буду жить.

Он сказал это торопливо, ожидая с напряжением нового вопроса о своем состоянии. Быков кивнул с радостной улыбкой — как будто выслушал врачебное мнение о здоровье друга. Сел на приготовленный Казаковым стул.

— Я знаю, что ничего страшного. Надо только отдохнуть. Собственно, есть конкретное предложение. Поехать на пару дней на озеро.

— Вдвоем?

— Да. Но не со мной.

До Голдстона, у которого по-прежнему шумело в голове, дошло не сразу. Он сделал вид, что не понял.

— Неужели с Вороном?

— Нет. Отдохнуть надо в первую очередь от него.

Они вместе рассмеялись. Холодные, почти волчьи глаза Быкова совсем не сочетались с его искренне смущенным видом.

— Наверное, я слишком много на себя взял...

Вздыхнув глубоко, Голдстон опустил взгляд в пол. События тащили его за собой, как лошадь на веревке. Стало стыдно, пусть и непонятно за что и перед кем. Но вслед за тем пришло радостное, почти праздничное облегчение. «Какой же ты, Павел Юрьевич, молодец, что так много на себя взял».

— Озеро небольшое, триста метров в диаметре. Идеально круглое — скорее всего, метеоритного происхождения. На самом берегу — домик деревянный и баня. Что важно — с гонялками электронными от мошкары, иначе съедят заживо... Если у нас кто хочет пофилософствовать, отшельником себя почувствовать — туда едет. Здесь недалеко, полчаса на машине по грунтовке.

Звякнув негромко, физик выложил на подоконник брелок с автомобильными ключами. Голдстон покосился на ключи.

— Значит, баня?

— А что, дело хорошее... Да, Симу я предупредил. Сказал, у вас появилась такая идея. Отдохнуть. Вместе.

Машина снова оказалась японская. Небольшой серебристый джипчик с ручной коробкой передач. Сима почти не опоздала, спустилась вниз в пять минут шестого. В руках — только армейский вещмешок, подарок Ахмеда из чайханы.

— Вижу косметичку. А где же чемодан? — спросил Голдстон, распахивая багажник, где уже были аккуратно составлены доставленные Быковым пакеты с едой.

— Я с детства минималистка.

— Ну да, мы же едем в баню.

Сима, не ответив, села в машину. Голдстон, чтобы скрыть смущение, как только устроился за рулем, тут же торопливо достал бумажку с нарисованной Быковым картой. Та скорее напоминала доисторический наскальный рисунок, а не творение одного из умнейших людей современности. Расшифровав, наконец, неуклюжие линии и закорючки, включил зажигание. Краем глаза перехватил взгляд Симы — пристальный, но не деланный.

— Ты уверен?

— Про баню? Да.

Поросшая травой дорога оказалась узкой-узкой, не разъезжаться. Смыкающиеся друг с другом наверху кроны деревьев превращали ее в полутемный тоннель. У Голдстона в голове щелкнуло. Дежавю. Тоже живой тоннель, тоже что-то очень важное, как и сейчас, до мурашек на коже. Кажется, про жизнь и смерть. Точно. Ночь, когда позвонил Кнелл. Лабиринт. Сад, откуда непременно надо убежать.

— Ты когда-нибудь думала о том, как выглядит рай?

— Конечно.

Сима совсем не удивилась вопросу.

— И как же?

— У каждого он свой.

— Какой у тебя?

— Как ни странно, дом на озере.

Он вздрогнул. Щелчок, даже, кажется, не воображаемый. Две реальности наложились друг на друга. Рай с лабиринтом из его сна внезапно соединился с раем, который когда-то придумала Сима. Здесь, в этом самом месте и времени.

— В детстве я смотрела с мамой старый советский фильм. Еще на кассете. Тарковский. Может, слышал о нем? Советский режиссер, который в восьмидесятые тоже уехал на Запад. Фильм был про планету, покрытую разумным океаном: тот забирался к людям в голову, доставал оттуда самые важные воспоминания,

а потом воплощал их в реальности¹. У главного героя это был как раз дом на озере, где он жил с родителями, которые давно уже умерли. Я тогда спросила маму — можно я тоже буду все время думать о таком домике? Чтобы мы никогда не расстались.

Дорога резво взяла вправо, потом, почти под прямым углом, дернула машину налево. Метров через сто въехали на четко очерченную лесом и водой, заросшую молодой травой по колено прогалину. Почти посередине нее стоял светлый, дощатый дом в два этажа с широкими, летними окнами и резным деревянным крыльцом. Рубленную из бревен баню, похожую на сказочный домик, поставили у самого озера. Какие-то облепленные белыми цветами кусты скрывали ее почти по самую крышу. Когда Голдстон выключил двигатель и открыл дверцу, то почти захлебнулся сладким, уже чуть хмельным травяным запахом. Было по-летнему тепло и поразительно тихо. Они застали тот самый момент перед наступлением вечера, когда как по команде замолкают птицы и даже самый дикий лес кажется зачарованным и безжизненным.

— Что же делать здесь целую вечность?

— Думаю, если стать частью вечности, такие вопросы отпадут сами собой. Этого, наверное, не понять, пока живешь с ощущением времени внутри себя.

Дом, как и говорил Быков, оказался не закрыт. Внизу просторная, отделанная тем же светлым деревом кухня с камином. Узкая лесенка на второй этаж. Пока Сима задумчиво обходила прогалину, Голдстон перенес в дом вещи и пакеты, включил согласно прикрепленной к стене инструкции электричество и воду. Потом отправился исследовать баню. Длинный дощатый настил вел отсюда до самой воды, превращаясь в мостки, которые метров на десять углублялись в само озеро. Доски пружинили под ногами, вода таинственно булькала от каждого шага. Поверхность озера казалась остекленевшей. Прямо перед глазами Голдстона в воде застыло длинное, похожее на протянутую прямо к нему длань, облако. Он, сам не понимая зачем, медленно поднял свою руку

¹ Речь о фильме «Солярис» (1972) советского режиссера Андрея Тарковского (1932–1986).

и протянул ее навстречу облаку в воде. Отражение и пальцы зрительно соприкоснулись, дрожь прошла через все тело.

«Кто же я на самом деле? Тот, кто был в самом начале? Как откопать себя, настоящего, в этом дерьме, что копилось миллионы лет?»

Вспомнился Музей естествознания в Вене, куда он поехал на Рождество перед самой войной. Кости динозавров, окаменевшие отпечатки папоротников, моллюсков, гигантских зубастых рыб. Голдстон представил себя в витрине — скелет, а рядом, на табличке, восстановленное по черепу лицо со светлыми бакенбардами. Нет, похоже, все устроено именно так, что ничего не пропадает.

Они разделись друг перед другом спокойно, буднично. Никакого стеснения, волнения, даже любопытства. Без одежды Сима выглядела еще моложе, он был дал ей лет двадцать пять, не больше. Тело ее составляло идеальное по своей логичности сочетание с лицом. Бледная, но чистая до блеска кожа. Покатые плечи с веснушками. Небольшая острая грудь. Узкие и худые бедра. Голдстон смотрел на нее не так, как прежде на других женщин. Не сравнивал, не метил взглядом мясника лучшие части тела. Перед ним стояла просто единственная женщина на Земле, которая может выглядеть только так. Других нет и, возможно, никогда не было.

Уже почти стемнело, когда они вдвоем, голые и распаренные, вышли на деревянный мостик к озеру. Над водой клубилась низкая молочная дымка, через нее просвечивали редкие, едва различимые серебристые звезды. Пахло сыростью и, совсем немного, тиной. Когда остановились, обнявшись, на самом краю мостка и вода перестала ворчливо хлюпать, стало поразительно тихо. Кажется, Сима хотела что-то сказать, но потом передумала, чтобы оставить в неприкосновенности эту самую тишину, которая связывала в одно целое озеро, домик, их двоих. Голдстону подумалось: когда-то он был один, но у него было много воплощений и никак не получалось найти среди них себя. Даже запомнить собственное имя. Сейчас же их двое, а он чувствует это как одно. Он — это Сима. Более того. Он — это озеро. Он — это небо со звездами. Он — это время, которое, пусть едва-едва, но все-таки шевелится, как карты лениво сдавая секунды. Неужели вот это

и есть рай? Когда ты сам — это сразу все, что есть и кроме этого вообще ничего не может существовать?

Сзади, за их спинами вдруг раздался какой-то неясный звук. Потом еще раз. Нет, ошибки не было. Мяукал кот или кошка. Сима тихо засмеялась, повернулась, позвала тихонько:

— Кис, кис, кис.

— Дед всегда так подзывал соседских котов, — вспомнил Голдстон. — Бабушка шутила, что английские коты не понимают по-русски. Просила меня переводить для них.

Из туманного молока, в котором отсюда невозможно было рассмотреть даже сруб бани, прямо на них торопливо-радостно выскочил огромный черный кот. Сима от неожиданности вскрикнула. Кот, покружив немного, по-домашнему уселся рядом.

— Откуда он здесь?

— Наверное, из поселка сбежал. Заблудился. Надо бы его покормить потом... Иди, погрейся, я сейчас приду, — ответил Голдстон о чем-то задумавшись.

Сима послушно кивнула. Сделала один шаг, другой, и ее силуэт полностью исчез, растворился в белесой дымке. Голдстон, не шелеясь, с минуту рассматривал кота. Потом сказал едва слышно:

— Так, значит, ты сюда шастал через Стену, да? Может, и обезьяны где-то здесь прячутся?

* * *

Было около шести утра, когда над Городом Солнца застрекотал первый вертолет. Остроносая, надменная «черная акула», хищно поблескивавшая матовым корпусом в лучах солнца. Сделав один-единственный круг над сонными домиками и распугав истеричных сорок, машина развернулась, ушла обратно в тайгу. Через полчаса с востока пришли уже два вертолета — прежняя «акула» и переделанный с помощью двух пулеметов в боевую машину грузовик «Ми». Местные сороки пережили новое испытание — утреннюю таежную тишину, величественную и цельную, по-дикарски разорвали ухающие звуки пулеметных очередей. Дали всего пару залпов. Так, по крышам. Особо не целились, точно выполняя предполетные инструкции Генерала.

— Парни, там кучка профессоров в тайге, их просто попутать надо. Пусть они обделаются, разбегутся по погребам, а через полдня мы на машинах подоспеем дело завершить. Вот и вся операция.

Покрасовавшись вдоволь, показав друг другу боевую удадь, вертолеты развернулись и взяли курс на военный лагерь, разбитый накануне в районе речной пристани километрах в сорока от городка. И вот тут с «черной акулой» приключилось что-то странное. Летевшая до того по красивой дуге машина вдруг дернулась, будто подпрыгнула в воздухе, а вслед за тем начала почти вертикально падать вниз. За секунды исчезла под поверхностью зеленого моря, которое тут же отозвалось яркой вспышкой пламени и гулким, недовольным гулом взрыва.

— Ничего ж себе! Что случилось-то? — проорал, пересиливая шум винта, пилот второго вертолета напарнику. Тот, наклонившись, пытался разглядеть через стекло кабины место падения. Ничего. Сплошные деревья и траурный столб дыма.

— Против солнца шла, не разглядел.

— Неужто лопасти перехлестнуло?

— Может, и так. Был у «акул» такой глюк... Жалко парня. Десять косарей мимо. Работа-то пустяковая! Генерал этот правду сказал — городишко голыми руками возьмем!

Захват таежного городка путем незамысловатого блицкрига, в самом деле, представлялся Генералу делом уже решенным. Его больше занимали фантазии о том, как после поимки ускользнувших от него в Чебоксарах беглецов он займется лечением собственного самолюбия, предав их изощренным мукам на сцене чебоксарского драмтеатра. Появилась даже изысканная, имеющая отношение к искусству идея: заказать пьесу местному драматургу, вариацию на тему «Ада» из «Божественной комедии». Со сложными, средневековыми механизмами для пыток. Лукин таких душераздирающих подробностей не знал, но даже если бы они и открылись, наверняка честно исполнил бы свою часть сделки. Потому как здраво понимал природу нового союзника и его насущные потребности. Эдакий Минотавр на коротком поводке. Чудище, которое иногда придется подкармливать свежим мясом. Скорее всего, человечиной.

С момента их встречи в ресторане гостиницы «Ермак» миновало несколько недель, плотно, с утра до вечера, заполненных подготовкой к операции в тайге. Сначала два военных самолета-разведчика методично, квадрат за квадратом, обшарили тайгу к востоку от Екатеринбурга. Поиски «точки X» заняли четыре дня. Едва Лукин увидел фото громадной проплешины в океане деревьев, ему многое открылось. О чем у них должен был состояться с физиком разговор. Причина, по которой спешно прилетел в Москву штабс-капитан из Берлина. Позже пришел страх — невыводимый, почти мистический. Такой, что показалось разумным отойти в сторону, уступить дорогу помогающим физики силам. Лукин сам не понимал, чего боится, но остро чувствовал несообразность масштабов — собственного и того сюжета, в который ввязался. Появилось зудящее желание скрыться, уехать куда-нибудь на восток, к океану. Переменить внешность, документы. Занять место, которое, может быть, и должен занимать. Заурядного, обычного человека. Позыв оказался настолько сильным, что он даже вызвал в кабинет Лаврентия, чтобы всерьез обсудить этот план. Но пока тот тащился, прихрамывая, через два этажа, Лукин отыскивал себе оправдание. Если отойти в сторону, исчезнуть, сюда придет Генерал. Получит ту штуку, которая выкосила тысячи гектаров тайги. Сделает ее своей любимой игрушкой. Когда Лаврентий вошел в кабинет, Лукин лишь спросил его, нет ли новостей о «таежной аномалии».

Специалисты-ядерщики в Новосибирске даже визуально, без проб воздуха и грунта, определили: это не атомный взрыв. Скорее, похоже на вакуумную бомбу¹ невиданной мощности. Впрочем, все детали вполне мог рассказать тот, кто этот взрыв, похоже, и устроил. В безлюдном секторе сибирской тайги размерами со всю Западную Европу самолеты внезапно наткнулись на обитаемый поселок, где, после анализа аэроснимков, ожидалось обнаружить от пяти до десяти тысяч человек. Поселок в базе данных российского Министерства обороны проходил как секретная советская лаборатория, прекратившая свое существо-

¹ Вакуумная бомба — боезаряд, использующий принцип «объемного взрыва».

вание в 1992 году. Эта вторая находка вообще походила на чудо. Столкновение с параллельной реальностью, в которой никогда не случилось распада Советского Союза, мирового кризиса, интервенции. Генерал, правда, в чудеса предпочитал не верить, судил о фактах как всегда — цинично:

— Скорее всего, кто-то на свои деньги устроил там частное Сколково. Какой-нибудь сумасшедший олигарх, что не нефтью хотел торговать, а новыми технологиями. Сибирь вообще самое глухое место на земле, тут можно хоть миллиард китайцев спрятать. Ну а паршивый городишко — и подавно. Тем более что ребята, похоже, старались все сделать так, чтобы ни в чем со стороны не нуждаться. Вот, видите на снимке? Это поля. Вот теплицы. Вот фермы. Это — нефтяные вышки. На двух речушках — плотины для производства электроэнергии. Здесь пристань. Через нее когда-то наверняка возили все оборудование. Оттуда в город ведут железная и асфальтовая дороги. В общем, просто робинзоны какие-то...

В голосе Генерала, перечислявшего обнаруженные объекты, отчетливо звучала торопливая жадность налетчика, привыкшего жить за счет разграбления чужого добра. Превратившего это не просто в средство существования, но и в увлекательное, адреналиновое хобби. Однако сейчас Генерал отдавал себе отчет: живущие в поселке люди требуют другого отношения. Для его личного будущего они, возможно, даже важнее, чем вскормленные с рук, преданные как псы боевики. Способны дать власть совсем иного порядка. Потому живущих в городке надо не только оставить в живых — но и сохранить им условия для дальнейшей работы. «Операция по восстановлению территориальной целостности Сибирской республики» — как решили окрестить захват таинственного таяжного поселения — должна иметь исключительно мягкий, устрашающий, а не карательный характер. Экспедицию снаряжали на скорую руку, в авральном режиме. Лукин торопился опередить добравшегося, вероятно, до научного городка штабс-капитана из Берлина. На два крупных речных сухогруза загрузили вертолеты, военные грузовики, джипы, запас топлива и стрелковое оружие. Взяли двести бойцов — по сотне от Лукина и Генерала. Генерал долго убеждал, что больше не понадобится.

— Помилуйте, господин председатель правительства! Кто там с нами будет воевать? Профессора с берданками? Наша стратегия — появиться внезапно, чтобы они не смогли без риска для себя взорвать ту хрень, которая у них есть. Тихо приплываем, запугиваем с вертолетов, через пару часов врываемся туда на автомобилях и берем все под контроль. Как только профессора начинают работать на нас, план вообще простой. Взорвать пару таких устройств где-нибудь поблизости от мест дислокации европейской армии — и можно начинать переговоры совсем на других условиях. На айн, цвай, драй мы уже переедем в Берлин!

Видимая простота дела жестко конфликтовала внутри Лукина с очевидным фактом — или, скорее, его невозможностью: пока в одной России гнали на экспорт нефть, создавали олигархические династии и миллиардами крали у государства деньги, здесь, в тайге, вопреки всему проросла совсем иная реальность. От нее веяло фантастикой, прочитанными в детстве романами о благородных пришельцах из других миров, щедро снабжающих горе-землян внеземными технологиями. Странная потеря вертолета, о которой рассказали вернувшиеся пилоты, только усилила это неприятное брожение. Машины специально выбирали беспроблемные, после капитального ремонта. Но Генерал выглядел невозмутимым, только время от времени доставал из кармана черного шахматного ферзя, свой талисман на удачу, и начинал как наперсточник вертеть его в руках.

— Обычная поломка. Не было ни выстрела, ни вспышки. Или вы, господин председатель правительства, считаете, что профессора научились сбивать летящие объекты силой мысли? Если так, нам действительно не повезло. Ха-ха-ха!

Лагерь накануне разбили прямо рядом со стометровым бетонным молом на реке. Поблизости обнаружился закрытый на замок ангар с несколькими катерами и моторными лодками, которые оказались вполне себе на ходу, часть даже с заполненными горючим баками. В восемь утра всех построили на пристани, и Лукин, рассматривая помятые физиономии солдат, промямлил что-то — похоже, никому не нужное — о начале «операции по восстановлению конституционного порядка и территориальной целостности». Потом все расселись по машинам, и длинная авто-

колонна двинулась в сторону поселка. Впереди джип со знаменем Сибирской республики — золотой медведь на трехцветном фоне. Следом — грузовики, забитые автоматчиками. Затем еще джипы, в одном из них Лукин и Генерал. Дорога выглядела весьма прилично, хотя, похоже, часто ею не пользовались. В начале пути Лукину попался на глаза странный указатель: «Город Солнца. 40 км».

— Город Солнца, — пробормотал он, пытаясь выцепить из памяти давно забытое. — Кажется, что-то связанное с утопистами. Помните? Это те, кто хотел построить идеальное человеческое общество.

Генерал не ответил. Он как раз обдумывал второй акт своей постановки с пытками, где черти должны были слегка поджарить голых пленников на большой жаровне. Голова была занята чисто техническим вопросом — что будет играть роль жаровни и как установить ее в чебоксарском театре с соблюдением правил пожарной безопасности. Так, в молчании, они миновали еще с десяток километров.

— Почему мы не хотим договориться с этими людьми? — внезапно истерично спросил Лукин то ли себя самого, то ли спутника. — Решили сначала обстрелять их, а теперь едем туда вооруженные до зубов?

Прежний страх перед чем-то неведомым и высшим обострялся с каждым километром, который оставался позади. Хотелось отмотать все назад, вернуть в ту точку, где он разговаривает по телефону с Генералом. Просто взять и положить трубку. Отвлекаясь от мыслей о жаровне, Генерал с недоумением взглянул на Лукина. Зачем договариваться, если можно прийти и взять?

— У них наверняка есть какие-то идеи, как использовать эту штуку, — уже едва слышно, будто оправдываясь, пробормотал Лукин, опуская глаза под сердитым взглядом Генерала. — Не зря же физик пытался со мной поговорить?

Недовольный, что его отвлекли от театральной темы, Генерал пожал плечами:

— Какое вам дело до их идей? Не уверены в своих собственных?

Лукин рассеянно кивнул в ответ. Вроде как согласился. Но вместо того подумал — собственные? Да есть ли они вообще? Были хоть когда-то? С неожиданным омерзением начал вспо-

минать годы своего начальственного сидения в Кремле. Людей, окружавших его. Ту жизнь для всех остальных, которую они в итоге придумали. Тогда казалось — да, не шедевр, но лучше, честнее не сделать. Даже на благословенном Западе точно такое же царство бесстыдных homo concretus, пусть и картинка покрасивше, с хрустящими багетами и красными черепичными крышами. Но сейчас Лукину было с чем сравнить. Кто-то, оказывается, смог сделать в затерянном таежном городке такое, чего не удалось целой огромной стране с почти неисчерпаемыми ресурсами. Чему он может их научить? Какую истину преподать?

Из задумчивости Лукина вывели вспыхнувшие стоп-сигналы маячившего перед ними на дороге грузовика. Колонна встала. Генерал, чертыхаясь, заерзал на сиденье:

— Какого черта!

Прибежал адъютант, из боевиков. Вытянулся у открытого окна, испуганно взял под козырек.

— Там парламентареры! На машине с белым флагом! Двое!

Лицо Генерала расплылось в улыбке:

— Видите, господин председатель правительства... К нам уже пожаловала делегация с ключами от городских ворот! Сейчас мы торжественно въедем в город, и на том вся операция закончится. Даже скучно... Ленин правильно нашу интеллигенцию описал. Труслива и безвольна. По духовной сущности действительно напоминает эдакое бесформенное дерьмо. Не находите?

Они вылезли из джипа и пошли к голове колонны. Похоже, весть о парламентарерах уже распространилась среди солдат — все были оживлены и рады такой быстрой развязке, предвкушая, как потратят обещанную награду. Метрах в пятидесяти от переднего джипа на дороге стояла старенькая «тойота» с торчавшим из кабины флагштоком и безвольно повисшим на нем куском белой материи. Рядом Лукин увидел двоих, одетых в форму защитного цвета. Один высокий, худой, белокрытый, второй среднего роста, широкий, мощный, с огромной головой. Его Лукин тут же узнал по описанию, которое удалось составить службе безопасности. Быков. Вот они и встретились.

— Приведите их сюда, — вальяжно приказал Генерал. — Только сначала все-таки общитесь. Так, на всякий случай.

Принесли два раскладывающихся матерчатых стула. Генерал немедленно уселся, предложив сделать то же самое Лукину. Когда подвели физика и его спутника, лицо Быкова при виде Генерала перекосило. Генерал в ответ оскалился улыбкой, вновь напомнившей Лукину о Минотавре.

— Что, Паша, не ждал? Продолжим нашу философскую беседу? Может, коньячку?

Физик, оторвав наконец от Генерала зачарованный взгляд, повернулся к нему боком, словно тот здесь вообще не присутствовал.

— Господин Лукин, правильно ли я понимаю, что вы находитесь здесь в качестве представителя международно признанной власти? Не как участник банды, возглавляемой сидящим рядом с вами человеком?

Не зная, что ответить, Лукин безвольно мотнул головой.

— Хорошо, — продолжил Быков. — В таком случае, не могли бы вы объяснить, на каких основаниях наш населенный пункт сегодня утром был обстрелян с воздуха, а теперь этот отряд вооруженных людей намеревается, как я понимаю, силой захватить его?

Лукину стало неуютно. Он не предвидел возможность подобных объяснений и не понимал, что сказать.

— Это... — промямлил он. — Операция... по восстановлению конституционного порядка.

Быков посмотрел на него, как на умалишенного.

— Что вы имеете в виду? Мы разве заявляли, что отделяемся от Сибирской республики? Не подчиняемся ее законам?

Логичный вопрос ввел Лукина в состояние, близкое к панике. Голос стал блуждающим, слова безвольно вихляли туда-сюда.

— Мы... получили данные, что в вашем распоряжении находится мощное оружие. Бомба нового поколения... Необходимо обеспечить ее безопасность. Насколько нам известно, к вам уже проник иностранный шпион...

Спутник физика, до того молча, с сарказмом разглядывавший лицо Лукина, делано улыбнулся.

— Вы это обо мне? Да, пришлось обойтись без визы. Готов понести наказание по всей строгости закона. Кажется, мне гро-

зит штраф и депортация в течение трех дней? Буду очень благодарен если отправите меня сразу в Берлин... Что до бомбы, мы открыты для переговоров. Но лишь когда вы вернетесь сюда без вооруженного эскорта.

Он говорил по-русски складно, почти без акцента. Лукину, которого тяготило все происходящее, искренне хотелось закончить этот разговор именно так, чтобы колонна машин развернулась и отправилась обратно к пристани. Но тут, наконец, прорвало Генерала, который до того лишь яростно пыхтел, выражая так отношение к происходящему.

— Я что-то не понял, — прохрипел он, приподнимая со стульчика свое грузное тело для привлечения внимания. — Почему они диктуют нам свои условия? Я конечно люблю театр, но только на сцене! Через час мы войдем в этот ваш поселок и вы будете делать то, что вам скажут. Это понятно?! Вы — паршивые, слюнявые интеллигенты. Можете только языком красиво трепать... Ты в Чебоксарах, когда со мной разговаривал, чуть в штаны не наделал... А вот теперь пришел меня учить?

Физик на мгновение будто окаменел, но, переглянувшись с напарником, все-таки справился с собой.

— Мы здесь, чтобы предупредить вас, — сказал он глухо после длинной и неприятной паузы. — Достижение вашей цели невозможно с помощью военных средств.

Загоготовав, Генерал азартно шлепнул себя по ляжкам, затянутым в пятнистые камуфляжные штаны.

— Предупредить? Знаете что, господа ученые и шпионы? Проваливайте отсюда, пока я добрый... Живо! Пошли вон!

Через минуту «тойота» с белым флагом, недовольно рявкнув, развернулась на шоссе и быстро скрылась из виду. Не сказав больше ни слова, Генерал фыркнул презрительно и пошел обратно к машине. Лукин поплелся следом. Пока шел, вернулся прежний страх, что подмораживал внутренности, оплетал руки-ноги холодными, противными отrostками.

Колонна тронулась дальше. Дорога, нырнув вниз вместе с холмом, весело пошла под уклон. Через пару километров начался подъем, долгий и нудный. Генерал задремал и как большое животное похрапывал на соседнем сиденье. Лукин, глядя на него,

тоже начал клевать носом. Именно тогда раздался взрыв — гулкий и низкий, как удар молотка обо что-то плотное. Волной пришла тошнотворная, вязкая дурнота. Потом были удар, скрежет железа, крики. Водитель резко дал по тормозам. Голова Генерала, сидевшего наклонившись слегка вперед, дернулась и сильно стукнулась о жесткое переднее сиденье. Сзади в бампер поддала ехавшая следом машина. Лукин сжался, замер на месте. Пытаясь не захватывать ушами потоки извергаемой Генералом нецензурной брани, начал прислушиваться к тому, что же происходит снаружи. Через несколько минут опять прибежал ординарец с докладом.

— В лесу, недалеко от дороги, что-то рвануло. Прямо напротив первого грузовика. Никто не пострадал, но вся колонна заглохла. Только пару машин смогли снова завести.

Генерал слушал молча, потирая багровый след от удара на щеке, что быстро наливался синевой. Кажется, был несколько обескуражен. Они вылезли из джипа, что, несмотря на все ухищрения водителя, не подавал признаков жизни, и прошли почти до самого начала автоколонны. Следовавший первым грузовик стоял, слегка развернувшись, поперек шоссе. К его левому заднему колесу приткнулась другая машина. Солдаты высыпали из кузова и затравленно разглядывали обступающий дорогу с обеих сторон мрачный хвойный лес. Некоторых рвало. Лукин снова ощутил подступившую к горлу тошноту.

— Чего тут у вас происходит? — мрачно поинтересовался Генерал, походя к водителю. — ГАИ ждете? Что с машиной?

Шофер, боязливо поглядывая в сторону начальства, полез под капот. Когда выглянул оттуда обратно, Лукин сразу понял, что парень столкнулся с чем-то необычным.

— Все, все сгорело... — выдохнул он, выпучив глаза. — Как молния ударила.

Лукин почувствовал вибрирующую легкость в коленках. Похоже, вертолет все-таки упал не просто так.

— Что вы об этом думаете? — шепотом спросил он у разом осунувшегося Генерала.

— Электромагнитное излучение, — процедил тот сквозь зубы, оглядываясь по сторонам. — Скорее всего, радиоправ-

ляемый заряд, создающий такой импульс. Небольшая бомба покрывает площадь в несколько гектаров. Сгорает все электронное оборудование. Такие игрушки разрабатывали на Западе до войны. Никогда не слышал, чтобы у нас было что-то подобное... Эй, ротный! Высадите всех солдат и дайте несколько залпов по тайге. Может быть, диверсанты еще тут. Потом ведите людей пешком! Осталось не так много, прогуляемся. Знамя нести впереди колонны!

Когда начали палить разом десятки автоматов, Лукин сразу же почти оглох. Заткнув пальцами уши, прижался к кузову грузовика, закрыл глаза. После того как все стихло, прибежал обратно Генерал — злой, как пес, с уже налившимся синяком на скуле.

— Почему вы не хотите вернуться? — нахрапом попробовал взять его в оборот Лукин. — Неужели не ясно — нас поджидают вовсе не профессора с охотничьими ружьями? Тут, похоже, занимались серьезными исследованиями...

— Ерунда, — отмахнувшись, прорычал в ответ Генерал. — Если бы у них было что-то серьезное, они наверняка уже испытали бы это на нас. Уничтожили бы сразу. С какого резона, позвольте, им нас жалеть?

До города оставалось километров семь, Генерал рассчитывал покрыть их за пару часов. Поначалу все выглядело так, что самое плохое, в самом деле, уже позади. Дорога вынырнула из мрачной тайги, пошли жизнерадостные, зеленые поля. Им попалось на пути что-то вроде двухэтажного домика отдыха для сельхозработчиков. Пятеро спецназовцев обследовали его, обнаружив внутри недовольно мяукающего рыжего кота и свежие остатки яичницы. Кто-то был здесь буквально час-полтора назад. Чтобы хоть как-то выпустить пар, домик тут же подожгли, разрешив, к счастью, коту убежать. Этот бессмысленный, мелочный вандализм отчего-то еще сильнее утвердил Лукина в идиотизме и обреченности их предприятия. Впрочем, развязка наступила даже быстрее, чем он ожидал. Впереди на дороге показался необычного вида грузовик с возвышающейся за кабиной параболической антенной. Та имела странную форму — походила на вытянутый вверх древнеримский щит. Лукин сразу понял — дело дрянь. Волна па-

ники быстро пошла снизу вверх, от колен. Генерал тем временем выматерился по поводу профессоров-затейников, потянулся за биноклем. Сказал, тщательно изучив антенну с помощью цейсовских линз:

— Ничего не понимаю... Эй, человек, дай-ка мне автомат...

Идея плохая, отозвалось у Лукина в голове. Очень плохая. Но высказать свои сомнения он не успел. Автомат в руках у прицелившегося в сторону антенны Генерала внезапно начал, сухо потрескивая, искрить голубыми точками. Руки у Генерала затряслись, как в припадке, глаза полезли прочь из орбит. То же самое происходило со всеми металлическими предметами вокруг — оружием, пряжками ремней, фляжками, часами, дужками очков, застегками на ботинках. Волной пришла боль. Обжигающая, перебивающая дыхание. Кожу жгло так, словно ее непрестанно, все время, поливали кипятком. Люди дико орали, катались по земле, скидывая с себя все металлическое. Лукин, как и многие, рухнул на асфальт, затем перевернулся на живот и начал, поскуливая, сучить ногами по асфальту, протирая до дыр брюки. Текущая по ногам жидкость казалась благом, смягчающим чудовищную боль. Так продолжалось то ли двадцать, то ли тридцать секунд. Хотя времени, кажется, уже не было. Вообще ничего не было. Осталась боль, одна только боль. А потом она кончилась. Это мгновение Лукин осознал как самое полное, самое яркое счастье в своей жизни.

— Бежим! — закричал он, разрывая горло от бурлящей в нем напололам с болью животной радости, встав на четвереньки и едва приоткрыв глаза. — Бежим!

Он не знал, в каком направлении бежать и поможет ли вообще это бегство. Но был уверен в том, что бежать надо. В свой, понятный мир. Туда, где его личная ценность не стремится к нулю. Где нет суицидного ощущения собственной никчемности. Вслед за ним начали подниматься на ноги остальные. Одним из последних — грузный, тяжелый, как носорог, Генерал. Словно толпа пьяных сатиров, уже без всякого оружия, пританцовывая и подхрамывая, они затрусили обратно в сторону тайги. Так завершилась операция «по восстановлению территориальной целостности Сибирской республики».

Ожидание казалось невозможной по жестокости пыткой. Лучше бы ее на самом деле пытали — может, тогда смогла бы на время отключиться. Жизнь не оборвалась, но подвисла высоко-высоко, испуганно трепыхаясь на тонкой, почти невидимой нитке. Та самая жизнь, которую удалось найти после стольких лет блужданий по чужим, не своим дорогам. Сима чувствовала головокружение, наверное от высоты, и боль в груди — там, где нить проходила насквозь. Голдстон ушел от нее еще до рассвета, сказал, что должен поехать куда-то с Быковым. Поцеловал коротко, но как-то особенно мягко в шею и исчез в темноте, словно призрак. Потом над городком появился вертолет. А сразу вслед за тем прибежал человек от Казакова, приказал сесть вместе с ним в машину, чтобы отвезти в ту самую лабораторию, где им показывали коллайдер и висящую в пустоте волшебную голубую каплю. Сюда же с утра привезли несколько сотен детей — заспанных, плачущих, растерянных. Город Солнца готовился к прибытию незваных гостей.

Правда, Быков предупреждал о чем-то подобном. С месяц назад над поселком в тайге, впервые за долгие годы, был замечен самолет. Не раз и не два. Значит, появился здесь не случайно. Физик ничего не рассказывал о том, имеется ли какой-то план обороны на случай вторжения. Краем уха Сима слышала: недалеко от пристани и дальше вверх по реке размещены разведывательные посты, в каждом по два-три человека. Но есть ли от них вести, она понятия не имела. Даже Ворон, который, похоже, все время пытался что-то разнюхать, знал немногим больше. После явления над поселком загадочных самолетов партизанский командир почти все время пребывал в непонятном торжественно-мрачном настроении. Когда их везли сегодня утром в одной машине из гостевого дома в лабораторию, к счастью, молчал, но при том постоянно крутил головой, поблескивал возбужденно черными глазками. Один раз, правда, все-таки не удержался, выдал напыщенно:

— Я вас предупреждал! История остается за сильными. Скоро все увидите!

Она взглянула на него — с отвращением, которое даже не стремилась убрать с лица. Промолчала. Опять холодными, но жгучими пальцами сдавил шею ужас. За себя, за будущее, за Голдстона, который за несколько недель сросся с ней так, что и швов уже не найти. А еще за Кольку — тихий, бледный, он понимал, что происходит что-то неправильное, с чем, однако, при всем желании не справиться. Обняв его за плечи, Сима сидела в машине и слегка раскачивалась, словно помешанная. Будто качала как младенца. В бункере их втроем разместили в небольшой лаборатории: квадратный железный стол и несколько стульев с плетеными пластиковыми сиденьями. Потом часы отчаянных блужданий где-то опять на неправильном берегу Стикса, в толпе тоже потерявших всякую надежду, отчаявшихся теней. Она уже почти поверила в то, что снова оказалась под землей, когда дверь распахнулась и на пороге возник радостный, сияющий Быков. Первая ее мысль — все плохо, очень плохо, потому что от переживаний физик помешался. Но из-за спины Быкова появился Голдстон. Тоже ухмыляющийся, пусть и уставший, осунувшийся. Серые тени умерших испуганно вспорхнули, разлетелись в стороны. Мир снова начал заполняться цветом, звуками и запахами.

— Все, — как-то очень емко сказал Быков, окончательно возвращая реальности объем. — Можно выходить. Война закончилась два часа назад. Добро победило зло. Плохие дяди убежали, зализывая раны.

Заглянув в серые, смеющиеся глаза Голдстона, Сима поняла: все чистая правда. Ворон, напротив, никак не хотел верить. Хмурясь недоверчиво, поднял над стулом худое, нескладное тело. Спросил:

— Вы говорили, там несколько сот человек. Сотни хорошо вооруженных бойцов. Куда же они делись? Вы взорвали их своей плазмой?

Лицо Быкова окаменело.

— Вы разочарованы, команданте?

Ворон молча уселся обратно. Долго сидел молча, глядя в одну точку, будто на поминках. Вот-вот скажет — «да, разочарован».

— Что же все-таки произошло? — выдавил он наконец с усилием.

Лицо физика по-прежнему было как у статуи. Возможно так ему легче было разговаривать с Вороном.

— Никто никого не взрывал. Их просто посадили в микроволновку. Это очень неприятно, но не смертельно. Все остались живы. Теперь благополучно возвращаются на свое круизное судно после завершения экскурсии по окрестностям.

— Микроволновку? — отсутствующим голосом повторил Ворон, словно пытаясь вспомнить, что это такое.

— Использовали излучатель электромагнитных колебаний в диапазоне миллиметровых волн, если вам это о чем-то говорит. Излучение почти полностью поглощается кожей и проникает на глубину примерно треть миллиметра. Ощущение такое, что вас поджаривают на сковородке. Американцы применяли такие установки еще во время войны в Ираке. С технической точки зрения ничего особенного. Мы, помнится, придумали тогда аналог за полгода. Нелетальные виды оружия были одной из тем, над которыми здесь работали до войны. С тех пор осталось несколько опытных образцов.

Ворон упер в Быкова подозрительный взгляд. Кажется, пытался понять, не разыгрывают ли его.

— Мы собрали на поле великой битвы, длившейся целых полторы минуты, кучу автоматов и амуниции. Теперь будет, чем вооружиться, — сказал вместо физика Голдстон, отодвигая его в сторону и заходя в комнату. — И еще зная с медведем, которое они тащили с собой, чтобы повесить где-нибудь в поселке в знак своей триумфальной победы. Мило, да? Скорее всего, хотели устроить здесь парад. Милитаристы несчастные!

Усевшись за стол, он подмигнул Кольке, пожал ласково руку Симе и начал рассказывать. С его слов нашествие Генерала выглядело как приезд компании клоунов, глуповатых и совсем неопасных. Колька хихикал, а Сима, напротив, бросала на Голдстона наигранно сердитые взгляды. За то, что не сказал ночью, что идет на войну. Тогда бы она знала и молилась — все время. На коленях, не вставая ни на минуту. Когда он появился в бункере, ей стало хорошо, несказанно хорошо. Вместе с ним она получила обратно и себя. Почувствовала, что с радостью принадлежит вот этому времени и месту, пусть тайга, пусть Сибирь и конец света.

Важно только то, что он здесь, рядом. Можно протянуть руку и дотронуться до загоревшей, лежащей на столе ладони с длинными, как у пианиста, пальцами. Дотронуться до него, а найти при том себя, живую и во плоти. Она вспомнила про жуткие тени мертвых, пытавшиеся утянуть ее обратно, на другой берег Стикса, и внезапно спросила, тут же удивившись собственной немыслимой жестокости:

— Почему вы отпустили их живыми? Ведь они вернутся. Обязательно вернутся.

Зависла пауза, как будто в приличном обществе кто-то сморозил редкостную непристойность. Она поняла, что слишком поддалась своему страху. Вышла за те границы, благодаря которым они и смогли пережить все выпавшее на их долю. Стало до удушья стыдно и неловко. Ее спас физик — с грохотом пододвинул себе стул и уселся рядом.

— Об этом мы и должны поговорить. Да, они вернутся. Уже с небольшой армией. Спланируют как следует операцию. Не полезут напролом по одной-единственной дороге. Все так. Но мы не можем сейчас раздать людям автоматы, поехать следом на машинах и перестрелять их как в сафари, бегущих и безоружных. Можно я не стану объяснять почему? У нас точно есть две-три недели: за это время можно многое сделать.

Он помолчал. Стало понятно, что хорошие новости закончились.

— Я только что разговаривал с Казаковым. Мы решили эвакуировать проект, — сказал Быков словно через силу. — Лаборатория будет взорвана тем зарядом, что сейчас там хранится. Все схемы и чертежи, записанные на носители, возьмем с собой.

Сима чувствовала, как ее пальцы словно опускаются в ледяную воду. Бежать. Снова бежать от смерти, которая сможет прийти даже сюда, в эту землю обетованную.

— Возьмем куда? — тихо спросила она, представляя почему-то в качестве места назначения исключительно свежеекопанную, с ровными краями могилу.

— Осталась, увы, только одна надежда, — вымученно улыбнулся физик. — Это друзья Джона в Берлине. В Новосибирске есть европейское консульство. Оттуда он сможет выйти с ними

на связь и попросить защиты для оставшихся в поселке. Данные по проекту их наверняка заинтересуют, поэтому они должны согласиться. До Новосибирска доберемся на самолете, за три-четыре перелета. Горючее купим по дороге. До войны все деньги, что здесь были, успели поменять на золото. Рискованно? Думаю не больше, чем первая часть нашего пути.

Молчание. Все словно безотчетно наслаждались последними, уже обреченными секундами затишья перед новым побегом. Возможно, размышляла впоследствии Сима, скажи Голдстон или Быков еще что-то, все могло бы повернуться иначе. Но тишина, давя на всех по отдельности, на каждого по-своему, словно требовала от них каких-то действий. Она не помнила потом в деталях, четко, как все произошло. Только странный, тревожный щелчок. Потом расширенные зрачки Голдстона. Ужас на задумчивом до того лице Быкова. И приставленное кем-то к Колькиной голове дуло пистолета. До нее не дошло сразу, что это пистолет Ворона.

— Я...я сразу вас раскусил. Еще под Москвой... — прошептал в полной тишине партизанский командир, быстро-быстро облизывая губы.

В этом броуновском, лихорадочном облизывании угадывалось нечто шизофреническое. При том держащая черный пистолет рука, как отлитая из чугуна, висела в воздухе без единого видимого колебания. Колька весь посерел, еще больше втянул голову, его глаза, ставшие вдруг непостижимо круглыми, испуганно шныряли туда-обратно по комнатке. «Припадок, — с ужасом решила про себя Сима. — Это припадок. Надо его как-то успокоить, он не понимает, что угрожает мальчику. Он вообще ничего не понимает».

Но Ворон, напротив, очень хорошо понимал, что именно он делает.

— Слушайте меня. Только внимательно слушайте, — прохрипел злобно, хватая теперь Кольку за волосы левой рукой и плотно прижимая его голову точно виском к пистолету. — Скажу только раз. Один раз. Понятно?... Вы все... вы все здесь заодно... Хотите продать эту страну в вечную кабалу... Думаете, я вот так соглашусь с этим? Буду спокойно смотреть?..

Никто ему не ответил. Лицо физика выглядело таким напряженным, что, казалось, его титаническая голова вот-вот взорвется. Сима отчаянно взглянула на Голдстона — придумай же что-нибудь! Тот, не отрываясь, смотрел на короткое дуло пистолета. Почему-то с таким видом, словно все происходящее было исключительно на его совести.

— Нет у меня времени на долгие речи! — отозвался сам же Ворон. — Новый план такой. Вы грузите контейнер с плазмой в грузовик. Заливаете полный бак бензина. Я уезжаю с мальчишкой и отпускаю его на полдороге. Альтернативный вариант — я убиваю мальчишку. Думаю вам, как известным гуманистам, это не очень по душе. Так?

Все сидели оцепенев, словно даже легкое движение воздуха было способно создать то самое давление, способное подвинуть курок пистолета. Но Ворон истолковал по-своему.

— Не верите?! — взъярился он, стукнув кулаком по столу. — Если не будет России, мне на все плевать! И на всех! Пусть все лучше сдохнут, чем быть холоуями у чужих господ!

Схватив Колькину пятерню, он прижал ее к столу. Потом приставил к ней в упор дуло.

— Не верите?! Нате, смотрите!

Грохнул выстрел. Колька, отдернув руку, заверещал страшно, как голодный грудной ребенок. Звук его заполненного одной болью голоса бритвой полоснул Симу по мозгу, нахлынула дурнота, она медленно начала сползать под стол. Быков и Голдстон, не сговариваясь, вскочили на ноги. И тут же замерли, увидев как Ворон снова приставил пистолет к виску скулящего, извивающегося от боли ужом Кольке.

— Хотите перевязать? Только быстро, — коротко бросил командир, чье лицо с жидковатой бороденкой было теперь забрызгано Колькиной кровью. — Через час грузовик с контейнером должен стоять у входа в лабораторию. Иначе пристрелю мальчишку! Через час. Час!

Физик сбежал за аптечкой. Уже мало что соображающего Кольку под прицелом пистолета укололи обезболивающим и пербинтовали. Сима видела и слышала все как через туманную пелену. Вид страдающего Кольки вытягивал из нее по капле жизнь,

вводя в состояние летаргического сна. Ее поразила вдруг четкая, непреложная как аксиома мысль: если с мальчиком что-то случится, весь этот мир обречен. Ничего не будет хорошего, светлого, достойного и через сто, и через двести лет. Она слышала, как Голдстон убеждал командира взять в заложники кого-то из них, но Ворон, помотав головой, сухо и злорадно ответил:

— Сорок пять минут.

Через сорок пять минут, которые Сима провела уже почти в забытии, снова появился физик.

— Все готово, — пробормотал он, глядя на впавшего в полусон после укола Кольку. — Хотя понимаете, насколько это опасно?

Ухмыльнувшись глупо, Ворон кивнул головой. Кровь с лица он так и не стер, и от этой окровавленной улыбки горло Симы скрутили рвотные судороги.

— Понимаю. Поэтому и хочу забрать.

— Зачем вам плазма?

Ворон прищурился. Кажется, был даже рад похвалиться своими планами.

— Во-первых, будет сложнее взорвать коллайдер. Во-вторых, это наглядное доказательство. Лукин не понимает, с чем имеет дело. Нужно, чтобы они не разбомбили здесь все к чертовой матери, а убедили остальных работать на себя. Тех, кто в отличие от вас не захочет стать предателями... Контейнер можно подключить к обычной сети, да? Казаков что-то рассказывал.

Быков, помявшись, ответил:

— Да.

— На сколько хватит батарей, чтобы поддерживать поле?

— На десять часов. Когда поле пропадет, начнется фазовый переход и будет взрыв.

— Какой мощности?

— Полное поражение всего живого в радиусе пяти километров.

— Радиация?

— Минимальна. На расстоянии двадцати километров от эпицентра уже не превышает нормы.

— Насколько прочен контейнер?

— Сопоставим с броней БТР.

Кольку в грузовик им пришлось тащить на руках, он уже мало что понимал. Ворон шел рядом, нацелив на мальчика пистолет. Сима, преодолевая не отпускающую ее дурноту, опираясь на стены и предметы, поплелась следом. Всех остальных из лаборатории, вероятно, уже вывезли, по пути они не встретили ни души. У открытых железных ворот стоял армейский грузовик с закрепленным тросами в кузове знакомым металлическим ящиком.

— Если подсунули пустую болванку, пристрелю мальчишку, — уже как-то по дежурному, беззлобно предупредил их Ворон из кабины. — Как только отъеду от города, сразу проверю, что там за этой заслонкой. Если увижу кого сзади, тоже пристрелю. Так что без героизма.

Когда грузовик, перед тем нервно дрогнув, поехал, Сима вскрикнула и метнулась следом. Споткнулась, упала на корточки и проползла несколько метров на четвереньках. Снова насквозь пронзило ощущение, что от нее оторвали и увозят неизвестно куда ее собственного, кровного ребенка. Первого и последнего. Грузовик развернулся, чтобы выехать на грунтовку. За лобовым стеклом еще раз мелькнуло бледное, безжизненное Колькино лицо, а потом возбужденное, даже безумное — Ворона. Голдстон бережно обнял Симу, отвел в сторону и посадил на какой-то тухлявый пенёк. Сказал тихо, отведя глаза в сторону:

— Мы поедem следом и заберем его. Он выживет. Рана не очень страшная.

Перестав, наконец, сопротивляться самой себе, Сима вцепилась в его руку и по-животному, не думая больше ни о чем, завывала.

* * *

Конечно же, Ворон никогда не застрелил бы Кольку. Прострелить руку, чтобы припугнуть мягкотелых, впечатлительных интеллигентов — да, пожалуйста. Но он знал, куда целил. Рана пустяковая. До свадьбы заживет. Тем более что свадьба эта, похоже, не скоро.

— Прости, приятель, — потрепал командир Кольку по голове, как только они проехали с километр по грунтовке в сторону поселка. — Пришлось разыграть немного наших друзей. Иначе не отпустили бы. Слабое у них это место — кровь человеческая... Главная их слабость! Боятся они ее... Они же их обезоружили! Почему ж тогда не перебили как кур? Слабые они, Колька, слабые! Потому ничего у них не получится!

Даже неожиданно для себя самого Ворон расхохотался. Громко, делано, как злодеи в дешевых фильмах, щедро брызгая слюной. Подумалось: со стороны, и правда, выглядит настоящим сумасшедшим — захватил силой и везет сейчас с собой в грузовике штуку почище атомной бомбы, что взорвется через десять часов, если не подключить ее к розетке. Куда везет, зачем, что собирается с ней сделать? Тем временем Колька на трясучей дороге начал приходить в себя. Как в тумане видел расступающиеся в разные стороны высоченные ели, не в состоянии, правда, вспомнить, куда именно, с кем едет. Сначала подумал — накатил припадок прежней болезни, чего не случалось с ним с тех пор, как ходили они с Вороном в секретные тоннели. Потом пришла вялая, ноющая боль в правой руке. И воспоминание — Ворон с перекошенным лицом вдавливал в ладонь дуло пистолета. Сейчас у командира было другое лицо, скорее довольное. Кажется, он больше не собирался палить в разные части Колькиного тела.

— Куда мы едем, Ворон? — простонал Колька едва слышно на фоне урчащего мотора.

Ворон повернул к нему вымазанное кровью лицо, улыбнулся широко, словно обрадовался вопросу.

— Куда едем? К своим, Колька, к своим!

Слово «свои», несмотря на боль в руке и накатывавший временами озноб, Кольку сильно озадачило. Все, кого он считал «своими», остались в поселке.

— Свои — это кто?

— Свои, Колька, это те — кто за Россию. Кто против ее врагов, а не заодно с ними. Вот кто такие свои.

Будь у Кольки больше сил, он, наверное, поспорил бы с Вороном про «своих». Сказал бы: «свои» — это те, кому он доверяет. Нельзя назвать «своими» людей, что с автоматами шли покорять

сказочный Город Солнца. Но сил не было, потому Колька просто прошептал:

— Ворон, отпусти меня...

Командир фыркнул не понимая.

— Ты чего это?

— Отпусти меня Ворон, я хочу вернуться.

Они только-только пролетели на скорости через поселок и свернули на дорогу, которая вела к пристани. Ворон дал резко по тормозам. Медленно свесил голову направо:

— Что?

— Не хочу с тобой... Хочу вернуться.

Грузовик резко сбавил прыть. Ворон так удивился, что безвольно отпустил педаль газа. Потом, когда суть Колькиных слов дошла до сознания, заорал, как помешанный, перемежая нормальные слова матюгами:

— Ты что, от боли с катушек съехал? Забыл, что я для тебя сделал? Я тебя подобрал, от голодной смерти спас! Ты же мне как родной сын! А они? Что они для тебя успели сделать? Или что-то успели пообещать? Деньги? Уютный домик в Чехии? Ты не переживай! Теперь, с этой вот штукой, что у нас в кузове лежит, мы и до Чехии доберемся!

Лицо Кольки, побелевшее, обескровленное от пережитого, поразило Ворона каким-то застывшим, решительным своим выражением. В замешательстве командир выжал тормоза, понял, что Колька хочет сказать. Тот и вправду начал говорить. Но совсем не то, что Ворон ожидал от него услышать.

— Ворон, помнишь, мы в Москве мимо монастыря шли?

Командир кивнул.

— Помню.

— Я тогда подумал — монастырь этот посреди разрухи как живой человек среди сотни мертвецов. Понимаешь? Словно вот бомба взорвалась, все умерли, а ему ничего. Не смогла смерть его забрать. Не по зубам он ей оказался...

Ворон дико смотрел на Кольку, не понимая, говорит ли тот сам, из своей головы, или же озвучивает внушенное кем-то еще. Сложно было представить, что парень всерьез размышлял о таком.

— И что же? — спросил он неуверенно, понимая, что должен что-то сказать. — Что с того?

Несмотря на свой замученный донельзя вид, Колька вдруг улыбнулся — легко, как дети во сне.

— Те, кого мы оставили, они живые. А к которым едем — мертвые. Понимаешь?

Почувствовав удушье, командир начал одержимо крутить ручку бокового стекла. Рядом сидел не прежний, знакомый, понятный ему Колька, а кто-то совсем чужой. Когда, отчего произошло это чудовищное превращение? Что тому виной? Разбираться было некогда да и незачем. «Он больше не мой, — с опустошающей очевидностью осознал Ворон. — Я его потерял».

Командир молча вылез из грузовика, обошел его спереди и открыл другую дверь. Потом все так же, без единого слова, мотнул Кольке головой — мол, вылезай. Тот, морщась от боли и пытаясь помочь себе здоровой рукой, кое-как выполз наружу. Поймав на себе странный, недоверчивый взгляд Ворона, почти прошептал, совсем уже обессилив.

— Спасибо тебе за все, Ворон... Спасибо... А туда зря едешь. Ничего хорошего от них не будет. Лучше вернись как я.

Командир только послал его по матери в ответ, торопливо вернулся в кабину и громко хлопнул дверцей. Но последние Колькины слова смутили его, пусть Ворон никогда не верил в пророчества или предчувствия. Колька говорил так убежденно и искренне, что привнес заметное возмущение в его ясный, четкий план.

* * *

Ворон продолжал материться — громко, в голос, — пока не доехал до того самого места, где без единого выстрела была остановлена наступавшая автоколонна Генерала. Здесь пришлось включить голову. Попотеть, чтобы объехать по отвесной обочине, обрывающейся в залитое водой гнилое болотце, автомобильное кладбище из десятка убитых электромагнитным импульсом грузовиков и джипов. Но напряжение, мускульное и умственное, помогло растворить оставшийся от слов Кольки почти мистиче-

ский осадок. Дальше все шло без приключений. Уже на выезде к пристани Ворон заметил людей в камуфляже, метнувшихся в страхе в кусты от машины. Он остановил грузовик, медленно вылез из кабины с поднятыми руками, сделал несколько шагов.

— Эй, парни! Я свой! Мне нужно к вашему командиру!

Потом терпеливо перенес тщательный обыск, хмурые взгляды спецназовцев, дал несколько стандартных ответов на стандартные вопросы. После часовых переговоров с находящимся в нескольких сотнях метров, невидимым отсюда начальством, к которому то и дело отправляли посыльных, Ворона наконец препроводили в небольшую армейскую палатку. Здесь на раскладных железных стульях сидели почему-то немного спиной друг к другу два человека в камуфляже. Один сухой, с коротко подстриженными волосами и смешными большими ушами. Лукин. За десять лет с момента их встречи он сильно поистрепался, подрастерял прежний лоск. Второй очевидно был Генералом. Грузный, уса́тый, полностью седой, с колючим, злым взглядом, в котором скорее угадывался волк, не человек. Кажется, очень не в духе. Губы его почти непрерывно сжимались, дергались, словно вспоминая пережитые недавно боль и унижение. Было заметно, что он с трудом сдерживает себя. Эмоции, как лава в жерле вулкана, все время подступали к горлу, стремясь излиться наружу.

Разговор начал Лукин.

— Вы Ворон? — спросил осторожно, ощупывая его карими, но почему-то холодными глазами. — Тот самый Ворон?

Командир прищурился:

— Хотите, чтобы документы показал?

Лукин не повелся, смотрел так же холодно и напряженно.

— Смогли, наконец, расстаться со своими друзьями?

— Намекаете, что не сдал их в Екатеринбурге вашим людям? Тогда сначала объясните — почему за нами всю дорогу охотился вот этот господин? Меня о том никто не предупреждал!

И, не церемонясь, Ворон ткнул пальцем в Генерала. Лукин отвел взгляд.

— Мы сотрудничаем... С некоторых пор... Да, это недоработка моей службы безопасности, что вы были не в курсе.

— Тогда какие ко мне вопросы? Я не хотел рисковать. Опасался, что вместо явочной квартиры попаду в бандитскую засаду.

Они помолчали немного, одновременно внимательно разглядывая друг друга, словно в надежде найти слабое, уязвимое место. Наконец Лукин спросил:

— Ваше лицо кажется мне знакомым. Мы прежде встречались?

— Да, десять лет назад. Я был тогда журналистом. Написал вам письмо о том, как следует управлять Россией. Решил поучить жизни самого идеолога реформ. Помните?

Глаза Лукина на секунду прикрылись, словно позволяя мозгу отвлечься от реальности и извлечь из тайников памяти нужную информацию.

— Да, помню. Вы были очень наивный и упертый молодой человек.

Ворон не удержался:

— Кажется, тот наивный и упертый молодой человек в конце концов оказался прав? Не он ли говорил вам, что если государство будет растить скотов вместо людей, рано или поздно все накроется медным тазом?

Как, наверное, и десять лет назад, Лукин скорчил иронично-недовольную мину. Он уже давно не сиживал в кремлевском кабинете, но по-прежнему не переносил, когда его пытались учить жизни какие-то ничтожества.

— То, что случилось, стало результатом сочетания целого ряда неблагоприятных факторов. Прежде всего, внешних. Ситуация в стране в целом развивалась по стабильному сценарию...

Смех Ворона, пусть и почти беззвучный, шокировал Лукина. Он с омерзением вдруг ощутил себя на вторых ролях рядом с этим чернявым, бородатым, неприятно воняющим мужичонкой.

— Не надо, прошу вас. Вы же не интервью даете кремлевскому пулу. Нужно уметь признавать ошибки, чтобы не повторять их в будущем. Вот о нем, о будущем, я и хотел бы поговорить.

Лукин удивленно выставил на него свои холодные глаза, став похожим на гигантское ушастое ракообразное, облачившееся в камуфляж.

— О будущем?

— Да, о будущем. Но только лично с вами.

Генерал, недоуменно обмерив Ворона с ног до головы тяжелым взглядом, даже не шевельнулся. Лукин деликатно покашлял. Скорее для себя. Пытался понять, как выйти из ситуации. В конце концов, решил он, Генерала тоже нужно держать в тонусе. Пусть помается снаружи.

— Дадите нам немного посекретничать, Иван Петрович?

Когда Генерал встал с места, то, казалось, его грузная, широкая фигура угрожающе заполнила собой все свободное пространство под куполом палатки. Даже не взглянув на Ворона, он направился к выходу, шумно отдернул тяжелый брезентовый полог и вышел. Ворон мысленно поразился душевным силам Быкова, беседовавшим в Чебоксарах с этим человеком целый час. Потом, не спрашивая, присел на оставленный Генералом стул.

— Забудем о прошлом. Кто и почему виноват. Оно потому и прошлое — прошло, миновало, забылось... А вот будущее. У вас есть мысли, как должно оно выглядеть? Как его можно достичь?

Лукин молчал. Понял, что общей нравоучительной преамбулы никак не избежать, надеялся так миновать ее побыстрее.

— Нет мыслей? — Ворон не сдерживался, позволил себе максимум снисходительности в голосе. — Какая жалость!... А вот у меня есть кое-что даже получше. Само будущее. Находится в кузове грузовика, на котором я приехал. Весит миллиграммы, но по мощности равно атомной бомбе в двадцать килотонн.

Облизнув языком тонкие губы, Лукин просипел:

— Миллиграммы? Что же это такое?

— Какая-то там плазма или идеальная жидкость. Суперисточник энергии. Точно такой же заряд выкосил весь лес на площади в тысячи гектар. Рванет, если не подключить к розетке через десять часов... Доставил сюда лично вам, чтобы показать, как все серьезно. Настолько, что если договориться с живущими в поселке учеными, можно сам ход истории поменять. Понимаете мой тонкий намек? Обстрел из пулеметов — не лучший аргумент в таком разговоре. План ваш, похоже, был не очень проработан. Генерал придумывал, да? Я угадал?

Лукин снова, как и утром, на дороге, почувствовал короткое, импульсивное, одноразовое раскаяние. Территория, по непонятным причинам выпавшая на тридцать лет из-под контроля центральной власти, смогла достигнуть невероятного. Было очевидно: встрой они этот научный городок в общую систему распределения бюджетов, бесконечных проверок, рутинных распилов и откатов, все закончилось бы по-другому — ничем, пустотой, бессмыслицей. Но какой же следует отсюда философский вывод? Что власть все эти годы существовала только для себя? Была по отношению к народу лишь чужеродной, кровососущей надстройкой? Скорее мешала, чем направляла? Может, власть вообще существует только для того, чтобы удерживать человека от просветленного состояния, когда никакая власть ему не понадобится вовсе? Чушь, нелогичная чушь! Им просто повезло. Фактор гения-одиночки. Такое в истории случается. Раз в сто лет стреляет даже незаряженное ружье... Раскаяние быстро, словно легкий газ, улетучивалось, а на его место заступали раздражение и злость.

— Что вы предлагаете? — спросил Лукин с характерным сухим скрипом в голосе, которого до паники боялись его помощники.

Вспомнив снова их первую встречу, Ворон снисходительно ухмыльнулся. Вообразил, что, спустя десять лет, наконец-то поменялся с Лукиным ролями.

— В принципе, эти ученые весьма симпатичные люди. Один только недостаток — готовы работать на любого, кто даст им денег на их шайтан-машинки. А еще они очень не любят любые проявления неинтеллигентности. Банда Генерала в этом смысле гораздо менее привлекательна, чем европейцы с хорошими манерами. Вам лучше избавиться от сомнительных соратников. Затем начать переговоры.

Лукин медленно, почти незаметно, втянул, как кошка когти, пальцы, крепко сжал ладони в кулаки.

— Вас не должно волновать, кого я взял сюда с собой. Все вопросы решаются мной лично.

Он сидел и размышлял совсем не о том, о чем наставлял его Ворон. Все неожиданно чудовищно усложнилось. Прежде расклад

выглядел простым, как таблица умножения. У него был важный актив, нужный европейцам — газ и нефть. Вопрос заключался в цене и физическом контроле трубы, от которого эта цена во многом зависела. После военной операции в Москве он достиг всех поставленных целей. Трубопроводы передадут под его охрану, цена вырастет почти в два раза. Появление неких ученых с чудо-плазмой в пробирке, которая, похоже, должна стать не менее важным, чем газ с нефтью, активом, ломала всю схему. Как появление актива номер два повлияет на стоимость актива номер один? Не станет ли появление актива номер два причиной пересмотра всех предыдущих договоренностей? Не приведет ли появление актива номер два к началу войны за него? Лукин с отчаянием заметался в лабиринте этих вопросов в поисках выхода. В конце концов его ум, ощутив, обследовав все варианты, выдал заключение без рекомендаций — лучше оставить все как есть.

— Европейцы уже знают об этой плазме? — вкрадчиво спросил Лукин, еще что-то обдумывая.

Ворон отрицательно помотал головой.

— Скорее догадываются. Но есть план переправить на самолете англичанина в Новосибирск, где из консульства он сможет связаться с Берлином. Нужно торопиться. Все это очень легко объявить «проблемой международного значения».

Нужно торопиться. Эти слова Ворона подтолкнули его туда, куда он сам, наверное, никогда бы не шагнул. Нужно торопиться. Лукин резко встал, случайно уронив стул, на котором сидел. План окончательно оформился в его голове. Жестокий, даже бесчеловечный, ужаснувший в первый момент самого Лукина. Но закрывающий все вопросы, а значит единственно верный.

— Пойдемте. Я хочу взглянуть на *это*.

Они торопливо вышли из палатки, разбитой почти вплотную к бетонному молу, и, прихватив с собой двух солдат, отправились в сторону дороги, где Ворон оставил грузовик. Там Лукин легко, по-обезьяньи, забрался вслед за Вороном в кузов и долго, минут десять разглядывал висящую в вакууме за толстенным стеклом голубую каплю плазмы. Думал опять о своем, не слушая разглагольствования Ворона по поводу грядущего мирового технологического господства. Физик, а заодно и его нелогичный, невозмож-

ный мир все-таки обречены проиграть несмотря на все благоволение высших сил. Он сделает всего лишь один ход — и партия за ним. Попросит Генерала отвезти эту штуку обратно и оставить ее поближе к поселку. Погибнут несколько тысяч человек? Что ж, за последние годы сгинули миллионы. Они даже не повлияют на статистику. Да и кто вообще доказал, что эти тысячи реальны? Фотографии с самолета? Там были здания, поля, несколько автомобилей. Все. Нельзя принимать важные решения, основываясь на догадках... Что до Ворона, то сразу было ясно — они не срабатываются. Теперь вот убедился в этом сам.

— Подождите меня здесь, — сказал Лукин командиру после того, как они спустились из грузовика. — Мне нужно дать одно поручение солдатам.

Что-то в его тоне зацепило Ворона. А может, не понравился последний взгляд ледяных глаз, который Лукин бросил на командира, отворачиваясь в сторону. Ворон пристально следил за каждым шагом, за каждым жестом Лукина, отошедшего от него метров на тридцать и тихо беседовавшего с двумя спецназовцами. Цепочка жестов, хотя и едва уловимых, не вызывала сомнений в конечном замысле. Сначала Лукин показал на Ворона, потом кивнул в сторону леса. Солдаты тут же подобрались. Двинулись в его сторону, напоминая двух получивших команду бультерьеров. Внутри еще жила надежда, что померещилось. Надежда умерла, когда один из спецназовцев, глядя в сторону, натянуто сказал:

— Пойдем в лагерь тебя отведем. Поспишь, пожрешь чего-нибудь. Голодный, наверное, да?

Кивнув головой, Ворон спокойно ответил:

— Голодный. А где у вас лагерь-то?

— Да вот там, — неопределенно махнул парень в сторону леса. — Там, за деревьями.

Кобуру с пистолетом, из которого прострелил он руку Кольке, отобрали у Ворона при обыске. В общем, сам себя подвел под монастырь. Но страшно не было. Накатила прежняя бесшабашная дурь, которая охватывала командира в самые безнадежные моменты.

— За деревьями? — показал он в улыбке желтые, как у собаки, зубы. — Хорошо. Сейчас свое шмотье из кабины заберу и пойдем.

Сыграл дурачка Ворон мастерски. Те, кто должен был его убить, почувствовали неладное слишком поздно. В тот момент, когда, глухо взревев, завелся мотор. Едва грузовик тронулся с места, запоздало вытащили пистолеты, дали несколько выстрелов по кабине. Командиру повезло, стрелявшие стояли с другой стороны, пули только изуродовали дверь.

— В кузов не стрелять! Там мощная бомба! — с ужасом заорал где-то на заднем плане невидимый Ворону Лукин.

Снова широко улыбнувшись, Ворон вдавил педаль газа в пол. Он был свободен, но ему некуда было бежать.

«Они мертвые, — вспомнил вдруг командир слова Кольки, сказанные перед расставанием. — Те, к кому ты едешь».

«Нет, еще не мертвые, — мысленно поправил он Кольку. — Еще нет. Но вот сейчас будут».

Рычащий, болтающийся на грунтовке из стороны в сторону грузовик вылетел на бетонный мол, сбивая и круша на пути все подряд. Здесь, на пристани, немного поодаль от пришвартованного сухогруза, находилась та точка, куда Ворон гнал машину. Он неосознанно приметил ее, еще когда его вели в палатку на встречу с Лукиным. Раскрашенный в грязно-серый цвет вертолет и сложенные рядом цистерны с горючим. Когда до вертолета оставалось метров сто, Ворон осознал, что жить ему от силы пару секунд.

— Мертвые... будут мертвые, — пробормотал зачем-то, потом с силой зажмурился.

Через день на столе еврокомиссара Кнелла появилась фотография еще одного кратера в сибирской тайге.

Эпилог

Июль в Берлине выдался сухим и горячим, один в один финская баня. Из-за жары и духоты время теряло однородность, плыло. Местами сгущалось, становилось бесконечно тягучим, местами, напротив, в нем обнаруживались похожие на провалы зыбкие дыры. Настоящее и бесчисленные варианты будущего легко перемешивались в одно дурманящее, тяжелое марево. Часов в десять утра оно уже опускалось на город и не отпускало его до полуночи. Возможно, потому всех неудержимо тянуло в сон. Когда Голдстон вошел в назначенное время в кабинет еврокомиссара Кнелла, в первое мгновение показалось, что тот тоже беспробудно уснул в своем массивном кресле с гнутой, почерневшей спинкой. Как старый, редко уже приходящий в сознание бульдог, свесил на плечо лысую, едва прикрытую седым пухом голову, растеряв непонятно куда все то, за что его боялись и уважали в Министерстве. Голдстон замялся на пороге, не решаясь подойти. Взгляд переместился с Кнелла на его стол. Судя по титульному листу, перед шефом лежал написанный им отчет. Прошла минута, еще одна. В какой-то момент фигура в кресле дернулась и ожила. Кнелл молча встал, и они пожали друг другу руки. Искренне и жадно, как давно не видевшиеся друзья.

— Рад, что ты жив, — басом проворчал Кнелл, внимательно изучая, как на просвет, Голдстона своими глубоко запрятанными пронзительными глазками. — Как все-таки вы добрались до

Новосибирска? Ты опустил это в отчете... Садись, чего стоишь, как на плацу...

Голдстон, усевшись на кожаном стуле напротив, вновь нашел взглядом свой отчет — желтая картонная папка на столе.

— На самолете. Не без приключений, но ничего достойного описания. Через две недели мы уже разгуливали по Берлину. Потом две недели я писал отчет, неделю вы его читали.

Кнелл по-простецки поскреб пятерней гладкую, как воздушный шарик, голову.

— Не отчет! Целая книга! Мощный сплав философии и литературы. Влияние России налицо! Выпить хочешь?

Голдстон с улыбкой покачал головой.

— Жарко.

— Да, ужасно жарко, — согласился еврокомиссар, открывая желтую папку и перелистывая страницы. Кое-где фрагменты текста были выделены маркером. — Хорошо, что меры повсеместной экономии не коснулись использования кондиционеров в госучреждениях... Но все обрывается на самом интересном месте... Почему взорвался увезенный Вороном заряд? Какие-то проблемы с контейнером? Или он сам сделал это, осознав свою ошибку? Мораль пьесы осталась за кадром...

Голдстон пожал плечами:

— Можно только гадать. Сам Ворон нам уже ничего не расскажет.

— В любом случае, вам крупно повезло.

Голдстон опустил взгляд на колени.

— Все-таки жаль его. Правда, тогда, в лаборатории, я был даже готов в него выстрелить. Но он совсем не злодей. Просто думал, что так будет лучше для человечества.

Кнелл кивнул:

— Он очень торопился. Как и большевики хотел при жизни войти в рай на земле. Увидеть общество совершенных людей. Пожалуй, сложнее всего человеку научиться ждать, Джон... Особенно, если время ожидания превышает продолжительность его жизни.

Они помолчали. Словно почтили молчанием память Ворона. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь деликатным

жужжанием огромного напольного вентилятора. Голдстон вдруг с удивлением нащупал у себя внутри что-то липкое, неприятное. Разочарование. Нет, скорее даже страх. Что, если на этом все и закончится?

— Хочешь что-то спросить?

Голдстон сглотнул клейкий комок в горле.

— Что дальше? Что теперь будет?

Кнелл откинулся на спинку кресла, безмятежно закинул руки за голову.

— Забавно, что спрашиваешь. Ты сам привез сюда из Сибири будущее. Свое, мое, наше.

— Можно поконкретнее?

Теперь Кнелл хихикнул. Потянулся. Сейчас он был похож на кота, в очередной раз надувшего хозяев и оттого страшно довольного самим собой.

— Сначала почитай вот это.

Еврокомиссар с грохотом вытянул ящик стола и, покопавшись там, извлек на свет точно такую же желтую папку, как и та, в которой помещался объемный отчет Голдстона. Отличие было одно — красная литера «А». Высший уровень секретности. Внутри лежали ксероксы старых газетных вырезок на немецком и английском, датированные началом века. Заголовки шокировали — «Франц Вермайер признан людоедом», «Каннибал сядет на пять лет», «Родственники жертвы людоеда требуют пересмотра мягкого приговора». На фото к статьям присутствовал человек с очень знакомой внешностью. Приглядевшись, Голдстон все-таки узнал молодого канцлера. Он едва не выронил папку из рук.

— Это фальшивка?

Кнелл медленно покачал головой.

— Не угадал. Двадцать лет назад нашего канцлера действительно звали Франц Вермайер. И он в самом деле был осужден за людоедство на пять лет. Факт убийства съеденного им приятеля доказать не удалось. Гуманно порешили, что он покончил с собой сам. После выхода на свободу Франц Вермайер решил полностью сменить личность, переехал в восточную часть Германии. Приход к власти Партии свободной Европы произошел столь стреми-

тельно и неожиданно, что никто из знающих людей просто не успел воспользоваться этим компроматом. Потом все зачистили в течение нескольких дней. То есть почти все. Как видишь, что-то осталось.

Голдстон, проглядев вырезки, вернул папку Кнеллу. Он не понимал, зачем тот дал ему взглянуть на этот ужас. Еврокомиссар забросил папку обратно в стол. Подмигнул ему.

— Йоп дер Сар. Старый друг канцлера. Я случайно узнал, что свой срок за поджог он отсидел не у себя на родине, а в Германии, где учился в университете Гамбурга на факультете искусств. Мне сразу стало интересно, где и как они с канцлером познакомились. Тот, согласно официальной биографии, никогда не имел отношения ни к Гамбургу, ни к искусству. И знаешь, что я скажу тебе, Джон? Бумажная пресса это большое благо! Интернет легко зачистить за неделю, а вот собрать и уничтожить все сохранившиеся экземпляры газет начала века не выйдет. Оба дела были громкие, о них много писали... Да, благодаря каким-то мерзавцам эти ксероксы утекли наружу и попали там в руки хакеров. Дальше — дело техники. Рассылка на миллионы адресов из всевозможных баз данных. Партии спасения Европы, похоже, придется серьезно заняться спасением своего имиджа. Насколько я знаю, в ближайшее время канцлер должен объявить об отставке. Нас ожидают досрочные выборы.

Голдстон медленно присел обратно на стул. Похоже, до сегодняшнего дня он совсем не знал сидящего сейчас напротив него человека.

— И?

— Новых людей проще привести к власти в одной упряжке с яркой идеей. Твоя плазма позволит убить сразу двух зайцев. Во-первых, это прекрасный повод закончить войну в России. Во-вторых, шанс всего лет за десять построить совершенно новую экономику. Можно поместить на предвыборный плакат то самое фото кратера в тайге. И подпись — «Выбирайте — война или мир?»... Понимаешь теперь, что ты натворил?

Голдстон увидел перед собой сложный, многоходовый план Кнелла в виде расставленных по бесконечной шахматной доске живых фигур. Канцлер, Быков, Свенссон, Йоп дер Сар. Сам он

тоже участвовал в игре с самого начала. Пешка, которая добралась до края света и стала там ферзем.

— Пойдете в политику?

— Не обязательно я сам. Главное — придумать. Озвучить — это уже второе дело. Посмотрим.

— План великолепный. Очень надеюсь, что все получится. Иначе, если вы помните теорию Быкова, история не простит нас.

Они опять посмеялись, Кнелл все-таки раздобыл в каком-то своем очередном ящике бутылку коньяка и залпом выпил грамм сто темно-золотистой, пахнущей совсем не берлинской жизнью жидкости.

— За историю, Джон! Не переживай, мы будем держаться за этот шанс обеими руками. И ногами тоже. Как обезьяны... О чем там мечтает Быков? Межзвездная экспедиция? Не хочешь полететь к звездам? Нет? А я вот страсть как хочу в космос. Все тут опротивело, миллионы толкуются вокруг... К тому же в космосе холодно безо всяких кондиционеров. Меня так замучила эта жара, если б ты знал... Кстати, как поживает наш физик? Как ему Берлин?

Очутившись в Берлине, физик стал похож на улитку. Замкнулся в себе, все время отмалчивается, даже почти не пьет.

— Быков в порядке. Немного, правда, хандрит. Кажется, все-таки боится, что мы их обманем. Все чертежи и описания он оставил с Казаковым в Новосибирске. Я, если честно, не настаивал.

Кнелл плеснул себе в стакан еще немного. Кажется, был в настроении.

— Порадуй его. Если все пойдет по плану, скоро у них будет очень много работы. Построить целую новую энергетику! Как тебе задачка? Думаю, сразу после выборов мы обсудим с правительством в Новосибирске наш интерес в этом. Предложим любую помощь... Хотя, скорее, это уже будет правительство в Москве. Помяни мое слово, Россия снова отстроится заново, найдет свое очередное воплощение. Хочется, конечно, чтобы оно было похожим на твой Город Солнца, да? Но никогда не угадаешь, что русские возьмут себе в голову построить на этот раз... Предсказать в России можно только одно: ее всегда спасает чудо.

Голдстон, спохватившись, раскрыл портфель, достал «Войну и мир», которая вместе с ним совершила путешествие от Москвы до Сибири.

— Спасибо за книгу, герр комиссар. Там, в самом деле, нашлись ответы на все вопросы.

Из здания Министерства вооружений, серо-стальной крепости на Вильгельмштрассе, выстроенной когда-то извергом Герингом, он вышел покачиваясь, словно пьяный. Казалось, смысловая жизнь, данная ему от рождения, только что закончилась. Число возможных в ней событий, мыслей, людей полностью исчерпало себя за четырехмесячное путешествие в Россию. Но при том физиологически все продолжалось как прежде: сердце рутинно перегоняло кровь по венам, мышцы сокращались, мозг создавал картинку реальности. Что делать дальше? Чем заполнить свое существование? Сима ждала его на скамейке в парке напротив. Сидела и смотрела себе под ноги, на преждевременно умершие от жары, свернувшиеся в бесчисленные свитки листья каштанов. Совсем не видела, как Голдстон, подходя все ближе, внимательно и с удовольствием разглядывает ее. Рассыпавшиеся по белому, легкому платью волосы. Наклоненный вниз веснушчатый, кажущийся детским, профиль. Загорелую ладонь, плотно сжавшую нагретую доску скамейки.

«Вот она, моя новая жизнь, — осенило Голдстона, когда до скамейки оставалось сделать всего пару шагов. — Каждый человек обязан выйти за рамки самого себя. Через любовь, через религию, через искусство. Как угодно. Выйти и посмотреть со стороны, чтобы осознать реальный масштаб вещей. Увидеть свое место в мире, который зачем-то каждого из нас придумал. Тот, прежний Голдстон, жил будто в яйце. Настало время вылупиться из него. Как там в Библии? И увидел я новое небо и новую землю. Ибо прежнее прошло»¹.

Он обнял Симу сзади, и она в ответ сладко потянулась, как проснувшийся ребенок.

— Как все прошло?

¹ Откровение Иоанна Богослова.

Он вздрогнул от этого совпадения. Погладил Симу, едва касаясь ладонями ее плеч и спины.

— Кажется, мы с тобой изменили ход истории. Только вот в учебниках, увы, об этом не напишут.

— Расскажешь?

— Потом. Я успел соскучиться. Это важнее.

— Тогда пошли ловить такси.

В такси не работал кондиционер — конечно же, в целях экономии бензина. Они ехали по раскаленному, отчаявшемуся от жары Берлину, и встречный ветер, по-разбойничьи свистя и хлопая, врвался в открытые окна. Голдстон думал обо всем сразу. О том, что будет через двадцать минут, когда они с Симой доберутся до квартиры. Что Сима, наверное, в конце концов захочет переехать в Россию и на этот раз ему придется ехать вместе с ней. Что очень скоро, наверное, он перестанет носить опостылевшую черную форму. Что Быков во время их первой встречи пил бордо с выражением лица настоящего алкоголика и еще о множестве самых разных и вроде бы ничем не связанных друг с другом фактов. Их объединяло только одно — он сам. Кто задумал все это? Сделал так, чтобы разрозненные и бесчисленные детали сложились вместе, в одну уникальную жизнь? Кто назвал его имя? Выделил Джона Голдстона из хаоса и безвременья? Зачем, по какой важной причине так случилось?

Потом, заглянув в улыбающиеся, ждущие глаза Симы, которые легко, как кислота, растворяли всю его сущность и смешивали двоих в одно, он отложил эти вопросы в сторону, и ветер тут же жадно схватил их и разбросал позади несущегося по Эрбершттрассе автомобиля. Они проехали мимо Бранденбургских ворот, и Голдстону подумалось — да, здесь была когда-то Стена, а теперь ее нет. Московская Стена тоже, похоже, доживает последние недели. Неужели все стены ждет одна и та же судьба? Если так, является ли их строительство изначальной ошибкой? Или же человеку сначала проще разделить что-то, чтобы потом, страдая от этой щемящей, ищущей неполноценности, понять целиком то, что было разделено?... Такси словно космический корабль переносило Голдстона через пространство и время. Ког-

да они придут в место назначения, его жизнь преобразится до неузнаваемости. Вырастет до тех самых масштабов, в которых и была когда-то задумана. Он встанет с четверенек, разогнется, поднимется в полный рост — миллионы и миллионы световых лет. И вот с этой непостижимой высоты сможет увидеть на горизонте те самые обещанные человеку новое небо и новую землю. «Ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... Ибо прежнее прошло».

2009–2019

Все права защищены Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность

Литературно-художественное издание

Власов Пётр Васильевич
Власова Ольга Александровна

МОСКОВСКАЯ СЕНА

Ответственный редактор *М. Форрейтер*
Младший редактор *Е. Шукшина*
Художественный редактор *А. Дурасов*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *Е. Беликова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1 Тел. 8 (495) 411-68-86

Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru

Өндруш: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй

Тел. 8 (495) 411-68-86

Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru

Tayar belgisi «Эксмо»

Интернет-магазин www.book24.ru

Интернет-магазин www.book24.kz

Интернет-дукен www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1

Тел. 8 (727) 251-59-90/91/92, E-mail RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сертификация туралы ақпарат сайтта www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндiрген мемлекет Ресей Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.09.2019 Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура «CharterITC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 3000 экз. Заказ 9537.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде электронная книга
доступно на www.litres.ru

ЛитРес:
одним кликом для книги

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»
Адрес 123308, г Москва, ул Зорге, д 1
Телефон +7 (495) 411-50-74 E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail international@eksmo-sale.ru

*International Sales International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел +7 (495) 411-68-59, доб 2261
E-mail ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»
Компания «Канц-Эксмо» 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5 Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)
e-mail kanc@eksmo-sale.ru, сайт www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес 603094, г Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94) E-mail reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес 192029 г Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит «Е»
Телефон +7 (812) 365-46-03 / 04 E-mail server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург
Адрес 620024, г Екатеринбург, ул Новинская, д. 2ц
Телефон +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес 443052, г Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит «Е»
Телефон +7 (846) 207-55-50 E-mail RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес 344023, г Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон +7(863) 303-62-10 E-mail info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес 630015, г Новосибирск, Комбинатский пер. д. 3
Телефон +7(383) 289-91-42 E-mail eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес 680000, г Хабаровск, ул Фрунзе, 22, оф 703
Почтовый адрес 680020, г Хабаровск, А/Я 1006
Телефон (4212) 910-120, 910-211 E-mail eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г Тюмени
Адрес 625022, г Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9 00 до 20 00 Телефон 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКМО АКТ Си энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г Минске
Адрес 220014, Республика Беларусь, г Минск, проспект Жукова, 44 пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон +375 17 251-40-23, +375 44 581-81-92
Режим работы с 10 00 до 22 00 E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес 050039, г Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99) E-mail RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»
Адрес 04073, г Киев, ул. Вербовая, 17а
Телефон +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22 E-mail sales@forsukraine.com

**Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitalai-gorod.ru**
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру
Тел. +7 (495) 745-89-14 E-mail imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-106021-3

Что будет, если очередной глобальный кризис разрушит привычный нам мир? Перед вами один из вариантов такого будущего. Россия, США и Китай распались на части. В единой Европе к власти пришли ультраправые, которые пытаются сдерживать миллионные потоки мигрантов и обеспечить поставки нефти и газа из погрузившейся в хаос России. Это новое Средневековье. Неудивительно, что Москва, ставшая базой для европейской армии, обнесена тридцатиметровой стеной, а подмосковные леса полны партизан. Главный герой, англичанин с русскими корнями, отправляется туда в командировку, но ему предстоит решить куда более сложные задачи, чем ставит перед ним начальство. Удается ли герою понять и прочувствовать русский образ мысли и заодно разобраться, почему как карточный домик развалился прежний мир?

